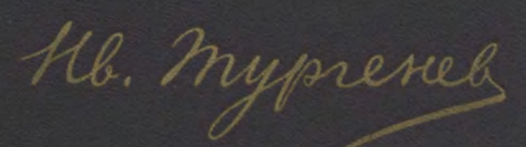
И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ПИСЬМА

7

И. С. ТУРГЕНЕВ

Фотография М. Панова, 1867 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

♦

Издание второе,
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1980

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том седьмой

1866 — июнь 1867

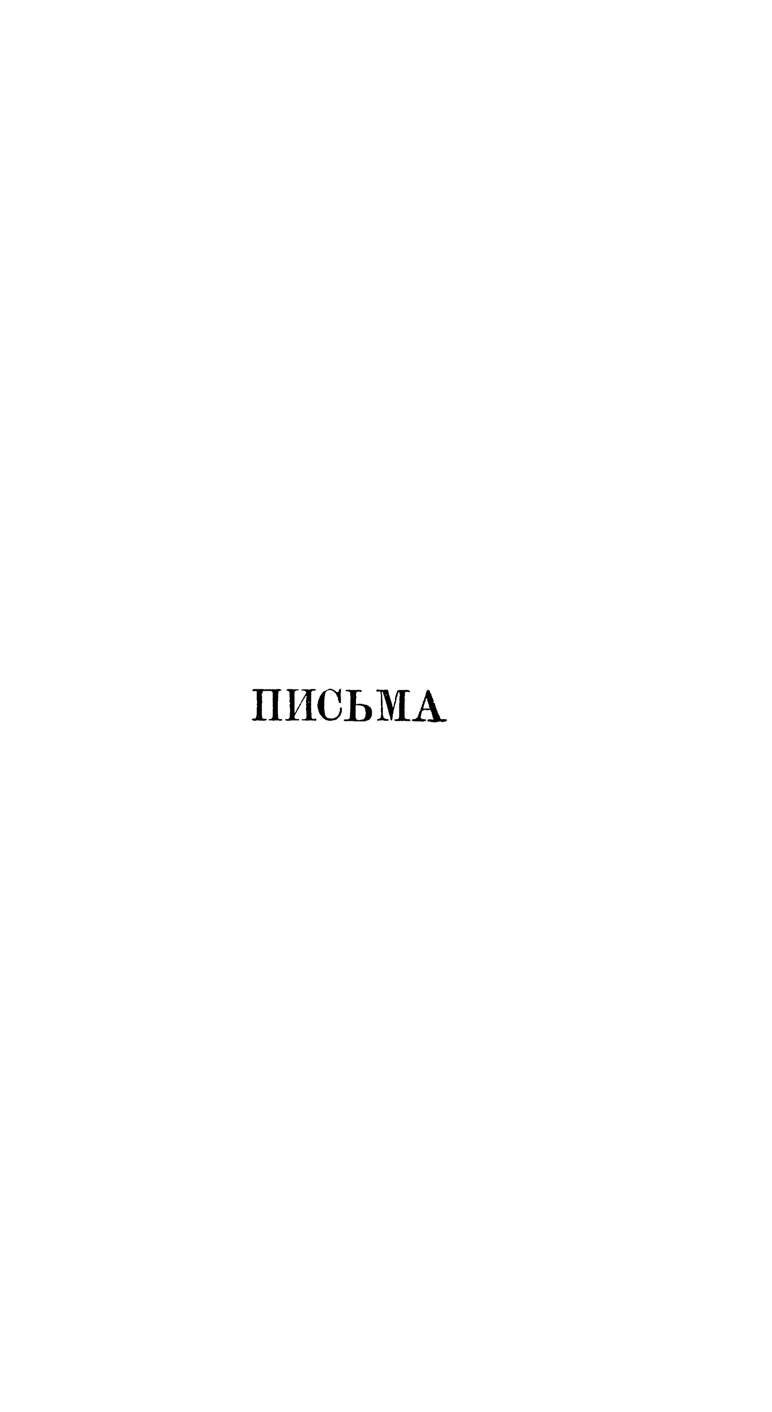
♦

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1990

Т $\frac{4702010200\text{-}000}{042(02)\text{-}90}$ Подписное

ISBN 5—02—011412—X

ПИСЬМА

1866

1801. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

2(14) января 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Dimanche, ce 14 janvier 1866.

Que faites-vous, chère Madame, et comment va votre santé ? Il y a trop longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Je sais que vous avez été très occupée tout ce temps-ci par le mariage du duc de Mouchy [1]; si vous avez maintenant quelques minutes de libres, employez-les à m'écrire deux mots. Cela me ferait le plus grand plaisir — car je n'ai pas besoin de vous dire combien je vous suis sincèrement attaché.

Quant à moi, je crois que j'ai définitivement pris racine à Bade. Ma santé est passable, je vais souvent à la chasse et je me suis remis au travail: j'ai entrepris un grand roman [2] — je tiens ce bœuf par les cornes — mais je ne sais pas du tout si j'aurai la force de le jeter par terre. En attendant, nous sommes en présence.

Ma fille et moi — nous nous sommes donné rendez-vous à Paris pour le mois de février ou de mars au plus tard: j'aurai donc le plaisir de vous voir bientôt et j'espère vous trouver en bonne santé, vous et tout votre monde.

Je me permets de vous adresser la prière suivante: j'ai voulu procurer à mon ami Viardot le plaisir de lire les « Pickwick » de Dickens dans la bonne traduction qu'en a publié la librairie Hachette [3]: j'ai écrit à Paris, mais il paraît que l'édition est épuisée. Si je ne me trompe, il me semble que j'en ai vu un exemplaire chez vous. Auriez-vous l'extrême obligeance de me l'envoyer sous bande ? Je vous le rapporterai intact au mois de février.

Acceptez d'avance mes remercîments et croyez à la sincérité de mon inaltérable dévouement.

J. Tourguéneff.

1802. П. В. АННЕНКОВУ

17 (29) января 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
17-го (29-го) января 1866.

Добродетельный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. С неделю тому назад пришло Ваше письмецо[1], а несколько дней спустя прибыла и Ваша посылка, за которую прошу принять нижайшую благодарность. Статья Забелина чрезвычайно интересна, и мы с Виардо хотим тиснуть ее в «Gazette des Beaux Arts», но *рисунок* вазы при этом неизбежно нужен. Нельзя ли достать какую-нибудь фотографию[2], гравюру или лучше приказать срисовать и прислать? Все издержки с удовольствием я приму на свой счет.

Сочинения Слепцова[3] не столько любопытны сами по себе, сколь поучительны, как факт. Сильно отдает от них тем запахом прелых портков, fond de culottes, который свойствен нашей современной литературе. Что за бедность и пустота содержания, а талант есть. Да что в том толку!

Я послал громоносное письмо своему дядюшке[4], и полагаю, что теперь Вы получите, наконец, эти несчастные деньги и сделаете из них надлежащее употребление. Пропекает он меня сильно, нечего сказать. Спасибо за выписку справки из выкупного учреждения — она пригодится.

Контракт мой[5] находится у Кожанчикова — я сам видел его, при обратном проезде сюда, в руках его приказчика и расписался на нем. Впрочем, я уже послал Салаеву желаемое удостоверение[6].

Что Иван Аксаков действительно женится на Тютчевой[7]?

Ни одна книга еще не оскорбляла французской публики так, как книга Кинé: все партии скрежещут зубами. Они не могут простить ему его презрительное неверие в будущность, силу и интеллигенцию латинских рас вообще и французского народа в особенности. Замечательная книга, и Ваше напоминовение имени Белинского весьма верно[8].

Предостережения сыплются,— а я еще не прочел ни одного нецензурованного нумера журнала[9]. Благодетель! доставьте нечто в этом роде! Это я всё говорю, разумеется, в случае получения денег.

Через два дня у нас кончается охота — и я намерен серьезно приняться за работу, которая до сих пор подви-

гается урывками [10]. Дом мой будет готов и меблирован к сентябрю [11]; не будут ли у меня гостить супруги Анненковы? То-то было бы отлично! А засим кланяюсь дружески вам обоим и прошу не забывать старого приятеля

Ив. Тургенева.

P. S. Графиня Ламберт всё еще в Петербурге? и где именно, т. е. где ее квартира [12]?

1803. И. П. БОРИСОВУ

19(31) января 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Середа, 19/31-го янв. 1866.

Любезнейший Иван Петрович, не успел я еще ответить на Ваше первое письмо, как уже получил второе, столь же наполненное интересными известиями и любопытными фактами [1]. Берусь за перо и отвечаю. Прежде всего благодарю за добрые пожелания — и с своей стороны призываю на Вашу голову всё хорошее.— Я продолжаю жить здесь потихоньку (зимы у нас совсем нет — да и в России, кажется, она отсутствует), завтра в последний раз отправляюсь на охоту — и намерен приняться за работу, слух о которой, должно быть, распространился через В. Боткина [2]. Тишина душевная продолжается: я чувствую, так же как и Вы, что приобрел «темперамент стариковский» — и что вся жизнь уже им окрашена. На Ваш анекдот о нищем я могу отвечать Вам таким же: в 1854-м году (мне было 36 лет) я в Петергофе лихо сбегаю с горы к ожидавшему меня внизу на дороге дрожечному извозчику... «Вот оно, что значит гора-то», замечает он с усмешкой: «и старичка с себя попёхивает» [3].— К счастью, мы оба, кажется, давно насчет физиономии смирились и в старички охотно готовы записаться, лишь бы здоровье, пока, не изменяло. Теперь вот только и осталось, что заботы о молодом поколении, о наших сменителях: как бы им помочь своею опытностью и т. д. У Вас есть Петя, а у меня тоже есть, хотя и не родные дети [4]. Кстати поклонитесь ему и скажите, что в следующий раз я ему целое письмо в стихах пришлю: а теперь муза моя что-то скопытилась.— Очень Вам благодарен за рекомендацию Захара [5]: он чудак и говорить не может, точно ему язык вывихнули — но он очень честный и хороший человек: боюсь я только,

что Шереметеву он покажется слишком странен. А бедный старичина Афанасий истинно достоин сожаления[6]. Эка, однако, как время летит! Как теперь помню я мою *первую* охоту с ним (он между прочим удивил меня тем, что вытащил чуть ли не из сапога целого поросенка — да так его и съел — без хлеба, но с дегтем), это было в 1835-м году — то есть с лишком тридцать лет тому назад!! Но уже тогда он пил — и тотчас пьянел после первой рюмки. Правда, он храбрился тогда — а теперь плачет. Что делать!

История о необходимости служения «обществу, семейству и т. д.» очень хороша[7] — и я дорого бы дал послушать Н. Карпова (Вы его, вероятно, называете «мягким»), как он будет читать «Взбаламученное море»[8]. Все наши так называемые направления — словно пена на квасу: смотришь — вся поверхность покрыта — а там и ничего нет и след простыл. Я еще, пожалуй, доживу до того, что тот же «Современник» (спасибо за действительно забавную цитату)[9] будет бранить меня за мой нигилизм.

Не забудьте в следующем письме известить меня о здоровье Толстого: я, Вы знаете, очень интересуюсь им — как писателем[10]. Фетушка мне давно не писал: а последнее письмо между нами было мое[11]. Увидите его, поцелуйте его в теперь уже, вероятно, совсем голый лоб и поклонитесь его жене. А от меня примите самое усердное рукожатие и верьте в искренность моей дружбы.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Я с неделю тому назад в один день убил трех диких коз; но завтра конец охоты — до сентября.

1804. ПОЛИНЕ БРЮЭР

24 января (5 февраля) 1866. Гейдельберг

Heidelberg.
Hôtel Schrieder.
Lundi, 5 février 1866.

Ma chère Paulinette, je t'écris de Heidelberg, où je suis venu consulter le célèbre médecin Friedreich[1] pour une chose à laquelle je n'avais pas pris garde d'abord — mais qui prend depuis quelques jours des proportions inquiétantes: une inflammation du muscle du bras gauche. Eh bien! voici ce qu'il m'a ordonné — pendant *8 jours*

changer toutes les *5 minutes* et du matin jusqu'au soir des compresses froides sur le bras — et ce n'est que le commencement du traitement. Tu vois qu'il n'y a plus lieu de penser à un voyage à Paris — me voici cloué à Bade pour je ne sais combien de temps. C'est peu amusant — de toutes les façons — mais il faut prendre son mal en patience.

Espérons que le printemps ne se passera pas sans que je te voie. En attendant je vous embrasse tous les deux, Gaston et toi, le cœur bien gros et je me recommande aux bons souvenirs de toute ta famille.

A toi de cœur
J. Tourguéneff.

1805. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

31 января (12 февраля) 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 12 février 1866.

Mon cher Hetzel,

Je ne demanderais pas mieux que d'être agréable à Mr Pagonkine [1], dont l'offre est très flatteuse pour moi : mais toutes mes machines — ou à peu près — sont traduites — bien ou mal — et le roman que j'écris maintenant, et que je mettrai avec plaisir à la disposition de Mr P⟨agonkine⟩ est loin d'être achevé [2]. Pourtant voici ce qui peut se faire : je me rappelle vous avoir vendu un volume de nouvelles, déjà publiées [3] — et je vois même ce volume annoncé sur l'enveloppe de vos éditions sous le titre de « Dernières nouvelles ». Je ne crois pas qu'il ait été publié ; il devait se composer de :

1) « Annouchka » (« Revue des 2 Mondes ») [4]

2) et 3) « Petouchkoff » [5] et « Le Juif » (« Revue Nationale ») [6] et 4) Une petite comédie, également publiée dans la « Revue des 2 Mondes » et intitulée : « Trop menu le fil casse » [7].

Voici ce qu'on pourrait faire, si vous n'avez pas abandonné l'idée de publier ce volume : faire retraduire par Mr P⟨agonkine⟩ la nouvelle intitulée « Annouchka » [8], dont la traduction laissait beaucoup à désirer — et remplacer la comédie assez faible d'ailleurs par une chose à moi intitulée « Visions » et traduite par Mérimée [9] (qui a aussi revu « Le Juif » et « Petouchkoff »). Je ne doute pas qu'il ne veuille jeter un regard sur la traduction de Mr P⟨agonkine⟩. De

cette façon on pourrait arranger un assez gentil volume.— « Les Visions » n'ont été publiées nulle part.— Mérimée a l'intention de venir à Paris au mois de mars — je tâcherai d'y venir aussi. Si vous voulez, je lui parlerai de tout cela dans une lettre.— Je serais enchanté d'être utile à Mr Pagonkine.

J'ai renvoyé à Leipzig le bon à tirer de la dernière épreuve des « Contes » [10], il y a plus de dix jours : c'est maintenant à Wolf d'achever l'affaire. Il a la réputation d'un homme madré, mais honnête — c'est-à-dire payant.

Voici l'adresse du dessinateur Louis Pietsch à Berlin : Bendler Strasse, n° 17 a.— Commandez-lui quelque travail — il le fera bien et pas cher [11].

J'ai été très affecté de la mort de cet excellent Bixio — et je vous sais gré d'avoir pensé à moi à propos du dîner fondé par lui [12].— Je serais bien heureux d'aller m'y asseoir à côté de vous, lors de mon passage à Paris. En attendant, rappelez-moi au souvenir des convives et recevez l'assurance de mes sentiments dévoués.

J. Tourguéneff.

1806. ПОЛИНЕ БРЮЭР

4(16) февраля 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Vendredi, 16 février 1866.

Ma chère Paulinette,

Merci de ta bonne lettre ; quant à moi, voici dix jours que je suis au régime des compresses d'eau froide et bien qu'il y ait une amélioration assez notable, je ne puis encore prévoir le moment où je pourrai jouir de la liberté, garantie par la Constitution de 48 — « d'aller et de venir » [1]. Il faut donc que je m'arme d'une bonne dose de patience et que j'attende — les événements, comme on dit en diplomatie.

Je suis très heureux d'apprendre que tu vas bien, que tu t'amuses et que ton affection pour cet excellent Gaston (il y aura au 25 de ce mois un an que tu es sa femme !) ne fait qu'augmenter. En même temps je regrette l'espèce de mésintelligence qu'il y a entre toi et ta belle-mère : es-tu bien sûre que tu as tout fait pour la faire cesser [2] ?

Allons, je t'embrasse de tout mon cœur, ainsi que le bon Gaston — et au revoir, dès que cela sera possible.

Ton vieux papa manche
J. Tourguéneff.

1807. М. В. АВДЕЕВУ

6(18) февраля 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Воскресение, 18-го февр. 1866.

Любезнейший Авдеев,

Если я не тотчас отвечал Вам[1] — причиной тому было довольно неприятное для меня обстоятельство, а именно: у меня сделалось воспаление в одной из мышец левой руки, принявшее под конец такие размеры, что вот уже две недели, как я принужден каждые десять минут прикладывать к левой руке холодные примочки — владеть я ею не в состоянии. Это очень неприятно и скучно — и хотя мне теперь легче, но конец не скоро предвидится. Эти болезни очень редки, но зато очень упорны. Счастье еще, что эта пакость не случилась во время охоты! хотя она уже тогда начиналась. Я очень рад, что книга Кинé Вам окончательно понравилась[2]: она — со всеми своими недостатками — принадлежит к числу немногих книг, из которых можно научиться, а самые эти недостатки подобны неправильностям в живом человеческом лице. Это книга живая — в ней изложено целое существование со всеми его противоречиями, горечью и мудростью, добытой не одним личным опытом.

Говорят, у Вас от роз прохода нет и все поля покрыты анемонами[3]. Здесь тоже совсем зимы не было, но от этого нам не легче: дождик льет с утра до вечера, и небо имеет вид мокрого утиральника. Работа моя, по милости руки, остановилась[4]: невозможно за нее приняться, когда приходится вскакивать каждые 10 минут. Вследствие этого жизнь проходит довольно однообразно — я много читаю, играю в шахматы. Из России по временам доходят унылые вопли — особенно письма из деревни отличаются мрачным колоритом[5]. Постройка подвигается не спеша[6]; в саду я насадил много деревьев,— вот пока и всё.

Я ездил на консультацию с Фридрейхом (знаменитым доктором) в Гейдельберг; видел там кое-каких русских[7]. И они все опустивши хвост ходят: молодые герои, на которых они надеялись, как на каменную стену, оказались весьма обыкновенными колпаками — и «Московские ведомости» торжествуют и царят во всю длину и ширину нашей эпохи[8].

Я помню Никитина с Рима (я перед этим встретил его на берегах Рейна). Поклонитесь ему от меня и благодарите

за память; ну, а что до искусства, то, я думаю — он, как деревья, перешел уже период растения[9].

Так как Вы желаете знать, что именно я предпринял, то скажу Вам, что я затеял большой роман — в продолжение моих прежних; только не знаю, что выйдет из этого: задача трудная по своей сложности и неопределенности, а собственный жар охладел — пожалуй, что так называемый талант оскудел. Поживем — увидим.

Засим дружески жму Вам руку и желаю всего хорошего, начиная с полного восстановления здоровья.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1808. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

7(19) февраля 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277,
ce 19 février 1866.

Chère Madame,

Il y a longtemps que j'aurais dû répondre à votre dernière lettre, mais je me réservais de le faire de vive voix : vous n'ignorez pas que j'avais l'intention de venir à Paris vers le milieu de ce mois ; ma fille et moi, nous nous y étions donné rendez-vous. Malheureusement, il m'est survenu une inflammation du muscle du pouce à la main gauche, qui a pris tout à coup une vilaine tournure : depuis quinze jours je ne bouge plus de chez moi et je change toutes les 10 minutes de compresses d'eau froide. Cela va mieux maintenant, quoique je ne puisse pas encore me servir de ma main ; il paraît que ces maladies-là sont lentes à guérir et mon médecin me recommande de la patience. Je tâche de suivre la prescription.

Cela me rejette jusqu'au printemps pour le voyage de Paris — et c'est ce qu'il y a de plus désagréable dans toute l'affaire. Je suis très heureux de savoir que vous allez bien ; ma fille, qui ne peut assez se louer de vos bontés, m'a donné de vos nouvelles. J'espère qu'il ne se passera pas trop de temps avant que j'aie le plaisir d'entrer dans ce charmant petit salon de la rue Basse, où il fait si bon de toutes les façons.

Je vous recommande aussi — et fort instamment — de lire la petite nouvelle dont vous a parlé la comtesse Adlerberg [1] — et j'ajouterai que c'est un chef-d'œuvre

dans son genre. Malheureusement pour moi — elle n'est pas de mon cru ; elle est de Gogol, et se trouve dans un volume de ses nouvelles publié par Hachette. Le titre en est : « Un ménage d'autrefois » [2]. Comme je viens de le dire, je ne puis m'empêcher de regretter de n'en être pas l'auteur, je le regrette beaucoup pour moi — et un peu pour la comtesse, qui, je le crois, est un peu plus forte en musique qu'en littérature, ce qui ne l'empêche pas d'être une femme charmante.

Comme je sais que vous voulez bien vous intéresser à mes travaux littéraires, je puis vous dire que j'avais poussé assez avant mon roman [3], quand ce désagréable incident est venu refroidir mon ardeur... (Refroidir — est bien le mot, puisqu'il s'agit d'eau glacée.) Cependant je ne désespère pas de reprendre le fil interrompu de ma narration.

En attendant, je vous prie de me rappeler au souvenir de tous les vôtres et d'accepter l'assurance de mon attachement sincère et dévoué.

J. Tourguéneff.

1809. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

7(19) февраля 1866. Баден-Баден

Baden.
Schillerstrasse, 277.
Montag, d. 19 Feb. 1866.

Mein lieber Pietsch,

Viel Dank für den lieben Brief [1] — nur schade für die traurigen Noten, die durchklingen — das wäre doch gar nicht gut, wenn Sie etwas verhindern sollte diesen Sommer nach Baden zu kommen — kann man irgendwie der Sache abhelfen [2]? Hetzel hat mir geschrieben wegen Ihrer Adresse, die er wieder verloren hatte; vielleicht wird etwas daraus [3]. Ich bin auch nicht ganz heiter gestimmt und das aus einer *physischen* Ursache — (das sind nachgerade die schlimmsten). Ich habe eine fatale Muskelentzündung im linken Arm gekriegt — mit einem sogenannten Ueberbein komplicirt — die ersten Spuren davon hatten sich schon im Herbst gezeigt — aber in der letzten Zeit hat diese Entzündung einen bösartigen Charakter angenommen und seit zwei Wochen sitze ich zu Hause und wechsle kalte Umschläge jede zehn Minuten. Ich kann meine Hand gar nicht regen — jede Bewegung verursacht mir heftige

krampfhafte Schmerzen — und nun soll diese Krankheit zu den langwierigsten gehören — das ist sehr fatal. Vom Arbeiten ist natürlich keine Rede mehr. Sie können mir einen Dienst erweisen. Nämlich — vor 3 oder 4 Jahren hatt' ich ein Ueberbein am Fuss bekommen — und der Commissionär im Hotel St. Petersburg zu Berlin verschaffte mir eine Salbe [a], die, seiner Aussage nach, dem Besitzer des Hotels, Herrn Hendtlass, die besten Dienste erwiesen hatte. Mir half sie schnell und gründlich. Fragen Sie gefälligst im Hotel St. Petersburg nach — und wenn es möglich ist, schicken Sie mir das Recept. Ich glaube, es ist noch immer der nämliche Commissionär.

Glücklicherweise geht es gut in der Villa — und das ist die Hauptsache. Frau Viardot ist guter Dinge und hat letztens reizende Sachen componirt [4]. Das Wetter ist gräulich. Sonst passirt nichts Neues.

Das Schreiben wird mir schwer — ich drücke Ihnen herzlich die Hand, grüsse bestens die ganze Familie und alle Freunde, Menzel à la tête und bleibe

Ihr ergebener
I. Turgeneff.

P. S. Die Marx hält die «Vossische Zeitung» nicht [5]; bitte um die Feuilletons, womöglich [6].

1810. П. В. АННЕНКОВУ

9(21) февраля 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
9-го (21-го) февраля 1866 г.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, отвечаю безотлагательно на Ваше письмо [1]. Прежде всего благодарю Корша за его великодушное намерение высылать мне «С.-П. ведомости» даром [2] — но, entre nous soit dit, боюсь, как бы это намерение так и не осталось намереньем, ибо пересылка ведь денег стоит, а впрочем посмотрим. Так как на «Современник» и «Русское слово» надежда плохая — то уж подпишитесь Вы на «Русский вестник» [3]; я было рассчитывал его здесь получить, но дело не выходит. Кстати — подпишитесь тоже на «Вестник Европы». Остальные за сим деньги храните пока у себя [4]; с Катковым я расплачусь

---

[a] *Было:* hatte mir eine Salbe verschafft

именно через Маслова [5], но другими путями, а Вы лучше спросите-ка у Дудышкина, сколько именно я ему должен за забранные Захаровы ссуды, и дайте мне знать немедленно [6]. Я бы мог заплатить ему натурой — у меня есть перевод небольшой (но отличной) повести Сервантеса — «Ринконет и Кортадильо» [7]. Что Вы об этом скажете?

В литературный фонд внесется — по бедности — 30 руб. сер. [8]

Без фотографии вазы дело не пойдет, по крайней мере, в «Gasette des Beaux Arts» [9]. Но я хочу присоветовать Виардо написать от себя Ст. Гедеонову, с которым он коротко знаком. Может быть, этот барин и разрешит. Ведь он директор Эрмитажа [10]? Напишите также об этом словечко.

Да что же адрес гр. Ламберт? Сообщите, отец, если возможно. Она жила в прошлом году на углу Фурштадтской и Воскресенской, в доме Кокошкина, но она собиралась покинуть Петербург.

А преудивительно, однако, то обстоятельство, что какие у нас тузы всё в оппозицию лезут: Орлов-Давыдов, Строганов! и какие умницы, нечего сказать [11]!

Моя работа несколько приостановилась [12], вследствие прескверной штуки: у меня сделалось воспаление мышцы в большом пальце левой руки, от которого я чуть с ума не сошел. Пятнадцать дней сряду прикладывал холодные примочки — и теперь еще почти шевельнуть рукой не могу.

Эта штука может, по словам доктора, продлиться еще несколько недель. Хорошо еще, что это случилось не во время охоты и не с правой рукой!

Ну, а что поделывает Васенька [13]? Поклонитесь ему. Да, кстати, сообщите *верно:* какой успех имела «Африканка» в Петербурге [14]? Собственно мне — эта опера крайне противна, но вопрос этот я Вам ставлю по поручению.

Если вышла вторая часть «Истории русской литературы» Галахова [15], вышлите и ее.

Я Вас обременяю комиссиями — но Вы же меня избаловали. Не знаю, сказывал ли я Вам, что я перевел сказки Перро́ для книгопродавца М. О. Вольфа (купившего рисунки Доре́) [16]. Перевод этот отпечатан в Лейпциге и, вероятно, к Святой явится в Петербург. Если Вольф имел благое намерение пожертвовать мне один экземпляр, то попросите его от моего имени переслать этот экземпляр не мне, а дяде, Н. Н. Тургеневу, Орловской губ. в

г. Мценск. Дом мой быстро подвигается, а Ваша будущая комната — уже отделывается; начиная с октября, она — к Вашим услугам...

1811. ПОЛИНЕ БРЮЭР

12(24) февраля 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 24 février 1866. Samedi.

Chère Paulinette,

Je ne veux pas laisser passer le premier anniversaire de ton mariage sans te féliciter et te souhaiter — « many happy returns of the day ». J'ai lieu de m'en féliciter aussi, car, autant que je puis en juger, vous êtes tous les deux très heureux — et vous vous aimez sincèrement. Aussi je vous confonds, Gaston et toi, dans le même embrassement et m'attends à ne pas voir arriver le second anniversaire sans m'être vu grand-papa.

Mon bras va un peu mieux — mais ces sortes de maladies sont lentes à guérir, et il m'est impossible de prédire avec certitude dès à présent, quand je pourrai aller vous embrasser. J'espère pourtant que ce sera avant le mois de mai.

Dans quelques jours d'ici Gaston recevra le premier semestre de ta pension (ainsi que les 100 f-s d'étrennes) [1]. En attendant, je vous réembrasse tous les deux et vous souhaite joie et prospérité.

J. Tourguéneff.

1812. П. В. АННЕНКОВУ

17 февраля (1 марта) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
1-го марта (17-го февраля) 1866 г.

Добрейший Павел Вас⟨ильевич⟩, сообщите Коршу, что я вчера получил все №№ «С.-Петербургских ведомостей», начиная с Нового года, — и искренно благодарю его за его любезность [1]. Я уже многое прочел и остался очень доволен.

Будьте так любезны и вместе с Галаховым (если он вышел) второй том [2] — пришлите мне «Димитрия Самозванца» Чаева [3] и о «Современном состоянии раскола» [4]...

1813. П. В. АННЕНКОВУ

24 февраля (8 марта) 1866. Баден-Баден

8-го марта (22-го [a] февраля).

... С тех пор я получил также первые три нумера «Отечественных записок» — и благодарю. Предсказание Ваше насчет «Русского слова» не замедлило сбыться [1], а за указ 19-го февр⟨аля⟩ об освобождении государственных крестьян [2] — я кричу: ура!

Не знаю, говорил ли я Вам, что вот уже 6 недель с лишком, как я страдаю воспалением мышц в левой руке: совсем было плохо, теперь поправляюсь понемногу. Расходы по постройке дома [3] меня пробирают — но я не раскаиваюсь в моей затее: вообще я во всей своей жизни раскаивался только в одном — а именно — в просьбе у В. П. Боткина денег. Князь Трубецкой мне сказывал, что Боткин ему говорил об этом — и прибавлял: «А я ему не дам, не дам, не дам» — причем даже подпрыгивал. Что он делает, этот почтенный муж? Со мной на днях случилась странная вещь. Я рекомендовал г-же Виардо для чтения на русском языке (вместе со мною) «Детство» Толстого, как произведение в своем роде классическое. Стал я читать — и вдруг убедился, что это пресловутое «Детство» — просто плохо, скучно, мелкотравчато, натянуто — и устарело до невероятности [4]. Открытие это меня огорчило — стало быть, и это мираж? И когда же конец миражам? Или, может быть, я устарел и отупел?

Поздравляю с избранием в вице-президенты нашего комитета [5]. Сообщите, кто да кто теперь там члены — и в первом заседании передайте им всем от меня дружеский поклон...

1814. П. В. АННЕНКОВУ

28 февраля (12 марта) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
12-го марта (28-го февраля) 1866 г.

«О, мой спаси-и-итель, мой прокрови-и-итель!» — пою я как Рембо в «Роберте-Дьяволе» [1], любезнейший Павел Вас⟨ильевич⟩. Отвечаю безотлагательно на Ваше письмо [2], предпослав вперед благодарственное восклицание за доставленные сведения, etc., etc.

---

[a] *Так в тексте публикации.*

1) Чувствительное письмо Корша[3] подействовало на меня — и Ваши слова всегда принимаются мною с должным уважением — а потому соглашаюсь на напечатание «Собаки» в фельетоне «С.-П-бургских ведомостей»[4], с одним условием, чтобы Вы продержали корректуру — и в случае нужды выкинули бы лишнее. Сегодня же начну переписывание этого продукта и через пять, шесть дней вышлю. А баронам московским я напишу[5], что это, мол, для вашей «Ревю» слишком легкий товар. Попрошу Вас также озаботиться получением денег (количеством по собственному Вашему усмотрению) за эту «Собаку» — уж коли печатать такие пустяки, так по крайней мере не даром. Отлично было бы, если бы Вы могли удовлетворить Дудышкина, а повесть Сервантеса я все-таки потом вышлю[6]. Словом, предоставляю всё сие в полное Ваше распоряжение. 2) Благодарите Галахова от моего имени за его любезность[7]; да кстати, если увидите враждебного мне Пыпина и Спасовича, скажите им, что я с истинным наслаждением прочел их «Историю литературы у славянских народов»[8] — и готов почти под каждое слово подписаться. 3) Успех — повсеместный — противной «Африканки» есть вещь совершенно непостижимая: в Париже — в течение десяти месяцев — ее дали 100 раз, что еще никогда ни с какой оперой не случалось[9]. Это объясняет мне успех (в свое время) Бернини, Марини и др. Вот и Гюго забирает громадные деньги за свои «Misérables»[10]. Чёрт знает — уж не мы ли глупы?

Из нашей баденской провинции мне Вам нечего сообщить — скажу только, что по милости Аллаха моей руке лучше — и что мы на днях необычайно торжественно отпраздновали возвращение нашего (действительно) любимого гросс-герцога из Швейцарии[11]. Погода у нас стоит скверная — зато финансы в удивительном порядке. Какова у вас погода в Петербурге? А что же Вы мне ничего не скажете о собственном Вашем воззрении на «Рогнеду» Серова[12]? Господи! какая чепуха — «Петербургские трущобы» г-на Крестовского[13]! Непонятна мне также осталась «Натурщица» г-на Ахшарумова[14]. К чему это всё? Вообще — первые №№ «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩» за нынешний год — гм! гм! Что-то дальше будет?..

1815. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

28 февраля (12 марта) 1866. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
Montag, d. 12 März 1866.

Mein lieber Freund,

Ihre Salbe hat mir so ausserordentlich geholfen [1], dass ich Sie bitten muss, mir das *Recept* davon zu schicken — wenn das aber nicht gehen sollte, so wenigstens noch ein (grösseres) Töpfchen davon — da dieser Balsam schon auf der Neige ist. Wollte man Geld für die Copie besagten Receptes haben, so würde ich es gern hergeben.

Sonst geht hier alles gut — und ich grüsse Sie in aller Hast auf's Freundlichste.

Ihr I. Turgeneff.

1816. М. Н. КАТКОВУ

8(20) марта 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
8/20-го марта 1866.

Любезнейший Михаил Никифорович, при нашем свидании в Москве я Вам сказывал, что имел намерение прекратить, во всяком случае на время приостановить, мою литературную деятельность; я не изменил моего намерения,— но я Вам остался должен [1] — и я чувствую, что обязан расплатиться с Вами — не деньгами. А потому, вот что я Вам предлагаю: у меня есть почти готовый перевод «Лазарилья де Тормес», известного испанского сатирического романа 16-го столетия (прототипа всех последовавших Жиль-Блазов и т. д.) [2]. Если Вы хотите поместить эту замечательную вещь в Вашем журнале вместе с небольшим, мною написанным, историческим предисловием,— то дайте мне знать. «Лазарильо» остался, к сожалению, фрагментом и займет 3½ листов Вашего «Вестника»; нечего и говорить, что цену за лист Вы можете положить умеренную. Если же, по каким-нибудь соображениям, Вы не желали бы поместить этот перевод, то дайте мне все-таки знать, и я немедленно распоряжусь высылкою Вам должной мною суммы.

На днях, вероятно, будет напечатан в «С.-П-бургских ведомостях» небольшой рассказец моего сочинения «Со-

бака»; но он, во-первых, давно написан, а во-вторых, вовсе не годился бы в серьезный журнал, в чем Вы убедитесь с первых строк: вообще он не имеет никакого значения [3].

Первый № «Русского вестника», здесь мною полученный,— замечательно составлен; повесть Достоевского поразительна [4]. Надеюсь, что Вы здоровы и в духе, и прошу принять от меня уверение в совершенной моей преданности.

Ив. Тургенев.

1817. И. П. БОРИСОВУ

17 февраля, 9 марта (1, 21 марта) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.

1-го марта / 17-го февраля 1866. Четверг.

Вот письмо, так письмо, любезнейший Иван Петрович [1]! Право, я ни от кого не получаю подобных писем и всегда с особенным удовольствием узнаю у себя на столе Ваши продолговатые пакетцы. А потому и отвечаю немедленно.

О себе Вам скажу, что со мной случилась довольно скверная штука — а именно сделалось воспаление в мышцах левой руки. Уж оно давно начиналось понемногу — но в последнее время приняло такой скверный оборот, что я целые две недели принужден был менять (каждые 10 минут!) холодные компрессы — и теперь еще почти не владею этой несчастной рукой. К счастью, это случилось не во время охоты — а то бы прощай, ружье! Эта гадость, по словам доктора, продолжится до лета. Что делать! Надо запастись терпеньем.

Середа, 21-го / 9-го марта.

Стыдно сказать, всё это время — почти три недели — провалялся этот листок бумаги,— а Вы с тех пор успели мне еще написать письмо, такое же милое и интересное, как и первое [2]. Не знаю, как благодарить Вас, и прошу извинить мою безобразную лень.

Руке моей легче стало — и если так будет продолжаться, то я решусь на днях попытать своего счастья на вальдшнепах и бекассах. Не знаю, писал ли я Вам, что мы с Виардо приобрели еще на три года другую очень

изрядную охоту — и теперь мы считаем себя чуть не владетельными герцогами. К сожалению, погода стоит скверная: льют нескончаемые дожди.— Я хохотал до истерики описанью Вашей охоты за единственным зайцем, Вашего выстрела в его широкий лоб — и спокойного его путешествия [3]. Здесь, батюшка, мы по зайцам стреляем, можно сказать, слишком хладнокровно — больно много их — и почти без пуделя [4].— Приезжайте-ка с Вашим Петей (который на днях получит от меня целое письмо в стихах) [5] — поселитесь в моем доме (который уже приближается к окончанию) — и Вы сами убедитесь в справедливости моих слов.

Ваши описанья уездных и прочих съездов — просто прелесть,— и я наперед говорю Вам, что я ими воспользуюсь [6]. А сизеносый, скромнобрюхый Фет передо мной в долгу; я ему написал в начале зимы пространнейшее письмо [7] — а он хоть бы пикнул мне в ответ. Радуюсь очень его преуспеянию — и воображаю, что с ним происходило во время его секретарства. Как он потел [8]!

Рассказ Достоевского в 1-м № «Русского вестника» — действительно замечательная фотография [9]: только уж очень много он сам с собою возится.— Стихи Фета премилые, только конец тупенек: нет этого завершающего взмаха, без которого лирическая штучка всегда кажется пресной [10]. Я зачитал с г-жой Виардо «Казаки» Толстого — и сугубо наслаждаюсь: экая неподдельная поэзия и красота [11]! Сюда приехал Жемчужников — писатель; он женат на сестре Дьякова, и через него я узнал довольно много подробностей о «ненавидящем» меня Льве Николаевиче [12].

Сам я почти что ничего не делаю: живется глухо и смирно — но недурно. Не знаю, когда я попаду к Вам, но крепко Вас и Петю обнимаю и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

1818. ПОЛИНЕ БРЮЭР

9(21) марта 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 21 mars 1866.

Chère Paulinette,

Je t'envoie ci-joint une traite de 1250 francs — la première moitié de ta pension pour 1866 — et je m'excuse en même temps de ne l'avoir pas fait plus tôt [a].

---

[a] *В подлиннике ошибочно:* plutôt

Ma main va beaucoup mieux — et je prévois déjà le moment où je pourrai aller vous voir dans votre gentille petite maison. Ce sera probablement vers les premiers jours de mai.

Gaston est-il revenu de son voyage? Et Mme Innis — à laquelle je te prie de faire mes meilleures amitiés — est-elle encore à Rougemont? Je suis sûr que tu as été bien contente de revoir cette excellente femme.

Ma maison avance — et dès le mois d'octobre il y aura toujours une chambre prête à vous recevoir tous deux [1].

En attendant je t'embrasse ainsi que Gaston et je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde.

J. Tourguéneff.

1819. Н. И. БАКСТУ

10(22) марта 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
22-го марта 1866.

Любезнейший Николай Игнатьевич, возвращаю Вам с благодарностью 3 номера «Современника» и книгу Спасовича и Пыпина [1]. Особенно эту книгу я прочел с истинным наслажденьем. Что касается до некоторых статей «Совр⟨еменника⟩»,— то мы еще потолкуем с Вами об них. Многое замечательно [2], с иным я согласиться не могу [3]; но нельзя не отдать справедливости энергии редакторов и сотрудников.

Я получил письмо от Вашего брата из Праги и напишу ему [4]. (Кстати, как Вы пишете Вашу фамилию по-немецки: Baxt, Bakst или Bagst?)

Руке моей значительно лучше, и я уже начинаю ходить без перевязи [5].

Передайте мой поклон г-ну Гельмгольцу и его супруге [6] — и примите уверение в искренности моих чувств к Вам.

Ив. Тургенев.

1820. Е. Е. ЛАМБЕРТ

10(22) марта 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
10/22 марта 1866.

Любезная графиня,

Давно я к Вам не писал — и давно собираюсь писать к Вам... но меня всё останавливала мысль, желаете ли Вы возобновления — хотя медленного и отдаленного — нашей переписки? Не хотите ли Вы — особенно после последних поразивших Вас утрат — вообще покончить с прошедшим, из глубины которого к Вам приходят одни горестные воспоминания[1]? В таком случае Вы мне не ответите — и я пойму Вас. Во всяком случае — знайте, что то, что я Вам предлагаю,— очень скромно и не тревожит и не поднимает ничего со дна: это — простой обмен дружеского привета, сообщение немногочисленных жизненных фактов; такого рода скромность или смирение приличествует годам, которых мы достигли.

Я желал бы иметь некоторые сведения о Вашем здоровье; сам я прозябаю помаленьку, отмахиваясь по возможности от небольших недугов. Дочь моя очень счастлива с своим мужем. Баденское мое гнездо растет, и в октябре я надеюсь засесть в нем окончательно.

Поклонитесь от меня Вашему мужу — и верьте в искренность и неизменность чувств, которые я к Вам питаю.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1821. Е. Т. СЛИВИЦКОЙ

15(27) марта 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
27/15-го марта 1866.

Милостивая государыня!
Елизавета Тимофеевна!

Я не только не пеняю на Вас за подачу Вашего векселя ко взысканию, но вполне одобряю Ваш поступок, так как у меня нет другого средства к принуждению моего дяди, Николая Николаевича Тургенева, управляющего моим имением — исполнить мою обязанность в отношении к Вам[1].

Предоставляя Вам право пользоваться этим письмом по Вашему благоусмотрению, честь имею пребыть с совершенным уважением

Вашим покорнейшим слугою.
Ив. Тургенев.

1822. П. В. АННЕНКОВУ

25 марта (6 апреля) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
6-го апреля (25-го марта) 1866.

Милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩! Нечего и говорить, что я заранее одобряю все Ваши распоряжения насчет «Собаки»[1]; а «Выборгский пустынник»[2] мне самому колом стал в горле. О, поганое, тупое, самодовольное глумление и зубоскальство, когда ты переведешься на Руси? Я получил «Вестник Европы» и с великим удовольствием прочел статьи Костомарова, Богдановича, Мордовцева[3]... Дельно, интересно, умно. Во 2-й части «Преступления и наказания» прорвалась та плотина, о которой Вы говорили, много ерунды пролилось и опять сильно понесло тухлятиной и кислятиной больничного настроения[4]. Не понравилось мне также и продолжение «1805 года» Толстого. Мелкота и какая-то капризная изысканность отдельных штрихов — и потом эти вечные повторения той же внутренней возни: что, мол, я трус или не трус[5]? и т. д. Странный исторический роман! Благодарю заранее за присылку книг[6] и ожидаю их с нетерпением, но в особенности ожидаю я Вас самих и жену Вашу. Что Вы у меня остановитесь, об этом, кажется, и упоминать нечего. Здесь Вас все любят, начиная с г-жи Виардо и кончая г-жой Анштет (моей хозяйкой).

А теперь опять просьба, о которой речь уже заходила в прошлом году. Мне *необходимо нужен* молодой человек, честный и дельный, который сперва бы помогал моему одряхлевшему дяде, а потом бы заменил его[7]. Ради бога, поищите таковового, попросите Н. Н. Тютчева, других знакомых справиться. Я бы предоставил дяде управление и распоряжение одним Спасским; а остальные все дела, состоящие в отдаче оставшихся за наделом земель внаймы и т. д., поручил бы этому молодому человеку. Тут главное нужны деятельность и честность: на жалованье я скупиться не буду. Пожалуйста, любезнейший друг — обратите

на эту просьбу Ваше внимание. В случае нужды я для личных переговоров приехал бы на несколько дней в Петербург...

1823. А. А. ФЕТУ

25 марта (6 апреля) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
25-го марта / 6-го апреля 1866.

В день, когда, по народной поговорке, и ворон гнезда не вьет [1], пишу к Вам, любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩! Письмо я Ваше получил дней десять тому назад [2] — из чего Вы можете заключить, что леность моя не умалилась; не умалилась, однако, и привязанность моя к Вам. С истинным удовольствием усмотрел я, что Вы довольны своим здоровьем, устройством своих дел; не менее порадовался я (за наш уезд) облечению Вашему в сан гласного [3]; а что до неприбытия Василия Петровича в Степановку — я полагаю — струить слезы Вы не будете. Дай Вам бог всего хорошего в Вашем степном гнездышке! А мы будем здесь почитывать в «Русском вестнике» Ваши письма «Из деревни», которые собственно я ожидаю с великим нетерпеньем [4].

Из двух присланных стихотворений одно (напечатанное) к Тютчеву прекрасно — от него веет старым, или, лучше сказать, молодым Фетом [5]. Другое — неудовлетворительно. «Почему? — спросите Вы.— Критик, отдай отчет в твоем чувстве!» Извольте — отдаю. Во-первых: оно напоминает — тоном и даже некоторыми подробностями — два стихотворения Пушкина и Тютчева, которые оба гораздо лучше его: «Я помню чудное мгновенье» и «Как ночью на небе звезда». Во-вторых, что такое: «Кинуть привет *наизусть!*»? О, как это некрасиво! Как можно — «восторгать грусть»? «Всю чистоту твоей души», «Звезда и роза» — вялая проза. И, наконец: «На темном небе и *в воде*» — уж лучше прямо «и в рукомойнике» [6]. Еще одно я заметил: все Ваши личные, лирические, любовные, особенно страстные стихотворения — слабее прочих: точно Вы их сочинили, и предмета стихов вовсе не существовало. А засим можете взять сапог и каблуком меня по темени, по темени: будь, дескать, вежлив.

От г-жи Энгельгардт я получил письмо и уже отвечал ей [7].

Кажется, я в нынешнем году в Россию не приеду — и потому не увижу Вас — разве Вы соберетесь и к нам пожалуете. Мы с Виардо прананяли еще охоту к той, которую до сих пор имели — и теперь можем угостить приятеля. Одних зайцев мы уколотим до 300-т.

В нынешнем году я получаю журналы и вновь слежу за российской литературой: отрадного мало. Самое приятное явление — возобновление «Вестника Европы» Костомарова [8]. Первая часть «Преступления и наказания» Достоевского — замечательна; вторая часть опять отдает прелым самоковыряньем [9]. Вторая часть «1805-го года» тоже слаба: как это всё мелко и хитро, и неужели не надоели Толстому эти *вечные рассуждения* о том — трус, мол, ли я или нет — вся эта патология сражения [10]? Где тут черты эпохи — где краски исторические? Фигура Денисова бойко начерчена — но она была бы хороша как узор на фоне — а фона-то и нет.

Однако — basta! Что это я вдаюсь сегодня в критиканство! Кончаю тем, что обнимаю Вас дружески и кланяюсь Вашей жене.

Ив. Тургенев.

1824. П. В. АННЕНКОВУ

6(18) апреля 1866. Баден-Баден

Баден-Баден, Schillerstrasse, 277.
18-го (6-го) апреля 1866.

Вы легко можете себе представить, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, чувства, возбужденные во мне известием о безобразном событии в Петербурге [1]. К тому же здесь сперва распространился было слух, что государь опасно ранен. К счастью, я скоро узнал действительное содержание телеграммы. Все здесь находящиеся русские присутствовали при благодарственном молебствии — и можно сказать, что на этот раз не было разногласия: все чувства слились в одно. Нельзя не содрогнуться при мысли, что бы сталось с Россией, если б это злодейство удалось. Но теперь я обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой: Вы должны мне сказать всё, что узнаете об этом Петрове [2]; Вы понимаете, что тут дело не в простом любопытстве: чрезвычайно важно знать, какое его прошедшее и что могло побудить его к подобному преступлению; я полагаю, что журналы не скоро сообщат какие-нибудь положитель-

ные данные. Вы очень обяжете меня исполнением моей просьбы.

Ни о чем другом писать нельзя: мысль слишком исключительно поражена этим одним фактом. Я прочел мою статейку в № 85 «С.-П. ведомостей»[3] и благодарю Вас за хлопоты. Ожидаю также для себя оттисков. Засим прощайте, будьте здоровы...

1825. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

9(21) апреля 1866. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 21 April 1866.

Liebster Freund,

Von einer sehr langweiligen Auerhahnjagdexpedition eben zurückgekehrt, find' ich Ihren Brief[1] — und muss mit von Schamröthe glühendem Gesicht gestehen, dass ich — wenn nicht ein vergessliches — doch ein sehr faules Thier bin. Je älter man wird, je schneller gleitet einem das Leben unter den Fingern weg — und man findet Zeit zu nichts — obschon man eigentlich gar nichts thut. Solche philosophischen Reflexionen sind auch eigentlich nie etwas anderes als Entschuldigungen — und deswegen höre ich auf, in die Tiefe zu streben — und mache mich etwas breit — d. h. ich schreibe.

Aus dem zuerst erwähnten Umstande werden Sie einsehen können — dass es mir, dank Ihrer Salbe — ganz gut geht — und an meiner Hand spür' ich jetzt nichts mehr[2]. Was aber weit wichtiger ist — auch Mme Viardot geht es endlich besser, nach langem Hin- und Her-Schwanken — und grade heute hat sie zum ersten Mal nach einem Monat gesungen — in einer höchst glänzenden Matinée in der Tonhalle, mit Prinzessinen[a], Fürstinnen und ähnlichem Gewürm[3]. Es war grossartig — besonders ein Schubert'sches Lied — der «Doppelgänger»[4]. Man bekommt dabei so ein leises Todesgeriesel im Rückenmark, das sich in kalten Entzückungsthränen auflöst — das müssen Sie hören! Auch die Deconei, die nach London geht und die Schröder sangen prächtig.— Der «Thiergarten» steht eben jetzt im schönsten Flor — physisch und moralisch[5]: mein Schlösschen rückt gewaltig vor — und am 1-ten Oktober werd' ich mich dort

[a] *Далее зачеркнуто:* und

etabliren [6]. Da ist ein Zimmer, welches die Kinder «Chambre de Pietsch» getauft haben. Aber Sie kommen natürlich früher, im Sommer — und werden noch im Anblick der liebenswürdigen Mme Anstett schwelgen können [7].

Ihre beiden Artikel über G. Doré sind ganz vortrefflich — das nenn' ich den Nagel auf den Kopf treffen — das ist die Wahrheit, was man auch jetzt sage. Ich schicke sie Ihnen nächstens [8].— Es thut mir herzlich Leid, dass Sie sich noch immer herumplagen müssen — aber von Krieg ist, glaub' ich, keine Rede mehr — und die Furcht davor wird baldigst verschwinden mit all den üblen Folgen, von denen Sie schreiben. Was bleiben wird — ist dieser wirklich colossale «entrechat» des Herrn v. Bismarck. So etwas ist wahrscheinlich noch nicht vorgekommen; und wenn dieser Herr mit innerem Hohn und Ironie diese Thaten vollbringt, so steckt in ihm ein mit Macchiavell durchkreuzter Aristophanes. Das wird hoffentlich dem vielbelobten Suffrage universel den letzten Todes — nein Backenstreich geben. Hoffentlich hab' ich gesagt? — Ach! die Menschen *sehnen* sich ja nach Backenstreichen. Sie geben ihnen — nämlich den Menschen — ein Gefühl von Realität [9].

Und was sagen Sie zu der Geschichte in Petersburg? Da steht alles jetzt auf dem Kopf. Die Rettung des Kaisers (durch einen *Bauer*) — ist ein grosses Glück für unser Land [10].

Und nun — auf Wiedersehen! Grüssen Sie alle lieben Freunde — und Ihre Familie.

Ihr getreuer
I. Turgeneff.

P. S. Der Roman bleibt liegen [11] — aber ich habe eine kleinere Novelle angefangen — die tröpfelt so leidlich [12].

1826. ПОЛИНЕ БРЮЭР

10(22) апреля 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 22 avril 1866.

Chère Paulinette,

Je me hâte de répondre à ta bonne lettre (qui est restée par mégarde sur mon bureau pendant quelques jours) — que cette fois-ci vous pouvez m'attendre entre le *10 et le 15 mai* — mais *bien sûr*, *bien sûr*. Je vais bien — ma main

fonctionne comme d'habitude — et je suis enchanté d'apprendre que ta santé est florissante. Je vous embrasse tous les deux et vous répète qu'avant trois semaines vous me verrez à Rougemont [1]. Je vous écrirai l'avant-veille de mon départ.

J. Tourguéneff.

1827. П. В. АННЕНКОВУ

12(24) апреля 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
12-го (24-го апреля) 1866.

Искреннее спасибо Вам, добрейший Павел Васильевич, за Ваше письмо [1]. В подобные минуты не забывать отсутствующих друзей — дело похвальное. Надеюсь, что и вперед Вы будете так добры и сообщите всё, что Вам покажется важным и интересным.

Фотографических карточек Комиссарова теперь, наверное, развелось множество: пришлите одну. С великим удовольствием вычитал я в журнале о состоявшемся адресе от нашего Общества [2]. Нужно, конечно, не для нас, а для многих недоброхотов, чтобы в литературе высказалось отвращение к безобразному поступку этого человека, которого я никак не могу признать за русского.

Событие, так глубоко потрясшее наше общество, здесь прошло почти незамеченным. Европе не до нас, но взрыв общего энтузиазма удивит ее, как три года тому назад при начале польских смут. Кстати, если у Вас есть мои деньги, передайте 10 руб. от неизвестного г-же Ковригиной (той даме, о которой заявлено в «С.-Петерб⟨ургских⟩ вед⟨омостях⟩» и которая переломала себе руки, выскочив из окна, чтобы избавиться от славянского Дон-Жуана) [3]. Также прошу убедительно не забыть моей просьбы об управляющем.

Что за охота была «Отечественным запискам» переводить эту трегубую ерунду — « Les Travailleurs de la mer» [4]?

Засим прощайте. У нас погода чудесная — всё зелено и цветет. Когда Вы выезжаете?..

1828. М. Н. КАТКОВУ

13(25) апреля 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
25/13-го апр. 1866.

Почтеннейший Михаил Никифорович, я сейчас получил Вашу телеграмму[1],— и с завтрашнего дня принимаюсь за переписывание «Лазарильо»[2]; Вы получите рукопись в самом скором времени.

Я понимаю, что в теперешнее время Вам не до корреспонденции[3], а потому ограничусь извещением, что в течение лета я, вероятно, проеду через Москву и увижусь с Вами.

До тех пор желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1829. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

6—27 апреля (18 апреля — 9 мая) 1866 (?). Баден-Баден

Я совсем забыл, что сегодня вечером театр — и потому я не могу прийти,— но приду завтра в 1 час.

Передайте мое извинение (или, говоря правильнее, мою просьбу об извинении) Авдееву.

Ваш
Ив. Тургенев.

Середа.

1830. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

1—29 апреля (13 апреля — 11 мая) 1866(?). Баден-Баден

Любезный Жемчужников, я должен буду сегодня выйти в час — а следовательно мы не успеем наговориться «всласть»; а потому прошу Вас отложить наш литературный завтрак до завтра. Я написал об этом также Авдееву[1].

Дружески Вам кланяюсь.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Пятница.

1831. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ, М. В. АВДЕЕВУ и Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

Апрель 1866. Баден-Баден

Любезные друзья, я никак не могу прийти сегодня вечером, но — Вы считайтесь — а я прочту какую-нибудь статейку из «Записок охотника».— Стихи *непременно* нужны. Я завтра приду к Вам, любезный А⟨лексей⟩ М⟨ихайлович⟩, в 10 ч. утра, чтобы переговорить окончательно.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На обороте:

Herrn A. Jemtschujnikoff.
Hôtel Zähringen.

1832. М. В. АВДЕЕВУ

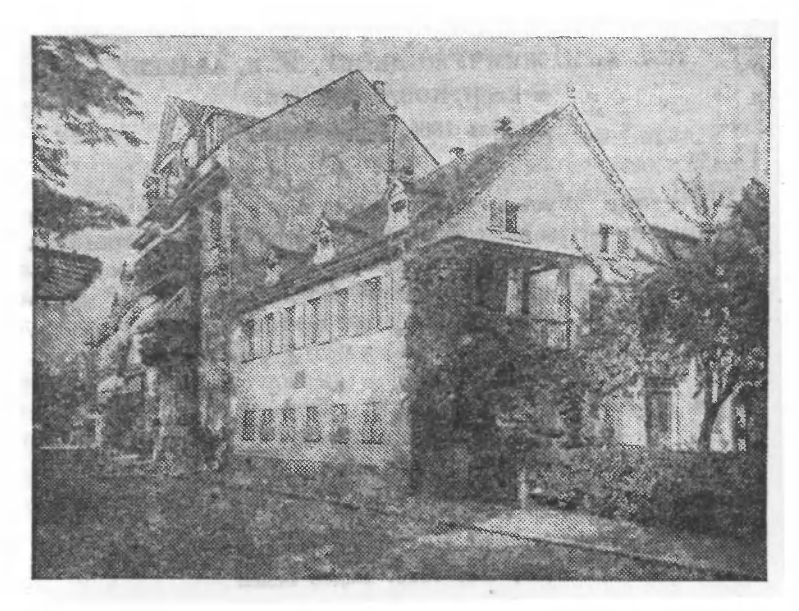
1 (13) мая 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
1/13-го мая 1866.

Любезнейший Авдеев, в ответ на Ваше письмецо[1] желаю Вам терпенья, которое особенно необходимо при настоящей скверной погоде (сегодня ни дать ни взять Петербург — так и веет екатерингофским гулянием); а скука — не беда; при лечении она даже очень полезна. Комиссии я Вашей не исполнил: на почте было одно письмо на Ваше имя,— и оно отправлено в Соден.— С Ковалевским и Жемчужниковым я обедаю сегодня; сей последний уезжает послезавтра — и я ему сообщил Вашу просьбу о телеграфе. Из России же собственно новых новостей нет: Комиссия под председательством Муравьева молчит упорно[2]— и лира Некрасова приутихла, но она еще возгремит[3]! Очень было бы любопытно посмотреть долженствующий выйти на днях № «Современника»[4].

Здесь уже не берут прусских талеров: война надвигается как туча — висит прямо над головою, уж поскорей бы[5]!

В «Русском вестнике» нет продолжения «Преступления и наказания», но есть продолжение толстовского романа: слабо, мелко и скучно[6]. Он тянет какую-то не свойственную ему ноту.

ДОМ В БАДЕН-БАДЕНЕ НА ШИЛЛЕРШТРАССЕ, 277(15), ГДЕ И. С. ТУРГЕНЕВ ЖИЛ В 1863 — 1868 гг. Фотография Г. Зальцера, 1900-х гг.

Пришлите Ваш адресс в Содене так, чтобы я мог себе представить, где Вы обретаетесь[7]. Соден я хорошо знаю, прожив в нем около 6 недель[8].

Будьте здоровы, дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1833. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

1 (13) мая 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
1/13-го мая 1866.

Любезнейший друг Яков Петрович, на днях твои молодые приятели явились ко мне и вручили мне твои «Оттиски», за которые я искренно тебя благодарю,— а также и за память[1]. Ты напрасно упрекаешь меня в нерасположении к твоим стихам: некоторые из твоих произведений мне чрезвычайно дороги: от них веет неподдельным поэтическим вдохновеньем и какой-то трогательной искренно-

стью — что очень редко в наше время. (Напр., твои «Жалобы музы» — прекрасны.) — Забившись в здешнюю норку и отказавшись от всякого вмешательства в литературу, я не перестал любить и русское слово, и русское искусство: а в тебе я, сверх поэта, люблю еще человека. И потому еще раз искреннее спасибо — и да не остынет в тебе этот жар, который с каждым годом исчезает в наших современниках! — А что «ругали» тебя — это в порядке вещей: всё это не что иное, как пена, которую ветер гоняет с одного берега на другой — противуположный[2]. Воспел же Некрасов графа Муравьева[3]!

«Собака» — совершенные пустячки, я отдал эту вещицу Коршу, чтобы развязаться с обещанием, данным несколько лет тому назад, при основании газеты[4].

Ты ничего не пишешь о своем здоровье — но твои приятели уверяют, что ты стал молодцом.— По словам твоим, ты остаешься в Петербурге, на твоей квартире — до *6* августа; а там куда? Не имеешь ли ты поползновения заглянуть в Европу? Хотя, правду сказать, теперешнее ее состояние не слишком заманчиво.— Во всяком случае, ты должен знать, что у меня для тебя всегда есть комната. Я едва ли куда-нибудь отсюда тронусь; в Россию я в нынешнем году не поеду. Нечего тебе говорить, с каким удовольствием увидал бы я твою симпатичную фигуру, с «напряженным взором при входе в комнату», по выражению Фета. Ты давно [a] с ним не встречался[5]? Я с ним в переписке — и если б мог сердиться на тебя, то рассердился бы за твое сомнение в скорости моего ответа. Засим крепко жму твою руку и желаю тебе всего хорошего.

Твой
Ив. Тургенев.

1834. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

5(17) мая 1866. Баден-Баден

Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 17 Mai 1866.

Mein lieber Pietsch,

Vielen Dank für Ihren guten Brief [1]. Hier geht alles ziemlich gut — die Gesundheit der Frau Viardot ist vollkommen hergestellt — nur ist das Wetter so kalt — und

---

[a] *Далее зачеркнуто:* его не видал?

dabei diese entnervende Ungewissheit über Krieg und Frieden [2], dazu das wahrscheinliche Aufgeben der schon fest beschlossenen Wintersaison in Berlin [3] und der abscheuliche Geldcursus in Russland [4] — die trüben Reflexionen über die Lage mancher Freunde [5] — kurz dies alles ist nicht der Art, um einen im guten Humor zu behalten. Doch kann es sich noch wenden — und also — nicht den Kopf gleich gehängt! Leben muss man doch — und es ist nicht der Mühe werth, armselig und kleinlaut zu leben.

Ich will gar nicht die Idee aufkommen lassen, Sie nicht bei mir diesen Sommer als Gast zu begrüssen; Mme Anstett — bedenken Sie — was würde *die* sagen? Es muss also geschehen — und wenn jeden Tag vier Schlachten geschlagen würden! Warten Sie nur die echten schönen Sommertage ab [6]!

Meine Arbeit geht ihren gewöhnlichen Schneckengang [7]; auf Ihr Buch bin ich sehr begierig [8]. Ihren Aufsatz (über Doré) [9] — schick' ich Ihnen nur dann — wenn Sie mir die detaillirte Adresse des bekannten Salbenverkäufers in Berlin zukommen lassen [10], die Salbe hat nämlich wieder wahre Wunder gewirkt — indem es ein Kind, dem die Hand seit einen Jahr ganz lahm geworden war — aus dem Grund kurirt hat. Vergessen Sie es nicht!

Viele Grüsse allen lieben Freunden, von Menzel herab — und einen kräftigen Händedruck für Sie.

Ihr I. Turgeneff.

P. S. Am 22-ten dieses Monats geh' ich auf 8 Tage nach Frankreich, zu meiner Tochter.

1835. Э. Ф. РАДЕН

9(21) мая 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 9/21 mai 1866.

Mademoiselle,

J'ai eu un véritable plaisir à recevoir votre lettre que m'a remise la princesse Lvoff [1]; je n'ai pas besoin de vous dire que je vous garde un souvenir bien affectueux et suis très heureux de voir que nos relations ne sont pas complètement interrompues [2]. J'avoue franchement que je n'avais pas [a] bien présente à la mémoire la promesse que j'aurais

[a] *Далее зачеркнуто:* gardé

faite à la princesse pour le «Православный календарь»; mais cela ne change rien au désir que j'ai de me rendre utile à une entreprise à laquelle vous vous intéressez et que patronne Madame la Grande Duchesse [3]. Je ne puis cependant me cacher à moi-même que ce qu'on me demande ne me paraît pas précisément dans la nature de mes aptitudes: je n'ai jamais rien su écrire pour le peuple [4] — le pourrai-je maintenant, rouillé que je suis par une inactivité de trois ans [5]? Vous me parlez d'un chef-d'œuvre de *trois* pages: mais savez-vous que je n'en connais pas (en *prose*) — à moins que ce ne soit une lettre de Mme de Sévigné [6]? Je m'empresse de m'ajouter que ce n'est pas là un refus; ce sont des doutes que je vous soumets. Je ne puis que dire comme nos soldats: «рад стараться» — ils font des merveilles avec ces deux mots; quant à moi, je crains bien — hélas! ne pas pouvoir leur être comparé. Tenez-moi compte de l'intention, qui, je vous l'assure, est sérieuse.

Vous ne me donnez pas de vos nouvelles; j'espère que vous allez bien. Ne passerez vous pas par Bade cette année? Quant à moi, je ne bouge pas d'ici: c'en est fait — j'ai pris racine. J'aurais été bien content de vous revoir et en attendant, je vous prie d'agréer l'expression de mes meilleurs sentiments.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

На конверте:

Russland.
St. Petersburg.

В *С. Петербург.*
В Михайловском дворце.
Баронессе Раден.
Mlle la baronne Edith de Rahden,
demoiselle d'honneur
de S. A. I. la Grande
Duchesse Hélène
à *St-Pétersbourg*
au palais Michel.

1836. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17(29) мая 1866. Ружмон

№ 4

Rougemont [1].
Mardi, 29 mai 1866.

Chère Madame Viardot, je suis arrivé ici hier pour le dîner après un trajet de $5^{3}/_{4}$ h. J'ai trouvé tout le monde bien portant. Mon gendre est engraissé [2] — et Pauline, qui est « in a family way » depuis un mois à peu près, prend des proportions monumentales [3]. Sa belle-mère, qui n'est plus — de beaucoup — aussi ridicule qu'elle l'avait été, se trouve également à Rougemont. Quant au vieux bonhomme (pas bonhomme du tout par parenthèse), je l'ai vu avant-hier matin à Paris et il s'est plaint un peu de son fils, des voyages inutiles qu'il aurait faits (l'un de ces voyages a été la cause de la fausse couche) etc. Cependant, comme les jeunes gens paraissent s'aimer véritablement, il n'y a rien à dire, ils seront plus prudents à l'avenir, je l'espère. Je suis très content de voir que tout va au mieux — mais je ne crois pas qu'il y ait beaucoup d'intérieurs où toutes les « idéalités » soient si radicalement absentes : je suis sûr qu'on n'y lit jamais quoi que ce soit. Ce n'est pas une calamité — si l'on veut — mais je m'étonne un peu que *ma* fille soit ainsi — et je crèverais d'ennui au milieu de cette vie bruyante et jeune — mais exclusivement matérielle, si je devais y rester longtemps [4]. A propos de cela, je ne puis partir qu'*après-demain* jeudi dans la matinée (j'avais compté pouvoir le faire demain soir) — Mr le marquis de Nadaillac (propriétaire de la verrerie) dîne aujourd'hui chez *nous* et demain *nous* dînons chez Mr le marquis de Nadaillac. Cela fait que je ne pourrai arriver à Bade que samedi matin à 10 h. Ce jour-là, par exemple, il faut que le ciel s'écroule sur ma tête, pour que je n'assiste pas à la matinée [5].

J'ai à vous remercier de votre bonne chère lettre [6] ; je l'ai lue et relue avec un plaisir tout particulier. Décidément, la reine de Prusse a toutes mes sympathies et je suis très curieux d'entendre « Le Vallon » [7]. Quant à votre pied, je ne doute pas qu'à mon retour vous ne soyez capable de danser. Il me semble qu'il y a un an que j'ai quitté Bade ! Cette fois-ci — l'employé du chemin de fer à Oos aura de la peine à éviter mes embrassades.

Je suis venu ici avec Mme Innis, et je la remmène à Paris.

Je suis allé dimanche matin voir M. Ducamp pour le

prier de mentionner — ne fût-ce que d'un mot — le tableau de Pomey — dans son compte rendu du Salon. Mais son article est fait et paraîtra dans le n° du 1-er juin de la Revue [8]. Flaubert a quitté Paris tout dernièrement. Il compte venir passer quelques jours à Bade [9]. Toutes les commissions pour Gérard [10], etc. seront ponctuellement remplies.

Le pays ici est assez joli — pour la France — mais en somme — c'est mesquin et sans physionomie. La maison est bien arrangée et le potager superbe — bien autrement beau que le mien. Il fait assez doux depuis deux jours.

Oh! quand serai-je à Bade! J'en ai des impatiences dans tous les membres et je me soigne tant que je puis, pour ne pas attraper quelque indisposition.

Je vous écrirai encore une fois de Paris; en attendant, mille choses à tout le cher monde et un shakehands bien affectueux à vous.

Der Ihrige
J. T.

1837. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

17(29) мая 1866. Ружмон

Rougemont.
Mardi, 29 mai 1866.

Chère Madame,

Je suis ici depuis hier et je retourne à Paris jeudi [1]. Comme je ne voudrais pas rentrer à Bade sans avoir eu le plaisir de vous voir, je vous demande la permission de venir déjeuner chez vous à Vert-Bois dans la matinée de *vendredi*.

En attendant je vous prie de transmettre à Nicolaï Ivanitch et à toute votre famille mes meilleures amitiés et de recevoir pour vous-même l'expression de mes sentiments les plus dévoués.

J. Tourguéneff.

P. S. Paulinette va très bien et me charge de vous dire les compliments les plus affectueux.

1838. Н. Н. РАШЕТ

22 мая (3 июня) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Воскресение $\frac{\text{3-го июня}}{\text{22-го мая}}$ 1866.

Я только сегодня вернулся из поездки во Францию, где провел восемь дней для свидания с дочерью — и нашел здесь Ваше письмо, на которое спешу ответить, любезнейшая Наталья Николаевна. От некоего князя Мещерского я уже узнал, что Ваши отношения с С⟨лучевским⟩ прекратились,— и потому известие, сообщенное Вами, не удивило меня. Откровенно Вам скажу, что оно даже не слишком опечалило меня. Я никогда не был слишком высокого мнения о Вашем «Амадисе» — главное его качество в моих глазах было — его неизменная преданность Вам: лишившись этого качества, он потерял для меня sa raison d'être, как говорят французы. Но господь с ним[1]! Поговорим лучше об Вас самих.— Положение Ваше довольно тяжелое; Вам еще рано сказать «довольно!». Вам еще надо жить — а обстоятельства так сложились, как будто уже дело идет к концу. Тут можно только одно присоветовать: не уединяйтесь, не запирайтесь в четырех стенах; не насилуйте ни молодости своей, с одной стороны, ни чувств своих — с другой. Если действительно ничего хорошего не представится — ну! видно так тому и быть. Но зачем же бросать карты, когда еще есть шансы? Вы сами сознаете, что сердце Ваше еще молодо и горячо: Вы не имеете права обрекать его на «вечный сон». Счастье, быть может, еще толкнется в Вашу дверь.

Я вполне одобряю мысль Вашу поселиться в Штуттгарде, именно потому, что это город хотя и тихий, но не совсем пустынный,— а для воспитания Мани Вы найдете в нем все возможные средства. Я теперь никуда не намерен выехать из Бадена — и с истинным удовольствием увижу Вас здесь — хотя поселиться Вам в Бадене, может быть, точно неудобно[2].— Мне нé для чего говорить Вам, что я сохранил о Вас самое дружелюбное воспоминание и глубоко уважаю правдивость, чистоту и доброту Вашей души. Что касается до войны, то дело еще не совсем проиграно, мир, быть может, не будет нарушен, и курс, вероятно, поднимется опять[3].

Дочь моя здорова, весела и совершенно счастлива с своим мужем, который пришелся ей по нраву и по вкусу.

Я еще не дедушка, но могу быть им. Но ведь я не только дедушка — я пра́дедушка: я стал весь белый — как лунь — до смешного.

Я здесь построил себе дом, куда намерен переехать не раньше октября[4]. И сад развел. Всё это мне стоило больших денег. Приезжайте, я Вам всё это покажу.

А пока — будьте здоровы и не унывайте. Целую Маню и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Брат мой вместе с женою находится в деревне.

1839. И. П. БОРИСОВУ

25 мая (6 июня) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
6-го июня / 25-го мая 1866.
Schillerstrasse, 277.

Милейший Иван Петрович, не скоро я собрался отвечать на Ваши два письма — зато теперь, видите, разом — и Вам, и Пете, и Фету[1].— Я только что вернулся из небольшой поездки во Францию, к моей дочери: я нашел ее здоровою и веселою; она с мужем живет в большом ладу и, вероятно, в начале будущего года произведет меня в дедушки[2]. Собственное мое здоровье недурно — ну а что касается до дел, то ничего хорошего сказать нельзя; мы здесь с часу на час ожидаем войны — и теперь уже такое господствует уныние, такой всеобщий застой во всем — что описать невозможно[3]. О поездке в Россию в нынешнем году и думать не́чего. Тем отраднее будет для меня получать Ваши письма, которые составляют почти единственное звено, соединяющее меня с родиной.

Извините за краткость этой цидули — и не пеняйте на меня, что я такой вздор настрочил Пете. Ничего в голову не лезло. Если он рассмеется — ну стало быть и хорошо.

Охота у нас начинается еще не скоро, и я, может быть, воспользуюсь этим промежутком свободного времени, чтобы опять приняться за литературничанье; впрочем, это всё в руке Аллаха — засим дружески Вас обнимаю и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1840. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

26 мая (7 июня) 1866. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 7 Juni 1866.

Liebster Freund, ich schreibe in grösster Eile und werde mich deswegen kurz fassen. Also:

1) Mme Viardot (die zu unserem allgemeinen Leidwesen noch immer am Fusse kränkelt) — lässt Ihnen folgendes sagen: *Montag früh* geht eine ihrer Schülerinnen, F⟨räu⟩lein Holmsen aus Norwegen, auf 2 Tage nach Berlin, um sich von Röder hören und engagiren zu lassen. Sie ist wildfremd in Ihrer grossen Spreestadt und darum möchte Mme Viardot, Sie empfängen sie Dienstag *früh* am Bahnhof (der Zug kommt um 8 Uhr an) — und stellten sich ihr zur Disposition. Fr⟨äul⟩ein Holmsen ist gross, schlank, hat fahlblonde Haare ein regelmässiges nordisches Gesicht, gelblich-blassen Teint und wässerig-graue Augen, trägt einen grauen Mantel. Sie werden sie schon erkennen. Man rechnet auf Ihre altbewährte und unwandelbare Liebenswürdigkeit. Fr⟨äul⟩ein Holmsen ist auch sonst ein gutes und ehrenwertes Mädchen, mit einer sehr schönen Stimme.

2) Viel Dank für die Adresse des Wunderdoctors.

3) Vom *10-ten Juli* an steht mein Haus Ihnen zur Disposition — und Frau Anstett öffnet Ihnen ihre «mütterlichen Arme» [1].

Also auf baldiges Wiedersehen und die besten Grüsse!

Ihr
I. Turgeneff.

1841. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

26 мая (7 июня) 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277,
ce 7 juin 1866.

Cher Monsieur,

Je viens de recevoir une lettre de ce bon et excellent Mérimée qui s'offre avec sa bienveillance ordinaire de mettre son nom au volume que vous avez l'intention de publier [1]; d'un autre côté M. de Mars m'écrit que la nouvelle dont je vous avais parlé (« Les Apparitions ») serait insérée dans le N° du 15 juin de la Revue [2]. Cela retarderait

(du moins je le crois, je ne connais pas vos us et coutumes) la publication séparée. Dans tous les cas, vous savez que je tiens tout prêts les articles suivants : 1° « Le Juif », 2° « Pétouchkoff », 3° « Annouchka » (que Mérimée a lu avec M. Pagonkine et dont il est resté content) [3], et 4° un récit que j'avais oublié de vous mentionner, qui est intitulé « Le Chien », et que Mérimée est en train de traduire. Cela ferait un assez gros volume avec les « Apparitions » qu'il faut y mettre. Ainsi vous n'avez qu'à dire un mot, et je vous expédie la copie. Mais peut-être vaut-il mieux remettre tout cela jusqu'à l'hiver. Enfin, vous ferez comme vous l'entendrez [4].

Les enfants de Viardot vous remercient avec effusion, non, les enfants n'ont pas *d'effusion*, enfin beaucoup, beaucoup pour les charmants livres que je leur ai remis de votre part.

On attend ici avec anxiété le premier coup de canon. Mais où partira-t-il [5] ?

Je vous serre bien cordialement la main.

Bien à vous,
J. Tourguéneff.

1842. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

30 мая (11 июня) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
$\frac{\text{11-го июня}}{\text{30-го мая}}$ 1866.

Любезнейший Жемчужников, возвращаю Вам присланные Вами деньги и записочку [1] — так как Васильчиковы уже в прошлый четверг уехали отсюда в Россию. Авдеев находится в Содене — имя и отчество его Михаил Васильевич [2]; он очень желал увидаться с Вами и просил переслать телеграмму из Франкфурта; впрочем, Вы в Швальбахе от него в двух шагах. Я недоумеваю — на чем могут быть основаны надежды Ваши на мир: кажется, в это самое мгновенье потасовка уже началась [3]. Нежелание Ваше возвратиться в Россию — мне более понятно: там всё еще свирепствует Комиссаров. Я душевно предан государю; но это «ломание стульев» — из рук вон [4].— Сообщаемый Вами itinéraire дает возможность предполагать, что Вы, может быть, еще заедете в Баден — что было бы очень хорошо.—

Мое здоровье добропорядочно; но, к сожаленью, г-жа Виардо плохо поправляется.

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

1843. О. А. НОВИКОВОЙ

4(16) июня 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
16/4-го июня 1866.

Вы так убедительно просите о таком незначительном деле — любезнейшая госпожа Новикова (извините этот французский оборот — я, каюсь, забыл Ваше отчество) — что мне поневоле вспомнились слова сказки: «Это службишка, не служба»[1]. Спешу исполнить Ваше желание.— При последнем свидании моем с Ауэрбахом[2] — у нас зашла речь о переводе его романа на русский язык с особенным предисловием от его имени; я написал одному петербургскому знакомому об этом намерении и получил в ответ, что роман уже переведен и должен появиться в одном повременном издании. Я сообщил об этом Ауэрбаху — и тем дело кончилось. Действительно был ли издан этот перевод — я не знаю: но об этом легко справиться в Петербурге — через книгопродавца Кожанчикова, напр⟨имер⟩[3].

Мне было очень приятно получить сведения о Вас — и надеюсь, что Ваше пребывание в Мариенбаде не причинено какой-нибудь серьезной болезнью. Что же касается до меня, так как Вам угодно знать, что со мною делается,— то скажу Вам, что я поселился здесь, кажется, навсегда, здоровьем своим доволен — и на родину не собираюсь. Литературный труд мой едва начат — и весьма далек от окончания[4]. Спешить я не вижу надобности — так как о печатании я уже не помышляю.

Прошу передать мое почтение Вашему супругу[5], если он находится с Вами в Мариенбаде, поклонитесь от меня Ауэрбаху и примите уверение в искреннем моем уважении и дружелюбных чувствах.

Ив. Тургенев.

1844. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

13(25) июня 1866. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 25 Juni 1866.

Mein lieber Freund,

Hiermit schick' ich Ihnen 125 Thaler (die Hälfte der noch schuldigen Summe — leider kann ich eben jetzt über mehr nicht disponiren — der Rest folgt aber baldigst) [1], wenn ich bis jetzt es nicht gethan habe, so ist es der einfache Grund daran — dass ich Ihren ersten Brief *gar nicht bekommen habe* [2] — er muss [a] während einer kleinen Reise, die ich nach Frankreich vor 3 Wochen gethan habe, verloren gegangen sein — ich werde Nachsuchungen anstellen lassen. Es ist mir sehr unangenehm gewesen — und ich hoffe diese Verzögerung wird keine schlimme Folgen gehabt haben.

Ich schreibe Ihnen bald wieder [3] — unterdem drücke ich Ihnen die Hand auf's Herzlichste.

I. Turgeneff.

1845. А. А. ФЕТУ

15(27) июня 1866. Баден-Баден

Фету.

Любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, Михайла Александрович Языков, помнится, так однажды отозвался о наших давно прошедших литературных петербургских вечерах: «соберутся, разлягутся — да — вдруг один встанет и, ни слова не говоря, другому череп долой». Наша переписка приняла этот анатомический характер — и это, пока, не беда: я даже сегодня хочу продолжать в этом роде. И не подумайте, что я это в отместку за Ваше мнение о «Собаке»; я это мнение почти вполне разделяю — оттого я эту вещь и не поместил в собрании своих сочинений [1], — а появление ее в «С.-П⟨етер⟩бургских ведомостях» служит только новым доказательством моего неумения сказать: нет; моя претензия на Вас состоит в том, что Вы всё еще с прежним, уже носящим все признаки собачьей старости упорством нападаете на то, что Вы величаете «рассудительством», но что в сущности не что иное, как человечес-

---

[a] *Далее зачеркнуто:* wegen

кая мысль и человеческое знание; моя претензия состоит в том, что Вы не только не устыдились произнести сообщаемый Вами «спич» — но даже цитируете этот спич несколько месяцев спустя, как нечто замечательно остроумное, не обращая даже внимания на то, что *теперь* около Вас происходит и какие господа тянут с Вами эту канитель[2]. Вы видите, что наш «старый спор» ещё не взвешен судьбою — и, вероятно, не скоро прекратится[3]. В ответ на все эти нападки на рассудок, на эти рекомендации инстинкта и непосредственности мы здесь на западе отвечаем спокойно: «Wir wissen's besser; — das ist ein alter Dudelsack»[4] — и, извините, отсылаем Вас в школу. Роман Толстого плох не потому, что он также заразился «рассудительством»: этой беды ему бояться нечего; он плох потому, что автор ничего не изучил, ничего не знает и под именем Кутузова и Багратиона выводит нам каких-то, рабски списанных, современных генеральчиков[5].— Вы называете себя умершим поэтом — что несправедливо; но и с умершими поэтами могут случиться бе́ды: пример — наш ех-друг, Некрасов[6].

Однако — довольно; этак, пожалуй, договоришься до чертиков, а мне бы этого не хотелось — ибо Вы знаете, что я Вас люблю искренно, несмотря на Ваш талант заставлять меня перхать кровью. Мне очень было приятно узнать, что Вы провели несколько времени у моего доброго старика дяди — в «Афинах вольнонаемного труда»[7] (между нами сказать, эти «Афины», к сожалению, до сих пор приносят ежегодно несколько сотен рублей... убытку: не всё то золото — что блестит). Он Вас искренно любит и дорожит Вами и всем Вашим семейством. А я окончательно прирос к баденской почве, никуда отсюда в нынешнем году не выеду — и был бы совершенно счастлив, если б мог поспорить с Вами хорошенько — изустно — здесь под моим кровом; надеюсь, что это когда-нибудь случится — если не в нынешнем году, так в будущем. А пока будьте здоровы, не гневайтесь на Вашего древнего оппонента и благоденствуйте. Кланяюсь Марье Петровне, жму Вам руку.

Ваш

Ив. Тургенев.

1846. МАКСИМИЛИАНУ ФРЕДРО

21 июня (3 июля) 1866. Баден-Баден (?)

Mon cher ami,

Dites-moi, si vous la savez, *l'adresse* exacte de Mme Moukhanoff en ce moment ; il y a quelqu'un qui en a besoin [1].

Mille amitiés

J. Tourguéneff.

Mardi matin.

1847. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

23 июня (5 июля) 1866. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 5 Juli 1866.

Mein lieber Freund,

Ich brauche Ihnen nicht zu sagen, wie ich mich freuen würde, Sie zu sehen: aber ich muss Sie bitten, Ihre Reise hierher auf einige Zeit aufzuschieben, in Folge der letzten Ereignisse hat sich die Stimmung hier zu einer Erbitterung gesteigert, die mich befürchten lässt, es könnte Ihnen etwas Unangenehmes passiren — besonders da die Bundes Armee (mit dem badischen Contingent) wahrscheinlich in den nächsten Tagen mit den Preussen zusammenstossen wird — und das Resultat schon jetzt vorhergesagt werden kann [1]. Ich glaube, es wäre rathsamer, die Lösung abzuwarten — die ohnehin — allem Anschein nach — nicht lange auf sich warten lassen wird. Jedenfalls kommen Sie jetzt nicht — wenn es möglich sein wird, schreibe ich Ihnen unverzüglich [2].

Madame Viardot geht es besser — aber der Fuss ist noch nicht ganz heil — und sie muss sich schonen; meine Gesundheit ist gut — und sonst steht alles leidlich — aber wir leben in wunderlichen Zeiten.

Auf baldiges Wiedersehen, hoffentlich

Ihr
I. Turgeneff.

1848. О. А. НОВИКОВОЙ

28 июня (10 июля) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
10 июля 1866.

Любезнейшая Ольга Алексеевна, спешу довести до Вашего сведения, что г-жа Муханова (Калержи) действительно проживает здесь в собственном доме — и, сколько я слышал, не намерена вскорости покинуть Баден.

Я с тем большей готовностью сообщаю желаемую Вами справку, что это может доставить нам удовольствие видеть Вас в Бадене[1].

Я передал В. П. Боткину Ваш поклон — он очень благодарен Вам за память — но в Мариенбад ему не дорога, так как он собирается на морские ванны — а Богемия только у Шекспира считается приморским государством[2].

Засим, в ожидании приятного свидания, прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте:

Böhmen. Madame Olga Novikoff.
Bad *Marienbad.*

1849. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

16(28) июля 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, ⟨277⟩.
Ce 28 juillet 1866.

Cher Monsieur,

Il y a un siècle que j'aurais dû répondre à votre lettre, et je n'ai aucune excuse à vous donner, prenez ma tête! Enfin si vous n'êtes pas paresseux vous-même, je suis sûr que vous comprenez qu'on le soit.

J'ai envoyé, il y a cinq à six jours, les deux nouvelles « Pétouchkoff » et « Le Juif », à Mérimée, il a naturellement sa traduction manuscrite du «Chien», «Les Apparitions» ont paru dans la Revue; et « Annouchka », dans la traduction de M. Pagonkine doit être aussi dans vos mains et dans celles de Mérimée. Voici donc tous les éléments de notre petit volume réunis; vous le ferez paraître quand vous voudrez, et vous mettrez les cinq machines dans l'ordre

que vous voudrez. Il faudrait peut-être commencer par « Les Apparitions » pour pouvoir mettre ce titre un peu voyant sur la couverture. Mais tout ceci dépend de vous [1].

Pas la moindre nouvelle de Wolff. Et vous, en avez-vous ? Il paraît que nous allons avoir la paix. Il est difficile de prévoir ce qui en sortira, une Prusse énorme et une Italie très agrandie, dans tous les cas. Si c'est là le but vers lequel tendait le gouvernement français, il peut se vanter de l'avoir complètement atteint [2].

Ne viendrez-vous pas à Bade cette année-ci ? Nous vivons ici dans la tranquillité la plus profonde et le choléra nous a toujours respecté jusqu'à présent [3].

Mille amitiés.

J. Tourguéneff.

1850. Н. Н. РАШЕТ

17 (29) июля 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
29/17-го июля 1866.
Воскресение.

Я сегодня получил Ваше письмо, любезнейшая Наталья Александровна [a] — и, как видите, отвечаю немедленно, чтобы удовлетворить Ваше желание, а также чтобы доказать Вам, насколько меня трогает Ваше доверие. Для большей аккуратности расположу мое письмо по пунктам.

1) Намерение Ваше не склониться на просьбы С⟨лучевского⟩ и не сделаться его женою — я одобряю. Утратив свое главное качество: преданность и верность Амадиса Галльского [1] — он утратил, как говорят французы, sa raison d'être — и уже не представляет ничего особенно привлекательного и надежного — тем более, что, сколько я могу судить, чувство Ваше к нему было скорее плодом усилия и воли, чем движением сердца.

2) При нежелании Вашем оставаться в России поездка за границу не представляет также ничего предосудительного. Война не должна пугать Вас — сообщения, за весьма малыми исключениями, совершенно свободны; да теперь же перемирие заключено, которое в весьма скорое время превратится в окончательный мир [2]. Итак, Вам бояться и сомневаться решительно нечего.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3) Насчет Вашего будущего места жительства заранее ничего определительного сказать нельзя. Жить теперь везде можно — даже Дрезден по-прежнему наполнен русскими семействами[3] — и я не знаю, почему Вам кажется, что о Штуттгарде — «и думать нельзя». Разве у Вас есть какие-нибудь *свои* причины — а политических или военных причин нет никаких. Брюссель, о котором Вы спрашиваете, дешевле Парижа, но дороже Гейдельберга, Штуттгарда и др., не говоря уже о швейцарских городах. О Бадене я Вам не говорю по двум причинам: во-первых, здесь весьма недостаточны и неудовлетворительны педагогические средства (а у Вас две девочки), *а во-вторых, постоянное пребывание Ваше здесь имело бы другие неудобства для Вас*[4]. Но мне было бы весьма приятно увидеться здесь с Вами временно и дать Вам изустно все советы, которые Вы потребуете и которые внушит мне чувство истинной приязни, которое я к Вам питаю.

Сам же я отсюда никуда не намерен отлучаться в течение нынешнего года. Здоровье мое порядочно — и я опять, хотя довольно лениво, принялся за работу[5].

Итак, быть может, в надежде скорого свидания, жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1851. М. Н. КАТКОВУ

26 июля (7 августа) 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 7 août 1866.

Cher Monsieur,

Je me permets de vous recommander, aussi chaudement que possible, une bonne connaissance à moi, Mr B. Cossmann, le nouveau professeur de violoncelle au Conservatoire de Moscou. Vous aimez trop la Russie pour ne pas vous réjouir de tout ce qui peut lui être utile — et je ne doute pas que Mr Cossmann, artiste et professeur éminent, ne soit appelé à rendre de grands services à l'enseignement musical chez nous. Il faut faire en sorte qu'il s'acclimate à Moscou — et je ne doute pas que vous ne mettiez à son service les ressources de votre puissante publicité[1].

Permettez-moi de vous en remercier d'avance et croyez, cher Monsieur, à mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

1852. ПОЛИНЕ БРЮЭР

3(15) августа 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 15 août 1866.

Chère Paulinette,

Je m'empresse de répondre à ta bonne petite lettre pour tâcher de réparer mon long silence. Je suis enchanté des bonnes nouvelles que tu donnes — et j'espère que tout marchera comme nous le désirons tous ; soigne surtout ta santé et ne fais pas d'imprudence.

Quant à moi, je vais très bien — et Bade a joui de la tranquillité la plus profonde ; personne n'aurait dit qu'on s'égorgeait à deux pas de nous [1]. Quand je dis deux pas — c'est deux cents kilomètres qu'il faut lire. Maintenant la paix va être faite — et si la France ne se remue pas, tout rentrera dans le train-train habituel. Les arrangements de ma maison s'avancent avec une sage lenteur : je commence à croire que je n'y entrerai qu'au printemps prochain.

Je ne puis encore préciser l'époque de mon voyage en France [2]: mais ce sera certainement avant la fin de l'année : je vous avertirai et cette fois je promets d'être exact, comme un coucou de la Forêt-Noire [3]. Salue Mme Innis de ma part, ainsi que toute ta famille ; quant à Gaston, je l'embrasse de grand cœur ainsi que toi.

Ton vieux papa
J. Tourguéneff.

1853. М. Н. КАТКОВУ

3(15) августа 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
3/15 августа 1866.

Почтеннейший Михаил Никифорович,— Вы, вероятно, пеняли на меня за мое молчание, если только могли, среди многочисленных Ваших занятий, вспомнить мое обещание прислать Вам перевод «Лазарилья де Тормеса» [1]. Дело в том, что я непременно сдержал бы это обещание, если б не случилось следующего факта: а именно, я снова принялся за большой, два года тому назад начатый роман — и настолько его подвинул, что могу с достоверностью назна-

чить месяц ноябрь как самый поздн⟨ий⟩ срок окончания мо⟨ей работы⟩[2].

Вы, быть может, не забыли, что я только потому Вам предлагал перевод с испанского, что возымел намерение на некоторое время перервать мою собственнолитературную деятельность; но теперь дело приняло другой оборот — и я не желал бы выступить снова перед публикой [a] с чем-нибудь не довольно серьозным. А потому позвольте поставить Вам следующий вопрос: желаете ли Вы поместить мой роман в «Русском вестнике» — и согласны ли Вы на те условия, на которых я помещал у Вас мои прежние произведения? Печатание романа (не превосходящего 12 или 13 листов Вашего шрифта) могло бы начаться с нового го⟨да⟩, и рукопись была бы Вам доставлена в середине декабря. Гг. В. Боткин и Ковалевский слышали чтение некоторых глав и выразили свое одобрение [3]. Я бы очень был Вам обязан, если б Вы потрудились в скором времени дать ответ на мой вопрос. Я остаюсь в Бадене до будущей весны — и адресс мой не меняется.

Засим прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

1854. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

3(15) августа 1866. Баден-Баден

Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 15 Aug. 1866.

Lieber Freund,

Ich hätte Ihnen schon längst wissen lassen, dass Sie nach Baden kommen können und dass ich Sie erwarte — aber es hat sich ein Russe bei mir etablirt. (Ich verhielt mich dabei passiv) — und er geht fort erst Ende dieser Woche [1]. Vom künftigen *Dienstag* an also erwarte ich Sie ganz gewiss und dann bleiben Sie natürlich so lange es Ihnen plaisir macht [2].

Mit Mr. Viardot geht es gut — auch sonst mit dem ganzen Hause — nur ist das Wetter beständig schlecht und die Jagd wenig ergiebig. Also auf baldiges Wiedersehen! Ein freundlicher Gruss allen Freunden und ein kräftiger Händedruck von Ihrem

I. Turgenev.

[a] *В подлиннике:* публику

1855. О. А. НОВИКОВОЙ

Июль — 7(19) августа 1866. Баден-Баден

Любезнейшая Ольга Алексеевна, посылаю Вам адресс Берлинского цирюльника:

Zimmermann, Barbier Chirurg und Heilgehülfe, Rosenthalerstrasse, 20. Berlin.

К сожалению, я не буду иметь удовольствия видеть Вас сегодня — ибо отправляюсь в Карлсруэ по делам.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Воскресение.

1856. В. П. БОТКИНУ

10(22) августа 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Середа, 22-го августа 1866.

Любезнейший Василий Петрович, получил я твою плачевную эпистолию[1] — и хотя не без сожаления, но и не без некоторого злорадства подумал: «несла же его нелегкая отсюда!». Погода и здесь стояла прескверная — но по крайней мере было общество, комнатой и столом ты был доволен — и, наконец, предстояла возможность услышать хорошую музыку. Но я не хочу еще более растравлять твои раны и скажу тебе только, что здесь весьма часто о тебе поминали и увидали бы тебя с удовольствием, если б судьба снова занесла тебя на берега мирной Оос.

Добродетельный Н. В. Ханыков гостил у меня две недели, потом ездил в Гейдельберг — и снова сюда воротился, но живет теперь в Hôtel d'Augustine, так как с завтрашнего дня у меня поселяется некто Питч, живописец из Берлина.

Ковалевский[2] уехал; г-жа Рашет была здесь два дня и отправилась в Стуттгардт. Она очень мила, хотя ты и поразил ее остракизмом во время твоих квартетов.

Народу сюда наехало пропасть; из музыкантов здесь Брамс и Аберт; Италианская труппа незавидна. Mme Виардо дала блестящий концерт в пользу разоренных жителей северной части Великого герцог⟨ств⟩а [a] Баденского[3];

[a] *В подлиннике ошибочно:* герцога

с будущего воскресенья вновь начинаются ее matinées. Вместе с твоим письмом пришло и письмо от Мериме[4], из которого оказывается, что он не получал пакета, который я просил тебя передать ему. Это тем неприятнее, что в нем заключались экземпляры моих вещей, переведенных на французский язык, которых я больше не имею. Ты, вероятно, забыл этот пакет в кармане твоего дорожного пальто, куда мы его с таким усилием втискали[5]. Сделай одолжение, если ты его отыщешь, отошли его немедленно по следующему адрессу: Mr Prosper Mérimée, rue de Lille, 52. Paris.

Поклонись от меня любезнейшей г-же Абазе. Не вздумает ли она сюда приехать? — Г-жа Новикова покинула Баден и свирепствует теперь в Эмсе.— От Гончарова я получил письмо из Булоня[6]: он тоже недоволен. Но авось теперь погода поправится.

Я теперь беспрестанно таскаюсь на охоту — но, к сожалению, дичи немного. Работа попризатихла.

Засим дружески жму тебе руку и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

1857. Н. Н. РАШЕТ

23 августа (4 сентября) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Вторник, 4-го сент. 66.

Милая Наталья Николаевна, если я Вам не тотчас отвечал — то единственно потому, что довольно сильно был болен — даже неделю пролежал в постели, однако теперь мне гораздо лучше, и я скоро буду опять выходить. Я очень рад, что Вы основались в Штуттгардте,— всё же это не так далеко — и сверх того, там, я знаю, живут хорошие люди — и Вам будет недурно. Я знал наперед, что Вам Гартманны понравятся, и уверен, что и Вы им понравились.

О Cathrinenstift[1] я ничего не знаю, но непременно соберу сведения и извещу Вас.

Посылаю для Мани один экземпляр моего перевода сказок Перро, с иллюстрациями Дорэ — помните, над которым и Вы трудились[2].

Крепко жму Вам руку и желаю здоровья и всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1858. А. А. ФЕТУ

24 августа (5 сентября) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
5-го сент. / 24-го авгус. 1866.

Любезнейший друг Афанасий Афанасьевич, давно бы следовало мне отвечать на Ваше письмо[1] — да всякие помехи повстречались — между прочим даже нездоровье — дело редкостное в Бадене! Но теперь я поправился и хочу Вам настрочить несколько слов.

Не буду вдаваться ни в философию, ни в политику: *сия* без нас делается — клянусь Вам честью, что Бисмарк со мной не советовался, когда создавал новую Пруссию или, пожалуй, новую Германию, — а *оная* ни к какому удовлетворительному результату не приводит, разве только к тому, что вот два старых приятеля — и не глупых, кажись, человека — 20 лет сряду мелют, мелют языком и никак даже понять друг друга не могут. Будем лучше беседовать об охоте — и, пожалуй, о литературе.

Я успел быть до болезни семь раз на охоте: в 1-й р⟨аз⟩ ухлопал 3 куроп⟨атки⟩ и 2 зайца; во 2-й — 6 кур⟨опаток⟩ и 5 зайц⟨ев⟩; в 3-й — 8 кур⟨опаток⟩ и 3 зайц⟨а⟩; в 4-й — 11 кур⟨опаток⟩, 5 зайц⟨ев⟩ и 1 перепела; в 5-й — 5 кур⟨опаток⟩ и 1 переп⟨ела⟩; в 6-й — 9 куроп⟨аток⟩; в 7-й — 14 кур⟨опаток⟩, 4 фазанов, 4 зайц⟨ев⟩ и 1 перепела — всего 56 кур⟨опаток⟩, 19 зайц⟨ев⟩, 4 фазана и 2-х перепел⟨ов⟩ = = 81 штука. Это не огромно, но и недурно. Что-то будет дальше? Охота только что начинается. Пес у меня всё тот же, превосходнейший — ружье я себе завел новое, отличное — и стал я стрелять чрезвычайно удовлетворительно — редко даю промах. Проклятая болезнь лишила меня по крайней мере двух или трех хороших охот. Мы с Виардо наняли очень порядочную новую охоту.

Ну вот и об охоте. А о литературе что сказать? Сиречь о российской? Махнуть рукой и прочь пойти. Я, однако, понемногу высиживаю какое-то несчастное полуискалеченное детище[2].

Кстати об «Афинах земледелия»[3]! Эти Афины *поедают* у меня в год с лишком на 1000 рублей — вот Вам и доходы! Трудно — между нами — представить что-нибудь более неправдоподобно-безобразное, чем управление моими имениями. Это становится невозможным, и я с ранней весной отъявляюсь в Спасское, для того чтобы принять посильные

меры против околенья голодною смертью [4]. Тут нет никакого преувеличения: тут голые факты, которые я Вам когда-нибудь представлю воочию.

Мне очень приятно слышать, что Ваши дела идут порядочно — и что Степановка процветает. Дай Вам бог насладиться вполне этой пристанью, после всех — впрочем, более воображаемых — треволнений.

Я от Боткина получил письмо [5], из которого видно, что он снова собирается сюда — перед возвращением в любезное отечество.

А засим прощайте, будьте здоровы, дружески кланяюсь Вашей жене и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1859. И. П. БОРИСОВУ

26 августа (7 сентября) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
7-го сентяб. / 26-го августа 1866.

Любезнейший Иван Петрович, передо мною опять лежат два большие — и как водится — преинтересные письма от Вас [1] — и я берусь за перо и отвечаю.— Как уже Вам известно, в Германии совершилось замирение полное — и если наш сосед не затеет какой-нибудь катавасии, ничто не помешает Пруссии преспокойно забрать себе в карман всю Северную Германию; да и то, говорят, внимание соседа устремлено более теперь на восточные дела [2]. В Бадене же было всегда нарочито тихо — а теперь шумят одне кринолины парижских лореток.

Охота началась — но, к сожаленью, погода стоит прескверная — холод и дожди — и куропаток в нынешнем году уродилось мало; к тому же я прихворнул и с неделю вылежал дома: со всем тем я уже убил около 85 штук дичи. Пес у меня всё тот же удивительный Пегаз, который даже в печать попал — и ружье такое — что, как говорится, что в рот, то спасибо. Всё, стало быть, в исправности; одно скверно: денег присылается мало, да так мало, что коренные преобразования становятся очевидно необходимы; для приведения их в действо, по мере сил, я приезжаю в Спасское весною — в первых числах

апреля — и останусь там сколько будет нужно. Но об этом еще речь впереди.

Вам действительно необходимо нужно вывезти Вашего умницу[3] на обучение в Москву, но я не предвижу для Вас возможности в первую же зиму расстаться с ним: придется Вам взять в Москве квартерку — не разорит же это Вас. А Вы ему от меня поклонитесь — и скажите, что очередь стихов за ним; а я не отстану: на всякое его послание сей час отгряну эпистолией. Кстати же у меня других литературных занятий нет — так как мой роман подвигается весьма медленным ходом, средним между черепашьим и раковым.

Фетушке я написал на днях письмо в Степановку[4]: ах, зачем он это по временам помещает такие слабосильные стишки в «Русском вестнике»[5] — которые только напоминают прежние соловьиные звуки? Точно человек накушался фиалок — и испускает потом бессильные отрыжки. Но Вы еще благополучны — Вы не получаете «Отечественных записок», — а я страдаю этим несчастьем: там есть перевод безобразных «Тружеников моря» господина Гюго... О! О! О!.. И «Петербургские трущобы» г-на Крестовского. У... У... У[6]!

Так и вторая дочь Шеншина замужем... Ну, эта премиленькая. А я думаю, из старшей вышла такая бой-барыня, что у ее супруга затылок должен трястись[7]. Посмотрел бы я на всю эту молодую жизнь. Да вот бог даст весной. Правда ли, говорят, у вас сильная холера? Бедного доктора жалко.

Крепко жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

1860. Н. Н. РАШЕТ

30 августа (11 сентября) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
11-го сент. 1866. Вторник.

Милая Наталья Николаевна, мне приходится разом отвечать на Ваши два письма, что я и исполняю с удовольствием. Чтобы доказать Вам, что я нисколько не нахожу отяготительным давать Вам советы, начну сейчас с следующего:

Выкиньте из головы, что Вы больны; Вы просто страдаете скукой, чувством пустоты Вашей жизни, непра-

вильности Вашего положения: всё это действительно довольно тяжело, но твердостью и постоянством всё можно победить. Вы должны себе сказать, что Вы поселились в Штуттгарде для Ваших детей, и, свыкнувшись с этой мыслью, не давать уже никаким неопределенным стремлениям — власти над собою. Понемногу всё успокоится — и жизнь пойдет своим чередом. Не советую Вам также отлучаться из Штуттгарда, пока Ваша глухая тоска совершенно не угомонится.

С г-жой Свербеевой Вам непременно надо познакомиться. Она очень хорошая и добрая женщина.

Вы напрасно так извиняетесь передо мною и находите во мне столько доброты: всё, что я сделал, не заслуживает даже названья службишки[1]. Я полагаю, Вам не менее моего хорошо известны причины, почему Вам в Бадене было бы неудобно поместиться[2]. Вы теперь в Штуттгарде— оставайтесь там по крайней мере до весны, а после Вы сами увидите. Но не давайте другим колебать Ваше решение — и сами под себя не подкапывайтесь.

Здоровье мое до того поправилось, что я вчера был на охоте — но устал ужасно и стрелял прескверно. Погода уж больно нехороша.

Поклонитесь от меня Гартманнам, поцелуйте детей и примите уверение в моей искренней преданности.

Ив. Тургенев.

1861. ПОЛИНЕ БРЮЭР

7 (19) сентября 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 19 septembre 1866.

Chère Paulinette,

Tu as raison — j'aurais dû t'écrire dès le lendemain de ma guérison. J'ai eu tort et je m'empresse de réparer mon oubli en te faisant savoir que je me porte bien, que je suis déjà retourné à la chasse — et que ma maladie — assez peu grave d'ailleurs — ne m'a retenu au lit que cinq jours. Maintenant tout va bien.

Quant à toi, je te recommande de la prudence — et surtout — ennuie-toi. Cela a l'air d'une plaisanterie — mais c'est parfaitement sérieux. En te résignant à un ennui de quelques semaines tu fais les affaires du petit être que tu portes dans ton sein — et qui est destiné peut-être à te

causer les plus grandes joies — ainsi qu'à tous ses parents. De l'immobilité et du calme — voilà les choses nécessaires — et je ne doute pas que tu n'en sois persuadée.

Je suis bien vivement reconnaissant à Mme Innis de son intention de venir passer avec toi le mois d'octobre — cela est digne de cette excellente femme — et ç'a été vraiment un grand bonheur pour nous de l'avoir rencontrée.

Je suis également content de voir Gaston déployer beaucoup d'activité : devenez riches si c'est possible — mais travaillez dans tous les cas [1].

Je l'embrasse cordialement ainsi que toi — et je te prie de présenter mes meilleures amitiés à Mr et à Mme Bruère.

J. Tourguéneff.

1862. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

7 (19) сентября 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 19 septembre 1866.

Chère Madame,

Vous êtes la bonté même et votre lettre m'a extrêmement touché. Croyez que je suis bien sensible à l'amitié que vous voulez bien avoir pour moi. Je m'empresse de vous faire savoir — selon votre désir — que ma santé est parfaitement rétablie, que je suis déjà allé à la chasse, et que je compte y retourner demain. L'attaque a été assez vive — mais elle n'a pas duré longtemps. Je suis du reste en de très bonnes mains — nous avons ici un excellent docteur — et soigné aussi bien qu'on peut le désirer. Il faut de temps en temps payer ces petites dettes-là, sans cela la vie serait trop douce.

J'ai souvent pensé à vous cet été — je savais que vous n'étiez pas aussi bien que vos amis le désirent — et le rhume dont vous me parlez me préoccupe. J'aurais été bien heureux de vous voir à Bade et je crois que dans d'autres conditions ce voyage vous aurait fait grand bien — mais nous avons eu une si misérable saison — un temps si constamment détestable, que je ne puis en conscience regretter que vous n'ayez pas quitté votre confortable maison de Passy. Espérons que ce ne sera que partie remise et en attendant soignez-vous bien.

Je reçois des lettres de Paulinette — elle semble être contente de la marche des affaires à la verrerie — mais elle

s'ennuie un peu. Du reste, je crois qu'elle y est parfaitement résignée — les petites étourderies de l'année passée ayant eu un résultat si pénible pour elle [1]. Il faut aussi que je devienne grand'père à la fin. Je serai bien content de savoir Mme Innis à ses côtés.

Je me suis remis au travail — et là tout marche bien. Mon roman paraîtra en Russie au commencement de l'année [2].

Je vous remercie de me donner des renseignements sur vos enfants ; tout ce qui tient à vous m'est cher — et quant à Mme Nadaillac, je lui ai voué une affection véritable.

Adieu, chère Madame — et merci encore une fois. Je compte aller à Paris vers la fin de novembre et vous aurez, comme de coutume, ma première visite. Je vous embrases les mains en attendant et reste

votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

1863. М. Н. КАТКОВУ

9(21) сентября 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
9-го/21-го сентяб. 1866.

Довольно продолжительная и серьезная болезнь помешала мне тотчас отвечать Вам [1], почтеннейший Михаил Никифорович; но теперь я выздоровел и немедленно берусь за перо.

Обещаю доставить Вам мою рукопись к концу декабря нашего стиля; в этом Вы можете быть уверены. Если Вы желаете поместить мое произведение непременно в первой книжке «Русского вестника» — то я и на это согласен; с другой стороны, мне очень было бы важно самому держать корректуру [2], причем, если Вы помните, часто происходили перемены и прибавления в моих статьях [3]; а так как мне, по делам моим, придется прожить весь *март* месяц в Москве, то в случае, если б Вы решились отложить печатание до 3-й книжки, это пришлось бы очень кстати. Впрочем я повторяю, что предоставляю это всё на Вашу волю и рукопись доставлю к концу года.

Благодарю Вас за выраженное Вами лестное мнение обо мне,— и постараюсь оправдать это мнение,— а засим прошу принять выражение моего совершенного уважения и преданности.

Ив. Тургенев.

1864. Н. В. ХАНЫКОВУ

16(28) сентября 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
28-го сентября 1866.

Любезнейший Николай Владимирович, примите искреннее спасибо за изъявление участия. Здоровье мое совершенно поправилось — и я уже был несколько раз на охоте. Спасибо также за доставленные сведения: признаюсь, несмотря на всю мою привязанность к Бадену, я бы с удовольствием объявился — « in Ihrem Bunde der fünfte » на обеде, данном меценатом Боткиным[1]. Радует меня также, как читателя, известие о романе Гончарова[2]: будем надеяться, что отзыв Боткина произошел не из чувства комфорта, чистого белья, теплой комнаты, удобного седалища и правильного пищеварения (при подобных условиях он однажды при мне сказал бедному Полонскому, читавшему нам свою *польскую* драму, что он въезжает в литературу на *белом коне*!)[3] — но, напротив, будем думать, что отзыв этот совершенно справедлив и продиктован ему его бесспорно тонким и верным вкусом.

Кстати, как читатель я очень огорчен моим правительством; оно вздумало запретить «С.-П.бургские ведомости»[4], которые я выписал как невиннейшую из всех газет, настоящих и будущих. За завтраком чувствую сильно недостаток этого « carré de papier ».

Процесс г. г. Круи-Шанеля и др. поразил также и меня — в моральном смысле, спешу прибавить — карман мой тут ни при чем. А мы еще толкуем о республике! Очевидно, что этот злополучный кассир был ослеплен Венгерской короной, Папой, императором и т. д.[5] На дне сердца у каждого буржуа сидит не крокодил, как пел Батюшков[6], а лакейчик в галунчиках.

Каракозовская история оканчивается, по-видимому,— «пшиком» — и я этому рад, хотя это, быть может, и огорчит Василия Петровича. А то уж очень становилось странно в воздухе, и я до сих пор не переварил письма Делянова к какому-то архиерею — так и повеяло букетом Магницкого и Ширинского[7].

Очень сожалею о неприбытии — вследствие нездоровья — Николая Ивановича[8]; передайте ему и всей его семье мой усердный поклон.

А засим дружески жму Вам и всем русским друзьям в Париже руки и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

P. S. Скажите Боткину, что переданный им пакет на имя Мериме отыскался[9].

1865. В. П. БОТКИНУ

29 сентября (11 октября) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Четверг $\frac{\text{11-го окт.}}{\text{29-го сен.}}$ 1866.

Любезнейший друг Василий Петрович, дня три тому назад получил я твое письмо[1] и хочу послать тебе весточку о себе прежде, чем ты выедешь из твоей Капуи — Парижа. Очень мы все сожалели здесь о том, что ты не завернул в Баден на возвратном пути в Россию: мы бы здесь тебя поподчивали хорошей музыкой. Г-жа Абаза заезжала сюда на несколько дней и оставила здесь очень приятное о себе воспоминание: она хорошая и милая женщина и музыкантша серьезная, не чета нашим барыням, которые только глаза закатывают на чувствительных местах, а впрочем больше пищат или бренчат. Впрочем всё здесь обстоит довольно благополучно: погода поправилась и даже выпало несколько чудесных дней,— одно скверно: холера появилась в Раштате; ну да ведь она везде. Работа моя подвигается медленно — но я скоро засяду: я должен привезти мой роман совсем готовый в Москву к февралю[2]. С половины января до половины апреля я в Россию— и конечно буду часто с тобою видеться.

Огорчило меня очень известие о Дудышкине[3]: хороший и умный был человек — жаль его — кружок наш сужается быстро — новые не заменяют старых — и не заменили бы, если б даже хотели. Но странно мне, что ни в «Петербургских» ни в «Московских ведомостях», ни в «Северной почте» нету некрологической статейки — может быть, слух этот еще окажется несправедливым.

Радуюсь я твоему отзыву о Гончарове[4]: старички-то еще, видно, могут постоять за себя. Вот и ты—какую штуку выкинул[5]: я даже голову преклонил в знак почтения; это ты напрасно приписываешь влиянию морского воздуха;

это игра жизни, которая еще заявляет себя. Да здравствуют 50-тилетние мужи!

Читаю я теперь в свободные минуты сочинение Иоганна Шерра: « Deutsche Kultur — und Sitten-Geschichte »[6]. Рекомендую тебе эту прекрасную книгу, ясную как день, интересную как роман.

А засим прощай, будь здоров — и если бог даст, до свидания — в Петербурге, в конце января.

Твой Ив. Тургенев.

P.S. Поклонись Тургеневым, Ханыкову, Щербаню и прочей братье. Виардо тебе кланяются.

1866. А. А. ФЕТУ

30 сентября (12 октября) 1866. Баден-Баден

А. А. Фету[1]

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
12-го окт. / 30-го сент. 1866.

Получил я Ваше письмо[2], любезнейший Афанасий Афанасьевич. Оно очень многоречиво и внушено Вам чувством искреннего участия; но я отвечу Вам фактами, после которых Вы, вероятно, по обещанию Вашему, «красноречиво умолкнете».

1.) Мне писал дядя, что он мне выслал 4000 руб.[3] на имя Ахенбаха[4]; я никак не мог предполагать, что он выслал мне нечто другое, а не именно эти деньги, 4000 руб. сер.— ибо 20-ти процентное уменьшение выкупных и прочих сумм — есть факт, известный даже нашим государственным людям; и с какой стати я буду писать другому, что я ему высылаю 4000 р.— если знаю наверное, что высылаю всего 3500? Впрочем, я с тех пор получил от дяди письмо, в котором он говорит о Вашем посещении[5], но, конечно, даже полусловом не упоминает о моем письме, якобы его «убившем»[6].

2.) Я с прошлого июля до нынешнего октября месяца получил *всего* доходных денег с моих имений около 2000 р. сер.: *все* остальные поступившие деньги происходили от выкупов и *продаж* земли. Находите ли Вы подобный *доход* достаточным?

3.) «Афины русского земледелия», как Вы изящно прозвали Спасское[7], не только *ничего* не приносят —

но я даже не могу добиться отчета о действиях и ходе пресловутой фермы. Лучшим доказательством справедливости моих слов служит сделанное мне на днях предложение моим дядей: отдать Спасское, имение, лежащее в 10 верстах от Мценска и состоящее из 1200 десятин отличной земли в круглой меже — какому-то арендатору на *девять лет и девять месяцев* (!) за какую Вы полагаете сумму? — За 1400 р. сер. в год, т. е. за сумму, которую Вы бы, вероятно, с хохотом отвергли, если б ее предложили Вам за Вашу Степановку.

Мне кажется, достаточно этих трех фактов, в которых прошу не сомневаться *ни одной секунды*, — чтобы устранить навсегда замечания насчет требований доходов в *августе*, рассуждения о том, что как возможно русскому в Бадене не знать, что выкупные бумажки продаются по 80 р., и т. д. и т. д.

А подумаешь — сколько Вами при этом случае потрачено красноречия, сколько даже философии! Тут и цифры, и цитаты из Гёте, и даже рука, положенная на совесть! А кажется, самое имя Ахенбаха должно было несколько охладить Ваше рвение, напомнив Вам знаменитое искание *баденских* банкиров по московским конторам *чайных* магазинов [8].

Но довольно об этом. Уверяю Вас, что я не так легкомыслен, как Вы полагаете, и при нашем свидании весною — Вы убедитесь на деле в строжайшей справедливости моих воззрений. А думать вслух Вы можете при мне совершенно свободно: я умею выслушивать всё — и особенно от человека, которого люблю искренно, как Вас.

Вот и не осталось места для сообщения других, более приятных новостей. Скажу Вам, что я пока здоров и убил всего 162 штуки разной дичи — 103 куропатки, 46 зайцев, 9 фазанов и 4 перепела. Засим кланяюсь Вашей милой жене и дружески жму Вам руку.

Ваш Ив. Т.

P. S. Виардо Вам кланяются. Положенное ею на музыку Ваше «Тихо вечер догорает» производит фурор в Париже.

1867. И. П. БОРИСОВУ

30 сентября (12 октября) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
12-го окт. / 30-го сент. 1866. Пятница.

Любезнейший Иван Петрович, Ваше большое письмо от 4/16-го сент⟨ября⟩ пришло в свое время и доставило мне много удовольствия[1] — как вообще все Ваши письма. Берусь за перо — и, хотя поздненько — но отвечаю.

После отвратительнейшей, два месяца продолжавшейся погоды у нас проскочило несколько красивых осенних дней — но чтобы мы не слишком радовались — отъявилась *О Н А* — т. е. холера — и хотя в самый Баден еще не заглянула, но уже свирепствует в ближайшем соседстве — в Раштате, а сюда выслала своего обычного курьера — понос. Что делать! Мы покоряемся необходимости, запасаемся мятой, Тильмановскими каплями, прислушиваемся к бурчанью наших утроб и едим с величайшей вежливостью, так только впро́голодь.— Охота однако продолжается — и хотя у нас нет тех баснословных масс вальдшнепов и куропаток, о которых между прочим пишет и дядя,— однако все-таки я до сих пор с грехом пополам убил 150 штук с лишком. И работа моя подвигается — так как я обещал доставить ее Каткову к концу января[2] — тут уже мешкать и хвостом вилять нельзя. План мой следующий: в феврале и марте я в Петербурге и Москве, а апрель провожу в Спасском — и конечно буду Вас видеть чуть не ежедневно. Пребывание мое в Спасском будет сопряжено с некоторыми неприятностями: мне невозможно более оставить мое имение на руках дяди, в честности которого я не сомневаюсь ни одной секунды, но который состарелся, потерял всякую энергию и дает себя— и меня — грабить. Доходы с моего имения сделались ничтожными (Вы можете пробежать прилагаемое письмо к Фету, которое я, по незнанию его теперешнего местопребывания, посылаю через Вас)[3]. Эдак продолжать дело нельзя. Я, кажется, нашел дельного человека — во всяком случае я являюсь в Спасское не иначе как с новым управляющим[4] — и между прочим заранее рассчитываю на Ваши добрые советы и содействие.

Но довольно об этих дрязгах, поговоримте лучше о нашем общем приятеле, Пете. Вы хотите везти его в Москву — воображаю, как будет Вам жутко с ним расстать-

ся,— но знать так уже предопределено судьбою: мальчику нельзя вечно оставаться под родительским крылышком. Впрочем, я уверен, что надзор за ним будет самый старательный,— а он слишком умен, чтобы не понять, что всё это делается для его же пользы. Поклонитесь ему от меня и скажите, что весною мы вместе будем сочинять стихи: так оно пойдет шибче.

Если Вам в руки попадутся[а] «Отечественные записки» (весьма впрочем плохой журнал) — то прочтите там статью под заглавьем: «Кузя, мордовский бог»[5]. Ужасно любопытно и поучительно, хотя автор напрасно всё разжидил и рассыропил. А «Преступление и наказание» Достоевского я отказался читать: это что-то вроде продолжительной кόлики — в холерное время помилуй бог[6]!

Обнимаю Вас дружески и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

1868. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

2(14) октября 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Dimanche matin, 13[б] oct. 66.

Mon cher ami,

Renvoyez sur-le-champ cette demoiselle Lina qui fait la tête, et mettez, s'il vous plaît, les frais du voyage sur mon compte. Nous arrangerons cela avec Mme Anstett qui est malade dans ce moment. Il est évident que vous n'avez pas à payer le voyage de cette jeune Souabe.

Je plains beaucoup Mme Markowitch, mais cette solution était à peu près inévitable ; ce pauvre M. Passek avait l'air d'un squelette ambulant. Voilà un triste voyage pour elle ! La famille de M. Passek l'accusait de l'avoir tué à force... d'amour, ce qui est parfaitement injuste, les phtisiques sont généralement insatiables et n'ont pas besoin qu'on les pousse, et maintenant la voilà, forte et robuste, arrivant avec ce pauvre débris. Je ne puis concevoir qu'on emmène un corps pour l'enterrer autre part qu'à l'endroit où la mort est venue le prendre. Ce n'est pas par scrupule religieux que Mme M⟨arkowitch⟩ le fait en tout cas[1]. Enfin !

[а] *Было:* Если бы Вам в рукп попались
[б] *Так в подлиннике.*

Quant à Mlle Lina, ne vous en occupez plus. Vous avez assez de tracas sans qu'on y ajoute encore cette piqûre d'épingle.

Tout le monde va bien ici et vous dit mille bonnes choses. Je vous serre cordialement la main.

J. Tourguéneff.

1869. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

7(19) октября 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Пятница 7/19-го окт. 66.

Любезнейший Жемчужников, я очень обрадовался, получив от Вас весточку[1],— я решительно не имел понятия о том, где Вы находитесь. Ваше намерение провести зиму в Бадене также очень приятно для всех нас, хотя я менее других им воспользуюсь — я в половине января уезжаю на три месяца в Россию. Васильчиковы не воротились в Баден — и, сколько мне известно, кажется, не воротятся — так как они выписывают свои вещи назад в Россию; говорили даже, что они намерены здесь всё продать с аукциону.

Желаю Вам благополучно и с пользой окончить Ваше трудное виноградное лечение. Что до меня касается, то я было занемог довольно сильно — но теперь совершенно здоров и беспрестанно таскаюсь на охоту. Дружески жму Вам руку, кланяюсь Вашей жене и говорю Вам — до свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1870. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

7(19) октября 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Vendredi, 19 oct. 66.

Monsieur,

J'ai reçu la lettre que vous avez bien voulu m'écrire ainsi que le N° du « Fortnightly Review » qui l'accompagnait. (Je vous demanderais la permission d'écrire en français: je connais bien la littérature de votre pays,

je parle l'anglais assez couramment, mais il me serait difficile d'écrire en cette langue.) — J'ai lu avec le plus grand intérêt votre excellent article sur Koltsoff [1]; personnellement je l'ai peu connu, l'ayant à peine rencontré une ou deux fois à Pétersbourg [2], mais j'ai été intimement lié avec beaucoup de ses amis, avec Bielinsky surtout, qui lui aussi mériterait qu'on le fît mieux connaître, qu'on appréciât l'influence qu'il a eue et le rôle social qu'il a joué. Koltsoff a été un vrai poète populaire, tel qu'on peut en voir dans le siècle où nous sommes — et si c'est lui faire trop d'honneur que de le comparer à Burns, qui a une nature et une veine très autrement riches et fortes — il ne manque pourtant pas de certains points de ressemblance avec lui — et il y a une vingtaine de ses petits poèmes, qui dureraient autant que la langue russe elle-même [3].

Je ne puis qu'être très heureux de voir que vous avez l'intention de répandre parmi vos compatriotes la connaissance de notre littérature. Sans parler de Gogol, je crois que les ouvrages du comte Léon Tolstoï, d'Ostrofski, de Pissemski, de Gontcharoff pourraient offrir de l'intérêt en présentant une nouvelle manière de comprendre et de rendre l'élément poétique; on ne peut nier que depuis Gogol notre littérature n'ait pris un caractère original; reste à savoir si ce caractère est assez prononcé pour arrêter l'attention des autres nations. La vôtre est celle dont l'approbation, la sympathie seraient les plus précieuses — vous n'ignorez pas jusqu'à quel point l'influence anglaise est puissante chez nous — et combien vos écrivains sont appréciés — et je le répète, je ne puis qu'applaudir à votre intention et en féliciter mon pays.

Il me serait très agréable de nouer une liaison personnelle avec vous — et je me serais volontiers mis à votre disposition pour tous les renseignements, dont vous pourriez avoir besoin. Dans tous les cas, je vous prie de compter sur moi.

J'ai l'intention de passer les mois de février, mars et avril en Russie; mais je crains bien que je n'y serai plus quand vous viendrez. Je ne doute pas de la réception amicale qui vous y attend — et je serais heureux d'y contribuer [4].

J'apprends avec plaisir que le Mr Lewes, avec lequel j'ai étudié à Berlin en 1838, c'est la même personne que l'éminent biographe de Goethe [5]. Je vous prie de lui présenter mes amitiés, et d'accepter pour vous-même l'expression de mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

P. S. Si vous voulez me répondre, vous n'avez qu'à le faire en anglais.

На конверте:

England.
Monsieur W. R. S. Ralston,
Aide-libraire au
Musée Britannique.
London.

1871. В. П. БОТКИНУ

10(22) октября 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Понедельник, 22-го ок. 66.

Любезнейший друг Василий Петрович, я получил твое письмо[1] и не могу не сказать тебе душевного спасиба за дружеские твои слова — а также и за предложение твое остановиться у тебя на квартере во время моего пребывания в Петербурге. С великим удовольствием принял бы я это предложение — но боюсь, не стесню ли я тебя? В Петербурге я намерен прожить недель 6 — а это время немалое. Впрочем, это мы еще увидим — а я все-таки тебе очень благодарен.

Здесь всё идет помаленьку; холеры нет — но довольно много простудных болезней. У г-жи Виардо грипп — и от этого весь ее кружок несколько нос повесил. Я здоров и много хожу на охоту — но и работы вовсе не оставляю. Надо будет привезти роман готовым в Петербург[2].

Мне очень приятно видеть, что, как выражался Кречетов, «Жизненные волны еще падают на грудь твою[3]. И надо сознаться, что — на ловца зверь бежит. Я таких барынь даже не встречаю. Положим — я не ищу их — но хоть на глаза бы показались. А что касается до Григоровича, то я вовсе не питаю к нему неприязненных чувств[4]; я ему не доверяю — и мне всё кажется, что вот-вот он у меня что-нибудь стащит — в нравственном смысле, разумеется — или мне что-нибудь подсунет — в виде сплетни или выдумки. А впрочем, с ним ничего — довольно весело,— и ты ему от меня поклонись — так же как и милейшему Ханыкову, qui, lui est aussi sûr que l'autre l'est peu.

Итак — до свидания; желаю тебе благополучного путешествия. Напиши несколько строк по прибытии в Петербург. Крепко жму тебе руку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1872. Н. Н. РАШЕТ

19(31) октября 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Середа, 31-го окт. 1866.

Любезнейшая Наталья Александровна... (О боже мой! не Николаевна ли Вы? — Удивительное и постыдное для меня дело — что я никак не могу запомнить, как Вас зовут по батюшке,— будьте великодушны и извините меня.) Как Вы поживаете — и свыкаетесь ли Вы наконец с несчастным Штуттгардтом? Дайте о себе весточку. Кстати посылаю Вам полученное вчера на Ваше имя письмо из России.

Правда ли, что по милости банкротства издателя Крайса Гартманн лишился большей части своего имения [1]? Это было бы очень жестоко. Я завтра ему напишу [2] и поблагодарю его за прекрасный перевод моей вещи [3] (если только ему теперь до того). Кстати, я через него или через Вас передам посетившему меня Карлу Майеру (издателю «Der Stuttgarder Beobachter's») два тома боденштедтовского перевода. Я Вам еще напишу об этом [4].

Я, пока, здоров, хожу — не очень удачно — на охоту и работаю — не очень успешно. Дружески жму Вам руку, целую Маню и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1873. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

25 октября (6 ноября) 1866. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 6 November 1866.

Mein lieber Freund, es ist unverzeihlich, dass ich erst jetzt auf Ihren Brief antworte — aber was ist zu machen! *Viel* Jagd, *viel* Faulenzerei, *etwas* Arbeit [1] und ein *paar* verdriessliche Haus-Correspondenzen [2] sind die Ursachen meines Schweigens. Nun aber ist's die höchste Zeit, dass ich ein Lebenszeichen gebe. Also:

a) Im Thiergarten steht alles gut — mit der Gesundheit der Frau Viardot geht es viel besser — und sie hat in der letzten Zeit einige reizenden Sachen komponirt [3]!

b) Nach Berlin geht sie wahrscheinlich erst im Januar, um ein paar Monate da zu bleiben — nimmt auch nur die beiden Töchterchen mit [4].

c) Nach Berlin komme auch ich im Anfang Februar — bleibe aber zwei, höchstens drei Wochen — da ich eine längere Zeit in Russland verweilen [a] muss — als ich es glaubte. Wir werden aber jede Nervenfaser anstrengen um diese 2, 3 Wochen so viel wie möglich und so gut wie möglich (das kommt eigentlich auf das selbe heraus) zu leben.

d) Der Thaler ist Frau Anstett eingehändigt worden — sie lässt danken und grüssen — da Sie überhaupt der einzige Preusse sind, der bei ihr so ziemlich gut angeschrieben steht [5].

e) Die «Vossische Zeitung» wird von F-lein Marx nicht mehr gehalten, habe also Ihre Beschreibung des festlichen Einzugs nicht lesen können, was ich sehr bedaure, da Sie eine wahrhaft photographische Darstellungskraft besitzen — und das Ganze in schönen Gruppen hinstellen [6].

Grüssen Sie vielmals alle guten Berliner Freunde [7]. Vielen Dank an Begas für sein Anerbieten — eine Büste der Mme Viardot von ihm wäre eine Herrlichkeit — was meinen Kopf betrifft — da mache er doch lieber eine Statue mehr — Photographie ist schon genug für Unsereinen.

Und nun leben Sie recht wohl und auf Wiedersehen.

Ihr

I. Turgeneff.

1874. П. В. АННЕНКОВУ

26 октября (7 ноября) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
26-го октября (7 ноября) 1866.

Милейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, как я рад, что между нами возобновилось, наконец, то соприкосновение — та «Fühlung», которая никак не хотела удаться армиям германского союза и баварского [1]! Итак, Вы в Петербурге, и теперь, я надеюсь, наша переписка не прекратится до самого моего прибытия в сей пресловутый град, т. е. до конца января. Заранее радуюсь нашей весенней поездке в Европу — и надеюсь видеть Вас и жену Вашу моими гостями под кровом уже совсем отстроенной моей виллы. Но об этом мы еще успеем потолковать на родине. Работа

---

[a] *Было:* bleiben

моя подвигается — и если не встретится каких-нибудь неожиданных препятствий, я привезу ее с собой готовой[2]. Господь ведает, что такое у меня выходит — я так давно не писал, что могу сказать à la Hugo — la « paresse » m'a refait une virginité — и я чувствую себя новичком. А впрочем, что будет, то будет. Это у меня всё — сбоку припёка. А вот что не сбоку, хотя тоже припёка—это вопрос по управлению моим имением. Я получил от г. Сердечного письмо[3], в котором он снова уверяет меня в готовности помочь мне, за что я ему искренно благодарен,— но никакого ответа от брата своего еще не сообщает. Пожалуйста, поддержите в нем доброе расположение ко мне, а инсталлацию будущего управляющего я, конечно, сделаю in propria persona — всё равно, останется ли дядя в Спасском, или нет. Смерть Дудышкина[4] меня очень огорчила: хороший и честный был человек; я долго не хотел верить ей именно потому, что нигде не встречал о ней ни слова; но, видно, наша литература, как республика во время террора,— n'a besoin de personne. И хоть бы было что-нибудь на место того, чтó она так презрительно, равнодушно теряет, а то ведь и осталась всего одна «Искра» с ее зубоскальством из-под палки,— но довольно об этом.

Воображаю, какой у вас теперь гвалт в Петербурге! Посмотрел бы на это хоть одним глазом. А впрочем, по зрелом соображении предпочитаю остаться здесь и стрелять фазанов и диких коз. Засим обнимаю Вас и кланяюсь дружески Вашей милой жене. Преданный Вам

Ив. Тургенев.

1875. Н. Н. РАШЕТ

29 октября (10 ноября) 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Суббота, $\frac{\text{10-го нояб.}}{\text{29-го окт.}}$ 1866.

Не могу не поблагодарить Вас искренно, милая Наталья Николаевна, за Вашу телеграмму — изо всех отсутствующих знакомых Вы одни вспомнили день моего рождения[1]. Это очень любезно с Вашей стороны, и я был тронут Вашим участием. Спасибо Вам!

Да-с — минуло мне сорок восемь лет! Цифра порядочная — и роковой 50-й год уже на носу. Этому горю помочь нельзя — остается радоваться тому, что дух еще

до некоторой степени бодр, здоровье порядочно — слепота, глухота и прочие гадости еще только издали грозятся,— а главное, что есть еще на свете некоторые души, для которых индивидуум, называемый И. С. Тургенев, не вполне еще сравнялся с старой подошвой.

Я в долгу перед Вами за Ваше милое письмо. Причины моей неаккуратности — частые охоты, а также и работа. С точностью не могу сказать, когда я попаду в Штуттгард, но приеду непременно и прочту Вам несколько глав[2]. Поклонитесь Гартманнам — я всё еще не собрался написать им,— и так как Вы в конце Вашего письма предлагаете мне исполнить даже *невозможное* (за что кланяюсь Вам земно) — то будьте так любезны, купите на мой счет один экземпляр в двух томах переводов Боденштедта (Erzählungen v⟨on⟩ I. T.)[3] и поднесите от моего имени, через Гартманнов, знакомому им литератору, Карлу Майеру (он был у меня здесь в Бадене). За эту услугу я Вам теперь заглазно — а при свидании самолично поцелую обе руки.

А засим будьте здоровы, до свидания и примите для себя и для Мани мои наилучшие пожелания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1876. ПОЛИНЕ БРЮЭР

30 октября (11 ноября) 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 11 novembre 1866.

Chère Paulinette,

Mme Innis a dû te dire combien ce second accident m'a attristé ; depuis j'ai reçu une lettre d'elle qui me rassure sur ta santé — et je prends la plume pour te dire en deux mots que je t'embrasse bien tendrement — et te recommander le calme et la résignation. Il est évident qu'il faut que tu prennes quelques mesures exceptionnelles — je connais des personnes qui ont gardé le lit pendant toute la seconde moitié de leur grossesse et cela leur a bien réussi. Les soins ne te manqueront pas — je compte trop sur le bon Gaston, auquel par parenthèse je serre la main bien cordialement — la grande chose pour le moment — c'est de revenir complètement au *status quo* de la santé. Je ne puis encore préciser le mom⟨ent⟩ de mon voyage en France — ce sera dans tous les cas avant Noël ! En attendant, je vous embrasse tous

les deux — et je vous prie de faire mes meilleures amitiés à Mr et Madame Bruère, à Mme Innis et au jeune Paul.

J. Tourguéneff.

P. S. Ici tout le monde va bien.

1877. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

4(16) ноября 1866. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 16 Novembre 66.

Mein lieber Freund,

Ich habe Ihnen vielmals zu danken für Ihre freundliche Sendung zum 9-ten November. Die Photographien sind höchst interresant und erregen lebhaft den Wunsch die Originale sich einmal anzusehen — auch macht so ein Gruss aus weiter Ferne einen lieblichen, ja rührenden Eindruck. Also nochmals — Dank [1]!

Ich schicke mit der heutigen Post ein Exemplar meiner Erzählungen an Begas [2]. Dass [a] es ihm Freude machen kann — macht auch mir viel Freude — es ist überhaupt sehr viel — und staunenswert — wenn ein Mensch in einem andern Menschen angenehme Erfindungen erregt [3]. Wie steht es mit seiner Arbeit? Ich habe die herrlichen Frauengestalten zu seiner Schillerstatue immer vor Augen [4].

Im Thiergarten geht es, gottlob, ganz gut. Alles wächst und gedeiht, und die beiden Mädchen werden wirklich ganz reizend [5]. Jetzt führen Sie jeden Nachmittag pantomimische Tänze auf zur Musik, von Frau Viardot improvisirt. Da kommen prächtige Sachen vor — Claudie hatte sich gestern eine Art Turban von einem Anti-Macassar (wissen Sie — das Ding, das man auf die Fauteuil-Lehnen hängt) — gemacht — und sah aus wie eine junge, noch etwas wilde Göttin aus einer Mythologie der Zukunft. Das werden Sie alles — hoffentlich — in Berlin zu sehen bekommen.

Ich drücke Ihnen herzlich die Hand und grüsse Familie und Freunde.

I. Turgeneff.

P. S. Da ich Begas's Adresse nicht kenne, so gehen die Stücke auf der Ihrigen ab.

---

[a] *В подлиннике:* das

1878. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

7(19) ноября 1866. Баден-Баден

Любезнейший Жемчужников,

Г-жа Виардо ожидает Вас с супругой Вашей сегодня вечером, но мне будет затруднительно заезжать за Вами и потому являйтесь прямо — часам к 8.

Посылаю Вам «От⟨ечественные⟩ записки» и «Русск⟨ий⟩ вестник» за 4 месяца. Когда Вы это прочтете, я Вам предоставлю другие.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Баден-Баден.
Понедельник 19-го нояб.

1879. М. Н. КАТКОВУ

18(30) ноября 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
30/18-го ноября 1866.

Почтеннейший Михаил Никифорович, считаю долгом уведомить Вас, что роман, назначенный мною для «Русского вестника», приближается к окончанию — и первая его половина уже переписана набело. Я в конце января прибуду в Петербург и тотчас же доставлю Вам рукопись, и сам в феврале приеду в Москву для наблюдения за корректурой. Роман этот, заглавие коему «Дым»[1], будет состоять из 11—12 листов печати формата «Русского вестника».

Я бы очень Вам был благодарен, если бы Вы нашли возможным теперь же выслать мне 1200 р. сер., которые с 300-и — мною Вам должными — составят 1500[2].

Постройка моего дома[3] здесь ввела меня в довольно значительные и непредвиденные издержки. Вы бы могли считать эти 1500 р. задатком за правильное и своевременное доставление романа.

Засим прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

1880. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Ноябрь 1866. Баден-Баден

Любезнейший Жемчужников,

Сегодня наш проект неосуществим, но музыкальный сеанс устроится в самом непродолжительном времени[1] — вероятно, послезавтра. Вы будете извещены заранее.

Дружески жму Вам руку и кланяюсь Вашей жене.

Ив. Тургенев.

Понедельник.

1881. ПОЛИНЕ БРЮЭР

7 (19) декабря 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 7/19 déc. 1866.

Chère fillette,

Je me hâte de répondre à ta lettre pour tâcher de remédier à mon silence prolongé. Je commence par te dire combien je suis content de te voir franchement convalescente et je te recommande surtout beaucoup de patience. Quant à mon voyage, voici ce qui l'a retardé : tu sais que je dois aller en Russie — 1°) pour trouver un remplaçant à mon oncle, qui est devenu trop vieux pour continuer à administrer mes biens — et 2°) pour y livrer à un éditeur un roman, que je suis en train d'achever. Pour ne pas faire un double voyage, je comptais aller de Bade en Russie par Paris — et je compte le faire encore : seulement — ce diable de roman n'est pas fini — et je n'espère pas pouvoir être prêt avant la moitié de janvier[1]. Cela se trouve bien du reste, puisque vous allez vers cette époque à Paris — et je vous y verrai et nous passerons quelques jours agréablement ensemble. D'ici là il faut que je travaille d'arrache-pied.

Je regrette fort de n'avoir rien pu faire pour Mme Innis — mais sa religion et son ignorance de la musique seront toujours deux grands obstacles pour une famille russe. Et quant à la cuisinière — oh mon enfant! mais c'est plus rare qu'un merle blanc à Bade — et c'est plutôt de France qu'on les ferait venir ici.

Allons — porte-toi bien — et à revoir à Paris! Je t'embrasse de tout mon cœur — toi et Gaston.

J. Tourguéneff.

1882. Н. Н. РАШЕТ

7 (19) декабря 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
7/19-го декабря 1866.

Милая Наталья Николаевна, я надеялся отвечать на Ваше письмо de vive voix в Штуттгарде — но отъезд мой откладывается со дня на день, бог знает, когда я туда попаду — а потому предпочитаю написать Вам несколько строк, чтобы Вы не считали меня забывчивым или неблагодарным. Это последнее слово относится ко всему тому хорошему, чем наполнено Ваше письмо. Великое дело возбудить привязанность в каком бы то ни было человеке — а потому мне нечего и говорить, как высоко я ценю Вашу. Мне было бы очень приятно Вас увидеть — и если Вы точно намерены посетить Баден — добро пожаловать от всего сердца[1]!

В Россию я попаду не раньше февраля; и останусь там около двух месяцев. Я очень занят обработкой моего романа и по-прежнему с удовольствием готов прочесть Вам два, три отрывка[2]. NB. Если Вам вздумается[а] посетить Баден, не забудьте предуведомить заранее — а то я могу уехать на охоту. Что же касается до перевода моего романа — то, я думаю, мы успеем это устроить летом, по напечатании в «Русском вестнике»[3].

Я очень рад, что уроки Мани хорошо идут — и что Вы вообще довольны Вашим пребыванием в Штуттгарде. Кстати, мне Случевский прислал из Петербурга изданную им брошюру под заглавием: «Явления русской жизни». Не знаю, прислал ли он также Вам экземпляр,— в предисловии (где он ожидает, что его назовут де Местром!!) он говорит, что хотел было посвятить свой первый труд одной особе (Вам, разумеется), но не сделал этого, не зная[б], согласится ли *теперь* эта особа. Не могу не поздравить Вас с избежанием[в] подобной чести — ибо я мало встречал более вздорных книжек, чем эти «Явления». Не знаешь, чему удивляться: детскому ли незнанию, хвастливой ли заносчивости? Случевский обещает продолжение этих «Явлений»; должно надеяться, что невнимание публики отобьет у него охоту тратиться. Сожалею о некоторой резко-

---

[а] *Далее зачеркнуто:* приехать в Баден
[б] *Далее зачеркнуто:* захочет ли
[в] *Далее зачеркнуто:* подобного посвящения

сти моих выражений; но критика еще не то скажет — и я действительно не ожидал ничего такого, даже от легкомысленного Случевского[4].

Что поделывает бедный Гартманн, и неужели не будет облегчения поразившему его удару[5]? Я чрезвычайно виноват перед ним — не писал ему до сих пор. Извините меня — и поклонитесь ему и жене его от моего имени.

До свидания, милая Наталья Николаевна. Желаю Вам всего хорошего на Новый год и жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1883. ЛУИ ДЕПРЕ

10(22) декабря 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 22 décembre 1866.

Monsieur,

J'ai reçu votre lettre ainsi que le volume que vous avez bien voulu y joindre et que j'ai parcouru avec un vif intérêt. Les éloges que vous m'y décernez sont beaucoup trop grands et trop beaux pour que je puisse y répondre autrement que par les remercîments les mieux sentis. Je suis en même temps très heureux de voir que la littérature de mon pays vous inspire de la sympathie [1].

J'espère, Monsieur, que ce n'est pas pour la dernière fois que vous êtes venu à Bade, et je me réjouis à l'idée de faire votre connaissance personnelle.

Agréez, Monsieur, avec l'expression de ma reconnaissance, celle de mes sentiments les plus distingués.

Iv. Tourguéneff.

1884. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

10(22) декабря 1866. Баден-Баден

Любезнейший Жемчужников,

Г-жа Виардо поручила мне сказать Вам, что она всегда очень рада Вас видеть — но просит Вас отложить Ваше посещение *до после* Святок. У ней в понедельник елка — и она и дети ее до того завалены разными работами по случаю этой елки, что времени не хватает — и о дру-

жеской беседе или музыке и думать нечего. Но тотчас после Святок она с истинным удовольствием увидит Вас.

Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

Суббота.

1885. ЛУИ ПОМЕ

11 (23) декабря 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277,
ce 23 décembre 1866.

Mon cher fils Fridolin [1],

Je ne veux pas cependant laisser passer cette année sans vous avoir écrit, ce serait impardonnable, surtout après la charmantissime lettre que vous m'avez écrite d'Avricourt [2] sur un bout de papier. Vous ne vous souvenez probablement pas de cette lettre, gros innocent que vous êtes, mais c'est un petit chef-d'œuvre. Vous y parlez de Mme Viardot avec tant de grâce, d'esprit et de cœur que quand je la lui ai lue, elle en a eu une véritable émotion. Et maintenant assez comme cela, il ne faut pas vous gâter.

Je vais vous donner des nouvelles d'ici. Tout le monde va très bien ; la santé de Mme Viardot n'a pas eu de ces oscillations qui nous rendaient si malheureux l'hiver dernier [3]; elle a composé plusieurs choses véritablement belles [4], elle a continué à donner ses matinées [5] et elle a eu un triomphe magnifique à Strasbourg dans le dernier concert du Conservatoire qu'on vient d'y fonder. Elle y chantera « Orphée » deux fois le 7 et le 10 janvier et puis vers la fin de janvier elle s'en ira à Berlin [6], et moi vers la mi-février je m'en irai en Russie où j'ai beaucoup de besogne à abattre, littéraire et autre [7]. J'espère que le printemps nous rassemblera tous dans notre bon vieux Bade et que vous ne manquerez pas à l'appel. Je vous vois d'ici, arrivant avec l'auréole d'un grand succès à l'Exposition de Paris [8], et alors il faudra s'amuser et travailler, travailler et s'amuser, à faire trembler la voûte des cieux !

Ecrivez-moi deux mots : dites comment vous allez et ce que fait la bonne petite Jeanne [9] et quels sont les tableaux auxquels vous travaillez et si son portrait est déjà achevé [10]. Je viendrai à Paris avant d'aller en Russie ou plutôt en allant en Russie et j'y resterai quelques jours [11]. Il va sans dire que vous me verrez presque perpétuellement. En atten-

dant, je vous souhaite à tous les trois [12] tout le bonheur possible et vous donne ma bénédiction.

Fridolin dit le vieux.

1886. В. П. БОТКИНУ

12(24) декабря 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
24/12-го декаб. 1866.

Любезнейший Василий Петрович, я всё еще в долгу перед тобою за твое последнее письмо от 29-го октября [1], в котором ты так дружелюбно повторяешь приглашение поселиться у тебя на время моего пребывания в Петербурге. С удовольствием принимая это приглашение, предваряю тебя, что приезд мой совершится — si Dios quiere, как говорят испанцы — около 10-го февр. старого стиля — вероятно раньше, через 6 недель с небольшим. Надеюсь привезти свой роман совсем готовым — и после предварительных чтений, обсуждений и поправок предам его в руце Каткова [2]. Полагаю, что сей смертный не откажется,— хотя на мою просьбу — выслать мне в задаток вперед 1200 р. сер.— он до сих пор ответствует величественным молчанием. А деньги мне эти страх как нужны благодаря пожирающим издержкам моей несколько необдуманной постройки.

Итак — Милютин поражен среди своей деятельности, замыслов и планов! — Странные штуки выкидывает с нами жизнь [3]! — Ты, вероятно, часто видишь — если не его — так его жену: сообщи мне какие-нибудь известия; есть ли надежда на выздоровление? Поклонись от меня г-же Милютиной — а также и жертве ее, милой г-же Абазе. Да кстати, так как речь зашла о дамах, не можешь ли ты сообщить мне сведения о графине Ламберт и о вдове Плетнева? Если ты сверх того можешь приложить адресс графини Л⟨амберт⟩ — я тебе большое скажу спасибо. Ну, а нет ли какого-нибудь анекдота с вольнопрактикующей дамой? Ты на это большой мастер: уж подлинно на ловца зверь бежит. В тебе есть неиссякаемая потребность нежного и теплого сближения,— а эти барышни — да и вообще все женщины — удивительную имеют на этот счет чуткость.

Известия о воскресших до некоторой степени литературных чтениях — радуют меня: я уже думал, что всему

этому навсегда карачун[4]. Ходишь ли ты часто в театр и доволен ли им? Нет ли там чего-нибудь нового? Видаешь ли ты экс-журналиста, экс-поэта и присно-жулика Некрасова? Превратился ли он окончательно в клубного честного шулера? Поклонись всем друзьям от меня. Гончарову я скоро сам напишу[5]. Поздравляю тебя с Новым годом и жму тебе руку.

Преданный
Ив. Тургенев.

P. S. Семейство Виардо тебе кланяется: они все, слава богу, здоровы.

1887. М. Н. КАТКОВУ

13(25) декабря 1866. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
25/13-го дек. 1866.

Почтеннейший Михаил Никифорович, я сейчас получил Ваше письмо со вложенными векселями на 1200 р. и приношу Вам мою искреннюю благодарность. Что же касается до Вашего желания поместить мой роман в 1-м № «Русского вестника»[1], то позвольте мне изложить следующее: я бы действительно мог теперь же переслать Вам переписанную первую половину романа,— но дело в том, что я до сих пор еще ни разу не печатал ни одного из моих произведений, не подвергнув его обсуждению моих литературных друзей — и не внеся в него, вследствие этого обсуждения, значительных изменений и поправок. Это более чем когда-либо необходимо теперь: я довольно долгое время молчал,— и публика — как это всегда бывает в подобных случаях — с некоторым недоверием относится ко мне, притом самый этот роман задевает много вопросов и вообще имеет — для меня по крайней мере — важное значение; а потому я бы очень был Вам обязан, если б Вы позволили мне не отступать от моего первоначального плана, который состоит в том, чтобы, прибыв в Петербург в конце января и произведя чтение романа[2], приехать с ним в Москву в первых числах февраля, так чтоб он мог явиться в февральской книжке «Русск⟨ого⟩ вестн⟨ика⟩» («Отцы и дети» — тоже явились в феврале). Раньше конца января я по делам моим в Петербург прибыть не могу. Вы бы могли в январской книжке «Р⟨усско-

го⟩ в⟨естника⟩» или в «Московских ведомостях» объявить заранее о появлении романа,— и это Вы можете сделать с совершенною уверенностью,— ибо я Вам даю честное слово, что рукопись будет у Вас в руках — со всеми поправками — в начале февраля[3].

Мне бы весьма было приятно, если б мои доводы Вас убедили,— и прошу Вас принять, вместе с изъявлением моей благодарности, выражение моего совершенного уважения и преданности.

Ив. Тургенев.

1888. ПОЛИНЕ БРЮЭР

18(30) декабря 1866. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 30 déc. 1866.

Chère fillette,

J'ai reçu ta gentille lettre et te prie de mon côté de recevoir mes souhaits de bonne année dont le meilleur est pour la continuation de cette concorde et de cette amitié qui règnent entre toi et Gaston — et qui me rendent si heureux quand je vois ce qui se passe dans d'autres ménages.

Embrasse-le bien cordialement de ma part — et prends sur tes fonds 100 fr. que tu considéreras comme tes étrennes — et que j'ajouterai à la somme de 2 500 francs que je vous dois et que je vous remettrai pendant notre entrevue à Paris.

Il faut que Gaston et toi, vous excusiez le retard de ce payement. Je me suis trouvé dans des circonstances exceptionnelles et qui ne se renouvelleront plus [1].

Mon arrivée à Paris aura lieu immanquablement entre le 25 et le 30 janvier.

Soigne bien ta santé ; c'est l'important.

Je vous embrasse encore une fois tous les deux bien tendrement.

J. Tourguéneff.

1889. Н. А. КИШИНСКОМУ

25 декабря 1866 (6 января 1867). Баден-Баден

Милостивый государь
Никита Алексеевич!

Павел Васильевич Анненков известил меня о Вашем согласии на мое предложение[1]. Мне остается только уверить Вас, что я искренно желаю сойтись с Вами окончательно — и что во всяком случае Ваши труды будут вознаграждены вполне. Дядя мой, Николай Николаевич Тургенев, извещен о Вашем скором прибытии в село Спасское и снабдит Вас всем, что Вы только потребуете, как оно и выражено в письме моем к Вам, присланном с месяц тому назад[2].

К 1-му февр⟨аля⟩ я прибуду в Петербург — а с 8-го до 25-го буду в Москве — в доме Удельной конторы, на Пречистенском бульваре — у г-на И. И. Маслова.

Надеюсь увидать Вас в Петербурге или в Москве[3] — а до тех пор прошу принять уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
25-го дек. 1866.
6-го янв. 1867[4].

1867

1890. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

4(16) января 1867. Баден-Баден

Любезнейший Жемчужников,

Г-жа Виардо просила меня узнать от Вас, намерены ли посетить концерт г-жи Бюлау в субботу; в таком случае она бы удержала ложу в театре, на которую она абонирована,— и 2 места были бы за Вами.— Пришлите, пожалуйста, ответ[1].

Со мной случилась прескверная штука — нога у меня разболелась наподобие рук в прошлом году — и я осужден на абсолютную неподвижность,— на сколько времени — неизвестно.

Дружески Вам кланяюсь.

Преданный Вам

Середа. Ив. Тургенев.

1891. ТЕОДОРУ ШТОРМУ

8(20) января 1867. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 20. Januar 1866[a].

Mein lieber Gast,

Sie haben gewiss finden müssen, dass ich ein saumseliger Correspondent bin und wenig Dankbarkeit für Ihre so freundliche Gabe an den Tag lege[1]; ich wollte aber nicht eher schreiben, als bis ich das kleine schöne Buch gelesen hatte, kam aber nicht dazu — und da ich es endlich mit vieler Genugthuung auf einer Reise nach Strassburg verzehrt hatte, da warf mich ein bis jetzt mir noch unbekannt gebliebener Feind nieder — nämlich die Gicht: ich habe einen heftigen Anfall davon gehabt — bin noch jetzt nicht ganz

[a] *Так в подлиннике.*

wieder hergestellt und schreibe Ihnen in einer halb liegenden Lage; doch ist der Schmerz so ziemlich verschwunden. Das Alter hat etwas gröblich an meine Thür angeklopft... nun, man muss sich fügen, weil es eben nicht anders geht.

Ihre Erzählung ist so fein und zart wie nur möglich — und es liegt ein ganz eigenthümlicher poetischer Duft um die Figur der Jenny [2]; die Nacht mit der «Marmorstatue» ist ein kleines Meisterstück. So etwas macht einem viel Freude, inmitten der Trivialitäten und Ziererereien der sonstigen Tageslitteratur.

Mich freut es sehr, dass meine Sachen Ihnen gefallen: was die «Erste Liebe» betrifft — so ist es ein bisschen zu sehr aus dem eigenen Leben gegriffen — zu realistisch — und Manche verdauen so etwas nicht — haben auch vielleicht Recht [3]. Über die Fortsetzung meiner zwei Bändchen kann ich nichts positives berichten; ich glaube, der Verleger hat keine sehr glänzenden Geschäfte damit gemacht — und will erst die Sache abwarten [4].

Ich bin allerding mit einem grossen Roman beschäftigt, den ich jetzt zu Ende bringe. Im Februar reis' ich nach Russland — und lasse das Ding in Moskau drucken [5]; Ende April bin ich wieder in Baden, werde dann auch hoffentlich mein Schlösschen, wie Sie es nennen, beziehen [6].

Was Sie mir von Ihrem Leben berichten — hat mich auch recht herzlich gefreut. Sie haben sich ein Nest gebaut — und sitzen gemüthlich im Flaume [7]; — ein grosser und schöner Theil des «Ichs» ist abgestorben — das passirt aber fast jedem Menschenkind, das über die 40 hinaus ist; — und es pulsirt doch um Sie herum ein junges Leben, dessen Keime Sie gepflanzt haben. Will der Mensch mehr — so strafen ihn die Götter — wenn sie ihm im voraus schon nicht alles gewähren; aber diese Lieblinge sind selten — und wie alle Lieblinge, verdienen in der Regel diese Gunst nicht. Das ist aber nicht zu ändern.

Einen tragischen Ausgang zu Ihrer Erzählung hätt, ich auch vielleicht gewünscht — vom aesthetisch misanthropischen Standpunkt aus — nämlich [8]. Den jungen Seelen wird es aber so besser munden — und auf die muss man doch auch Rücksicht nehmen.

Frau Viardot dankt für den Gruss — sie hat diesen Winter viel componirt — aber lauter Instrumentalmusik — kleine Sachen für Violine und Piano. Ihr Sohn Paul macht nämlich grosse Fortschritte auf der Violine. Sie geht bald nach Berlin, wo sie zwei Monate zubringen wird. Wie wird sich der gute Pietsch da freuen!

Und nun drück ich Ihnen cordialiter die Hand — und wünsche Ihnen Alles Gute in Ihrer «grauen Stadt am Meere» [9].

Ihr

I. Turgeneff.

P. S. Ich habe Ihren Gruss an Frau Anstett bestellt — sie war sehr davon gerührt — und lässt vielmals danken.

1892. В. П. БОТКИНУ

17(29) января 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Вторник, 17/29-го января 1867.

Любезный друг Василий Петрович, я надеялся изустно и в скором времени отвечать на твое последнее письмо [1] — но вышла следующая довольно скверная штука: две недели тому назад я подвергся первому припадку подагры,— да настоящей, несомненной,— так что я до сих пор ходить не могу, и к тому ж еще она какая-то сложная — так что доктор мне с точностью не может сказать, когда мне будет возможно выехать — и только обнадеживает меня, что вероятно около 15/3-го февр. Это тем более скверно — что во-1-х) роман мой совсем готов и переписан и Катков ждет его к февральской книжке [2], а во-2-х) что в первых числах марта я должен быть непременно в Спасском, для определения управляющего на место устаревшего дяди.— Но против рожна переть нельзя — и потому прошу тебя о следующем:

Сообщи ты вкратце и немедленно содержание этого письма Каткову [3] — так как ты с ним в приятельских отношениях.— *Я не теряю надежды* выехать отсюда 3/15-го февр. и потому к 10/22 быть в Москве [4] и вручить ему роман — времени еще будет достаточно к напечатанию,— но на всякий случай он должен принять свои меры, чтобы февральская книжка не осталась без беллетристики; впрочем если я решительно не буду в состоянии выехать, то я извещу тебя телеграммой — не *позже* 1/13-го февраля. Ты на это можешь несомненно рассчитывать. Не пишу я прямо к Каткову потому, что он (между нами) человек грубый и уже раз безо всякого повода распубликовал меня в газетах [5]. А выслать по почте роман, без предварительного чтения Анненкову и тебе в Петербурге —

я решительно не согласен (сообщи также это всё Анненкову).

Заключение всего этого — то — что старость не радость — подагра скверная вещь — и что рассчитывать ни на что с достоверностью нельзя.

Виардо здоровы и благодарят тебя за память. Я дружески жму тебе руку и все-таки говорю: до свидания, если не в начале — так в конце февраля.

Твой
Ив. Тургенев.

1893. Н. Н. РАШЕТ

18(30) января 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Середа, 30-го янв. 1867.

Любезнейшая Наталья Николаевна, от Жолкевича я узнал, что Вы уехали в Дрезден, но так как я предполагаю, что Ваше отсутствие долго продолжаться не может,— то и пишу Вам в Штутгардт. Дело в том, что мой роман готов и переписан[1], и я хотел бы прочесть его Вам перед моим отъездом в Петербург[2]. Я покидаю Баден 14-го числа будущего месяца — это последний срок — и потому приглашаю Вас приехать сюда *10-го*. В два дня мы это всё одолеем.— Кстати, я Вас познакомлю с весьма любезным семейством Жемчужниковых. Надеюсь, что Вы приедете,— но во всяком случае прошу Вас ответить мне двумя словами.

А у меня был припадок... чего бы Вы думали? Подагры, настоящей, несомненной подагры. Я две недели не мог ходить и теперь еще подпираюсь костылем. Вот она когда пришла, старость-голубушка. Делать нечего — нужно покориться, и это мне тем легче, что я уже и так раскланялся с молодостью.

Ну — итак до свидания. Жму Вам дружески руку, Маню целую и маленькую тоже, кланяюсь всем приятелям.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

1894. П. В. АННЕНКОВУ

19(31) января 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Четверг, 31(19) января 1867.

Милый Павел Васильевич! Третьего дня я написал Боткину письмо[1], которое я просил его сообщить Вам. Дело касается моего приезда, Каткова и т. д. Нынче я могу с положительностью повторить то, что я Боткину писал с оговоркой, а именно: я непременно выеду отсюда 14 (2) февраля, ровно через две недели, так как мой подагрический припадок почти прошел, и к 19(7) февраля я в Петербурге. Полагаю, что я таким образом еще не опоздаю к февральскому нумеру «Русского вестника», и, следовательно, Катков может быть совершенно спокоен. Нет препятствий начать печатание моего романа[2] с 15(27) февраля; до того времени он будет прочтен Вам и двум-трем приятелям, и нужные поправки сделаны. Если Боткин еще не писал Каткову, пусть он напишет в этом смысле. Так как мы, бог даст, скоро увидимся, то распространяться много теперь нечего. Из письма дяди[3] вижу, что Кишинский уже прибыл в Спасское, чем старик очень взволнован; но это было неизбежно. А об романе пока могу только то сказать, что «седина в голову, а бес в ребро»; очень я безумствую в этом новом продукте.

Итак, до скорого свидания. Жить я буду у Боткина и пошлю телеграмму из Берлина или Кёнигсберга, чтобы предупредить о приезде. Крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. Название (которое, впрочем, переменить можно) роману «Дым»; величиною он больше «Отцов и детей».

1895. Н. Н. РАШЕТ

20 января (1 февраля) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Пятница, 1-го фев. 67.

Милая Наталья Николаевна,

Я Вам сейчас послал ответ на Вашу телеграмму — и по Вашему желанию поставил: «Понедельник» — но вот что я имею Вам сказать: во-1-х) г-жа Виардо уезжает

в Берлин в середу — и потому у нас будет тогда гораздо больше времени для чтения; во-2-х) окончательная переписка моего романа совершится в *четверг* на будущей неделе. Из этого выходит, что если Вам нельзя приехать 10-го — то приезжайте 8-го или 9-го (в пятницу и субботу) или 11-го и 12-го (в понедельник и вторник). 14-го я непременно уезжаю.

Я бы очень хотел увидеться с Вами перед моим отъездом и прочесть Вам мою вещь[1]; а потому напишите мне, когда Вам удобнее приехать в Баден. Жемчужниковым всё равно.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1896. М. В. АВДЕЕВУ

25 января (6 февраля) 1867

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Середа, $\frac{\text{6-го фев.}}{\text{25-го янв.}}$ 1867.

Дней десять тому назад получил я Ваше письмо, любезнейший Авдеев, и если не тотчас отвечал Вам, то причиною был тому припадок подагры, да, батюшка, действительной, несомненной подагры, которая лихо меня встряхнула. Я до сих пор почти что не владею левой ногой и без палки шагу ступить не могу. Штука невеселая — да делать нечего,— а впереди, пожалуй, еще хуже могут произойти сюрпризы: следовательно — распространяться об этом бесполезно, а нужно запастись терпением, что̀ я и делаю.

Жемчужников Алексей здесь с женой, которая должна в скором времени родить: он остается здесь с весны и живет в Zähringer Hof. Я ему сообщил Ваше письмо; но, кажется, он охладел к мысли основать журнал; во всяком случае он чувствует себя неспособным на редакторское дело[1]. Впрочем — напишите ему.

Я думаю через неделю выехать отсюда в Россию; буду в Петербурге, в Москве, в деревне: не столкнемся ли мы где-нибудь? Я везу Каткову для «Русского вестника» оконченный мною роман, который, вероятно, поместят в февральском номере[2]. Всего я полагаю остаться в России два месяца, а к весне опять сюда, в новый свой дом. Роман мой озаглавлен: «Дым» — может быть, заглавие это

переменится — и написан в новом для меня роде. Посмотрим, что скажет публика — и не найдет ли она, что я уже слишком устарел, чтобы забавлять ее. Я было совсем бросил литературу, да видно, это вроде запоя, причем есть материальные поводы к возобновлению этой деятельности.

Я около трех лет не был в России (поездку в деревню в 1865-м году я не считаю), и она мне представляется чем-то новым и почти незнакомым. И в литературе тоже— я как чужой. По временам я повторяю самому себе: г-да Ган (?) и Мессарош (?!?) издают журнал «Всемирный труд и женское дело»[3],— и ничего не постигаю. А вот увидим, постараемся вникнуть.

А Вы напрасно бросили начатый Вами труд; в нашем звании — да и во всяком — никогда не должно самому забегать вперед с своей отставкой; когда время придет, ее и без нас нам пропишут[4].

Будьте здоровы — дружески жму Вам руку. В Петербурге мой адресс: на Караванной № 14, у В. П. Боткина.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1897. ПОЛИНЕ ВИАРДО

25 января (6 февраля) 1867. Баден-Баден

№ 1

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Mercredi, 6 février 1867.
2 heures.

Vous êtes déjà au-delà de Carlsruhe dans ce moment, theuerste, innigst geliebte Freundinn — et me voilà assis à ma table et vous suivant par la pensée. Il fait un temps affreux — des rafales de vent viennent à chaque instant se heurter contre les vitres. Mais je me console à l'idée qu'il ne fait pas froid, chose importante surtout pour le voyage et que vous et Didie vous êtes confortablement casées dans un wagon où l'on ne fume pas. Mes meilleurs vœux vous accompagnent et demain — en me réveillant, ma première pensée sera pour vous. Je me dirai : ah ! les voilà établies dans de bons lits chauds et elles se reposent des fatigues du voyage [1].

Je le ferai bientôt aussi, ce voyage [2], s'il plaît à Dieu : il me semble que mon pied va mieux depuis ce matin.

J'ai l'intention de me soigner d'une façon extraordinaire — pour être prêt et archiprêt jeudi prochain [3].

Dieu! quel bonheur j'ai eu de vous lire les fragments de mon roman [4]! Je vais écrire beaucoup maintenant — uniquement pour me procurer ce bonheur. L'impression que tout cela vous faisait se répercutait en moi cent fois — comme un écho de montagne; il n'y avait pas que l'auteur en moi, qui se sentait heureux.— A Berlin, je ne vous épargnerai pas une ligne et il faudra que vous me donniez le « bon » d'imprimer: je changerai ou j'ôterai tout ce qui ne vous plaira pas.— O meine Freundinn, Ich bin so glücklich bei dem Gedanken, das alles, alles in mir mit Ihrem Wesen auf das Innigste verknüpft ist, und von Ihnen abhängt. Bin Ich ein Baum, so sind Sie zugleich meine Wurzel und meine Krone.

Pas de lettre d'Olive — mais une nouvelle lettre de mon oncle, qui geint et se désespère sans rime ni raison, comme le petit Loulou [5] à table. Voilà encore une besogne, qu'il faut tâcher d'achever aussi vite que possible [6].

3 heures et quart.— Une éclaircie de soleil.— Vous êtes maintenant entre Heidelberg et Frankfort — déjà si loin — si loin! que de montagnes, que de rivières entre nous! Allons! il faut se dire que c'était nécessaire.— Bon et heureux voyage!

Je vous écrirai demain et vous enverrai la lettre après-demain. Ce soir, je vais me remettre au travail [7] — pendant que tout le monde sera au théâtre. Pauvre petite Marianne! a-t-elle assez amèrement pleuré [8].

A demain; Ich küsse die lieben schönen Hände. Leben sie recht wohl. J'embrasse aussi Didie.

Der Ihrige
J. T.

1898. Н. Н. РАШЕТ

25 января (6 февраля) 1867. Баден-Баден

Schillerstrasse, 277.
6-го февр. 1867.

Ну и прекрасно, любезнейшая Наталья Николаевна,— приезжайте в воскресение в Hôtel de Hollande. Я сам к Вам явлюсь — в случае же, если нога моя всё еще будет не в порядке, Вы найдете записку, в которой всё будет обстоятельно изложено: как и когда.

Г-жа В⟨иардо⟩ сегодня уехала в Берлин — и роман окончен перепиской. Сам я думаю выехать — опять-таки, если нога не помешает — в четверг на будущей неделе.

Должно быть, Случевский много пьет невской воды, что его так несет брошюрами[1].

Жму Вам руку — до свидания

Ив. Тургенев.

P. S. Поклонитесь Гартманну: вероятно я ему напишу сегодня или завтра[2].

1899. ПОЛИНЕ ВИАРДО

26, 27 января (7, 8 февраля) 1867. Баден-Баден

№ 2

Bade.
Schillerstrasse n° 277.
Jeudi soir, 7 février 67.

Chère Madame Viardot, theuerste, beste Freundinn, comment allez-vous? Vous êtes au théâtre peut-être en ce moment... tous les amis vous ont déjà reçue avec transport [1]. J'ai beaucoup de plaisir à penser qu'on vous aime à Berlin — que votre présence y est une fête pour beaucoup de monde. Cette idée me rend la séparation plus supportable — je voudrais vous savoir toujours comme dans du coton. Soyez mille fois bénie et heureuse et contente et bien portante!

J'ai travaillé toute la matinée comme un nègre à ce petit récit [2] dont je vous ai parlé; si cela continue ainsi, je l'aurai achevé pour le jour de mon départ — et je pourrai vous le lire à Berlin. Pourvu que mon misérable pied ne rende pas ce voyage impossible ou ne le retarde pas [3]!

Vendredi matin. 10 heures.

Mon pied va un peu plus mal aujourd'hui, je ne puis presque plus endurer de chaussure. Le pauvre Dr Heiligenthal est tout dépaysé — et ne parle plus de mon voyage que d'un ton dubitatif. Voilà bientôt un mois que cela dure — et je suis Gros-Jean comme devant. C'est venu bien mal à propos — et j'avoue que je commence à perdre un peu la patience nécessaire! Enfin — il faudra bien.

J'ai passé la soirée d'hier à la maison. Louise a joué à quatre mains avec Marianne une suite de Lachner. Marianne fait vraiment des progrès étonnants. Louise est plus indiffé-

rente que jamais envers son enfant [4] — elle le secoue et le rudoie d'une façon presque brutale — et il va maintenant bien plus volontiers avec Mlle Arnholt. Quel caractère que cette Louise et comment est-il possible qu'elle soit votre fille ! Puis on a fait un whist : Viardot s'est naturellement plaint tout le temps et il a tout gagné. Il a fait tout le jour un temps abominable.

3 heures.

Mon pied va mieux. Je vous demande bien pardon de vous entretenir ainsi de mes extrémités — mais c'est que pour moi cela représente le voyage à Pétersbourg — à Berlin — et que Berlin me représente ... une foule de choses douces et charmantes, dont je ne jouirai que trop peu de temps [5].

A ce propos, je crois que je ferai bien de retenir d'avance une chambre à l'hôtel, vu l'immense quantité de monde qui doit se trouver à Berlin dans ce moment [6].

J'ai travaillé encore ce matin, mais moins bien. Je suis un peu comme vous maintenant : les sujets se pressent dans ma tête et empêchent l'un l'autre de sortir [7]. Mais je tiendrai bon et ne toucherai à rien que le premier ne soit achevé [8]. Je vous en raconterai pourtant deux ou trois à Berlin — pour l'avenir, il faut que vous donniez votre approbation en personne — une fois la chose admise, elle se fera tôt ou tard — et toujours s. i. P. [9] — ces trois lettres qui intriguent si fort Mme Anstett.

J'attends avec impatience l'heure d'aller chez Viardot — il y aura une lettre de vous. Celle que j'espère — ne sera dans mes mains que ce soir, au moment de la rentrée.— Ah, chère petite lettre, vous serez la bienvenue [10] !

Mille choses à tout le monde ; je vous écrirai après-demain. J'embrasse Didie sur les deux joues et vous baise les deux mains avec la plus grande tendresse. Soyez heureuse et bénie !

Der Ihrige
J. T.

1900. Н. Н. РАШЕТ

29 января (10 февраля) 1867. Баден-Баден

Благодаря усердным стараниям и рвению моего доктора моей ноге сделалось гораздо хуже — и я с места двинуться не могу и посетить Вас не в состоянии. И потому, любезнейшая Наталья Николаевна, пожалуйте ко мне

сегодня в 7 часов вечера — и мы примемся, благословясь, за чтение[1]!

До свидания — дружески жму Вам руку.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Schillerstrasse, 277.
Воскресение 10-го фев.

1901. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29, 30 января (10, 11 февраля) 1867. Баден-Баден

№ 3

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Dimanche, 10 février 1867.

Chère Madame Viardot, je ne vous ai pas écrit aujourd'hui parce que, je dois le dire, je me sens tout à fait découragé. L'état de mon maudit pied empire de jour en jour — je ne puis me le dissimuler — et je crois qu'il faut renoncer à partir sitôt — ou plutôt il faut renoncer à pouvoir fixer une époque positive[1]. Et cependant je n'ai fait aucune imprudence, j'ai scrupuleusement rempli les prescriptions du médecin : mais il y a longtemps qu'il est au bout de son latin, et il me l'a dit du reste avec une franchise qui l'honore, mais qui ne me console guère. Je n'ai pas besoin de vous dire combien cet odieux contretemps m'est pénible ; enfin il faut se résigner à ne plus rien espérer et à ne compter sur rien.

Lundi matin.

Oh theuerste Freundinn, welche Freude hat mir heute Ihr grosser, schöner Brief gemacht! Ich küsse Ihnen dafür tausendmal die lieben, guten Hände! J'avais besoin de cette consolation : me voilà recloué sur mon sopha — je ne puis plus du tout marcher — même avec l'aide d'un bâton. Je ne veux plus parler ni de ma maladie, ni du voyage : je vois qu'il faut laisser les événements venir comme ils le voudront. Ainsi je ne sais plus quand nous nous reverrons.

Je suis extrêmement heureux de ce que vous me dites à propos de mon dernier livre[2] : vous savez que vous êtes le souverain juge et arbitre : — je sais bien que vous me lisez avec les yeux bienveillants — ou plutôt avec des yeux qui achèvent ce que je ne fais qu'indiquer ; mais pourtant je sais aussi qu'avec votre sens si fin et si pur — vous ne don-

nerez pas « un bon petit numéro » à ce que n'en vaudrait qu'un médiocre. Je ne sais pas quel succès aura mon ouvrage en Russie [3], mais je tiens mon succès, le seul que j'ambitionne,— votre approbation. Il est évident que je ne suis pas assez fou pour prendre à la lettre ce qu'a dit Begas [4] ; — mais j'en suis content, car j'imagine que cela a dû vous faire du plaisir.— Allons, jouissez de votre séjour à Berlin, qu'il vous soit profitable et rende heureux ceux qui vous approcheront et vous verront.

Voici mon opinion sur la proposition de Levi : moi, j'eusse préféré un autre opéra, malgré le magnifique troisième acte — mais si on ne peut faire autre chose, acceptez. Après tout, je suis sûr que cela vous amusera — et que les bons Berlinois ne seront pas fâchés. Seulement, prenez bien vos mesures pour que vous n'ayez pas des *cani* à vous donner la réplique.— Viardot voudrait aussi autre chose qu' « Othello » [5].

Hélas ! ma chère amie, Louise s'est bien vite pétrifiée — et toutes les fois qu'elle parle, je ne puis m'empêcher de penser aux paroles de métal. C'est une nature profondément anti-sociable, antipatique et aussi peu bonne qu'on peut l'être sans se faire montrer au doigt. Elle est venue ici par un coup de tête, elle vous quittera de même, et je suis a peu près aussi sûr qu'on peut l'être que c'est une *boutade* (ce mot est étrange, mais vrai), qui lui a fait quitter son mari [6]. Quel caractère, grand Dieu ! Je ne puis plus la regarder en face : je me sens trop gêné. Pauvre amie, tout cela vous prépare bien de tracas, à vous et au bon Viardot.

Mon oncle m'écrit des lettres folles, il se dit mortellement offensé par moi, se considère comme « un prisonnier », s'est enfermé dans sa chambre et ne veut voir personne [7]. Vous jugez combien les affaires en souffrent et combien ma présence est nécessaire à Spasskoïé. Et mon pied ?!! Enfin... L'architecte Armbruster (celui de Mme de Merck) doit visiter ma maison aujourd'hui de fond en comble [8].

Adieu, theuerste Freundinn. Tausend Küsse Ihren lieben Händen. J'embrasse Didie et je salue tous les amis.

Der Ihrige

J. T.

1902. П. В. АННЕНКОВУ

31 января (12 февраля) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
12 февраля (31 января) 1867.

Милый Павел Васильевич! Вместо меня является письмо с невеселым известием: уже всё было готово к отъезду послезавтра, как вдруг подагра, уже почти совершенно исчезнувшая, возвратилась вчера с неслыханною яростью, и я лежу в постели, как чурбан, и совершенно уже не знаю, когда мне возможно будет выехать. Подагра у меня, к несчастью, какая-то, по словам докторов, атоническая, то есть может продолжаться неизвестное число дней. Нечего Вам говорить, до какой степени этот гнусный пассаж мне неприятен именно теперь, когда мое присутствие в России так необходимо. Мой роман [1] совершенно готов и переписан; я его прочел здесь находящемуся А. М. Жемчужникову, и он, кажется, остался доволен... Печатать бы теперь. Кстати же вопрос об управлении моим имением требует безотлагательного разрешения, а тут — эта мерзость! Что делать... надо покориться! Сказать теперь, когда я отсюда выеду, совершенно невозможно... может быть — через две недели, может быть — через месяц... Черт знает! И потому с горестным чувством жму Вам руку, кланяюсь Вашей жене и всем друзьям и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

1903. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Январь 1867. Баден-Баден

Любезный Жемчужников,

Жду Вас и Вашу супругу сегодня вечером в 7½ часов. Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Можете Вы мне прислать 2, 3 номера «Москвы»?

1904. ПОЛИНЕ ВИАРДО

2(14) февраля 1867. Баден-Баден

№ 4

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Jeudi, ce 14 février 1867
(jour que j'avais fixé pour mon départ).

Chère Madame Viardot, cela va un peu mieux ce matin — mais je ne puis encore songer à sortir ou à marcher — et puis il y a eu déjà [а] tant de ces améliorations, qui n'ont abouti à rien — que je n'ai « plus de confiance ». Du reste le docteur vient de me déclarer, que maintenant il ne veut plus rien dire [б] de positif — et qu'il ne saurait affirmer que je puis partir d'ici dans six semaines [1]. Tout cela n'est pas gai — comme vous voyez — et je trouve la résignation, qui m'est forcément imposée — un breuvage assez amer. On vient me voir tous les jours de la maison — Berthe entre autres, qui se plaint d'être rudoyée par Louise à la suite d'observations *sensées* qu'elle en sa qualité de femme *pleine d'expérience* [2] — lui aurait faites à propos de son petit qui, par parenthèse, a attrapé une forte grippe. Louise l'aurait envoyée promener en toutes lettres. J'ai conseillé à Berthe de rengainer ses « observations sensées » — vu que Louise ne manque jamais de faire exactement le contraire de ce qu'on lui conseille — et surtout [в] quand on songe à la façon épilogueuse, sciante et tannante, qui distingue les moindres propos de Berthe.

L'affaire d'Héritte afflige beaucoup Viardot ; sa nature mélancolique, mais placide et habituée au calme le plus profond ne peut se faire à cette préoccupation incessante; et Louise de son côté ne fait rien pour répandre un peu de baume sur la plaie qu'elle-même a faite [3].

Je profite de mes loisirs involontaires pour travailler avec rage : j'ai passé hier 11 heures — je dis onze heures — à écrire et j'ai fini ce récit bizarre dont je vous avais parlé et qui a pris [г] des proportions plus considérables que je ne l'avais supposé d'abord [4]. Je vous le lirai : — naturellement — mais quand ? où ?.. Je suis capable de me mettre dès aujourd'hui même à un troisième récit [5] ... pourvu que

---

[а] déjà — *вписано.*
[б] dire — *вписано.*
[в] *Далее зачеркнуто:* de *и вписано:* quand on songe à
[г] pris — *вписано.*

la besogne soit bonne et ne se ressente pas de l'infernale maladie *qui me tient* par la patte [6].

On vient de me dire que vous avez envoyé un télégramme de Berlin pour annoncer votre retour de Breslau et le bon accueil que vous y avez trouvé avant-hier [7]. Cela ne m'étonne pas — mais je suis bien heureux de l'apprendre et avant-hier dans la soirée, je me suis amusé plusieurs fois à battre des mains — couché que j'étais sur mon canapé — et je m'associais de cette façon aux applaudissements des habitants de Breslau.

On a reçu de bonnes nouvelles de Pomey — nous commencions à être inquiets pour Jeanne [8].

Voici la seconde semaine de la séparation! Enfin — pourvu que vous soyez heureuse, contente et bien portante — tout le reste n'est pas grand-chose. J'embrasse la chère petite Didie, je dis mille choses aux amis — et je me mets à vos pieds — meine liebe, theuerste, angebetete Freundinn! Gott segne Sie tausendmal.

Der Ihrige
J. Tourguéneff.

1905. И. П. БОРИСОВУ

**20 декабря 1866, 3 февраля (1 января, 15 февраля) 1867.
Баден-Баден**

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
1-го янв. 1867. / 20-го дек. 1866. Вторник.

Только что собирался писать к Вам в Москву, милый Иван Петрович, в самый день басурманского (и настоящего) Нового Года — глядь! является Ваше письмецо [1] — и я вижу, что мне еще возможно отписать к Вам в деревню — и кстати поздравить Вас с российским Новым Годом. Нечего говорить Вам, как искренни и усердны мои желания Вам всего хорошего; Петю тоже от меня поздравьте — и скажите ему, что я желаю ему умнеть и расти не по дням, а по часам.

Я заранее радуюсь нашему свиданию в Москве: я обязался перед Катковым самолично вручить ему мой роман в начале февраля, так как появиться он должен в февральской книжке [2]...

Четверг[а] 3/15-го февр.

Я писал предыдущую страницу 6 недель тому назад... Увы! человек предполагает — а уж неизвестно кто располагает. Представьте, что я в течение этих шести недель почти не выходил из комнаты, двигался не иначе как с помощью костыля — а с неделю тому назад опять слег и теперь пишу Вам в постели — и всё это по милости подагры, да не обыкновенной — а какой-то атонической, т. е. хронической, которая поразила мою левую ногу и превратила меня в неподвижный чурбан! Вот Вам я и у праздника! Все мои предположения рухнули — и вперед я никаких планов не могу делать: доктор мне объявил, что он не может мне назначить время, когда я буду в состоянии предпринять путешествие.— А роман давно кончен, переписан, перечтен и выправлен несколько раз; а дела мои в Спасском и по имению требуют самым настоятельным образом моего немедленного[б] присутствия — так как дядя внезапно потерял голову и пишет мне самые отчаянные и оскорбительные письма, а всё оттого, что я решился наконец взять нового управляющего — который хотя бы несколько улучшил мои доходы... Вы легко можете себе представить, как мне теперь весело[3]...

Я не хотел оставить Вашего последнего письма без ответа — я и так перед Вами в долгу. Скажите Пете, что я, как только справлюсь, непременно отвечу на его античное стихотворение[4]. Мне кажется, что он ничего не потеряет, оставшись еще год в деревне: пусть он еще укрепится физически — а с его головой он не останется в задних рядах.

Поклонитесь от меня Фету, если Вы его увидите проездом в Степановку. Не теряю надежды увидеть Вас — но когда? определить с точностью невозможно — ибо не от меня зависит,— тогда мы побеседуем хорошенько,— во всяком случае желаю Вам и Пете всего хорошего на земле — и все-таки говорю: до свидания.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

[а] *Так в подлиннике.*
[б] *Было:* настоятельного

1906. ПОЛИНЕ ВИАРДО

3, 4 (15, 16) февраля 1867. Баден-Баден

№ 5

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Vendredi, 15 fév⟨rier⟩ 67.

Chère Madame Viardot, theuerste, innigst geliebte Freundinn, le bon Viardot vient de me faire un plaisir extrême en me lisant votre lettre de Breslau [1]. Je suis tout heureux en pensant combien vous avez été fêtée, adorée, acclamée — et je vois d'ici votre chère figure radieuse et souriante. Allons ! Tout va bien — les Silésiens se conduisent comme il faut — et ils méritent la grâce que vous leur avez accordée, en promettant de revenir.— J'imagine aussi le ravissement de cette bonne Aglaé. La voilà nageant maintenant en pleine eau [2].

Quant à moi, je suis aussi parfaitement échoué qu'on peut l'être. Je ne puis plus bouger de mon canapé — tout mouvement me fait mal. Je vais essayer de me faire rouler en petite voiture jusque *chez vous*, ah ! si c'était possible en effet — sans métaphore... Aber die schönen Tage von Aranjuez sind vorüber [3].— Kommen Sie wieder?

Le même jour, 11 heures du soir.

Je reviens de *chez vous* — je ne sais pas trop si j'ai bien fait. Mon pied est bien enflé et il me fait bien mal.— Mais aussi j'ai entendu la lecture de la lettre de Berlin avec tous ses charmants détails [4]. Cela m'a mis, comme on dit, du baume dans le sang et je supporte avec plus de résignation la petite vilenie dont le sort m'a gratifié.

Je suis content que vous ne chantiez pas « Otello » [5]; il vous faut maintenant des choses plus larges et plus grandes. Montrez, montrez votre musique à Mr Damrosch [6] — à tout le monde : il faut qu'elle soit publiée — il le faut absolument.

A propos... Oscar Begas est-il aussi beau que son frère [7] ? Je crains un peu pour cette tête de quinze ans de Didie [8]. Je lui écrirai dans deux ou trois jours — et en attendant, embrassez-la de ma part.

Vous savez que Héritte a écrit une très grande lettre à Viardot. Il n'y cite aucun fait nouveau, mais il ressort invinciblement de tout le ton de cette lettre que ce n'est pas lui qui a tort et que peu de temps avant son coup de tête —

Louise était au mieux avec lui.— Je ne doute pas qu'il n'arrive bientôt en Europe[9]... et alors que faire? De quel droit lui refuser son enfant? Quant à Louise — elle est *blindée*. Quelle étrange nature — destinée à être malheureuse et à rendre malheureux tous ceux auxquels elle aura affaire, violente et apathique, inquiète et morne; on ne sait pas où la prendre. Il paraît que cette Miss Stephens s'est vue obligée par l'opinion publique de quitter le Cap plus tôt qu'elle n'en [a] avait l'intention et qu'elle vient en Angleterre [10].

Aujourd'hui — Louise et Marianne ont déchiffré du Mozart avant dîner; après il y a eu un bon «petit numéro» — et un whist. Je suis maintenant en train de copier cette nouvelle que je viens d'achever [11]: il y aura 80 pages — l'autre en a 390 [12]. Je travaille comme un forçat... il faut que la goutte me fasse au moins gagner de l'argent.— Il y a déjà un troisième récit — pas grand celui-là, qui est tout achevé dans ma tête [13]. Quand pourrai-je vous lire tout cela, en baisant de temps en temps vos chères et nobles mains? Si j'ai jamais rêvé un autre paradis que celui-là, je consens à ce que la goutte ne me quitte plus.

Il n'y a rien de plus cocasse que la figure du pauvre Dr Heiligenthal, quand il entre chez moi... on voit si clairement qu'il se donne au diable — et moi aussi peut-être. Imaginez-vous Mme Anstett lui donnant aujourd'hui des conseils... C'est une vraie scène de comédie. Mais je ne suis pas au parterre. Bonsoir, chère, chère amie... je vais me coucher. J'ajouterai deux mots demain.

Samedi.— Theuerste Freundinn, je viens de recevoir votre lettre n° 2 [14] et vous remercie du fond de mon cœur. Seulement — au lieu de la lettre de Mr Damrosch — j'ai reçu celle-ci, que je vous renvoie, de Mlle Klettner! Je prends trop au change — et je l'attends, l'autre. Mon pied est toujours dans le même état. — Immobilité complète.— Je travaille beaucoup et je veux être patient — pour vous faire plaisir. Laissons venir les événements. Wenn [б] es mir zu schlecht geht — so denke ich: wart, es wird doch ein Tag kommen und du wirst ihr zu Füssen sinken können. En attendant, je vous prie de dire mille choses de ma part à Mlle Artôt, aux Pietsch, Menzel, Begas, etc... Mlle A⟨rtôt⟩ doit être prévenue que je l'embrasserai sur les deux

---

[a] *Далее зачеркнуто одно слово.*
[б] *Далее зачеркнуто:* ich ⟨я⟩ *(нем.)*.

joues, quand je la verrai. De la part d'un vieux goutteux, c'est sans conséquence.

Soyez heureuse et bénie.
Der Ihrige J. T.

1907. ПОЛИНЕ ВИАРДО

6, 7(18, 19) февраля 1867. Баден-Баден

№ 6

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Lundi, 18 fév⟨rier⟩ 1867.

Bonjour, chère Madame Viardot, vielgeliebte, theuerste Freundinn! Je vais un peu mieux depuis hier — quoique je ne puisse pas encore poser le pied par terre. Je vous donne ces détails, parce que vous le désirez et puis, c'est pour moi d'un très grand intérêt. Je me surprends à faire des rêves, qui ne sont pas trop invraisemblables après tout. Si je pouvais partir d'ici le 28 [1], quand vous serez de retour de Breslau! (Vous y allez le 26, n'est-ce pas?) Voilà ce que c'est: je ne marche pas encore et je pense déjà à voyager. Enfin il n'est pas dit que je sois voué à la goutte à tout jamais!! En attendant, prenons patience.

J'ai reçu une lettre très raisonnable du jeune homme que j'ai envoyé à Spasskoïé et dont je veux faire mon intendant [2]. Il n'y a pas eu mauvaise foi dans la gestion de mon oncle — c'est évident, mais routine et négligence. Tout peut encore se réparer et mon oncle semble se calmer un peu.

Si cela s'arrange d'un côté, cela cloche de l'autre. Voilà ma fille qui m'écrit qu'elle continue d'être au mieux avec son mari, *mais* que les affaires semblent se gâter. Je crois comprendre, à travers ses réticences, que la fabrique ne rapporte rien — et que l'argent qu'on y a enfoui pour changer les fourneaux, etc. n'a aucune intention de germer [3]. C'est un malheur, mais beaucoup moins grand que celui de Louise [4] par exemple: — après tout, le revenu de sa dot doit lui suffire pour vivre confortablement. Malheureusement, il paraît qu'on l'a un peu entamée.

Louise est un peu moins sombre, mais du reste... man bleibt doch immer was man ist [5]. Elle doit s'ennuyer beaucoup ici — elle en a du moins l'air: mais elle savait bien qu'elle venait à *Bade* en hiver.

Vous ai-je dit que j'ai traité avec l'architecte de Mme Merck, Mr Armbruster, pour le rearrangement de ma maison? Elle me coûtera quelque chose comme 1500 à 2000 flo-

rins[6]. Oh! affreux coquin de Mr Olive! Et dire que je ne puis lui causer aucun désagrément! C'est surtout le travail du plombier qui ne vaut absolument rien et qu'il faut refaire de fond en comble.

Viardot est un peu mieux moralement depuis deux ou trois jours; quant à la santé physique, elle est parfaite et je lui trouve une très bonne mine: il se plaint aussi beaucoup moins après dîner et il *dort* moins. Moi, j'ai travaillé tous ces temps-ci d'une façon qui m'étonne moi-même; je brûle de vous lire ce que j'ai fait[7]. Tout mon être aboutit à vous comme un entonnoir. Je crois vous avoir entendu employer cette comparaison; mais je trouve qu'elle s'applique trop parfaitement à moi pour que je ne m'en serve pas. O meine heissgeliebte Freundinn, Ich denke beständig, Tag und Nacht, an Sie — und mit welcher unendlichen Liebe! Jedes mal, wenn Sie an mich denken, können Sie getrost sagen: «Mein Bild steht jetzt vor seinen Augen — und er betet mich an». Das ist buchstäblich wahr.

Mardi matin.

Pourquoi toussez-vous et encore *bien fort*? Quand j'ai lu cela dans votre chère et charmante lettre, que je viens de recevoir, j'en ai eu un soubresaut. Est-ce de la fatigue — avez-vous pris froid? Peut-être que votre appartement est humide? Au nom du ciel, soignez-vous et que je n'aie pas le tourment de penser que vous êtes peut-être malade ou seulement indisposée — en ce moment. Ah! je ne sais que trop où est mon véritable endroit *vulnérable*! Tranquillisez-moi, au plus vite, je vous prie.

Et la lettre de Damrosch? N'oubliez pas de me l'envoyer[8]. Viardot m'a donné à lire les deux articles de Breslau. Il est gentil, il me lit *toutes* vos lettres: je lui en ai lu une, le N 2, et lui lirai celle d'aujourd'hui. Il y avait trop de belles choses à l'adresse de mon talent dans le n° 1 pour que j'aie pu me décider à les lui communiquer. Du reste, cela n'est pas du tout nécessaire.

Mon pied va décidément mieux avec une sage lenteur, il est vrai.— Le 28... le 28[9]. Je ne cesse d'y penser. J'écrirai à Micawber-Pietsch[10]. Je ne doute pas que vous n'ayez le doigt sur la plaie; les dettes, voilà sa maladie. Et puis, aussi peut-être le sentiment de son infériorité artistique. Il faudra tâcher de le remonter. Mille amitiés à tous, un bon baiser à Didie, und mich — zu Ihren Füssen, mit den Lippen auf Ihren Füsse. Gott segne Sie.

Der Ihrige
J. T.

1908. П. В. АННЕНКОВУ

8(20) февраля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
20 (8) февраля 1867, середа.

В течение моей жизни, любезнейший Павел Васильевич, бывал я в разных скверных положениях; но то положение, в котором я теперь нахожусь, отличается особенною скверностью вследствие той неизвестности, с которою оно сопряжено. Вот скоро восемь недель, как я сижу как рак на мели, лишенный употребления левой ноги: доктор приходит в совершенное недоумение, уверяет, что он отроду не слыхивал, чтобы припадок подагры мог так долго продолжаться; со всем тем никакого облегчения нет, и я решительно предположить не могу даже приблизительно, когда я отсюда выеду. Каткову я уже об этом писал, пишу также и дяде. Кишинский известил меня[1], что его ревизия дотянется до 20 февраля. Если он к тому времени возвратится в Петербург и к Вам отъявится, то Вы сообщите ему мое положение и попросите его делать то же самое, что я теперь делаю, а именно: сидеть у моря и ждать погоды. Кажется, бесполезно распространяться насчет того, как это всё для меня и неприятно, и в некотором смысле разорительно...

Кроме романа я еще настрочил и переписал небольшую повесть[2]... Но это всё откладывается до нашего свидания,— если небесам угодно, чтобы мы свиделись. Засим дружески жму Вашу руку и кланяюсь Вашей милой жене. Преданный Вам

Ив. Тургенев.

1909. Н. Н. РАШЕТ

8(20) февраля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Середа, 8/20-го февр. 1867.

Любезная Наталья Николаевна, здоровье мое находится всё в одном положении — как говорится, ни вперед ни назад — и об отъезде и думать нечего — по крайней мере ничего определительного сказать о нем нельзя. Другой мой рассказ[1] окончен и переписан, но едва ли он стоит того, чтобы Вы из-за него давали себе труд приехать из Штутгарда в Баден.

Сожалею очень о Ваших заботах и тревогах; но позволю себе заметить, что Вам непременно надо укротить в себе Вашу страсть отдавать себя другим на съедение: кто лучше матери может судить, что́ хорошо и что́ дурно в воспитании дочери — и что за необходимость «патриотического» воспитания для девицы? Если же, как Вы предполагаете, под этим скрываются другие умыслы — то тем менее должны Вы предавать себя на жертву. Идите своей дорогой и живите своей жизнью.

Случевского отовсюду зовут в сотрудники... Ну и прекрасно. Я этого не понимаю — но желаю ему всего хорошего и генеральский чин[2].

Жолкевич достоин сожаленья... однако он, зайдя ко мне и многословно жалуясь на «немцев»,— сказал вещь, которая меня покоробила: «Служанка действительно могла показать на задней части ребенка синяки и пролежни — потому что я сильно сек его, чтобы отучить под себя пакостить...». Это он «сильно сечет» двухлетнего идиотика, про которого сам говорит, что он ничего не понимает! Потом еще была нехорошая вещь: «Я им сказал,— воскликнул Жолкевич, театрально взмахнув рукою с отделенным указательным пальцем,— что в великой благодатной России еще никто никого не морил голодом». Это говорит поляк. В конце концов — он мне не нравится, хотя, разумеется, возведенное на него обвинение — чепуха. А Вы немецких судей не браните: они иначе не могли поступить — а клевета так и останется клеветою[3].

Итак — до свидания здесь или в Штуттгарде — дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1910. Е. Т. СЛИВИЦКОЙ

8(20) февраля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
8-го/20-го февраля 1867.

Милостивая государыня
Елизавета Тимофеевна!

Я получил Ваше письмо от 9/21-го января — и, признаюсь Вам откровенно, не мог хорошенько понять, почему Вы находите, что справедливость требует, чтобы я вознаградил Вас за убыток, Вами понесенный[1]? Я в ско-

ром времени отсюда выезжаю — и надеюсь прибыть в половине марта в Спасское, где останусь около месяца[2], я соберу на месте справки — и могу Вас уверить, что приму к сведению Ваше желание, если окажется, что дядя мой действительно виновен в том убытке. А до тех пор прошу Вас принять уверение в совершенном уважении и преданности, с которым остаюсь

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

1911. ПОЛИНЕ ВИАРДО

10(22) февраля 1867. Баден-Баден

№ 7

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Vendredi, ce 21 fév⟨rier⟩[а] 1867.

Chère et bonne Madame Viardot — innigst geliebte Freundinn — je crois pouvoir vous annoncer une bonne nouvelle: il y a décidément une amélioration marquée dans l'état de mon pied depuis deux jours — et si rien ne vient déjouer mes calculs et mes espérances, je me mettrai en route dans une semaine d'ici[1]. J'ose encore à peine croire à la possibilité de ce voyage, au bonheur de vous revoir — bonheur hélas! qui ne durera que très peu de temps... enfin! Le fait est que je vais positivement mieux.

J'ai reçu hier la lettre de Didie — et vous voyez que je lui réponds immédiatement[2]. Nous avons eu hier une longue conversation avec Louise — la première que nous ayons eue. Elle paraissait bien affligée de la lettre que vous lui aviez écrite — certaines expressions — d'un « voile noir, jeté par elle sur le bonheur de la famille » lui avaient causé beaucoup de chagrin.— Elle a pleuré[б].— De temps en temps elle s'écriait: « Je sais bien que je suis tombée ici comme une tuile — mais que dois-je donc *faire*? ». J'ai tâché de la calmer, et de la consoler un peu en lui disant qu'il ne s'agissait pas pour elle de faire quelque chose, *de prendre une décision* — mais d'avoir plus d'abandon, de douceur — d'épanchement — surtout envers son père; — que si même elle avait l'intention de rompre à tout jamais

---

[а] *Так в подлиннике.*
[б] *Далее зачеркнуто:* puis ⟨затем⟩ *(франц.) и вписано:* de temps en temps

avec son mari — il ne fallait pas le lui montrer avec tant de raideur — car se serait le pousser aux extrémités — et qu'alors il lui serait à elle [в] difficile, pour ne pas dire impossible de garder son enfant, sur lequel il a des droits imprescriptibles ; que, le cas échéant, il faudrait plutôt un peu de diplomatie, pour éviter une lutte qui rejaillirait en chagrin et en scandale sur toute la maison — que puisqu'elle convenait elle-même que la conduite de son mari [г] depuis le départ était autre qu'elle ne s'était imaginée — il fallait tâcher de le maintenir dans cette bonne voie... et qu'après tout je ne comprenais pas qu'on pût avoir de la susceptibilité envers les gens qui vous aiment et que vous aimez.— Je ne sais, si mes exhortations ont porté quelque fruit — mais hier soir, elle a été plus caressante que d'habitude avec Viardot — elle ne s'est pas renfermée dans sa chambre — elle a joué une sonate de Clementi (Didone abbandonata) — et fort bien, ma foi ! — Si elle pouvait seulement s'assouplir un peu ! — Après tout il ne faut pas désespérer et je serais bien heureux, si le peu d'influence que je peux avoir sur elle pouvait y contribuer.

Du reste, tout va ici fort tranquillement. Le temps est charmant depuis trois ou quatre jours ; la santé de Viardot est bonne, celle des enfants aussi.— Marianne est gentille tout plein : c'est une bien bonne et douce nature, avec deux ou trois petits « crotchets » comme disent les Anglais, qui sont bien innocents au fond. — Je lui ai dit que, si elle faisait des progrès *énormes* dans le courant de cette années — sur le piano, vous ne pourriez faire autrement que de la prendre avec vous à Berlin pour la confier à quelque grand maître pianiste. A propos de cela on a déjà vu Mr Kalliwoda dans les rues de Carlsruhe — bien maigre, il est vrai, et bien changé. Quant à Lotto — point de nouvelles.

Et la lettre de Mr Damrosch [3] ? Je la demande à grands cris.— C'est pourtant désagréable que O. Begas ait fait une absence justement au moment où vous allez à Berlin — dites-moi son opinion sur les dessins de Didie [4]. Et votre buste que l'autre Begas avait l'intention de faire [5] ?

Dieu — quand je pense que je vous reverrai peut-être dans 8 jours... Voyons, voyons, Monsieur, soyez raisonnable.

J'ai entamé ma *troisième* machine [6], mais elle marche moins bien — c'est-à-dire moins vite. Pourtant je travaille.

[в] à elle — *вписано.*
[г] de son mari — *вписано.*

Et maintenant je vous prie de me donner vos deux belles mains pour que je les embrasse bien, bien tendrement — et je suis à jamais —

der Ihrige J. T.

1912. С. Н. ЧИЧЕРИНУ

Апрель 1863—11 (23) февраля 1867. Баден-Баден

Приглашая Вас вчера на обед, любезный Сергей Николаевич, я совершенно позабыл, что я уже был отозван сегодня. А потому прошу Вас покорно извинить меня и надеюсь, что Вы не откажетесь заменить сегодняшний день завтрашним, чем Вы много меня обяжете.

Примите уверение в искреннем моем уважении.

Ив. Тургенев.

Schillerstrasse, 277.
Суббота утром.

1913. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12, 13 (24, 25) февраля 1867. Баден-Баден

№ 8

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Dimanche, 24 février 1867.

Chère Madame Viardot, theuerste, beste Freundinn, Viardot vient de nous lire quelques fragments de votre dernière lettre : la « failure » avec O. Begas est bien à regretter — ces quinze jours perdus — mais il ne faut pas se laisser abattre — il faut prendre immédiatement ce Mr Graff que l'on vous recommande et surtout ne pas parler de revenir à Bade [1]. On n'aurait qu'à vous prendre au mot et il faut que vous restiez vos deux mois pleins à Berlin. Il ne faut pas non plus vous imaginer que nous nous « croiserons » en route — si Dieu me prête vie — et si l'amélioration de mon état ne fait pas un brusque saut en arrière, je partirai d'ici *vendredi* ou *samedi* au plus tard — j'y suis bien décidé [2] ; je suis sûr (et le docteur me le dit) que le voyage me fera du bien — il s'agit seulement de pouvoir se mettre en voiture — et une fois à Berlin, si un petit accès me reprenait — eh bien ! je serais à Berlin — c'est à dire à deux pas de vous.

NB. Cette lettre vous sera expédiée demain — il est probable que vous ne l'aurez qu'à votre retour de Breslau; mais je vous en enverrai une autre *mercredi* [3] — par laquelle je pourrai vous annoncer le jour précis de mon arrivée à Berlin. Halt aus, mein Herz!

Lundi, 25 février.

Mon pied va mieux — petit à petit, il est vrai — mais c'est quelque chose. C'est pour moi maintenant «eine Lebensfrage» — car quoique j'aie dû souvent dans ces derniers temps renoncer à des projets à peu près sûrs,— cette fois-ci — je le sens — la déception me serait trop amère. Ich kann Ihnen gar nicht sagen, wie sehr ich mich nach Ihrer lieben Gegenwart sehe jede Nacht — und die ganze Nacht hindurch sehe ich Sie im Traume — auch kann ich jetzt nicht mehr arbeiten — da meine Gedanken beständig um Sie herum kreisen, und vor Ihrer theueren Gestalt schmelzen alle übrigen wie Schnee.

Louise va décidément mieux au moral. Elle nous a chanté aujourd'hui l'air de Suzanne [4], une romance de Donizetti, une petite chose de Massné. Elle chante véritablement très bien, en digne fille de sa mère, avec une grande pureté de style, une parfaite justesse; sa voix, qui m'a toujours été très sympatique (et qui, par parenthèse, me cause toujours une grande surprise, vu le peu rapport qu'il y a entre elle et le caractère de la personne) a pris de la force, de l'ampleur — elle monte facilement — les notes hautes sont très agréables et l'émission en est naturelle et limpide. Je lui ai fait des compliments très sincères qui ont paru lui faire plaisir. Ce sera une « valuable acquisition » pour les matinées si — si — si rien ne viendra se mettre en travers [5]. Les nombreuses lettres de Héritte que Viardot a dû vous envoyer — vous feront comprendre ce qui pourrait venir se mettre en travers. Je ne doute pas qu'il ne vienne en Europe dans le courant de l'été et alors... alors on verra ce qu'il y aurait à faire; mais je crois que Louise s'en ira plus loin [6]. Ce que vous avez écrit à V⟨iardot⟩ du succès de vos Lieder auprès de ces deux messieurs belges m'a fait le plus vif plaisir; et je vous remercie d'avoir pensé que cela me ferait du plaisir. J'ai une sensation toute particulière quand le vous vois fêtée et acclamée — elle est extrêmement douce, particulière et tient à la fois de plusieurs sentiments.— Et la lettre de Mr Damroche [7]?

Je ne sais si je vous ai écrit que Mme Mouchanoff [8] est

enfin guérie — et qu'elle est déjà retournée à Varsovie Puisqu'elle a pu guérir, il ne faut pas que je perde tout espoir.

Ainsi c'est entendu — je vous écris encore une fois *mercredi*; je vous enverrai un mot dans la matinée de *jeudi* et samedi peut-être [9]... Silence!

J'embrasse tendrement Didie, und ich küsse mit der Inbrunst der Anbetung die lieben Hände und Füsse.

Der Ihrige
J. T.

P. S. J'ai écrit une assez longue lettre à Pietsch [10].

1914. МОРИЦУ ГАРТМАНУ

13(25) февраля 1867. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 25 Februar 1867.
Montag.

Seit Monaten hab' ich an Sie schreiben wollen, mein lieber Freund — bin aber leider dazu nicht gekommen — und sage nun mein «mea culpa». Sehr oft hab' ich an Sie gedacht, das kann ich Sie versichern — ich weiss, Sie haben in der letzten Zeit schmerzliche Erfahrungen machen müssen — und mein aufrichtigstes Mitgefühl hat Ihnen nicht gefehlt [1]. Ich hoffe, dass Sie jetzt ein bischen mehr Oberwasser haben — und möchte etwas von Ihrer neuen Unternehmung, der Wochenausgabe zur «Allgemeinen Zeitung» wissen [2]. Die «Freya» bekomme ich regelmässig [3]. Auch weiss ich sonst, wie es Ihnen geht durch Frau Rachette. Diese liebenswürdige Person hat eine aufrichtige Sympathie für Ihre ganze Familie gefasst [4].

Sie wird Ihnen wohl gesagt haben, dass ein schlimmer Gast sich bei mir eingestellt hat — nämlich die Gicht — und in einer höchst unwillkommenen, chronischen Form. Zwei Monate hat sie mich an mein Sopha festgenagelt und auch jetzt kann ich mich kaum nur so hinschleppen mit Hülfe eines Stocks. Schlimm für einen Jäger! Auch sonst ist diese Krankheit zu ungelegener Zeit gekommen. Ich hätte längst in Russland sein müssen — dringender Geschäfte halber [5] — auch hab' ich einen grössern Roman und eine kleine Novelle fertig gekriegt — die ich bereits verkauft habe und deren Druck sich auf eine höchst fatale

Weise verzögert [6]. Aber gegen Naturgesetze — seien sie physiologischer, pathologischer oder politischer Natur — ist schwer anzukämpfen. Das müssen Sie, als Süd-Deutscher oder als Deutscher überhaupt, am Besten wissen — und noch eben jetzt, wo der Suffrage Universel einen so hübschen Streich im Norden gespielt hat [7]. Und dennoch wird es noch lange Leute geben, die mit einer Art religiösen Scheu von der «grandeur» und «profondeur» und «sublime bon sens» du «peuple» reden werden — solche Sachen klingen besser französisch [8].

Sind meine Sachen erst in's Französische übersetzt, schick ich sie Ihnen natürlich gleich. Vielleicht können Sie etwas daraus machen [9].

Sie haben gewiss von der schmählichen und infamen Verleumdung gehört, die unsere arme Catherine heimgesucht hat.— Ihr Vater hat mir geschrieben. Da ist leider nichts zu machen — denn wenn man so etwas bloss anrührt, so wird es schlimmer [10].

Und nun leben Sie recht wohl. Hoffentlich sehen wir uns im Laufe dieses Sommers — es wäre mir eine wahre Freude, Sie in meinem Hause logiren zu können.

Herr Viardot lässt Sie grüssen; Frau Viardot ist mit ihrer zweiten Tochter auf 6 Wochen nach Berlin gereist.

Grüssen Sie Ihre Frau auf's Herzlichste und empfangen Sie die Versicherung meiner alten Freundschaft.

I. Turgeneff.

1915. Е. Е. ЛАМБЕРТ

4(16) июня 1866, 13(25) февраля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Суббота, 16-го/4-го июня 1866.

Долго не отвечал я на Вашу милую записку, добрейшая графиня, хотя часто думал о Вас, о всех Ваших — о всем, что Вы испытали и испытываете в последнее время.

Я узнал на днях, что муж Ваш, по расстроенному здоровью — отправляется за границу; полагаю, что и Вы поедете с ним — и весьма желал бы знать, где именно Вам придется провести лето. Напишите мне, если только это правда,— и я непременно постараюсь свидеться с Вами.— Полагаю, что война, которая сегодня или завтра должна вспыхнуть в Германии...

25/13-го февраля 1867.

После восьмимесячного перерыва посылаю Вам этот листок, любезнейшая графиня; — пусть он служит в одно и то же время и свидетелем моей постыдной лени — и доказательством, что я не забывал Вас и имел намерение поддерживать нашу переписку.

А сколько воды утекло в эти восемь месяцев! Какие события совершились, события, на которые, между прочим, намекала самая прерванная моя фраза[1]! Впрочем — обо всем этом — и о многом другом я, вероятно, скоро буду иметь удовольствие лично беседовать с Вами — так как я на днях собираюсь в Россию. Я бы выехал отсюда месяц тому назад, если б... если б не припадок *подагры*... увы, да! Настоящей, несомненной подагры, да еще какой-то злокачественной — т. е. продолжительной. Два месяца я пролежал на диване — и теперь шагу ступить не могу без палки. Что делать! Старость — не радость,— к иным она приходит раньше, чем бы следовало,— надо покориться без ропота — тем более что он ни к чему не служит. Эта подагра по крайней мере ту имела пользу, что я — после четырехлетнего бездействия — окончил и переписал роман, который я везу с собою для напечатания в «Русском вестнике»[2]. Удался ли он мне, или нет — это неизвестно,— но мне за него дают хорошие деньги — и я в этом смысле говорил о пользе, принесенной мне моей болезнью.

Надеюсь застать Вас в хорошем здоровье — а до того времени прошу принять уверение в неизменной дружбе и преданности

Вашего Ив. Тургенева.

P. S. Передайте мой дружеский поклон Вашему супругу.

1916. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

13 (25) февраля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Понедельник, 25-го фев. 1867.

Почтеннейший Николай Иванович,

Я много виноват перед Вами — начиная с того, что не поблагодарил Вас за любезную присылку Вашей интересной брошюры[1],— но, в надежде на Вашу снисходительность, прибегаю к Вам с повинной головой, которую, по старой поговорке, меч не сечет. Сведения о Вас и о Ва-

шем семействе доходили, однако, до меня довольно часто через г-жу Иннис и мою дочь; и я между прочим с сожаленьем узнал, что Вы недавно были нездоровы.— Что же касается до моего маленького рассказа под заглавием «Собака», то я Вам оттого его не прислал, что сам не имел ни одного экземпляра: он появился в «С.П-бургских ведомостях», в фёльетоне [2] — и вообще не имеет большого значения. Но могу Вас уверить, что как только появится в Москве написанный мною теперь роман [3], я почту за особенное удовольствие доставить Вам немедленно один экземпляр.

Но когда попаду я в Москву? Этого я с достоверностью сказать не могу, ибо это не от меня зависит. Вы, вероятно, уже знаете через г-жу Иннис, что меня месяца два тому назад постиг припадок подагры — первый припадок в моей жизни; но, как говорится — первый блин вышел комом — и подагра оказалась какая-то злокачественная, хроническая; до сих пор она не проходит, к изумлению моего доктора и к истинному моему огорчению. Дела требуют моего безотлагательного прибытия в Россию, а я сижу здесь, как рак на мели — и не дальше, как три дня тому назад, не мог ходить даже с помощью палки. Впрочем, теперь немного полегчило — и я не теряю совсем надежды выехать до весны из Бадена.

Я намерен провести в России около двух месяцев — и в начале мая прибыть в Париж для свидания с моею дочерью, а также для того, чтобы посмотреть на выставку [4]. Долгом почту явиться тогда к Вам — а до тех пор прошу Вас и всё Ваше любезное семейство принять выражение искренней преданности и глубочайшего уважения

Вашего

Ив. Тургенева.

1917. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Начало января — 14(26) февраля 1867. Баден-Баден

Посылаю Вам, любезнейший Жемчужников, по Вашему желанию, «Вестников».

Нога моя сегодня болит больше обыкновенного — штука скверная!

Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

Вторник.

1918. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Февраль (не позднее 15) ст. ст. 1867. Баден-Баден

Любезный Жемчужников,

Посылаю Вам всем N⟨омер⟩а «С.П-бургских ведомостей» с начала года, адресс доктора Гауса: Langestrasse, в доме фризёра *Швейцера* — кажется, № 52 (два шага от Вашего отеля); платят ему *два гульдена* за визит — а при частых визитах и 1½.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1919. В. П. БОТКИНУ

15 (27) февраля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
15/27-го февр. 1867.
Середа.

Любезный друг Василий Петрович, немедленно отвечаю на твое письмо[1]. Ты напрасно приписываешь мое опаздывание доброте, деликатности, словом разным хорошим чувствам в отношении к дяде[2]: это дело сделано — т. е. управляющий мною взят — и мне остается только ввести его[3], так как status quo — выражавшееся в почти совершенном отсутствии доходов — оставаться никак не может. Это — да еще обязательство мое перед Катковым и заставляло меня, как говорится, рвать и метать под собою землю, в досаде на мою вынужденную неподвижность; говорю: заставляло — потому что,— слава богу, гнусный припадок подагры, кажется, проходит — я уже могу наступать на ногу, и если опять сам черт не напакостит мне — я через неделю с небольшим — а именно в *пятницу* 22-го февраля (6 марта) вечером буду у тебя чай пить — и весьма был бы рад, если бы при этом случае я увидел бы драгоценного Павла Васильевича, которому прошу передать это известие. Впрочем я пошлю тебе телеграмму с границы для того, чтобы ты выслал мне карету,— а из Берлина, где мне придется отдохнуть день или два, напишу письмо.

Не знаю, сказывал ли тебе П. В. Анненков, что сверх романа я еще написал рассказ, который тоже привезу в Петербург — и тоже прочту литературной — или нет — критической братье.

Мне очень было совестно перед Катковым — но что было делать? Послать рукопись в Россию с тем, чтобы ее там без меня печатали, рукопись, которую я в целом никому не прочел,— было невозможно: поневоле пришлось поставить его в затруднительное положение. Я ему напишу из Берлина — чтобы он мог видеть, что я уже на мази,— и моя вещь хоть к мартовской книжке поспеет.

Итак, до скорого свидания, любезный друг,— дружески жму тебе руку. Преданный тебе

Ив. Тургенев.

P. S. Ты мне пишешь, что Катков желал бы видеть меня в Москве перед концом февраля. Это возможно, но тогда придется остаться короткое время — два, три дня в Петербурге. Я бы мог прочесть мой рассказ в самый вечер моего приезда — в таком случае пригласи Ковалевского [4], если он захочет.

1920. ПОЛИНЕ ВИАРДО

14, 15 (26, 27) февраля 1867. Баден-Баден

№ 9

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Mardi soir, le 26 fév⟨rier⟩ 67.

Chère et bonne Madame Viardot, je viens de recevoir votre lettre datée du *20* février, mais qui n'a été expédiée — d'après le timbre — que le 24 au soir de Berlin. Votre lettre précédente était du 21 [1]. Il y a eu quelque retard. Merci pour la lettre de Damrosch [2], qui m'a fait beaucoup de plaisir — il y a là encore le frémissement de l'impression que vous avez produite [3]. Ce soir, j'ai naturellement beaucoup pensé à vous — et de temps à autre j'applaudissais de mes deux mains sous la table pour m'associer aux Breslaviens [4]. Chère Madame V⟨iardot⟩, j'ai une bonne nouvelle à vous annoncer — mon pied va décidément beaucoup, beaucoup mieux — et je suis à peu près sûr maintenant de partir vendredi ou samedi au plus tard. Je vous écrirai *demain* et demain je pourrai vous fixer le jour sans faute. Oh! quel bonheur! quel bonheur!

Mercredi matin.

Le mieux continue — je puis dire qu'il marche à grands pas — et je puis ajouter que j'espère pouvoir bientôt en

faire de même — et je pars *vendredi* à midi. Samedi de très bonne heure, si Dios quiere, j'arrive à Berlin, et quelqu'un de ma connaissance reçoit un petit billet — entre 9 et 10 heures du matin. Je télégraphie dès aujourd'hui à l'hôtel de St-Pétersbourg pour que l'on m'y retienne une chambre avec un cabinet. Vous dire ce que j'éprouve est parfaitement inutile. Vous devez le savoir, vous le savez aussi bien que moi. Mais je ne le croirai qu'une heure *après* vous avoir vue.

Je commence à faire mes préparatifs de voyage, je viens de l'annoncer à Mme Anstett ; je retiens mon appartement d'ici, qui m'est si *cher* — jusqu'au 1er juillet, car on ne peut pas savoir...

Vous êtes aujourd'hui à Breslau et je vous suis constamment par la pensée — je ne doute pas que vous ne fassiez là des conquêtes par centaines et je vous félicite d'avance sur le succès de vos compositions [5]. Du reste, j'ai là-dessus un petit projet que je vous communiquerai. Cette proposition pour Pétersbourg m'a occasionné une espèce de commotion : il m'a semblé involontairement que je continuais à habiter la Russie et que ce serait là pour moi une occasion de vous revoir... tout comme il y a vingt ans — plus de vingt ans [6]. Je vous assure que le sentiment que j'ai pour vous est une chose tout à fait nouvelle dans le monde, qui n'a jamais été et qui ne se répétera jamais !

On va bien à la maison. Tous les petits bobos ont disparu et Louise s'acclimate [7]. J'ai eu une bien drôle de conversation avec Mlle Berthe.

Assez ! Je vous la raconterai.

Jemtchoujnikoff sort de chez moi — il vient de m'annoncer que sa femme a mis au monde une petite fille — très heureusement — et que tout va très bien. Il paraît que la pauvre Jeanne a eu une rechute et qu'elle est gravement malade [8]. Je suis inquiet pour elle et pour ce bon Pomey.

Je vous écrirai demain : ce sera la lettre définitive, mais si le diable ne s'en mêle pas. Samedi ou dimanche au plus tard nous nous reverrons.

Mille amitiés à tout le monde und tausend Küsse Ihren lieben, schönen angebeteten Händen.

Der Ihrige
J. T.

1921. ПОЛИНЕ БРЮЭР

16(28) февраля 1867. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Jeudi, 28 février 1867.

Chère fillette,

Je commence par te donner une nouvelle qui, je l'espère, te fera plaisir : ma santé s'est rétablie au point que je puis partir demain ou après-demain pour la Russie, ce qui était bien nécessaire. Puis, je t'envoie sous ce pli une lettre de change au nom de ton mari pour 1350 fr. (1250 de pension et 100 d'étrennes) — j'aurais voulu t'envoyer les 1250 autres, mais je ne pourrai le faire qu'à mon retour de Russie qui aura lieu, je l'espère, vers la fin d'avril. Ce que tu me dis de l'état de vos affaires m'a causé pas mal de chagrin ; mais je crois que tu t'exagères la gravité de la situation en parlant de *précipice* — surtout si ta dot n'a pas été entamée [1]. Avec du courage, de la modération dans les dépenses et de la fermeté — tout peut se réparer — surtout si les affaires s'améliorent dans le courant de cette année, comme il y a lieu de l'espérer. Aussi longtemps que l'affection régnera entre vous deux — que vous serez unis — le malheur ne sera pas grand.

Je te prierais de m'écrire à St-Pétersbourg, rue Karavannaïa, № 14, chez Mr Botkine, si tu as reçu la lettre de change et fais-le immédiatement pour que ta lettre me trouve encore à Pétersbourg [2].

Je vous embrasse cordialement tous les deux et vous souhaite tout ce qu'il y a de bon au monde.

J. Tourguéneff.

1922. ПОЛИНЕ ВИАРДО

16(28) февраля 1867. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Jeudi, 28 fév⟨rier⟩ 1867.

Chère Madame Viardot,

Je crois pouvoir partir *demain* vendredi pour Berlin ; si pourtant vous ne recevez pas de billet vers 10 heures *samedi*, ce sera pour *dimanche* sans faute.

A bientôt.

Der Ihrige
J. T.

1923. Н. Н. РАШЕТ

16(28) февраля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Четверг, 28-го февр. 67.

Итак, Вы не приехали, любезная Наталья Николаевна — а я завтра уезжаю в Россию — до конца апреля. Нога моя почти совсем поправилась.— В Вашем неприбытии, вероятно, виноват я — мне надобно было выразиться определительнее. Но скромность моя не позволяла вызывать Вас сюда из-за такой безделицы[1].— Во всяком случае примите от меня дружеский привет и поклон, будьте веселы, здоровы, спокойны, не унывайте — и верьте в искреннюю преданность Вашего

Ив. Тургенева.

P. S. Мой адресс: в Москву, в контору «Русского вестника», для передачи И. С. Т.

P. P. S. У Жемчужниковой родилась дочка — la mère et l'enfant se portent bien.

1924. М. Н. КАТКОВУ

20 февраля (4 марта) 1867. Берлин

Берлин.
Hôtel de St-Pétersbourg.
20-го февр. / 4-го марта 1867. Понедельник.

Почтеннейший Михаил Никифорович,— при первой возможности я выехал из Бадена,— и хотя нога моя всё еще болит и я без палки шагу ступить не могу, однако я намерен, отдохнув немного, продолжать мое путешествие в Россию. Я выезжаю отсюда послезавтра, в среду, и в пятницу буду в Петербурге, где я остановлюсь на квартире у Боткина, Караванная № 14. Я Вам дам тотчас знать о моем прибытии по телеграфу, и хотя я не могу предполагать, чтобы моя повесть не опоздала к февральскому номеру «Р⟨усского⟩ в⟨естника⟩» — однако, если бы предстояла еще возможность ее помещения, то дайте мне знать,— и я немедленно выеду в Москву и привезу Вам рукопись[1].

Во всяком случае — до скорого свидания и примите уверение в совершенной моей преданности и уважении.

Ив. Тургенев.

1925. ПОЛИНЕ ВИАРДО

24, 25 февраля (8, 9 марта) 1867. Кёнигсберг

8 mars.
Vendredi,
en chemin de fer
entre Elbing et
Königsberg.

Chère et bonne ami, je vous écris dans une perplexité assez grande : mon pied va mal — il est enflammé et je ne puis presque plus le poser à terre — que faire ? Continuer le voyage ou — s'arrêter à Königsberg ? Si j'avais pu le *prévoir*, je serais resté à Berlin !! Je crois que je me deciderai à aller, coûte que coûte, à Pétersbourg.

Ce billet vous causera du chagrin — mais je vous ai promis la vérité ! Je l'achèverai et l'enverrai de Königsberg. Plaignez votre pauvre ami — plaignez-le surtout de vous avoir quittée — jamais la séparation n'a été si douloureuse — j'ai pleuré bien amèrement pendant la nuit.

Königsberg.

Je me suis décidé à aller plus loin — car je ne puis retourner — je vous enverrai un télégramme immédiatement si je devais m'arrêter en route — et dès que j'arriverai à Pétersbourg — cela va sans dire. Allons ! du courage — et portez-vous bien, vous surtout — car c'est l'important avant toute chose.

Mille baisers à vos chères et nobles mains — et affectueux souvenir à tout le monde.

Der Ihrige
J. T.

1926. ПОЛИНЕ ВИАРДО

26 февраля (10 марта) 1867. Петербург

№ 1 (de Russie)

S-t Pétersbourg.
Dimanche, $\frac{\text{10 mars}}{\text{26 février}}$ 1867.
Rue Karavannaïa, 14.

Chère et bonne Madame Viardot, theuerste Freundinn, einziges, angebetetes Wesen, me voici donc à Pétersbourg — fort bien installé dans une bonne chambre bien commode chez le vieux papa Botkine, que j'ai trouvé un peu vieilli et grisonnant. Mon pied, qui prenait une fort mauvaise

mine avant-hier — lorsque je vous écrivais au crayon entre Königsberg et Elbing [1] — va mieux — l'inflammation a disparu à peu près — et j'espère que deux ou trois jours de repos absolu le remettront dans l'état où il était à Berlin.— J'ai eu un peu à souffrir à la frontière et à la douane — car il a fallu sortir du wagon, marcher, etc.,— mais pourtant cela n'a pas été bien terrible et il ne faut pas que vous ayez la moindre appréhension. Je vous promets d'écrire *tous les jours* [2].

Annenkoff est venu me voir — comme de raison — sa femme a été gravement malade — elle a eu aussi une péritonite comme Jeanne — mais elle commence à aller mieux.— Mon intendant est ici et je le verrai [a] aujourd'hui même [3]. Il paraît que mon oncle est toujours aussi toqué et ma présence à Spasskoïé est indispensable [4]. J'écris à Katkoff à Moscou pour savoir si je dois me rendre immédiatement à Moscou, ou plutôt s'il faut que je m'y arrête avant d'aller à la campagne — ou vice versa.— La première lecture est fixée pour ce soir [5]. Dans tous les cas je reste ici 5 à 6 jours et vous pouvez me répondre encore ici à cette lettre.— J'ai envoyé hier soir un télégramme avec réponse — et j'espère bien l'avoir aujourd'hui...

Ici — et depuis la frontière — nous sommes en plein hiver — blanc et froid — la neige partout — des traîneaux etc. etc.

Je commence à revenir un peu à moi — ou plutôt — à revenir sur l'eau.— Ich kann Ihnen nicht sagen, wie unendlich traurig ich war. Diese Tage in Berlin — dieses plötzliche, herrliche Wiedersehen — das alles,— und dann diese herbe Trennung — das ist wirklich etwas zu viel für mich gewesen — und ich bin unter der Last der unvergesslichen Eindrücke förmlich zusammengebrochen — wie es mir noch nie geschehen ist. Ach — meine Gefühle für Sie — sind zu gross und zu mächtig. Ich kann nicht mehr — ich kann nicht weit von Ihnen leben,— ich muss Ihre liebe Nähe fühlen, geniessen — der Tag, wo mir Ihre Augen nicht geleuchtet haben — ist ein verlorener... Aber genug — genug — sonst werd'ich nicht meiner mächtig...

J'ai pensé beaucoup à vous hier soir, tout en causant avec mes deux bons vieux — vous étiez chez Pietsch — et je m'imaginais vous entendre chanter le «Räthsel» etc. etc. (à propos, je commence à pouvoir fredonner le «Räthsel») [6]. Vous avez dû faire des ravages... J'espère que vous

---

[a] *Далее зачеркнуто:* demain

me donnerez des détails — quant à la soirée chez la Reine — la lettre qui en parle est en route — n'est-ce pas?

J'ai hâte de finir pour que la lettre parte encore aujourd'hui.— J'embrasse Didie, je dis mille choses aimables à Désirée, à sa mère, à ce bon Mr Halpert, qui est venu me reconduire au chemin de fer — et je me prosterne avec un indicible attendrissement à vos pieds chéris. Soyez bénie mille fois ... (*Enfermez-vous bien chaque soir.*) — Soyez heureuse et bien portante!

Der Ihrige
J. T.

1927. М. Н. КАТКОВУ

26 февраля (10 марта) 1867. Петербург

С.-Петербург.
На Караванной, № 14.
Воскресенье, 26-го февр. 1867.

Почтеннейший Михаил Никифорович, вчера вечером я прибыл в Петербург,— и хотя нога моя опять несколько разболелась, но я уверен, что, отдохнув два-три дня, я получу облегчение и буду в состоянии снова пуститься в дорогу. А потому прошу Вас дать мне немедленно знать, когда Вы желаете, чтоб я прибыл в Москву,— в февральскую книжку моя повесть [1], разумеется, не поспеет, но Вы, вероятно, в скором времени начнете печатать мартовскую, а потому будьте так добры и назначьте мне *число*, к которому присутствие мое необходимо, так как я желаю сам держать корректуру [2]. Прошу Вас не стесняться никакими соображениями,— мне, напротив, самому было бы желательно как можно скорее покончить это дело. Разумеется, надо так распорядиться, чтобы печатание рукописи (т. е. набор) — могло начаться на следующий день после моего приезда.

Прошу еще раз извинить мое невольное замедление и принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

1928. Н. А. КИШИНСКОМУ

26 февраля (10 марта) 1867. Петербург

Я вчера вечером приехал сюда, любезный Никита Алексеевич, и желал бы очень познакомиться и переговорить с Вами. Так как у меня больная нога и я не выхожу

никуда, то Вы меня всегда застанете дома, но лучше было бы Вам прийти — хоть завтра — между 12-ю и 2-я часами[1].

Я живу в Караванной, № 14, у В. П. Боткина.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Воскресение утром.

1929. ПОЛИНЕ ВИАРДО

27 февраля (11 марта) 1867. Петербург

№ 2

С.-Петербург,
Караванная, 14.

Понедельник, 27 февраля[а] / 10 марта 1867.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn [б], какое чудесное, какое дивное, какое благодетельное изобретение электрический телеграф! Передо мной ваш ответ, посланный вами всего каких-нибудь два-три часа тому назад, и мне кажется, что расстояние между нами уменьшилось, что я почти слышу ваш милый, нежный голос. У вас все хорошо — какое счастье! И я тоже могу сообщить вам добрые вести о себе: моей ноге много лучше,— начинаю ходить, как в Берлине, и в меня вселяют надежду, что теперь уж решительно близок конец этой затяжной и несносной болезни[1]. Полно — надо быть терпеливым; вот уж и пятый день разлуки на исходе (правду сказать, мне кажется, что я уже месяц как расстался с вами),— не пройдет и 35 дней — si Dios quiere [в],— как я опять увижу вас...[г]

Вчера вечером я начал свои чтения в присутствии Боткина, Анненкова, некоего г-на Маркевича, которого вы не знаете, и друга Виардо, графа Соллогуба, который зашел случайно и несмотря на приказ лакею никого не принимать. Впрочем, его присутствие оказалось для меня

[а] *Так в тексте французской публикации.*

[б] самый дорогой друг *(нем.)*.

[в] если богу будет угодно *(исп.)*.

[г] *Далее следует часть письма, известная во французском оригинале (см. примеч.):* «Hier soir j'ai inauguré mes lectures devant Botkine, Annenkoff, un M. Markevitch que vous ne conaissez pas, et l'ami de Viardot, le comte Sollogoub, qui est venu par hasard et malgré la consigne donnée au domestique. Sa présence ne m'a pas pourtant été inutile, il m'a donné quelques bons conseils, car il y a de l'esprit et du goût dans cet être-là...»

небесполезным: он дал мне несколько добрых советов, ибо у этого существа есть ум и вкус [д], скрытые под слоем... чего-то, во всяком случае, очень скверного. Начал я с небольшого рассказа, который перевел для вас в Берлине [2е] (кстати, пруссаки возлюбили бы меня, знай они, с какой нежностью я пишу и произношу название их столицы); рассказ понравился; тогда я взялся и за свою махину [3]. Прочел с десяток глав и, поскольку я обещал вам говорить истинную правду, то должен признаться, что успех был очень большой, гораздо больший, чем я когда-нибудь мог надеяться. Посмотрим, какое впечатление произведут остальные. За исключением одной главы, которую Анненков посоветовал мне переделать (пикник генералов) — ввиду некоторой утрированности ее тона [ж] — an die Karrikatur streifend [з],— обо всех остальных я слышал только комплименты; даже больше того: видел на всех лицах, в особенности же старины Боткина, выражение удовольствия, смешанного с изумлением, и это было мне очень приятно. Пишу вам все это, потому что знаю, что это вас порадует [и], и не умею сказать, сколько раз во время чтения я думал о вас и говорил себе: ах, если б здесь была она!.. Чтение это будет продолжаться почти весь сегодняшний день, и завтра же я сообщу вам подробности.

На дворе очень холодно, и я еще денька два-три не выйду из дому. Утром у меня был народ... два-три прия-

---

[д] *Далее, после купюры до слова* «скверного», *следует часть письма, известная по-французски (см. примеч.):* «J'ai commencé par le petit récit que je vous ai traduit à Berlin...»

[е] *Далее, после пропуска слов, заключенных в скобки, следует часть письма, известная во французском оригинале (см. примеч.);* «et ce récit a fait plaisir; puis j'ai entamé [ma] machine. J'en ai lu une dizaine de chapitres, et la promesse que je vous ai faite de vous dire l'exacte vérité m'oblige à vous avouer que le succès a été grand, beaucoup plus grand que je ne l'avais jamais espéré. Nous verrons l'effet que produira le reste. Sauf un chapitre qu'Annenkoff m'a conseillé de refaire, comme étant un peu forcé de ton (le piknik des généraux)...»

[ж] *Далее, после пропуска слов на немецком языке, следует часть письма, известная во французском оригинале (см. примеч.):* «je n'ai entendu que des compliments, et mieux que cela: j'ai vu sur tous les visages, sur celui du vieux Botkine surtout, une expression de contentement mêlé de surprise, qui était fort agréable à voir. Je vous dis cela parce que je sais que cela vous fera plaisir...»

[з] на грани карикатуры *(нем.)*.

[и] *Далее, за исключением окончания этой фразы, следует часть письма, известная во французском оригинале (см. примеч.):* «Cette lecture doit continuer pendant toute la journée d'aujourd'hui et dès demain vous aurez les détails».

теля, которых я и не думал встретить в Петербурге. Завтра же высылаю вам маленький перевод на одного берлинского банкира, возвращая десять фридрихсдоров, которые вы мне дали и без которых мне пришлось бы круто — и то я приехал в Петербург с четырьмя рублями в кармане.

С каким нетерпением я жду вашего письма! Мысль моя не покидает Behrenstrasse. Sie schwebt um das liebste Wesen herum [к] — и я каждую минуту стараюсь вообразить, где вы и что вы сейчас можете делать,— не забывая при этом, что между Петербургом и Берлином час с четвертью разницы во времени,— и, так как я теперь более или менее изучил ваши привычки, это мне удается... Theuerste, theuerste, nie hat eine menschliche Brust ein solches Gefühl gehegt, wie die meinige für Sie. Anbetung ist noch das schwächste, was man davon sagen kann [л].

Да благословит вас бог тысячу раз, да хранит и бережет вас. Хорошенько запирайте двери... Напишите мне, окончательно ли прошел ваш кашель. Обнимаю малышку Диди; я еще напишу ей из Петербурга (и вы пишите мне еще сюда); шлю тысячу любезностей всем, начиная с милой Дезире [4], а вам... что же я могу вам сказать. Ich falle zu Ihren Füssen, und küsse Sie tausend mal und bin auf ewig, ewig der Ihrige [м]

И. Т.

1930. Н. А. КИШИНСКОМУ

28 февраля (12 марта) 1867. Петербург

Получили ли Вы письмо [1], которое я Вам писал третьего дня, любезный Никита Алексеевич? Я Вас просил прийти вчера между 12 и 2 часами. Я и сегодня прошу Вас о том же и буду Вас ждать.

До свидания.

Ив. Тургенев.

Караванная, № 14.
Вторник.

[к] Беренштрассе. Она витает вокруг любимого существа *(нем.)*.

[л] Дорогая, дорогая, никогда еще человеческая грудь не вмещала чувства, подобного моего к вам. Поклонение — самое неудачное слово, каким можно определить это чувство *(нем.)*.

[м] Припадаю к вашим стопам и целую их тысячу раз, вечно, вечно ваш *(нем.)*.

1931. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28 февраля, 1 марта (12, 13 марта) 1867.
Петербург

№ 3

St-Pétersbourg,
Karavannaïa, 14.
Mardi, $\frac{\text{28 fév⟨rier⟩}}{\text{12 mars}}$ 1867.

Chère et bonne Madame V⟨iardot⟩ — le succès de la lecture n'a fait que grandir — j'ai terminé le tout hier à minuit, après une lecture qui a duré 7 heures à peu près — je me sentais complètement brisé de fatigue — mais l'impression que je voyais se produire me contenait [1]. Enfin, il paraît que c'est ce que j'ai fait de moins mauvais — et on me promet monts et merveilles. Tant mieux, tant mieux. Je suis surtout heureux de voir votre opinion — la seule décisive pour moi — se confirmer.

Quant à mon pied, il y a une très grande amélioration — je suis en état de marcher comme à Berlin. J'attends une lettre de Katkoff [2] pour savoir au juste quand je dois partir.

J'ai vu mon nouvel intendant [3] et j'ai eu une assez longue conversation avec lui. Il me plaît — c'est un homme d'une quarantaine d'années avec une figure énergique et loyale, qui vous regarde droit dans les yeux. Il m'a présenté un mémoire sur l'état de mon bien — et j'ai pu me convaincre qu'il était grand temps de mettre un peu d'ordre et de régularité dans ce chaos.— Je crois que je vais commencer par aller à Spasskoïé pour en finir avec cet état de transition qui ne peut avoir que des *suites* nuisibles et qui est également pénible pour tout le monde. Mais vous imaginez-vous le froid qu'il fait ici ? — *Vingt-deux* degrés à 8 heures du matin — *17* à midi — on frissonne involontairement à l'idée de se mettre en route par un temps pareil — quand on n'est pas un ours blanc. Mais le vin est tiré, etc.

Madame Abaza est venue me voir — je ne sors pas encore. Elle m'a questionné avec beaucoup d'intérêt sur vous, sur ce que vous faites, elle m'a donné des nouvelles de Rubinstein, qui, à ce qu'il paraît, quitte décidément Pétersbourg au printemps après les examens au Conservatoire [4]. Il paraît que Milutine tombe décidément en enfance : je tâcherai d'aller le voir demain — ce sera un triste spectacle : heureusement qu'il ne semble même plus sentir l'amertume de sa situation [5].

8 heures du soir.— Voici votre télégramme qui m'arrive et qui m'apprend votre brusque départ pour *Bade*[6]... *Ernesi* serait-il arrivé[7]? Je n'ai pas besoin de vous dire combien je suis inquiet et toutes les idées qui me passe par la tête. Je vous supplie de ne pas me laisser sans nouvelles. Ecrivez-moi maintenant, s'il vous plaît, à *Moscou*, à la rédaction du « Messager russe » ; il est très probable que je quitte Pétersbourg vendredi ou samedi au plus tard. Il y a des wagons chauffés sur le chemin de fer de Moscou.

Je suis bien tourmenté de ce départ et de ce qui a pu en être la cause. Voilà le *voile sombre* dont vous avez parlé...

Je vous envoie une petite traite sur Haldenwang[8] en vous remerciant encore une fois de m'avoir prêté ces 10 fréd⟨érics⟩ d'or[9].

Mercredi matin.

J'envoie cette lettre pour qu'elle parte encore aujourd'hui. L'état de mon pied continue à s'améliorer.— Mais j'ai bien d'autres martels en tête — ou plutôt je n'en ai qu'un seul : vous, Viardot, tous les vôtres — et ce qui va vous attendre à Bade. Espérons encore que tout s'arrangera sans violence !

Je vous prie de dire mille choses de ma part à tout le monde, à commencer par Viardot, et je vous serre les deux mains bien cordialement et bien amicalement.

Der Ihrige

J. T.

1932. И. И. МАСЛОВУ

1 (13) марта 1867. Петербург

С.-Петербург.
Караванная, № 14.
Середа, 1/13 февр.[a] 1867.

Милый друг Иван Ильич,

Я четыре дня тому назад притащился сюда с больной ногой — и хотя с трудом — а в пятницу или субботу отправляюсь в Москву, где, по примеру прежних годов и пользуясь твоей безграничной любезностью, остановлюсь у тебя. На этот раз я останусь недолго — и через два или три дня отправлюсь далее в деревню, по делам — и пробуду там неделю. Потом я опять вернусь и опять остановлюсь у тебя — и останусь всё нужное время для отпечатания моей повести в «Русском вестнике»[1].

---

[a] *Так в подлиннике.*

А теперь, душа моя, еще одна просьба: так как моей кареты у тебя на дворе, вероятно, нету, то нельзя ли посмотреть в Москве и нанять хороший крытый возок, чтобы в нем отправиться из Серпухова в деревню? Прикажи собрать справки, буде возможно.

Крепко жму тебе руку — до скорого свидания.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1933. ПОЛИНЕ ВИАРДО

2, 3(14, 15) марта 1867. Петербург

№ 4

St-Pétersbourg.
Karavannaïa, 14.
Jeudi, 3/15 mars 1867.

Chère Madame Viardot, je vous ai envoyé hier matin un télégramme à Berlin avec réponse [1] — je vous demandais de préciser un peu les circonstances imprévues dont vous parlez et que je ne puis que soupçonner — mais voici la journée de mercredi écoulée — et la matinée du jeudi — et rien n'est venu. Je dois croire que vous êtes partie de Berlin encore plus précipitamment que vous ne vous y attendiez — et vous pouvez facilement vous imaginer toutes les pensées qui me traversent la tête et avec quelle anxiété je pense à ce qui peut se passer à Bade. J'espère encore que vous m'aurez écrit un mot avant de quitter Berlin [2]. Il faut pourtant que je vous dise ce que j'ai fait depuis deux jours. J'ai vu le pauvre Milutine : c'est une ruine. Il parle peu — sans trop d'effort — mais il prend constamment un mot pour un autre. Il a oublié les lettres, les chiffres. Il m'a demandé si je voulais donner ma *voiture* à un *aqueduc*, c'est-à-dire mon roman à une revue : *Vanitas vanitatum et omnia vanitas* [3] ! Lui, si brillant, si intelligent, si énergique... un enfant qui balbutie ! Son bras et sa jambe sont complètement immobiles... l'homme peut survivre — mais Milutine est mort.

Mon pied va beaucoup mieux — je n'ai presque plus besoin de canne. Et cela malgré le froid horrible qu'il fait : vingt et vingt-deux degrés !

Des affaires à arranger me retiendront ici jusqu'à dimanche — je pars alors pour Moscou, je remets mon manuscrit à Katkoff [4] — et pendant qu'on le met à l'imprimerie, je vais à Spasskoïé pour extirper la dent malade [5] — et je

n'y reste qu'une dizaine de jours tout au plus — puis je reviens à Moscou[6]. Je vous prie de m'écrire à mon adresse à Moscou. Et dire que je ne sais rien — ni de votre soirée chez la reine[7] ni sur celle de Pietsch... Mais vous devez avoir d'autres choses en tête... Pourtant si vous m'écriviez deux mots?

Vendredi matin.

Je viens de recevoir votre télégramme ou plutôt la réponse à mon télégramme qui m'annonce votre départ pour Bade, où l'on attend Héritte... Dieu veuille que tout s'arrange d'une façon au moins supportable! Dans mon inquiétude j'ai envoyé un autre télégramme à Viardot. Je dois dire que je ne serai délivré de mes préoccupations que quand je reverrai le cher nid de là-bas ... Cela ne sera pas de sitôt — hélas!

Botkine et moi nous avons passé la soirée d'hier chez Mme Abaza. Elle a organisé un chœur de jeunes demoiselles — et cela ne marche pas trop mal. Nous y avons trouvé Rubinstein et sa femme. Il a joué comme un lion, en secouant un peu trop sa crinière — musicalement parlant. On a beaucoup parlé de vous.

Mes deux machines font beaucoup de bruit à Pétersbourg[8] — on voudrait me faire lire à droite et à gauche, mais j'ai autre chose à faire.

J'écrirai à Bade — à Viardot, à Marianne et à Mme Anstett, dès demain. Aujourd'hui j'embrasse tout le monde et vous serre bien cordialement les mains.

Der Ihrige

J. T.

1934. ПОЛИНЕ ВИАРДО

5, 6(17, 18) марта 1867. Петербург

№ 5

St-Pétersbourg.
Karavannaïa, 14.
Dimanche, 5/17 mars 67.

Chère et bonne Madame Viardot, meine beste Freundinn, j'ai reçu hier le télégramme de Viardot qui m'annonce votre arrivée à Bade [1]. C'est un grand point de gagné et « eine grosse Beruhigung » pour moi. Maintenant il faut attendre les événements [2]. Je ne puis y penser sans anxiété.

Je pars demain pour Moscou — et j'espère y trouver une lettre de vous ou de Viardot — peut-être des deux. Mon

pied est revenu à son état chronique — ni trop bien, ni trop mal — je marche sans bâton à peu près, mais je boite et il me semble qu'il est devenu plus court que l'autre. Espérons qu'il sera remis complètement pour l'époque de la chasse.

J'ai eu un très grand plaisir avant-hier soir : Mme Niessen-Saloman m'a invité de venir assister à une des soirées que le Conservatoire donne une ou deux fois par mois ; j'y ai entendu une Mlle Lavrovska chanter avec beaucoup de goût et une belle voix de mezzo-soprano votre «Цветок», «Шепот» et «Сюда» (Заклинание) [3].— Le public — très difficile d'ailleurs — a applaudi à tout rompre — et mes battements de main [a] se détachaient très bien [б] sur ce fond bruyant. Mme Niessen m'a chargé de mille amitiés pour vous. Le vieux Petroff qui se trouvait à cette soirée m'a parlé de vous avec des larmes dans les yeux et m'a assuré qu'il ne se passait pas de jour qu'il ne pensât à vous. Tout cela m'a naturellement fait beaucoup de plaisir — et je vous le dis, parce que je suis sûr que cela vous en fera aussi.

N'oubliez pas, je vous en supplie — si vous n'avez pas de trop grandes préoccupations — de me dire *deux* mots de vos *deux* soirées — de l'audition de Mr Bote et Bock [4],— si elle a eu lieu etc. Je veux aussi écrire à Pietsch pour lui demander des détails [5]. Je suis tellement sans nouvelles de vous !

Dimanche soir.

Je suis allé voir ce matin Mme Skobeleff qui parle de vous avec enthousiasme. Olga — sa seconde fille — qui par parenthèse a grandi énormément, a joué du piano d'une façon charmante avec un sentiment poétique et musical fort rare dans le monde où elle vit. Il faut espérer qu'elle ne fera pas comme sa sœur qui a complètement abandonné la musique [6].

J'ai oublié de vous dire que nous avons eu hier soir une séance de quatuors chez Mme Abaza. On a commencé par un *trio* de Rubinstein [7], joué par lui-même et j'avoue que sa manière de vouloir toujours changer son piano en un orchestre finit par me donner sur les nerfs. Puis on a joué un Schumann et deux Beethoven de la dernière époque [8] — très bien, ma foi ! Botkine a fait ron-ron.— Mme Rubin-

---

[a] *Далее зачеркнуто:* faisaient ⟨производили⟩ *и вписано:* se détachaient

[б] *Далее зачеркнуто:* aussi ⟨тоже⟩ и *вписано:* sur ce fond bruyant

stein est venu avec son mari — elle est toujours aussi gentille — mais son nez plus de travers que jamais. Rubinstein quitte décidément le Conservatoire malgré toutes les génuflexions qu'on exécute devant lui [9]. J'ai vu à la même soirée Mme de Rahden — qui est toujours aussi aimable et qui, je crois, a beaucoup d'affection pour vous.

Je n'ai pas perdu mon temps ici ; j'ai retravaillé plusieurs scènes de mon roman [10] ; j'ai tout arrangé avec mon nouvel intendant [11]. Je ne m'arrêterai à Moscou que le temps nécessaire pour voir Katkoff et lui remettre mon manuscrit, qu'on mettra à l'imprimerie aussitôt. Mais je rabâche,— je crois vous avoir déjà parlé de tout cela.

Lundi soir.

Mon départ a été retardé d'un jour — il y a eu un papier d'affaire à refaire. Je pars demain senza dubbio. Ce soir je suis allé à un grand concert de musique d'avenir — russe — car il y en a aussi [12]. Mais c'est absolument pitoyable, vide d'idées, d'originalité : ce n'est qu'une mauvaise copie de ce qui se fait en Allemagne [13]. Avec cela une outrecuidance renforcée de tout le manque de civilisation qui nous distingue.— Tout le monde est jeté dans le même sac : Rossini, Mozart et jusqu'à Beethoven... Allez donc ! — C'est pitoyable.

Je pars demain à 2½ ; je passerai la matinée à écrire à Viardot, etc.— Mais cette lettre partira dès demain 8 heures. Je vous écrirai de Moscou immédiatement [14]. En attendant, je dis mille et mille bonnes choses à tout le monde et vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur sur la terre. Je vous baise tendrement les mains.

Der Ihrige
J. T.

1935. И. П. БОРИСОВУ

8(20) марта 1867. Москва

Москва.
Середа, 7-го [a] марта 1867.

Милый Иван Петрович,

Я приехал сюда сегодня утром и выезжаю в пятницу или в субботу в Спасское. Начиная с понедельника или со вторника меня можно будет там застать — я очень, очень буду рад Вас видеть — дайте знать также Фету [1],—

---

[a] *Так в подлиннике.*

— Какой непріятный запахъ—фи!
— Дымъ догорающей извѣстности, чадъ тлѣющаго таланта...
— Тсс, господа!
И дымъ Тургенева намъ сладокъ и пріятенъ!

<И. С. ТУРГЕНЕВ ПРЕПОДНОСИТ ЧИТАТЕЛЯМ «ДЫМ»>
Карикатура А. М. Волкова (Искра, 1867. № 14).

но остаюсь я в деревне весьма немного времени, не более недели. Дела не позволяют.— Итак, в надежде скоро увидеть Вас, хотя ненадолго — жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1936. П. В. АННЕНКОВУ

9(21) марта 1867. Москва

Москва, Пречистенский бул.,
в доме Удельной конторы;
четверг, 9 марта 1867.

Любезнейший Павел Васильевич! Я прибыл сюда благополучно, остановился у Маслова и завтра еду в деревню, передавши рукопись Каткову, который предпочитает заглавие «Дым». Она будет набираться, а я буду ходить по мытарствам в Спасском, откуда вернусь в будущую субботу[1]. Виделся я здесь с Писемским, который Вам кланяется,— а впрочем, еще не успел осмотреться. Посылаю Вам с благодарностью занятые 100 руб. Уведомьте о здоровье Глафиры Александровны. Дружески жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. Катков согласен на предложение фонда, но полагает, что лучше мне прочесть самому по набранному уже экземпляру[2]. Об этом мы еще спишемся.

1937. ПОЛИНЕ ВИАРДО

9, 10(21, 22) марта 1867. Москва

№ 7 [1]

Moscou.
Boulevard Pretchistenski.
Au comptoir des Apanages.
Jeudi, 9/21 mars 1867.

Me voici donc ici, theuerste Freundinn! installé dans une bonne chambre avec un jardin tout enseveli sous des édredons de neige, devant ma fenêtre ; et au delà des arbres, une petite église byzantine rouge avec des toits verts, dont la sonnerie m'a réveillé ce matin. Il y a aujourd'hui trois semaines que j'ai quitté Bade... puissé-je être de retour dans quatre! Je vais y travailler de toutes mes forces... Une

fois le voyage de Spasskoïé derrière moi [2], le reste ira plus facilement. Vous pouvez croire que je me soigne beaucoup pour éviter toute espèce de retard. Le pied va assez bien.

Et vous, que faites-vous? Jamais je n'ai eu aussi peu de nouvelles de vous que pendant cette absence. Je sais par un télégramme de Viardot, envoyé il y a une semaine, que vous étiez arrivées à Bade [3]. Mais ensuite que s'est-il passé? Que se passe-t-il? Ma pensée s'occupe incessamment de ces questions.

Je n'ai pas trouvé de lettres chez Katkoff (au comptoir du « Messager russe ») — peut-être en viendra-t-il une aujourd'hui.

Vendredi matin.

Non, il n'est pas arrivé de lettre, j'ai envoyé hier un télégramme avec réponse [4] — je ne puis pas rester dans cette incertitude. La réponse n'est pas encore venue... elle viendra pourtant.

Je pars demain matin pour Spasskoïé. Mon manuscrit est déjà à l'imprimerie [5]. Je compte être de retour dans une semaine. Ecrivez-moi à l'adresse de Massloff (c⟨'est⟩-à-d⟨ire⟩ au Comptoir des Apanages etc. Vous avez l'adresse inscrite dans votre petit livre). Mon pied va presque bien, je n'ai plus besoin de canne.

Vendredi, 2 h⟨eures⟩.

La réponse est venue enfin: elle m'a tranquillisé,— quoique j'eusse désiré au mot « santés » une autre épithète que « passables ». Cela m'a laissé quelques doutes. La grande question n'est pas résolue, elle le sera probablement sous peu de jours. Je ne puis vous dire quelle *Sehnsucht* j'ai pour Bade et combien chaque jour me semble long et pesant [6]!

J'ai passé la soirée d'avant-hier chez M. Pissemski, un de nos bons littérateurs. Je ne sais si vous vous rappelez quelques fragments d'un roman que je vous ai traduits et qui vous ont frappée par leur verve brutale [7]. Il y avaient plusieurs dames chez lui; dans le nombre une Mlle Savitzki, qui, à ce qu'on dit, a un talent d'actrice hors ligne, et dont la figure, quoique laide, avait en effet quelque chose de remarquable, des sourcils et des yeux tragiques. J'ai écrit à Viardot une petite lettre [8] dans laquelle je donne quelques détails sur mes faits et gestes depuis mercredi, jour de mon arrivée chez l'ami Masloff.

J'ai vu mon frère, qui est aussi en train de s'acheter une maison à Moscou — j'ai vu aussi sa vilaine épouse [9]. Il a

l'air mieux portant et plus dispos que dans ces derniers temps. Hier soir, je suis allé chez le long Wassiltchikoff, pour voir sa sœur, une princesse Tcherkasski, très aimable femme; Mme Wassiltchikoff parle de Bade avec le plus vif regret. J'ai fait chorus, comme vous pouvez bien imaginez. A propos, le bruit s'était répandu ici que Zepplin avait *tué* son valet de chambre [10]. Mme Anstett serait-elle passée par là? Ayez la bonté de saluer de ma part cette bonne femme et dites-lui que je lui écrirai et que je lui enverrai de l'argent dès mon retour de la campagne. Oh! Mme Anstett, et Pégase [11] et la gare d'Oos [12], quand vous reverrai-je?

Ecrivez-moi, je vous en prie, donnez-moi quelques détails — je ne sais absolument rien. Que je trouve une lettre de Bade à mon retour ici [13]!

Donnez le petit mot ci-joint à Marianne [14] — mille et mille amitiés à tout le monde et les souvenirs les plus affectueux pour vous.

Der Ihrige
J. T.

1938. В. П. БОТКИНУ

10(22) марта 1867. Москва

Москва.
На Пречистенском бульв.
в доме Удельной конторы.
Пятница, 10-го марта 67.

Любезный Василий Петрович, третьего дня я благополучно сюда прибыл, а завтра отправляюсь в дальнейший путь. Ноге легче. Рукопись сдана Каткову и будет набираться [1] — я полагаю вернуться через неделю. Кой-кого здесь видел — провел вечер у Писемского, выслушал чтение от Одоевского [2]. Деньги 175 р. вчера же вручил в конторе Дмитрию Петровичу [3] и получил расписку. Сделай одолжение, дай знать Гербелю, что Кожанчиков напутал — экземпляров моего заграничного издания [4] у Салаева гораздо более трехсот — и о новом издании раньше года и думать нечего. Все-таки поблагодари его от моего имени за его любезность и скажи ему, что я его предложение буду держать в памяти.

Здесь совсем глухая зима, сугробы, снега страшные. Кланяюсь всем приятелям и крепко жму твою руку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1939. МАКСИМУ ДЮКАНУ

10 (22) марта 1867. Москва

Moscou.
Vendredi, 10/22 mars 1867.

Mon cher ami,

Je ne suis ici que depuis hier et ce n'est qu'hier qu'on m'a remis votre lettre. Envoyez-moi vite votre volume [1]; je reste à Moscou pendant trois semaines encore. Tout sera fait comme vous le désirez. J'éprouverai un véritable plaisir à faire apprécier au public russe et un ouvrage aussi remarquable que les « Forces perdues » et votre talent qui, du reste, n'est pas aussi ignoré de nos lecteurs que vous le supposez [2].

Je suis si accablé de besogne dans ce moment que vous m'excuserez de ne pas parler d'autre chose; je compte vous voir à Paris vers les premiers jours de mai et je vous serre bien cordialement la main.

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩
J. Tourguéneff.

P. S. Adressez votre volume à la rédaction du « Messager russe » ici.

1940. М. Н. КАТКОВУ

11 (23) марта 1867. Москва

В д. Удельной конторы.
Суббота, 11-го марта 1867.

Почтеннейший Михаил Никифорович, позволяю себе перед отъездом в деревню [1], откуда возвращаюсь через неделю,— еще раз напомнить следующее. Г-да Любимов и Головачев [2] обещали мне, что как только я возвращусь, т. е. около 19-го числа,— корректура пойдет безостановочно; но с тех пор я получил из-за границы письмо, в силу которого я не могу остаться в Москве далее первых чисел апреля; и потому будьте так любезны и подтвердите распоряжение о незамедлительном наборе корректуры. Вы меня этим крайне обяжете.

Благодарю Вас за присланные деньги и дам Вам тотчас знать о моем возвращении. До тех пор дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1941. Н. А. КИШИНСКОМУ

14(26) марта 1867. Москва

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Вторник, 14-го марта 67.

Любезный Никита Алексеевич, я еще в постели, но мне легче, жар прошел, и через неделю я совсем поправлюсь. Я написал большое письмо дяде[1], в котором прошу его немедленно, не дожидаясь моего прибытия, ввести Вас в управление и передать Вам все документы, книги, счёты, всё хозяйство — одним словом. Не считаю нужным повторять Вам, что Вы не должны требовать никакого отчета, а только принять, что Вам передадут, и составить опись. Я писал дяде, что он может оставаться в Спасском, сколько ему заблагорассудится, и что люди, служащие лично ему и его семейству, останутся пока на моем счету. Что же касается до других лиц, то уж это будет зависеть от Вашего распоряжения. Прошу Вас, кроме описи, составить мне список старых дворовых, остающихся на моем иждивении. Также желаю, чтобы Вы вместе с дядей определили немедленно, какие лошади, коровы и т. д. остаются при имении и какие отходят; обратите тоже внимание на существующий в магазинах хлеб и чтоб не вздумали воспользоваться переменой власти и сбывать его под рукой; я прошу об этом также дядю, чтобы он помог Вам. Я писал также дяде о том, чтобы он находящиеся в конторе деньги прислал мне сюда, так как я в них нуждаюсь. Напишите мне немедленно, как дядя Вас принял и что делается в Спасском. Я полагаю, Вы поселились во флигеле.— Нашли ли Вы бумаги, о которых я Вам говорил, и выслали ли Вы их ко мне[2]?

Дружески Вам кланяюсь и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1942. Н. А. ЛЮБИМОВУ

14(26) марта 1867. Москва

Милостивый государь,
Никола⟨й⟩ Алексеевич!

Я третьего дня выехал было отсюда в деревню — да занемог и принужден был вернуться из Серпухова[1] — и теперь уже останусь в Москве (в доме Удельной конторы

на Пречистенском бульваре). А потому корректуру моей повести[2] Вы можете доставлять мне, когда Вам будет угодно — и чем скорее, тем лучше. Я со своей стороны ее задерживать не стану.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

Вторник, 14-го марта.

1943. ПОЛИНЕ ВИАРДО

14, 15(26, 27) марта 1867. Москва

Moscou.
Au comptoir des Apanages.
Boulevard Pretchistenski.
Mardi 14/26 mars 1867.

Ouf! chère Madame Viardot, quelles journées je viens de passer! Je vais vous les raconter en détail. Vous vous rappelez que je devais partir samedi pour Spasskoïe. Je me suis mis en route en effet, vers 5½ h⟨eures⟩ avec un valet de chambre et mon intendant [1]. Il y a un chemin de fer qui va d'ici à une ville nommée Serpoukhoff — à 90 verstes de Moscou; un traîneau couvert m'y attendait pour continuer le voyage. Je ne me sentais pas bien dès le matin; à peine établi dans un wagon, je fus pris par une toux violente qui ne fit que croître et embellir; arrivé à la gare de Serpoukhoff qui se trouve à 4 verstes de la ville, je m'installai pourtant dans mon traîneau; mais grâce aux épouvantables *oukhabi* (vous savez ce que c'est) de ces affreuses 4 verstes, j'atteignis Serpoukhoff avec une vraie fièvre de cheval. Impossible de songer à continuer le voyage. Je passai une nuit blanche dans une misérable chambre d'auberge avec 100 pulsations à la minute et une toux qui me brisait la poitrine et dès 7 heures du matin, je dus dans ce triste état me soumettre de nouveau à la torture des « oukhabi » et regagner plus mort que vif le chemin de fer et Moscou. La maison de Masloff me sembla un vrai paradis après cet enfer[2] — j'envoyai vite chercher un médecin — et grâce aux sudorifiques, purgatifs et autres médicaments me voici aujourd'hui capable de vous écrire et de vous raconter mes misères. Cela n'a été qu'une assez forte bronchite — dans trois ou quatre jours il n'y paraîtra pas. Mais voyez le contretemps! Le voyage de Spasskoïe est plus indispensable que jamais — j'ai envoyé mon intendant prendre des devants — il faut

que je recommence ma tentative — et nous sommes ici en Russie, à la veille du temps où toutes les communications cessent grâce à la fonte des neiges. Si mon oncle voulait être raisonnable et laisser les choses s'arranger par écrit! Mais il ne le sera pas, ne le voudra pas. J'ai pourtant rassemblé toutes mes forces, je lui ai écrit aujourd'hui une longue lettre, peut-être fera-t-elle quelque impression sur lui [3]. Enfin — me voilà dans un joli pétrin. Mais [a] je me console à l'idée que cela aurait pu être plus grave. Je vous tiendrai au courant de ce qui m'arrivera.

J'ai eu un autre grand plaisir en rentrant avant-hier à la maison ; j'ai trouvé vos deux lettre — celle que vous aviez adressée à Pétersbourg et l'autre avec l'adresse de Massloff (fort exactement écrite) — et la lettre de Viardot [4]. Si l'inventeur du télégraphe électrique est un grand homme, l'inventeur de l'écriture — Cadmus je crois — n'est pas à dédaigner [5]. Quelle charmante chose que cette feuille de papier qui vient à vous à travers l'espace et qui apporte l'empreinte physique et morale d'une vie qui vous est chère ! J'ai lu et relu ces chères lettres — et je crois que c'est ce qui m'a guéri. Vous verrez que je finirai par devenir amoureux de la reine et de toute la maison royale de Prusse, ils sont vraiment bien gentils avec vous [6]. Cela leur fait beaucoup d'honneur — mais je ne leur en suis pas moins reconnaissant. Quant au programme de la soirée de Pietsch — c'est fantastique — et je m'imagine le *bravos* [б]. Oh si je pouvais entendre maintenant une seule fois « *Räthsel* » [7] ! Voici le cas de répéter : patience, patience ! On me promet de m'apporter demain les premières [в] épreuves de mon roman [8]. Quand je pense que toutes les choses pour lesquelles je suis venu en Russie ne font que commencer [9]... Il ne faut pas que je m'appesantisse trop sur ces pensées — ma fièvre me reprendrait. Je continuerai demain ; j'espère être en état de vous dire que je suis guéri. Mon pied est à peu près revenu à son état normal ; j'inaugure la botte dans trois ou quatre jours, quand je pourrai sortir. Ecrivez-moi, s'il vous plaît, combien de nouvelles élèves vous avez amenées avec vous à Bade [10]. Quant à Mlle Schröder, elle n'a que ce qu'elle mérite.

Mercredi. — Ma bronchite a disparu ou à peu près — elle a été courte et bonne. Je recommence après demain

---

[а] *Далее зачеркнуто:* le principal ⟨главное⟩
[б] *Это слово написано неразборчиво.*
[в] *Слово* «premières» — *вписано.*

vendredi l'assaut de Sébastopol [11], je ne resterai que *deux* jours à Spasskoïé. Je vous écrirai encore d'ici là. Oh, quelle corvée, quelle corvée que tout ce voyage ! Enfin pourvu que tout aille bien chez vous. Mille amitiés au bon Viardot (j'espère que son lumbago a disparu comme ma bronchite), à tout le monde ; je vous serre les deux mains de toute la force de mon attachement. Portez-vous bien !

Der Ihrige

J. T.

1944. И. П. БОРИСОВУ

16 (28) марта 1867. Москва

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре,
у И. И. Маслова.
Четверг, 16-го марта 1867.

Милейший Иван Петрович,

Вам уже, вероятно, известна невзгода, которая стряслась надо мною,— а именно: болезнь, которая схватила меня в Серпухове и заставила через силу вернуться в Москву — а тем самым отдалила наше свидание. Здоровье мое однако скоро поправилось, и сегодня я в первый раз попытаюсь выехать — но встречается новое препятствие: мне принесли сегодня первую корректуру моей повести в «Русском вестнике» [1] — и теперь уже я не могу пошевельнуться отсюда, пока она вся не будет набрана — т. е. в течение десяти дней по малой мере. А через 10 дней — кто знает, какая будет езда по нашим дорогам — и не наступит ли тогда то ужасное время, когда ни пройти ни проехать, ни на полозьях, ни на колесах. Однако надо будет — хоть тресни да полезай. Без меня дядя никак не захочет сдать имение, и письмами ничего тут не поделаешь. (Нового управляющего [2] я впрочем наперед отправил — благо уж он доехал до Серпухова.) А необходимость перемены управления Вам будет ясна из простого сопоставления следующих цифр:

По отчету дяди я в 11 лет и 6 месяцев получил — *127 371* руб. с копейками.

Из них капитальной суммы (выкупных денег, за продажу лесов и т. д.) *63 564* р.

Из доходных денег я следовательно получил: *63 807* р.— т. е. около *5500* р. сер. в год.

Оброчных сумм с оброчных имений поступает в год *5756* р., платежа в Опекунский совет — на *3409* р.,— остается след⟨овательно⟩ в пользу владельца — *2347*. Если прибавить к этой сумме — деньги за аренды, мельницы и т. д., то приблизительно получится вся сумма моего годового дохода — *5500* р., и окажется, что лучшие мои имения, Спасское, Тапки и др., находящиеся на изделии, не приносят мне буквально ни копейки. Покажите этот результатик Фету, который в письме к Боткину говорит, что, отказывая дяде — я «осатанел» [3]. Согласился ли бы он с *5500* десятин свободной земли — получать *5500* р. дохода? Кстати скажите ему, что он совершенно справедливо критикует язык перевода «Перро» — и что я сам нашел в нем курьезы почище фразы: «Он *имел* жену» — там говорится о лошади серой «*с* яблоками» и т. д. Как? скажете Вы: *я* сам? Да разве... В том-то и дело, что я дал только имя свое выставить на обертке — а в прочем ни телом ни душой не виноват,— т. е. в сущности виноват — зачем дал имя — и теперь должен терпеть укоры [4].

Что поделывает мой дорогой Петя? Поклонитесь ему от меня — и скажите, что если шоссе не провалится или реки не затопят всей Тульской губернии — я скоро с ним увижусь. А Вам я пока крепко и дружески жму руку — и говорю: до свидания. Кроме отдельного экземпляра моей повести, я Вам привезу и почитаю другой мною написанный рассказ [5]. Но всё это впереди. Будьте здоровы.

Истинно Вас любящий
Ив. Тургенев.

1945. Н. А. КИШИНСКОМУ

16(28) марта 1867. Москва

Москва.
Четверг, 16-го марта 67.

Любезный Никита Алексеевич,

Мое здоровье значительно поправилось, но вчерашнего вечера мне принесли из типографии первую корректуру [1], и теперь я отсюда не могу тронуться, пока печатание не кончится, т. е. по крайней мере дней десять. Сообщите об этом Николаю Николаевичу, которому я писал вчера [2]. Как только я здесь отделаюсь, то немедленно пущусь в Спасское, боюсь только, как бы к тому времени распутица не подошла — что ни на санях ни на колесах; однако всячески постараюсь прибыть на место [3]... С нетерпением

ожидаю Вашего первого письма; надеюсь, что ничего не вышло неприятного. Пока прощайте, пишите мне сюда и посылайте каждый день на почту. Остаюсь к Вам доброжелательный

Ив. Тургенев.

1946. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17, 18(29, 30) марта 1867. Москва

Moscou,
au comptoir des Apanages.
Boulevard Pretchistenski.
Vendredi, 17/29 mars 67.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, ma grippe a disparu et ne m'a laissé qu'une toux « stomachique » qui cèdera à son tour à l'influence du printemps, quand il viendra, ou plutôt à celle de l'air de Bade, que je compte bien respirer avant vingt jours[1]. L'impression a commencé avec vigueur,— et je passe ma journée à relire des épreuves[2]. C'est peu agréable d'avoir ainsi son nez constamment enfoui dans sa propre odeur,— mais c'est indispensable. Si cela continue comme cela a commencé — dans une semaine je pourrai quitter Moscou. Si je n'avais pas ce boulet de voyage à Spasskoïé accroché à mon pied, quelle bonne fugue je pourrai faire immédiatement ! Mais ce voyage est inévitable — et par quels chemins, par quel temps, eterni Dei[3] ! Dans ce moment-même, nous avons un ouragan de neige fondue qui fait mal au cœur à voir. Il n'y a de vert ici devant les fenêtres que les toits des maisons.

Je ne crois pas qu'Ernest[4] soit arrivé par le bateau de ce mois-ci ; il me semble que vous me l'auriez fait savoir. Vous aurez donc encore un peu de répit jusqu'à la fin du mois d'avril — et si rien ne m'arrive, je serai là à cette époque pour vous aider, ainsi qu'à Viardot à supporter le choc[5].

On parle beaucoup ici de ce qui se passe en France, des derniers débats à la Chambre ; on croit généralement que c'est le commencement de la fin,— et l'on est persuadé en même temps que dès que l'Exposition sera à peu près finie[6], votre maître essaiera de sortir de sa cruelle position par un coup de tête désespéré — où la question d'Orient (et nous par conséquent) jouera un grand rôle[7]. En attendant — nous sommes ici en pleine fièvre de chemin de fer. Les concessions pleuvent de tous côtés, des compagnies surgissent partout. On pourra aller de Moscou à Mtsensk dès

le mois de septembre (pas maintenant, hélas!), et dans trois ans je pourrai faire le voyage de chez moi sans même toucher Moscou, directement par Vilna, Vitebsk et Orel [8]... Tout ceci est parfait — mais pour le moment, les « *oukhabi* » m'attendent gueule béante. Si ces affreuses précipices étaient tout droit encore! Mais ils ont des faux mouvements dans leur fond, qui vous font éprouver, à s'y méprendre l'effet du roulis d'un vaisseau, plus les tapes qu'on reçoit sur le sommet de la tête et sur les flancs, les reins, etc., etc. Je n'oubliera pas de sitôt les charmantes quatre verstes qui séparent Serpoukhoff de la gare du chemin de fer! Elles m'attendent encore de pied ferme, ces scélérates de verstes! Enfin — enfin! patience!!

Samedi, 18/30 mars.

Guten Morgen, theuerste Freundinn — und vielen, vielen Dank für den lieben Brief, den Ich eben erhalten habe. C'est si bon et si doux de recevoir des nouvelles de là-bas. Ce que vous me dites de la lettre qui m'attend à Spasskoïé — me donne de furieuses envies de me mettre en route... enfin j'aurai au moins une bonne impression en arrivant. Je vais décidément mieux — à peu près bien — j'ai pu sortir hier en voiture — et je dîne dehors bien modestement, comme il convient à un convalescent et à un goutteux — aujourd'hui. Portez-vous bien, je vous en conjure, vous tous à Bade. Ne faites pas d'imprudence! — Je répondérai à Viardot; dites-lui que je le remercie de sa bonne lettre [9]. J'espère qu'il est enfin parvenu à abattre des bécasses. Le temps continue ici à être à la diable; les épreuves vont ferme [10].

Mille millions de bonnes choses à tout le monde: j'embrasse avec la plus grande tendresse vos chères mains.

Der Ihrige

J. T.

1947. М. Н. КАТКОВУ

18(30) марта 1867. Москва

Я вчера послал вторую половину корректуры [1], любезнейший М⟨ихаил⟩ Н⟨икифорович⟩,— но господин, которому я ее поручил, доставил ее прямо в типографию. Надеюсь, что она дошла в целости; если есть продолжение, будьте так добры и прикажите прислать.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

Суббота утром.

1948. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19, 20 марта (31 марта, 1 апреля) 1867. Москва

Moscou,
au comptoir des Apanages,
boulevard Pretchistenski.
Dimanche, ce 19/31 mars 1867.

Chère et bonne Madame Viardot, votre charmante lettre, avec son parfum printanier, avec ses petits brins d'herbe et de fleurs, est venue bien à propos[1]. J'étais dans un mauvais moment et j'avais besoin d'une bonne bouffée comme celle-là. Mon pied me fait mal depuis vingt-quatre heures,— on dirait que c'est une rechute, et pourtant je suis aussi prudent que possible — et j'ai reçu, non pas une lettre, mais un hurlement de mon oncle[2], qui me traite d'assassin pour n'être pas venu à Spasskoïé,— comme si cette grippe, qui m'a saisi au passage, n'a été qu'une invention de ma part ! Que ne donnerais-je pour avoir cet infernal voyage de Spasskoïé derrière moi ! Et voici les chemins qui deviennent impraticables, la fonte des neiges s'établit, on ne pourra plus aller bientôt ni sur patins, ni sur roues. Que faire, bon Dieu ! Je ne puis pas cependant me risquer dans ces casse-cou, avec cette goutte qui me reprend, avec la toux qui ne me lâche pas encore ! D'un autre côté, me voici embarqué dans la publication de mon roman — cela va me retenir à Moscou pendant une semaine encore[3]. Quand je pense que si je n'avais pas cette excursion à Spasskoïé devant moi, rien ne s'opposerait à ce que je fusse à Bade dans quinze jours ! — C'est là seulement que je serai guéri...

Lundi matin. 19[a] mars/1-er avril 1867.

Les enfants ont parlé de moi aujourd'hui, j'en suis sûr — et de Mr de Massenbach[4]. Hélas ! Mr de Massenbach est pris par la patte — et Dieu sait quand il pourra faire ces élégantes salutations, qui font de lui le modèle des chambellans ! Mon gredin de pied continue à me faire mal — toute la jambe s'en ressent.

J'ai passé une partie de la nuit à écrire deux longues lettres à mon oncle et à mon nouvel intendant[5], qui doit se trouver dans une situation horriblement embarrassante. Il y a un proverbe russe qui compare des exhortations inutiles à des pois chiches qui rebondissent, lancés contre

[a] *Так в подлиннике.*

une muraille. Je crains bien que mon oncle est cette muraille et que mes pois chiches vont me sauter au nez.

Je me suis traîné hier matin à un concert de musique de chambre avec Laub, Cossmann (qui par parenthèse m'a dit de le mettre à vos pieds) et N. Rubinstein. On a joué un délicieux quatuor de Mozart — le trio en *si bémol majeur* de Beethoven et l'*ottetto* de Mendelssohn [6]. Laub est un peu trop uniformément doux pour Beethoven, N. Rubinstein joue mieux que son frère [7], plus simplement et plus correctement. L'ottetto de M⟨endelssohn⟩ m'a paru faible et vide après les deux autres... C'est de la littérature musicale — fort bien faite,— un article de la « Revue des Deux Mondes »,— tandis que les deux colosses sont des poètes *von Gottes Gnaden* et font des choses qui ne doivent pas mourir. Le public a été très chaud. Serge Volkoff s'est approché de moi — et m'a demandé de vos nouvelles; il est presque aussi blanc que moi.— C'est pourtant bizarre comme la vie s'en va vite, vite, vite.

J'ai dû faire une lecture de ma petite nouvelle — hier soir chez Katkoff [8]. Il y avait beaucoup de monde,— peu sympathique. J'ai débuté et fini par une quinte de toux longue d'une aune.— Je crois que cette bagatelle a plu. Katkoff me l'a retenue pour sa revue,— c'est le principal [9]. Il m'a réitéré la promesse de me faire délivrer les dernières épreuves *vendredi*.— Je pourrai quitter Moscou dès dimanche — j'aurai des affaires à terminer samedi avec mon libraire [10]. Que ferai-je la semaine prochaine? Je vois bien qu'il faudra avaler la couleuvre.— Enfin, vous le saurez d'avance.

Merci, mille fois merci pour vos chères lettres; elles me sont bien nécessaires, elles me donnent du courage. J'embrasse les enfants, je dis mille amitiés à Viardot, à Louise, à tout le monde et je fais comme Cossmann, je me mets à vos pieds.

Portez-vous bien et au revoir.

Der Ihrige

J. T.

1949. Н. А. КИШИНСКОМУ

20 марта (1 апреля) 1867. Москва

Москва.

В доме Удельной конторы,

на Пречистенском бульваре.

Понедельник, 20-го мар. 1867.

Любезный Никита Алексеевич, нездоровье мое продолжается, к тому же и подагра опять разыгралась, а доро-

ги испортились — ехать мне теперь невозможно, а так как я не могу долго оставаться в России, то, быть может, я в Спасское совсем не попаду, о чем я пишу также дяде Николаю Николаевичу[1]. А потому прошу Вас, не дожидаясь моего прибытия, немедленно вступить в управление имением, о чем имеете известить меня, буде возможно, по телеграфу.— Я прошу дядю:

1) Сдать Вам дела, планы и бумаги, а также и кассу, с точным обозначением, сколько в ней находится денег. Я было просил о высылке ко мне денег, но полагаю это теперь ненужным — пока,— если это до сих пор не сделано.

2) По объявлении Вам, что именно в Спасском принадлежит ему, Николаю Николаевичу, составить с Вами сообща опись остальному.

3) Определить вместе с Вами, какие старые дворовые остаются жить у меня и какие сохраняются пенсии.

4) Определить, какие люди остаются в личном Ник. Николаевича услужении, которые до отъезда Николая Николаевича из Спасского должны содержаться на моем иждивении.

5) Уничтожить доверенность, выданную мною.

6) Так как я назначаю Николаю Николаевичу — до выхода его второй дочери замуж — 800 р. сер. в год, начиная с 1-го янв. нынешнего года — то, буде найдется в кассе достаточная сумма и он того пожелает — выдать ему за первую половину года 400 р.

Прошу Вас также приступать к переменам в личном составе управления не спеша и исподволь и вообще сперва оглядеться.— Ко мне сюда является покупатель на Кадное [2], и если это состоится, то мне возможно будет в первые два года бо́льшую часть доходов посвятить на необходимый ремонт и обзаведение. Можете теперь же принять меры о продаже рощи в Тапках [3], о которой Вы мне говорили. Но главное, поступайте на первых порах без поспешности. Дайте мне знать, сколько Вы оставите вольнонаемных работников в Спасском.

Вы поселились, я надеюсь, в моем флигеле.— Нашли ли Вы и выслали ли сюда бумаги, о которых я писал Вам [4]?

Прошу Вас — немедленно отвечать мне и вообще не лениться писать.

Остаюсь
уважающий Вас
Ив. Тургенев.

1950. Е. А. ЧЕРКАССКОЙ

20 марта (1 апреля) 1867. Москва

С великой готовностью исполняю Ваше желание, любезная княгиня,— приеду сегодня вечером к г-же Бахметевой — а завтра буду читать у Вас.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Понедельник.

1951. П. В. АННЕНКОВУ

21 марта (2 апреля) 1867. Москва

Москва.
Вторник, 21 марта 1867.

Милый Павел Васильевич! Я не отвечал тотчас на Ваше письмо [1] оттого, что хотел написать Вам нечто положительное. Со мной случилось обстоятельство, несколько неприятное: я в деревню не попал. Выехал было десять дней тому назад, да из Серпухова принужден был вернуться: такой сильный схватил меня грипп. Пять дней я пролежал больной, а теперь началось печатание моей повести [2], да нога опять разболелась, да дороги сделались непроезжими: раньше двух недель нельзя бы было отправиться; я раздумал ехать в деревню и постараюсь уладить дело письменно: управляющий мой [3] уже находится на месте. Выезжаю я отсюда в понедельник, а потому можете объявить чтение в четверг [4] — не раньше и не позже, потому что я в пятницу непременно выеду из Петербурга в Баден. Если четверг (на будущей неделе) почему-либо неудобен, то можете назначить середу; я со вторника буду в Петербурге. Я читаю здесь отрывок из романа в субботу в пользу галичан [5]. Катков меня очень об этом просил. Я не мог отказаться. «Историю лейтенанта» я у него читал, и он взял ее в свой журнал [6]. О том же, какое впечатление произвел на него и на Леонтьева [7] мой роман, я ничего не знаю: любезны они со мною очень. Маслов читает его в корректуре и доволен. Я здесь вижусь с немногими; был у Писемского, и он мне читал своего «Гладкова» [8], который, по-моему, есть чепуха несуразная; охота ему бросать свой род и лезть в историю... Все эти царедворцы, пропущенные сквозь деготь и, с позволения сказать, д⟨ерь⟩мо, уморительны. И что за лица! Один первый акт сносен. Островского я не видал.

Нога меня сильно мучит — разболелась вся. А тут эта скверная погода, талый снег и грязь... Не дождусь я минуты, когда я увижу опять мой милый Баден. Кланяйтесь Глафире Александровне и Боткину, пожмите руку также и другим приятелям. До свидания. Душевно вам преданный

Ив. Тургенев.

1952. И. П. БОРИСОВУ

21 марта (2 апреля) 1867. Москва

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Вторник, 21-го марта 67.

Милый Иван Петрович, я получил Вашу записочку из Спасского — и нечего мне говорить Вам, как я сожалею о том, что не удалось повидаться с Вами[1]. Особенно скверная звезда преследует меня с самого начала нынешнего года. Накануне первого января заболела у меня нога какой-то сложной ревматической подагрой, 6 недель я пролежал, должен был опоздать выездом — притащился наконец сюда — и в самый день моего отъезда в Спасское схвачен был сильнейшим гриппом в Серпухове — полуживой прибыл назад в Москву — а теперь дороги стали непроезжие — и нога, как нарочно, снова так жестоко разболелась, что пожалуй придется опять слечь. К тому же подошли невеселые вести из Бадена[2] — где уж мне тут думать о поездке в деревню — дай бог подобру-поздорову по железным дорогам вернуться в Баден. Я об этом сегодня же пишу к дяде[3], который, вероятно, придет в большое волненье и огорчится — но ведь собственно мое присутствие ничего бы не изменило. Управляющий мой, Никита Алексеевич Кишинский, который находится теперь в Спасском, имеет от меня инструкцию принять управление, не требуя никаких отчетов и не входя ни в какие разбирательства,— а судьба дяди и его детей мною обеспечена — и жить он может в Спасском, пока найдет удобным, не спеша, переселиться к себе. Оставаться долее при 5500 р. сер. годового дохода от 5500 десятин я не нашел возможным — и вот вся причина этой перемены. Решаюсь обратиться к Вам, добрейший Иван Петрович,— в Вашем характере столько деликатности и мягкости, дядя мой питает к Вам такое уважение, что в случае каких-либо затруднений Ваше слово принесло бы великую пользу!

Помогите старику взглянуть на всё это дело прямыми глазами, а то он мне такие письма пишет, что я прихожу в тупик. Мне ужасно неприятно, что я в Спасское не попал и не попаду — но что же делать! Ей-богу — мне невозможно ехать.

Роман мой[4] печатается и выйдет в мартовской книжке «Русского вестника». Посмотрим, какое он на Вас произведет впечатление,— а трудился я над ним много.

Поклонитесь от меня Фету и поцелуйте Петю: видно не в нынешнем году придется нам увидеться.

Крепко, дружески жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

1953. ПОЛИНЕ ВИАРДО

22 марта (3 апреля) 1867. Москва

Moscou.
Au comptoir des Apanages,
boulevard Pretchistenski.
Mercredi, $\frac{\text{3 avril}}{\text{22 mars}}$ 1867.

Alea jacta est ! chère Madame Viardot, je ne vais pas à Spasskoïé ! Je n'aurais pu le faire que dans quinze jours — d'ici là les chemins sont impraticables — et je ne veux pas rester si longtemps en Russie ; — et puis j'ai enfin reçu des lettres raisonnables de mon oncle : il se résigne à céder les rênes du pouvoir. Mon intendant me fait savoir aussi qu'il commence à devenir le maître : il paraît qu'il a trouvé un chaos indicible. Ma présence n'aurait pas servi à grand'-chose. Mon oncle voudrait me revoir — et je ne demanderais pas mieux que de lui procurer cette satisfaction — mais c'est impossible. Je lui écris chaque jour des lettres fort longues — et j'espère qu'il s'en contentera[1]. Je vois bien qu'il y aura fort à faire pour remettre la barque à flot — mon oncle l'a laissé terriblement ensablée... les deux premières années je serai obligé de tirer la Muse par l'oreille — puisque la littérature donne encore.— Je crois que j'ai mis — dans mon intendant — la main sur un homme énergique et sensé[2].

Ainsi — voici mon plan — si rien ne vient se mettre en travers : je reste ici jusqu'à *lundi* 8 avril. J'achève mes épreuves, je prends sous le bras 10 exemplaires, je palpe l'argent de Katkoff[3], je fais *deux* lectures publiques — il m'a été impossible de m'y soustraire — *samedi* pour les

Moscou.
au comptoir des Apanages,
boulevard Pretchistenski
Mercredi — 3 Avril 1867.
22 Mars.

Alea jacta est! chère Madame Viardot, je ne vais pas à Spasskoïé. — Je n'aurais pu le faire que dans quinze jours — d'ici là les chemins sont impraticables — et je ne veux pas rester si longtemps en Russie; et puis, j'ai enfin reçu des lettres raisonnables de mon oncle: il se résigne à céder les rênes du pouvoir. — Mon intendant me fait savoir aussi qu'il commence à devenir le maître: il paraît qu'il a trouvé un chaos indicible. Ma présence n'aurait pas servi à grand'chose. Mon oncle voudrait me revoir — et je ne demanderais pas mieux que de lui procurer cette satisfaction — mais c'est impossible. — Je lui écris chaque jour des lettres fort longues — et j'espère qu'il s'en contentera. — Je vois bien qu'il y aura fort à faire pour remettre la barque à

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА к ПОЛИНЕ ВИАРДО
ОТ 22 МАРТА (3 АПРЕЛЯ) 1867 г.

Ruthéniens de la Galicie[4], que notre société soutient contre les attaques et les menées des Autrichiens et des gentilshommes polonais ; — *dimanche* à une séance — des « Amis de la littérature russe »[5] ; — je suis de ces amis-là depuis 10 ans — et je n'ai jamais rien lu, — en un mot — c'était indispensable. — *Lundi* je file pour Pétersbourg — où j'arrive *mardi*. *Jeudi* je refais une relecture republique pour notre société de secours aux littérateurs indigents[6] — j'ai dû le promettre à Annenkoff ; et *vendredi* je me mets en route pour Berlin. Dimanche matin, je descends à l'hôtel d'Angleterre, je repars le soir — et *lundi, 15 avril*, si Dieu me prête vie, à 3½ h⟨eures⟩ — je roulerai sur le petit chemin de fer d'Oos à Bade... Silence ! silence ! N'éveillons pas le chat de la mauvaise chance qui ne dort jamais que d'un œil.

A propos de mauvaise chance, je dois dire que mon pied, après m'avoir fait souffrir pendant quarante-huit heures, a l'air de vouloir revenir au status quo... assez insuffisant — d'il y a une semaine. Pourvu que je puisse arriver tant bien que mal jusqu'à Bade ! Je suis sûr que là-bas je serai bientôt guéri — ou si je ne le suis pas — je m'en consolerai aisément.

Vous êtes bonne comme un ange, chère Madame Viardot — vous me gâtez avec ces adorables petites lettres, qui me rendent mes journées lumineuses. C'est un vrai bienfait — car si vous êtes triste là-bas — avec ce *trémolo*[7] dont vous parlez, je ne suis pas non plus bien gai ici. Il faudra pourtant prendre quelques mesures — si E⟨rnest⟩ vient en *juin* ; plus j'y réfléchis et plus je ne vois pas pour Louise la possibilité de rester à Bade, où rien ne pourrait amortir le choc[8].

Vive Gérard la tortue ! Grâce à lui, le monde musical pourra jouir de ces petits chefs-d'œuvre — (je maintiens le mot) pour piano et violon[9]. La pièce en vers de Lenau que vous me copiez — est à peu près la seule de lui que j'aime — et je suis fort curieux d'entendre la musique que vous ont inspirée ces paroles[10]. Faites encore quelque chose ; pour qu'à mon retour, j'aie du nouveau à entendre... Mon retour... Je n'y croirai que *deux* jours après mon arrivée — Schillerstrasse 277.

Mille amitiés à tout le monde, à commencer par Viardot. Je vous embrasse les mains avec tendresse.

Au revoir le 15 avril !

Der Ihrige

J. T.

1954. Н. А. КИШИНСКОМУ

22 марта (3 апреля) 1867. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в доме Удельной конторы.
Середа, 22-го марта 1867.

Любезный Никита Алексеевич, я получил Ваши два письма[1], пакет с бумагами и 500 р. сер. денег. Очень благодарю за всё. Из последнего письма дяди ко мне[2] я вижу, что он наконец убедился в необходимости передать Вам все дела,— и я надеюсь, что теперь уже это приведено в исполнение. Из прежних писем моих Вы знаете мои желания: я полагаю, что дядя теперь не будет упираться и, напротив, поможет Вам привести всё в известность, насчет описи, дворовых и т. д. Очень мне неприятны Ваши известия о долгах в Опекунский Совет и прочих неустройствах, но поднимать старое нечего, и если при передаче Вам окончательных счетов дядя по-прежнему не покажет в наличности денег, то Вам на это отвечать нечего, а можете только указать на существующие долги и на трудность их выплатить. Первые времена будут несомненно для Вас трудны, но я постараюсь Вам облегчить их, не требуя излишних денег. Дядя пишет мне, что он недолго останется в Спасском: торопить Вы его не должны, это в его воле, только надо определить сейчас же, сколько для него — для его услужения — остается на моем иждивении людей, лошадей, а остальное держать без нужды не следует. К истинному моему сожалению, любезный Никита Алексеевич, я в Спасское теперь приехать не могу. Бог даст— быть может, летом, когда железная дорога подвинется. Нога у меня разболелась, кашель меня мучит сильный, а дорога стала непроезжая; пришлось бы ждать до половины апреля, а это невозможно. Впрочем, так как я теперь могу надеяться, что дядя урезонился, то мое отсутствие не так важно: я об этом пишу ему — и Вы уже так поступайте. О доверенности я ему писал, чтобы он сам ее уничтожил, так как я не желаю огорчить его приставанием; он ответил мне, что хочет лично мне ее передать; но так как я теперь не приеду, то я снова буду его просить, чтобы он это сделал от своего лица; на всякий же случай я пошлю Вам то прошение, которое Вы мне сообщили[3]; Вы представьте его только в таком случае, если бы дядя не публиковал бы от себя.— Меня очень удивило известие о продаже тамбовско-елатомских земель: дядя мне об

этом ничего не писал. Верно ли это и нельзя ли узнать что-нибудь положительное и либо остановить, либо получить эти деньги в руки? Вы об этом распорядитесь. Прошу Вас поселиться во флигеле — я об этом также пишу дяде.— Я выезжаю отсюда в понедельник и *до пятницы* остаюсь в Петербурге, на квартире В. П. Боткина, на Караванной, № 14. Вы успеете мне еще отвечать туда. Я Вам еще напишу из Петербурга — и перед отъездом из Москвы.

Желаю Вам терпения и выдержки. Не пеняйте на меня, что я теперь приехать не могу,— это совершенно невозможно. Денег у меня будет довольно на два месяца от нынешнего числа, а там понемногу будем изворачиваться.

Если Вы полагаете нужным приступить немедленно к продаже леса в Тапках, то пришлите мне форму доверенности, я Вам немедленно отошлю ее. В случае нужды Вы можете на этот раз обратиться к дяде, пока его доверенность не уничтожена. Я напишу ему об этом. Селезнев предлагает мне за Кадное 30 руб. сер. за десятину, я не решаюсь отдать — и прошу с него 35[4].— Пока прощайте, напишу Вам послезавтра. Жму Вам руку.

Ваш искренний доброжелатель
Ив. Тургенев.

1955. И. П. БОРИСОВУ

23 марта (4 апреля) 1867. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в доме Удельного ведомства.
Четверг, 23-го марта 1867.

Милый Иван Петрович, не успел я Вам написать довольно большое письмо, как получил Ваше[1] — и не могу не отозваться. Прежде всего — благодарю Вас за чувство, которое Вам его внушило: я узнал Вашу неизменную дружбу, Вашу добрую душу.— С тех пор как я писал Вам — я получил наконец от дяди письмо спокойное и благоразумное[2]: он как будто опомнился и пришел в себя и убедился, что я не мог поступить иначе — и всячески стараюсь ослабить неизбежный удар, обеспечить и упрочить его будущность. Если б он показал Вам мои письма — Вы бы увидали, что я всё время поступал с ним так, как Вы мне советуете: говорил ему, что совершенно убежден в его бескорыстии, не требовал никаких отчетов, не воз-

вращался на старое; если же я упоминал о нем, то единственно для оправдания себя. Я натягивал все возможные струны — и всё неудачно; наконец, однако, кажется, что дело пошло на лад. Правда, что когда он узнает, что я не приеду — опять поднимутся вопли[3]... Но что же делать? Желание мое приехать было великое: доказательством тому служит моя попытка, окончившаяся в Серпухове; но теперь, при ужасных дорогах — путешествие для меня немыслимо: я болен, истинно болен и расклеился весь: ноге опять хуже — так что я в комнате едва волочусь с места на место,— кашель терзает мне грудь, чуть только я нос выставляю на свежий воздух... нет! куда мне! Дай бог домой вернуться, в топленных вагонах, по железным дорогам! — Будьте так добры, помогите мне растолковать это дяде: оно невесело — да помочь этому нельзя. А чтобы дать Вам понятие о том, до какой степени запущено было хозяйство,— то вообразите, что Спасское попало под опеку!! за неплатеж двухсот семидесяти рублей в год. Несмотря на правильно веденные книги — это был совершеннейший хаос.

Но довольно об этом.— Я хотел только поблагодарить Вас за Ваше письмо и выразить Вам мое сожаление, что не увижу Вас в нынешнем году... Придется, видно, Вам с Петей приехать погостить ко мне в Баден. Роман мой[4] печатается, и я уже читаю последние корректуры: я Вам вышлю отдельный оттиск.

Я выезжаю отсюда во вторник, а из Петербурга в пятницу; я в Петербурге буду стоять на квартире у Боткина, на Караванной, № 14.

Еще раз обнимаю Вас и остаюсь навсегда

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

1956. ПОЛИНЕ ВИАРДО

23 марта (4 апреля) 1867. Москва

Moscou.
Au comptoir des Apanages,
boulevard Pretchistenski.
Jeudi soir, $\frac{\text{4 avril}}{\text{23 mars}}$ 1867.

O theuerste Freundinn, que vous êtes donc bonne de m'écrire si souvent ! Depuis que je suis ici, je ne puis me défendre d'une impression étrange : il me semble que je suis en prison ; — et je suis emprisonné en effet par le mauvais temps, par la neige sale et vilaine, qui rend les rues

impraticables... et puis ma jambe infirme, qui me permet à peine de me traîner dans les vastes chambres de la maison que j'habite — et cette toux qui ne me lâche pas... eh bien! vos lettres — sont comme des messagers de liberté! Elles semblent me dire que dans peu de jours — toutes ces entraves tomberont — et je redeviendrai ce que j'ai été jusqu'à présent. Je compte les instants... onze jours encore... C'est bien long. Oh! que j'en ai assez, de cet hiver interminable, de tout ce que je vois, de tout ce qui m'entoure!!.

Allons — ne parlons pas de choses tristes... il ne fait déjà pas trop gai chez vous, mes pauvres chers amis — avec toutes ces santés un peu ébranlés — et puis avec ces crescendo d'attente amère et pénible, qui vous vient du Cap[1]! Voyons,— je vais vous raconter quelque chose. J'ai lu deux fois « L'Histoire du lieutenant »[2]; la première fois chez Mr Katkoff, qui me l'a immédiatement achetée, et où j'ai été cruellement agacé par Mme Katkoff, qui n'a cessé de se gratter le nez, de s'arranger, de se tasser, de se frotter les genoux et le ventre (elle est grosse de son quinzième enfant), pendant tout ce temps.— J'étais assis auprès d'elle et je ne voyais qu'elle, car je tenais mon nez plongé dans mon cahier; je l'ai trouvée fort laide et disgracieuse — ce qu'elle est du reste, lecture à part. La seconde fois, ça a été chez la femme du prince Tcherkasski, du même prince T⟨cherkasski⟩ qui a été ministre de l'Intérieur en Pologne — et qui a donné sa démission après la maladie de Milutine[3]. On était en petit comité,— des gens d'esprit s'intéressant peu aux choses littéraires, des dames sur le retour et dévotes, sans fiel pourtant et un imbécile à la mode, bon enfant et enthousiaste. Le long Wassiltchikoff était du nombre; — ce n'est pas pourtant lui l'imbécile.— Ma petite plaisanterie a plu tout en scandalisant un peu. Je dois ajouter que faire une lecture est une vraie corvée pour moi, je ne puis m'empêcher d'avoir un secret sentiment de honte. Et après-demain donc!.. lecture publique avec tout le bataclan[4]... Je vous donnerai tous les détails.

Je termine brusquement cette lettre,— car il faut que je l'envoie sur-le-champ à la poste. Ma santé n'est pas trop fameuse non plus. Mon pied me fait mal, je tousse — enfin! patience... patience!

Je vous écrirai dès demain — aujourd'hui j'embrasse toute la maisonnée et vous serre les deux mains avec toute la force d'un attachement inaltérable.

Der Ihrige
J. T.

1957. М. Н. КАТКОВУ

23 марта (4 апреля) 1867. Москва

Четверг.

Вот, любезный М⟨ихаил⟩ Н⟨икифорович⟩ — два последние листа — если можно, прошу окончания — да велите прислать мне оригинал листа (стр. 193—208) — там есть выражения, которые я не могу вспомнить,— прикажите его прислать вместе с выправленным листом. Я тотчас отошлю его назад.— Я нездоров и не выхожу,— но собираюсь выехать в воскресение или в по⟨недель⟩ник.— Будут ли к тому ⟨времени готовы⟩[a] 10 экземпляр⟨ов?⟩.

Я действительно обложился письмом: вот что я писал к Вам, и прошу Вас исполнить нашу просьбу.

Кланяюсь дружески.

И. Т.

На обороте:

Михаилу Никифоровичу Каткову.
От Тургенева.

1958. П. В. АННЕНКОВУ

24 марта (5 апреля) 1867. Москва

Москва.
Пятница, 24 марта 1867.

Вот, любезный Павел Васильевич, в ответ на Вашу вчерашнюю телеграмму[1], рукопись первых пяти глав «Дыма»; корректуру я бы не мог сегодня достать: контора «Русского вестника» — это то же министерство, да еще старых времен. Я прочту первые пять глав[2]. Вы можете показать рукопись кому следует. Я болен до безобразия — ногою и кашлем, а завтра я должен читать в пользу галичан (!)[3]. В понедельник выезжаю, во вторник, утром, я — у Боткина. Предуведомьте его. Дружески жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

---

[a] *Текст поврежден.*

1959. Н. А. ЛЮБИМОВУ

24 марта (5 апреля) 1867. Москва

Пятница.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

У меня есть до Вас *три* важные просьбы — вот в чем состоят они:

1.) Я обещал читать отрывки из моего романа в Петербурге, *в четверг* — в пользу Литературного фонда[1]; но для этого нужно — как меня предуведомили вчера телеграммой[2] — представить сперва корректуру или оттиск. Я должен отправить это сегодня же с почтой. Будьте так добры, пришлите с сим посланным *первые* три листа,— которые, вероятно, должны быть отпечатаны[3].

2.) Я запродал книгопродавцу Салаеву отдельное издание моего романа; он должен выдать его *три* месяца спустя после появления в «Русском вестнике» (точно такое условие было заключено при продаже отдельным изданием «Отцов и детей»)[4]; но я все-таки желаю справиться — точно ли *три* месяца обычный в таких случаях срок?

И наконец 3.) Позвольте Вас просить ускорить набор и печатание «Дыма». Сегодня пятница — я непременно должен уехать в понедельник — а еще далеко не всё набрано и поправлено. Завтра праздник, а там воскресение. Я боюсь, что буду задержан.

Извините причиняемое Вам беспокойство и примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

1960. Н. А. ЛЮБИМОВУ

24 марта (5 апреля) 1867. Москва

Пятница
вечер.

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Покорно Вас прошу прислать мне оттиски первых трех листов «Дыма», а то мне не́ по чем будет читать завтра, так как я рукопись, доставленную мне г-ном Щебальским, отправил к Анненкову в Петербург[1].

Примите уверение в совершенном моем уважении.

И. Тургенев.

1961. Н. А. ЛЮБИМОВУ

24 марта (5 апреля) 1867. Москва

Пятница веч.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Благодарю Вас за сообщенные известия: отдельное издание отложится па *6* месяцев вместо 3-х [1]. Что же касается до выражений, которые Михаил Никифорович желал бы устранить,— то я сам заеду к нему завтра вечером — и поговорю с ним.— Я, признаюсь, теперь уже не вижу ничего, что бы могло остановить мысль на известном недоумении [2].

Примите, вместе с искренним сожалением о постигшем Вас несчастии [3], уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

P. S. Прилагаю два корректурных листа; из них я бы желал еще иметь второй, так как на стр. 128-й вкралась важная ошибка [4].

Ив. Тургенев.

1962. П. В. АННЕНКОВУ

25 марта (6 апреля) 1867. Москва

Москва,
25 марта 1867, суббота.

Милый Анненков! Прошлой ночью со мною сделался такой сильный припадок подагры, что и теперь лежу с одной ногой и пролежу по крайней мере неделю, и когда отсюда выеду — неизвестно. Сегодня и завтра я должен был читать здесь,— всё это останавливается; а Вас прошу отменить чтение в четверг [1]. Когда оно сделается, господь ведает; я не знаю. Нечего говорить Вам, как это мне неприятно. Хороша для меня перспектива в будущем: каждые четыре месяца такая гадость! Жму Вам крепко руку и кланяюсь Глафире Александровне.

Ваш Ив. Тургенев.

1963. Н. А. ЛЮБИМОВУ

25 марта (6 апреля) 1867. Москва

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Со мной сделался такой сильный припадок подагры, что чтение должно быть отменено[1] — и я пролежу неизвестно сколько.— Я было хотел явиться сегодня вечером к М. Н. Каткову, чтобы переговорить насчет известных выражений,— но мне теперь это невозможно — и потому покорно прошу либо его, либо Вас пожаловать ко мне сегодня с корректурой. Мы переговорим[2].

Примите уверение в моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

Суббота, утро.

1964. ПОЛИНЕ ВИАРДО

25, 26 марта (6, 7 апреля) 1867. Москва

Moscou.
Au comptoir des Apanages,
boulevard Pretchistenski.
Samedi soir, $\frac{\text{6 avril}}{\text{25 mars}}$ 1867.

Si j'étais le comte Michel Wielhorski, chère Madame Viardot, je serais fermement convaincu que l'année 1867 est une année « climatérique »[1] pour moi — en d'autres termes — une vilaine année. Tout va à la diable et je reçois toujours einen Streich durch die Rechnung. Vous savez déjà que je devais lire aujourd'hui en séance publique un fragment de mon roman[2]: eh bien! — hier soir, vers 10 heures, j'ai été pris d'une attaque de goutte à l'orteil tellement violente, que rien de tout ce que j'ai eu jusqu'à présent ne peut s'y comparer : j'ai souffert toute la nuit comme un damné — et ce n'est que depuis une heure ou deux que l'accès se calme. Naturellement, la lecture est tombée à l'eau. A 1½ h⟨eure⟩, au moment où le public « accourait en foule » (il paraît en effet qu'il y a eu foule), j'étais couché sur le dos, et mon pied nu levé vers le ciel.— Dites à Didie de faire un dessin là-dessus[3]. L'accès se calme à l'heure qu'il est — mais ce qui me tourmente — c'est qu'il ait pu avoir lieu après plus de trois mois de maladie : quand cela finira-t-il, et sur quoi puis-je compter? Voilà mon départ de Moscou retardé, car il faut que je tienne ma

promesse et que je fasse cette malencontreuse lecture[4],— et mon arrivée à Bade, retardée aussi — ce n'est plus le 15 que je pourrai revoir ces endroits chéris! Et si je pouvais me reprocher la moindre imprudence! Mais rien — une vie exemplaire, une vie d'ascète, de St Jean-Baptiste[5]... et crac! un accès... Vous comprendrez aisément,— et sans que j'aie besion de vous l'expliquer, combien tout ceci m'est pénible... Oh! vilaine, vilaine année climatérique!

Dimanche.

Cela va mieux, mais je ne puis pas encore marcher, c⟨'est⟩-à-d⟨ire⟩ poser le pied à terre, je suis obligé de me traîner le genou sur une chaise — pourtant je ne désespère pas de pouvoir faire ma diablesse de lecture *mercredi*, de façon que je pourrai m'en aller jeudi[6]... Mais je ne veux plus rien prévoir, je ne veux plus employer le future — tout me crève toujours dans la main. Je viens d'avoir encore une longue conversation avec Katkoff, qui, après de compliments à perte de vue sur mon roman, a fini par me dire qu'il craint qu'on ne reconaisse dans Irène une certaine personne[7]... et qu'en conséquence il me conseille de *retoucher* le personnage. J'ai refusé net par deux raisons: la 1-er c'est que son idée n'a pas le sens commun et que je ne veux pas, pour lui complaire, gâter toute ma besogne; la 2-de c'est que toutes les épreuves sont corrigées et revues et que ce serait tout un travail à refaire, qui prendrait encore dix jours de temps.— Assez de Moscou comme cela! Je vous jure que je me sens ici comme en prison.

Dimanche soir.

Je viens de recevoir votre lettre ainsi que celle de Viardot... Pauvres petits enfants,— avec leur poisson d'avril!.. Je n'ai pas pu y contribuer, et Massenbach[8] est dans un piètre état... L'année 1867 aura, vous verrez, la même influence pernicieuse sur mon second architecte, et un bon matin — patatras! — on entendra un grand bruit dans la vallée de Thiergarten... C'est la belle maison de Mr Turkeneff ou Dourganif qui se sera écroulée[9]... Et je ne verserai pas de larmes.

Rien de nouveau depuis ce matin.— Le temps est exécrable,— toujours cette sale neige devant les yeux... Oh! comment faire pour s'en aller! Je ne dis plus rien,— je ne fais plus de projets. Was geschehen soll, wird geschehen, comme disait notre profond professeur de philosophie, Werder, à Berlin.

En attendant,— le pauvre goutteux embrasse tout le monde et se recommande à vos prières. Je répondrai à V⟨iardot⟩ avant de m'en aller,— et je vous embrasse les mains avec la plus affectueuse amitié.

Der Ihrige
J. T.

1965. М. Н. КАТКОВУ

26 марта (7 апреля) 1867. Москва

Посылаю Вам, любезнейший Михаил Никифорович — проверенную сверстанную корректуру и первую корректуру продолжения, полученную мною сегодня поутру. Задержки с моей стороны не будет.— Будьте также так добры, прикажите мне печатать 10 отдельных оттисков[1].

Весь Ваш
Ив. Тургенев.

Воскресение
вечером.

На обороте:

Его высокоблагородию
Михаилу Никифоровичу
Каткову.
В Кривоникольском переулке,
в доме Щелиной

от *Тургенева*

1966. П. В. АННЕНКОВУ

27 марта (8 апреля) 1867. Москва

Москва.
Понедельник, 27 марта 1867.

Милый Павел Васильевич! Ноге моей как будто легче, и я надеюсь быть в состоянии прочесть свои главы в середу и выехать отсюда в четверг. А потому Вы можете назначить чтение в Петербурге в субботу или, для большей верности, в воскресенье[1].

Этот год для меня ужасный: ничего не удается, всё идет навыворот. Очень меня опечалило то, что Вы мне пишете о Глафире Александровне[2]. Но ведь ехать по железной дороге легче, чем в карете по петербургской мостовой. Я сообщил Ваше письмо Маслову[3]. Жму Вам руку. До свиданья — авось!

Ваш Ив. Тургенев.

1967. С. В. ЭНГЕЛЬГАРДТ

27 марта (8 апреля) 1867. Москва

Милостивая государыня,
Софья Владимировна!

Я уже слыхал прежде о переводах г-на Pélan — и с великой радостью готов содействовать распространению их за границей[1].

Здоровье мое поправляется, и я надеюсь быть в состоянии прочесть послезавтра, в середу, те главы, которые я хотел прочесть в субботу[2].

Мне было бы очень приятно увидеть Вас, и во всяком случае прошу Вас принять, вместе с изъявлением моей благодарности, выражение моей совершенной преданности и уважения.

Ив. Тургенев.

Понедельник
27-го марта 67.

1968. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28 марта (9 апреля) 1867. Москва

Moscou.
Au comptoir des Apanages,
boulevard Pretchistenski.
Mardi, $\frac{\text{9 avril}}{\text{28 mars}}$ 1867.

Année climatérique[1], année climatérique, chère Madame Viardot, je ne sors pas de là. Voici que mon pied va mieux — et ma lecture ratée samedi doit avoir lieu demain mercredi[2] — (par parenthèse — le jour même où vous chantez à Strasbourg) — eh bien — autre misère : Mr Katkoff me fait de si grandes difficultés pour mon malencontreux roman, que je commence à croire qu'on ne pourra pas le publier dans sa revue — ce qui — 1°) me ferait perdre quelque chose comme 2000 roubles argent — et 2°) retarderait encore mon départ — car il faudrait trouver un autre éditeur soit à Pétersbourg, soit ici—ce qui ne se fait pas en un tour de main. Mr Katkoff veut à toute force faire d'Irène une vertueuse matrone — et de tous les généraux et autres messieurs qui figurent dans mon roman — des citoyens exemplaires. Vous voyez que nous ne sommes pas près de nous entendre. J'ai fait quelques concessions — mais aujourd'hui j'ai fini par dire : halte-là ! Nous ver-

rons s'il cèdera. Quant à moi, je suis bien décidé à ne plus reculer d'une semelle: les artistes doivent aussi avoir une conscience et je ne veux pas que la mienne me fasse des reproches [3]. Enfin — vous voyez quel embrouillamini que tout cela — et vendredi, coûte que coûte, je dois pourtant partir. Je vous jure que quand je me verrai enfin à Bade — je pousserai un *Ouf*! à faire trembler toutes les montagnes de la Forêt Noire. Cela se gâte aussi — naturellement — du côté de mon oncle. Mais comme il a accepté ma pension, il, a par cela même donné sa démission — et ce n'est plus qu'une affaire de temps avec quelques tiraillements de plus ou de moins [4]. Avec tout cela, le temps est mauvais — et toujours cette neige devant les yeux. J'en deviendrai malade! Mais parlons d'autre chose.

Je suis véritablement épris de la reine de Prusse et si jamais elle me donnait sa main à baiser, je le ferais avec le plus grand plaisir. Il est impossible d être plus gracieuse — et on sent qu'elle a pour vous une véritable affection — ce qui la rend charmante à mes yeux [5]. Avec tout cela, il n'est pas impossible que votre marche militaire ne retentisse sur un champ de bataille... dans les environs du Rhin. On est très inquiet ici; la baisse terrible à Paris que le télégramme nous a annoncée aujourd'hui commence à faire rêver les plus insoucients — et l'on se dit que malgré l'Exposition [6], Français et Prussiens pourraient bien en venir aux mains pendant le cours de l'été. Il ne faut pas s'y tromper: si cela devait arriver — la Russie se mettrait franchement du côté de la Prusse comme en 1813 [7] — l'opinion publique est très anti-française dans notre pays — et voyez la bizarrerie: dans ce conflit — ce serait le Prussien qui représenterait le progrès, la civilisation et l'avenir — et le Français — le fils du Français de 1830 [8] — la routine et le passé [9]!

Je sais bien que c'est insupportablement long et ennuyeux — copier de la musique, mais faites-le, et pour Gérard et pour l'éditeur de Berlin [10]. Je suis sûr que cela aura un grand succès et vous encouragera à continuer.

Merci pour les détails sur vos élèves et pour la chronique de Bade... Diable, diable! Il se passe chez vous bien de choses extraordinaires. Je ne m'étonne pas qu'on n'ait pas encore commencé le travail de la maison chez moi [11]. Année climatérique!

Serait-il possible que je ne retrouve pas Mme Anstett à mon retour? Elle était plus sédentaire que cela de mon temps.

Si Dieu me prête vie, dans une semaine à pareille heure — j'aurai déjà franchi la frontière [12]... Mais on ne peut rien savoir de positif. Je vous écrirai demain après la lecture [13] — et la lettre partira jeudi. En attendant — mille et mille amitiés à tout le monde; je vous embrasse les mains avec tendresse. Demain soir j'applaudirai pour me mettre au diapason [14]. Auf Wiedersehen!!

Der Ihrige
J. T.

1969. Н. А. КИШИНСКОМУ

28 марта (9 апреля) 1867. Москва

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Вторник, 28-го марта 67.

Господи, как почта скверно ходит теперь, любезный Никита Алексеевич! Я только сегодня получил Ваши два письма от 20 и 21-го марта и — странное дело! — письмо от 20-го пришло позднее [1]. Ни в том, ни в другом нет еще ответа на мои большие письма к Вам и к дяде [2]. Я вижу, что Вы меня еще ожидаете весной и что Вы ничего еще не знаете о моем отъезде за границу и о невозможности, в которой я нахожусь, отправиться в Спасское. Я лучше, если в том будет крайняя нужда, готов снова приехать летом, когда будет железная дорога хоть до Тулы и моя нога, от которой я сильно страдал именно в эти последние дни, поправится.— Меня несколько удивило то, что Вы еще не вполне вступили в управление: я, кажется, формально об этом писал дяде Николаю Николаевичу. Вы напрасно, со всей деликатностью, не дали заметить ему, когда он у Вас в число 800 р. пенсии просил 100 рублей, что по счетам деньги должны находиться в кассе; если же он отвечал бы Вам, что их нет, то, конечно, Вам следовало умолкнуть и не настаивать. Я надеюсь также, что Вы взнесли за Спасское; это слишком большой срам и стыд — из-за такой ничтожной суммы допустить опеку [3]! Перед отъездом за границу я вышлю Вам, как обещал, просьбу об уничтожении доверенности в Мценский уездный суд, но Вы ее представьте только в случае упорства или замедления со стороны дяди; я об этом, а также о непременном моем желании полной и совершенной передачи Вам всех дел буду писать ему завтра.

Я выезжаю отсюда в *пятницу*, а из Петербурга во *вторник*; Вам теперь уже не придется мне писать иначе как —

В Великое герцогство Баденское, в Баден-Баден.

И. С. Тургеневу.
Grossherzogthum Baden.
Herrn I. Turgeneff.
Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.

Списав аккуратно этот адресс, Вы можете быть уверены, что письмо непременно дойдет.

Я уже Вам писал, что мне теперь денег раньше двух, трех месяцев не нужно; Вы об этом пока не заботьтесь, а очень мне будет интересно знать, как Вы приметесь за хозяйничанье и как Вам удадутся Ваши первые шаги. Не забудьте аккуратно определить: а) число остающихся дворовых на моем иждивении; б) число лиц, временно находящихся на служенье у дяди; в) также число лошадей — моих и дядиных; г) какие лица Вы оставите для помощи Вам в управлении и с какими разделаетесь. Надобно, чтобы дядя находился в Спасском как бы гостем, почетным родственником, *не более.*

Желаю Вам терпения, здоровья и удачи и кланяюсь Вам.

Ваш искренний доброжелатель
Ив. Тургенев.

P. S. Я также пишу дяде[4], чтобы он показал Вам вексель, который я ему дал и который обязуюсь выплатить. Вам это нужно знать для соображения; уведомьте меня о сумме.

1970. Н. А. ЛЮБИМОВУ

29 марта (10 апреля) 1867. Москва

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

На стр⟨аниц⟩е 48-й я выкинул щекотливые фразы — а на 46-ой вместо «высокой особе» — поставил «иностранному дипломату» — так что теперь уже, кажется, всё в порядке[1]. Мне бы весьма не хотелось возбудить малейшее

недоразумение и поставить Михаила Никифоровича в неприятное положение[2].

С совершенным уважением
остаюсь
преданный Вам
Ив. Тургенев.

Середа.

1971. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29, 30 марта (10, 11 апреля) 1867. Москва

Moscou.
Au comptoir des Apanages.
Mercredi, $\frac{\text{10 avril}}{\text{29 mars}}$ 1867.

Chère madame Viardot,— un ouragan de neige souffle, geint, gémit, hurle depuis ce matin à travers les rues désolées de Moscou — les branches des arbres sous mes fenêtres s'entrechoquent et se tordent comme des désespérées, des cloches tintent tristement au travers: nous sommes en plein grand Carême... Quel joli petit temps! quel charmant pays! Je pars dans une heure pour ma lecture, j'aurai un public furieux d'être venu de si loin (tout est loin à Moscou), par une tempête pareille — pour entendre des balivernes... Gare au fiasco! — Enfin, espérons toujours qu'on ne sifflera pas; et si on siffle,— eh bien, on sera à l'unisson du dehors. Je ne crois pas que j'en dormirai moins bien, ou plus mal. Est-ce vraiment vrai que je m'en vais après-demain? Cela me paraît impossible.

Mercredi soir.

Eh bien! je dois le dire — avec une *rude franchise*: j'ai eu un très grand succès. J'ai lu le chapitre « Chez Goubareff » — vous savez[1]: où il y a tout ce tas de gens qui font des commérages révolutionnaires,— puis le premier entretien de mon héros avec Potouguine, le philosophe russe[2]. On a beaucoup ri, on a applaudi, j'ai été reçu et reconduit par des battements de mains, vigoureux et unanimes. Il y avais 3 à 4 cents personnes. Ce qui m'a le plus surpris — c'est qu'il paraît que j'ai très bien lu; je recevais des compliments de tous côtés. Tout cela m'a fait plaisir — et j'ai eu surtout du plaisir à penser que je vous le dirai. Et vous, chère madame Viardot, qu'avez-vous fait aujourd'hui à Strasbourg? Vous a-t-on fait une ovation en règle[3]? Vous me direz tout cela de vive voix.— Oh!

que c'est bon de pouvoir se dire cela!.. Si rien ne vient mettre des bâtons dans les roues, je pars d'ici après-demain, vendredi [4]; et je vous jure que je ne resterai pas à Pétersbourg une seconde de plus que de strict nécessaire.

L'affaire Katkoff s'est arrangée; j'ai sacrifié une scène — peu importante d'ailleurs [5] — et j'ai sauvé le reste. Le principal demeure intact, mais voilà le véritable revers de la médaille en littérature. Enfin, il faut se consoler à l'idée que cela pouvait être pire, — et que les 2 000 roubles me restent. J'ai aussi vendu ma nouvelle édition [6] — j'ai fait des affaires tout plein, et je rapporte pas mal d'argent. Ça m'a été d'autant plus nécessaire que je ne dois pas espérer en recevoir de sitôt de Spasskoïé: mon nouvel intendant y a trouvé — littéralement — le chaos; — il y a des dettes auxquelles je ne m'attendais pas [7]. Il faudra continuer à battre le fer pendant qu'il est chaud, c⟨'est⟩-à-d⟨ire⟩ il faudra travailler, écrire — pendant que je me sens en train: j'ai promis pour la nouvelle édition une immense préface d'une centaine de pages, dans laquelle je raconterai mes souvenirs littéraires et sociaux pendant 25 ans [8], — car il y aura au printemps de l'année suivante juste un quart de siècle que je fais imprimer; il est vrai que les vers par lesquels j'ai débuté en 1843 étaient bien médiocres [9]. Enfin, c'est un prétexte pour raconter ses souvenirs. — La même année 1843 m'offre une date bien plus mémorable et plus chère pour moi: c'est en novembre 1843 que j'eus le bonheur de faire votre connaissance — il y a bientôt un quart de siècle aussi — vous voyez [10]. Espérons que notre amitié fêtera sa cinquantaine... Oh! oh! et que dira ma goutte?

Jeudi matin.

La bourrasque a cessé — mais elle a laissé partout des monceaux de neige. Cette neige fond, parce qu'il y a 3 ou 4 degrés au-dessus de zéro, — mais, pour le moment, on se croirait au cœur même de l'hiver. Mon pied va décidément mieux, mais comme il ne faut pas que l'année climatérique perde ses droits [11], ma toux est revenue avec violence. Mais elle ne m'empêchera pas de partir demain. Je vous écrirai dès mon arrivée à Pétersbourg. Dans une semaine, je suis — *peut-être*! à Bade. En attendant, j'embrasse tout le monde et je me mets à vos pieds.

Der Ihrige
J. T.

1972. М. В. АВДЕЕВУ

30 марта (11 апреля) 1867. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в д. Удельной конторы.
Четверг, 30-го мар. 67.

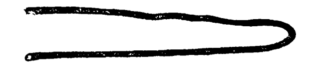
Я давно получил Ваше письмо, любезнейший Авдеев, да до сих пор не улучил времени отвечать Вам[1]. Вот уже пять недель как я в России — но столько хлопот было у меня, столько литературных, издательских и прочих дел — что сказать нельзя. А к тому же болезнь меня припекала: нога раза два сильнейшим образом разбаливалась, а в Москве я схватил грипп, который помешал мне съездить в деревню, где мое присутствие было тоже необходимо. Я печатал повесть, продавал новое издание своих сочинений, читал публично в пользу галичан[2], читал приватно, писал доверенности, контракты (я нанял нового управляющего) — словом, деятельность моя меня самого изумляет. Теперь всё это угомонилось — и я еду завтра в Петербург,— а оттуда — самым живым манером к себе в Баден, в милый Баден, о котором я охаю и вздыхаю — явно и тайно — каждый день.

Что мне Вам сказать о том калейдоскопе, который в течение этих пяти недель вертится у меня перед глазами? Надо было быть великим философом, чтобы резюмировать это в нескольких словах. Явно одно: от литературно-эстетического берега наше общество отстало — а к политическому еще не пристало... тут и плыви по середине. Больше всего занимают теперь вопросы юридические и финансовые: даже воробьи на крышах чирикают о железных дорогах, и дельцы—умелые—большие деньги препровождают себе в карман. Основать теперь журнал — дело мудреное: да и к тому же мы, русские — вообще — не одарены необходимым к такому делу темпераментом: не знаю, как Вы. Жемчужникову так, кажется, нравится в Бадене — что он оттуда не выедет[3]. Да и правду говоря — кому охота? Там теперь весна в полном расцвете, трава уже в пол-аршина — а здесь еще вчера снежная метель, пурга, ветер воет и ноет — глухая зима!

Повесть моя уже набрана, и я продержал корректуру — она появится в мартовской книжке — но, вероятно, не раньше конца апреля: как-то она Вам покажется? Бранить будут — без этого нельзя; а только я добросовест-

но над ней потрудился. Редакторская цензура кое-что урезала [5].

Я всё не теряю надежды увидеть Вас в Бадене. Право, приезжайте — дело хорошее. Надеюсь, что Вы продолжали — а может быть, даже уже окончили свой роман [6]. С «Русским вестником» все-таки лучше всего иметь дело; он хорошо платит по крайней мере,— а петербургские теперешние журналы всё больше на фуфу; проездом через Петербург я видел некоторых тамошних литераторов, был у Полонского, который опять женился и мил по-прежнему; Писарев, великий Писарев, бывший критик «Русского слова», зашел ко мне — и оказался человеком весьма не глупым и который еще может выработаться: а главное — il a l'air d'un enfant de bonne maison, как говорится, ручки имеет прекрасные, и ногти — следующей длины:

— что для нигилиста несколько странно [7]. Журнал, в котором он участвует,— «Дело» — находится под цензурой... Можете себе представить, как это успокоительно.

Ну а теперь, прощайте; жму Вам дружески руку и желаю всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1973. Н. А. КИШИНСКОМУ

31 марта (12 апреля) 1867. Москва

Москва.
В д. Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Пятница, 31-го марта 67.

Любезный Никита Алексеевич, я сегодня уезжаю в С.-Петербург, но хочу Вам сперва отвечать на Ваши два письма, вчера мною полученные [1]. Что касается до Кадного, то Селезнев, который, собственно, хотел это имение у меня купить, не давал больше 30 р. за десятину; я запросил 35 — и он стушевался; я этому рад, потому что я еще могу пока потерпеть с деньгами, хотя я полагаю, что цена, назначенная Вами, 75 р. слишком высока. Впрочем Вы можете исподоволь собирать сведения и иметь в виду, что если бы нашелся хороший покупщик на это имение, то это бы входило в мои планы.

Мне очень приятно видеть, что Вы входите наконец в управление и дали знать об этом по имениям, что же касается до бумаг и дел, то я настоятельно, несколько раз писал дяде о том, чтобы он сдал их Вам вполне; на основании этих писем моих и теперешнего письма Вы можете напомнить дяде о моем желании. Никакого нет сомнения в том, что теперь, когда он видит, что положительно приходится расставаться с Спасским, он захочет взять с собою елико возможно, а потому на лошадей и скот, кажется, придется рукой махнуть; что же до мебели, то она вся, без исключения, принадлежит спасскому дому. О деньгах, которые он велит на себя записывать, Вы только доложите ему, что Ваша обязанность довести это до моего сведения, так как следует же показать, на что они были израсходованы, и что уже от меня будет зависеть, как я взгляну на этот факт.

Что касается до Ваших распоряжений насчет елатомской безурядицы[2], а также и насчет земель, подаренных дядею бурмистрам, я только могу повторить, что предоставляю это совершенно на Ваше благоусмотрение. Мне издали судить нельзя, и, если, напр., тапковский бурмистр такой дельный человек, каким Вы его описываете, то можно, пожалуй, и утвердить за ним землю дарственной записью; но, повторяю, это совершенно будет от Вас зависеть.

Я полагаю, что дядя раньше мая месяца из Спасского не выберется; пожалуй, дело протянется до июня. Против этого делать нечего; нужно и Вам и мне запастись терпением и выжидать.

Посылаю Вам прошение, написанное от моего имени, об уничтожении доверенности[3]. Вы увидите, что я велю подать ее Вам; я не хотел послать прямо в Мценский уездный суд, тем более, что он, говорят, на днях закрывается. Вы *только тогда* представьте эту бумагу, когда убедитесь, что дядя с своей стороны не хочет подавать просьбу о том же. Вы можете назначить себе срок, после которого Вы можете сказать ему, что мое прошение у Вас в руках.

Я Вам напишу еще из Петербурга — и дяде тоже. Кстати же у меня есть еще одно дело — об уплате долгу одной г-же Сливицкой, о котором придется с Вами переговорить: и тут, кажется, было упущение со стороны дяди.

Будьте здоровы. Жму Вам руку.
Искренний Ваш доброжелатель
Ив. Тургенев.

1974. А. А. ФЕТУ

31 марта (12 апреля) 1867. Москва

Москва.
В д. Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Пятница, 31-го марта 67.

Так, любезный Афанасий Афанасьевич — и не пришлось нам увидеть друг друга! Вот говорите после этого, что судьбы нету! Не схвати меня простуда в Серпухове — от которой я до сих пор не отделался,— непременно прибыл бы в Спасское — если б не сломал себе шеи на дороге! А уж как хотелось мне видеть Вас — поспорить с Вами, с хрипом, криком, визгом и удушием — как следует — и с постоянным чувством дружбы и симпатии к спорящему субъекту! Что делать! Авось в будущем году свидимся — либо в деревне,— только летом — зимой я больше в Россию не ездок,— либо в Бадене, если счастливая звезда Вас умчит туда[1]! — С тех пор, как я в России — я развиваю (это галлицизм, вроде галлицизмов *моего* перевода сказок Перро́, который я увидел *впервые* только в печати — и узнал, что есть лошади серые с *яблоками* — тсс... тсс! это тайна!!)[2], я развиваю ужасающую деятельность: печатаюсь (посмотрим, что Вы скажете о моей повести в мартовской книжке «Р⟨усского⟩ в⟨естника⟩» — чай, обругаете)[3], продаю новое издание[4], читаю публично и приватно[5], болею (нога у меня совсем отказывается), ввожу нового управляющего...[6]. Кстати, чтобы раз навсегда покончить с этим предметом,— так чтобы уже толков об этом между нами больше не было и Вам не приходилось величать меня, как в письме Боткину — осатанелым[7],— вот Вам решительные цифры, заставившие меня принять означенное решение — in Lapidarschrift:

В 11½ лет я получил	122 000 р. сер.!
Из них капитальной суммы	62 000 р. сер.!!
Доходной суммы	60 000 р. сер.!!!
Что составляет в год	5 500 р. сер.!!!!

Я нахожу, что с имения в 5500 десят⟨ин⟩, из коих 3500 совершенно свободны, этот доход слишком мал!!!! Так как притом имение в упадке, скота нигде нету и брат получает до 20 000!!!!!

Дяде 75 лет!!!!!!

Я решился взять другого управляющего!!!! Положим, я ужасный преступник — но всё же не следует меня мгно-

венно предавать анафеме, тем более, что я будущность дяди обеспечил и никакого отчета с него не требую [8].

Sapienti sat!

Ну, а засим, что́ сказать Вам? Видел я в Петербурге Полонского; он всё такой же милый, кланяется Вам,— женат на хорошенькой и молчаливой фигурке с темными глазами [9]. О прочих литературных дрязгах не упоминаю— Вы их не любите.— Но что́ за погода! Спасители! А в Бадене, пишут мне — всё в полном расцвете.

Я сегодня уезжаю в Петербург (где остановлюсь у Боткина) — а в понедельник в Баден... Когда Вас ждать? — Поклонитесь от меня Вашей милой жене, крепко жму Вам руку.

Ваш. Ив. Т.

1975. ПОЛИНЕ ВИАРДО

1(13) апреля 1867. Петербург

Saint-Pétersbourg,
Karavannaïa. N° 14.
Samedi, 1/13 avril 67.

Eh bien, chère Madame Viardot, me voilà ici, chez le vieux papa Botkine [1] — je suis arrivé ce matin par un ouragan de neige — comme à Moscou — jamais on n'a vu rien de pareil — c'est le royaume de l'hiver. Ma première question en arrivant a été: « A quand ma lecture ? » [2]. Car il faut que vous sachiez que je dois lire ici des fragments de mon roman pour notre fond littéraire — il m'a été impossible de m'y refuser. J'ai appris que l'exécution ce faisait *lundi* soir — après-demain — cela fait que je pourrai partir dès mardi. C'est un jour plus tard que je ne l'avais espéré... Enfin, patience! Si rien ne m'arrive de fâcheux — les bords de l'Oos me reverrons *vendredi* le 19 avril [3]. J'enverrai un télégramme de Berlin [4].

Savez-vous que d'après les apparences — le premier habitant de ma maison pourrait bien être un général français? On est persuadé ici de l'imminence de la guerre [5] — et cette persuation se traduit entr'autres par une baisse terrible sur nos fonds. J'ai eu beaucoup de peine aujourd'hui à changer 1 500 roubles — à 3 f⟨rancs⟩ 25 cent⟨imes⟩ le rouble — et on en donnait 3 f⟨rancs⟩ 36 et 38 c⟨entimes⟩ — il y a une semaine. On prétend — il est vrai — que tous ces bruits de guerre ne sont après tout qu'une manœuvre de Bourse et que dans une quinzaine de jours le cours s'améliora... « Ma chi lo sa? » J'ai confié le reste de mon ar-

gent — 2 000 r⟨oubles⟩ à Botkine pour qu'il me l'expédie dans un moment plus opportun. Si la guerre éclate, elle sera terrible — et personne ne peut savoir où et comment cela finira. Espérons que nous n'entendrons le canon à Bade que de loin. La Russie se mettra avec la Prusse — il n'y a aucun doute à cela — ou plutôt elle tiendra l'Autriche en respect [6]. Voilà le coup de grâce de l'Exposition [7].

J'ai passé ma dernière journée à Moscou bien tranquillement chez moi — et ce n'est que le soir que j'ai reçu de Katkoff les dernières épreuves, définitivement arrêtées — je veux dire — comme rédaction [8]. Ces tiraillements m'ont donné sur les nerfs. Les quelques passages supprimés seront rétablis dans l'édition séparée [9]. Un Mr Tchaïeff, qui avec le comte Sollogoub a participé à la lecture publique de Moscou, est venu me voir et m'a lu des fragments d'une chronique dramatisée qui a pour héros notre grand brigand populaire, Stenko Razine [10]. Mr Tchaïeff manque d'imagination poétique — mais il est profondément versé dans l'histoire de la Russie et il manie parfaitement la langue. Et puis c'est un charmant homme, fort sympathique. Je suis pourtant bien content d'être hors de Moscou ; je ne sais pas si c'est parce que je me suis rapproché de l'Europe, mais je n'ai plus cette sensation d'anxiété, comme si les murs d'une prison m'entouraient [11]. Et pourtant on a été si bon pour moi à Moscou [12]! Et Massloff — quel *excellent* et brave garçon... garçon de cinquante ans et ayant le titre d'*Excellence*! Le mot de ce « Räthsel » [13] est, je crois — que Moscou est plus loin de Bade que Pétersbourg.

Je vous écrirai après-demain lundi — ce sera ma dernière lettre [14]. Tous les billets pour la lecture sont déjà pris : il y aura foule. Je vous en donnerai des nouvelles de vive voix. J'écris à Viardot [15]. Mille amitiés à tout le monde et le shakehands le plus cordial à vous.

Der Ihrige
J. T.

1976. И. И. МАСЛОВУ

2(14) апреля 1867. Петербург

С.-Петербург.
Караванная, № 14.
Воскресение, 2-го апр. 67.

Милый Иван Ильич, очень сожалел я, при отъезде из твоего дома, что не удалось пожать тебе руку и поблагодарить за твое доброе и ласковое гостеприимство. Не могу

уехать из России, не сказав тебе еще раз искреннего «спасибо».

Я выезжаю отсюда послезавтра, во вторник; чтение мое будет происходить завтра вечером — и подвизаться я буду один, что довольно страшно: билеты уже все разобраны[1].

Я видел Анненкова — он не едет за границу; жена его поправляется — но ужасно худа.

Боткин всё такой же — и вчера угостил нас обедом по 2 рубля, как он сам заметил неоднократно.

Какие письма придут на мое имя — посылай их, пожалуйста, в Баден.

Еще раз жму тебе руку, благодарю — и остаюсь

искренно тебя любящий

Ив. Тургенев.

1977. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

2(14) апреля 1867. Петербург

St-Petersburg.
d. 14/2 April 1867.
Sonntag.

Liebster Freund, ich bin gestern aus Moskau hierher angekommen und finde Ihren herzlichen Brief. Nur dies zur Antwort — dass ich von Geschäften, Besuchern etc. förmlich erdrückt bin: ich reise übermorgen ab — und wenn nicht Besonderes geschieht — bin ich *Donnerstag* früh in Berlin. Haben Sie die Güte — gehen Sie gleich nach Empfang dieses Briefs nach Hôtel de Petersburg und bestellen Sie ein Zimmer für mich. Donnerstag müssen Sie natürlich mit mir frühstücken. Da werden wir uns ausplaudern. Ich habe Ihnen Manches zu erzählen. Mit meinem Bein geht es immer noch nicht recht — und an's Jagen ist vorläufig gar nicht zu denken.

Also — auf baldiges Wiedersehen! Viele Grüsse der Familie und den Freunden.

Ihr

I. Turgeneff.

1978. Н. А. КИШИНСКОМУ

3(15) апреля 1867. Петербург

Понедельник, 3-го апр. 1867.
С.-П-бург.
Караванная, № 14.

Я благополучно прибыл сюда третьего дня, любезный Никита Алексеевич, и завтра отправляюсь в Баден, куда прошу Вас писать по известному Вам адрессу. Я сейчас получил здесь Ваше письмо и отвечаю по пунктам:

1) Я еще раз написал и подтвердил дяде об окончательной и бесповоротной передаче Вам всех дел, а также и о непременном моем желании, чтобы доверенность, данная мною, была самим им уничтожена. Форменная просьба моя об уничтожении послана на Ваше имя из Москвы, и Вы, погодя *нужное время*, можете подать ее.

2) Прошу Вас не смущаться насчет продажи тапковского леса. Я, действительно, напрасно упомянул об этом дяде, но я полагал, что при предстоящих больших расходах Вы не успеете извернуться, и потому для скорости придумал этот способ. Но я уже написал дяде[1], что Вы это сделаете от себя, если сочтете это нужным, списавшись со мною. Он мне пишет, что сдает Вам по описи столько хлеба и *наличных денег*, что можно обойтись без продажи. Я его попросил как можно скорее окончить эту опись, для того чтобы дела бесповоротно и окончательно (я употребил именно эти выражения) поступили бы в Ваше ведение. А если Вы все-таки считаете продажу тапковского леса нужным, пришлите мне в Баден форму доверенности, и я немедленно Вам ее возвращу с моею подписью.

3) Я очень доволен, что Вы задержали продажу елатомской земли; эта продажа, кажется, была сделана наобум. Что касается до Кадного, то я, разумеется, ничего не продал, и если Вы действительно можете получить за них ту цену, о которой говорите, то это было бы отлично. Селезнев не дал мне и 35 рублей.

4) В присланных Вами бумагах не оказалось именно той, которую я желал. Это письмо, написанное старинным почерком на большом листе серо-синей бумаги; письмо это было написано к моей матери в 19 или 20 году одним отставным бригадиром, который рассказывал свою связь с лутовиновским семейством и просил приюта[2]. Поройтесь хорошенько во всех моих бумагах — ключи Вы можете подобрать, и я даю Вам разрешение всё отворять — и если найдете нечто подобное, пришлите немедленно в Баден.

5) Прилагаю письмо ко мне г-жи Сливицкой[3]. Вы увидите, что она претендует с меня еще 400 рублей, основываясь на том, что дядя не вовремя выслал ей деньги. Покажите это письмо дяде и с деликатностью узнайте, что это значит. Прошу Вас также с не меньшей деликатностью написать той госпоже, если Вы найдете ее требование справедливым, что я уполномочил Вас к выдаче ей 200 рублей, но в позднейшее время, не теперь.

6) Я бы желал получать от Вас деньги правильно, *каждые 3 месяца*. Но сначала это будет, я думаю, Вам трудно, и я предоставляю это Вашему благоусмотрению. Надобно, чтобы машина сперва пошла надлежащим правильным ходом.

Кончая это письмо, прошу Вас знать одно: я никогда не доверяю вполовину, а Вам я доверяю, а потому не смущайтесь ничем и делайте спокойно свое дело.

Жму Вам руку и остаюсь искренний Ваш доброжелатель

Ив. Тургенев.

1979. К. К. СЛУЧЕВСКОМУ

3(15) апреля 1867. Петербург

Любезнейший Случевский,

Я третьего дня [a] сюда приехал, сегодня вечером читаю отрывки из своей повести[1] — а завтра — если бог даст — уезжаю в Баден. Мне было бы приятно Вас видеть — только я боюсь, Вы не застанете меня — я буду в разъездах[2]. Во всяком случае примите мой дружеский поклон и привет.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Понедельник, 3 апр. утр.

1980. В. П. БОТКИНУ

6(18) апреля 1867. Берлин

Берлин.
Hôtel de S.-Pétersburg.
Четверг, 18/6-го апр. 1867.

Любезнейший Василий Петрович, я приехал сюда благополучно сегодня утром — только около Кенигсберга

[a] *Далее зачеркнуто:* вечером

на нас налетел снежный ураган — а впрочем никакой беды не причинил. Теперь я сижу в теплой и опрятной комнате и отдыхаю — а вечером в 7 ч. 45 м. помчусь далее в Баден. Я уже успел видеть одного из здешних приятелей, которому в качестве Berichtserstatter'а[1] приходится следить за общественным мнением, оно очень настроено против французов и Наполеона и столь же мало боится войны, сколь сильно не желало ее в прошлом году[2]: однако все полагают, что до осени — а пожалуй и до зимы — военные действия не начнутся.— Курс чуть-чуть повысился, и *мы*, пожалуй, чего доброго, выиграем в наших спекуляциях.

Я из Бадена напишу окружное послание Анненкову — а тебя я хочу сегодня еще раз благодарить за твое радушное гостеприимство.

Речь короля, произнесенная при закрытии Северного Парламента, истолковывается в миролюбивом смысле[3].

Крепко жму тебе руку и кланяюсь всем друзьям.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1981. В. П. БОТКИНУ

8(20) апреля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Суббота, 20/8-го апр. 67.

Милейший Василий Петрович, я прибыл сюда вчера благополучно, нашел всех здоровыми и всё в порядке, всё зелено, сирень цветет — одним словом хорошо.— Скверно только то, что, кажется, войны не миновать, я ехал досюда из Берлина с гр. Флеммингом, здешним прусским посланником,— его принципал, гр. Бисмарк, не сомневается в близости войны[1]. Здесь произошла радикальная перемена в общественном настроении: еще в прошлом году все были за Австрию, а теперь даже в Палатинате[2], где так были сильны симпатии к Франции,— все за Пруссию, за единство Германии; и странное дело! все почти желают поскорее войны — потому что считают ее неизбежной.— Фонды падают — не знаю, как тебе удалось променять мои 1000 руб.,— со всем тем сюда наезжает довольно много иностранцев.

Я уже начал собирать справки о квартере для Милютина — и через несколько дней вышлю подробный списочек удобных квартир с обозначением цен и пр.

Виардо тебе кланяются — а я дружески жму тебе руку и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

P. S. Я дня через два напишу Анненкову.

1982. Н. А. КИШИНСКОМУ

9(21) апреля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Воскресение, 9/21-го апр. 67.

Любезный Никита Алексеевич, я прибыл третьего дня сюда благополучно, о чем Вас извещаю. Я останусь теперь здесь безвыездно до осени — и с нетерпеньем ожидаю от Вас известий. Я писал Вам из Москвы и из Петербурга — и отвечал подробно на все Ваши вопросы. Я желал бы знать, как идут дела в Спасском и подвигается ли развязка? Напишите мне, получили ли Вы просьбу об уничтожении доверенности, письмо г-жи Сливицкой? Действительно ли передал Вам дядя, как он мне пишет, — при описи существующих капиталов — и деньги? Кстати, сообщите дяде о моем приезде сюда и скажите ему, что я на днях напишу ему.

Итак, до следующего письма. По-прежнему желаю Вам всего хорошего, начиная с терпения, и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

P. S. Нашли ли Вы *письмо бригадира*, о котором я просил Вас [1]?

1983. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

9(21) апреля 1867. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
Sonntag, d. 21. Apr. 67.

Nun bin ich wieder hier, mein lieber Freund, und schaue vergnügt über den Rand meines Nestes in die Welt hinaus. Kommen auch die Franzosen, verscheuchen werden sie mich nicht [1]. Im Thiergarten geht alles gut, und lässt Sie grüssen. Frau Viardot sieht ganz gut aus — sogar Luisen's eisernes Gesicht hat einen weichen Zug bekommen. Es sieht auch hier viel grüner und goldiger aus — als bei Euch

in dem märkischen Sand. Ich bin noch lahm, fange aber an durch die Gassen zu humpeln. Hiermit schicke ich 2 Photographien dem liebenswürdigen Dr. J. Schmidt — er mag wählen, welche ihm besser gefällt. Man ist hier auf den Krieg gefasst und sehr *preussisch* gesinnt. Und man war doch so österreichisch im vorigen Jahr[2]!

Ich drücke Ihnen herzlich die Hand und bitte alle Freunde bestens zu grüssen.

Ihr

I. Turgeneff.

1984. П. В. АННЕНКОВУ

10(22) апреля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден, Schillerstrasse, 277.

Понедельник, 10(22) апреля 1867.

Милый Павел Васильевич! Из моего письмеца к Боткину Вы уже, вероятно, узнали о моем благополучном прибытии сюда[1], в мою *родину* или, по крайней мере, в мое *гнездо*. Всё найдено мною в порядке: перед окнами у меня так же зелено и золотисто, как в Москве было бело и тускло; солнце светит, сирень цветет, черные дрозды поют, а французы грозятся через Рейн[2],— и пожалуй, первым обитателем моего дома будет французский генерал; но этому горю помочь мы не можем — и, если налетит буря, только поприжмемся по уголкам. Здесь все теперь горят патриотизмом[3],— что будет далее? Жду от Вас весточки с нетерпением. Что-то Вы поделываете? Поправляется ли Глафира Александровна? Возникли ли какие-нибудь толки по поводу чтения[4], и в чем они состояли? Всё это, разумеется, очень меня интересует. Я, кажется, скоро примусь опять за работу[5]; литературная жилка зашевелилась и пока не унимается еще. Ноге моей легче, и я даже начал ковылять по улицам.

Семейство Виардо Вам кланяется и очень жалеет о том, что Вы не можете приехать. Вы помните, какая метель была в самый день моего выезда из Петербурга? Всё было подавлено сугробами снега; за Псковом он стал исчезать, но до самой границы еще былинки зелени не было; около Кенигсберга что-то показалось,— всё сильнее и сильнее до самого Франкфурта; а к югу от Франкфурта уже пошла полная сияющая весна. А у вас, чай, еще и теперь снег. Дружески обнимаю Вас и кланяюсь всем приятелям. Душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

1985. Н. Н. РАШЕТ

10(22) апреля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Понедельник, 22/10 апр. 67.

Милая Наталья Николаевна — я третьего дня сюда вернулся[1] — застал всё и всех в порядке,— и Вы можете себе представить, как я глубоко и радостно вздохнул, увидев наконец свое гнездо, зелень и солнце вместо снегу и тумана и т. д. Теперь я здесь уселся надолго — и если бы даже французы пришли — что весьма правдоподобно,— я с места не сдвинусь[2]. Слава богу, моей ноге легче — я начинаю кое-как ковылять — и вообще я перенес это путешествие лучше, чем я ожидал, хотя болел почти всё время. Многое придется Вам рассказать — если Вы заедете к нам в Баден,— а на бумаге невозможно,— да и много пришлось бы писать. Одно только не могу не сообщить Вам теперь же. Проездом через Петербург я не видел Случевского, но на возвратном пути я дал ему знать о себе — и он тотчас явился[3], одетый щеголем, в ослепительном белом жилете и с сияющим от самодовольствия лицом. Тон мне его, признаться откровенно, не понравился вовсе: он теперь говорит как пишет. Он объявил мне, что получил место при Похвисневе — нечто вроде надзора за цензорами[4] — и что послал Вам письмо, в котором формально просит Вашей руки.— На эту вторую половину его фразы я не ответил ничего: что-то Вы ответите[5]?

Приезжайте-ка в самом деле в Баден: поболтаем.— Я почти всё время моего пребывания в России был болен[a]: и уж как мне бывало томно там!

Из Вашего письма, писанного 6/18-го марта, т. е. с лишком месяц тому назад[6],— я вижу, что Вы собирались на короткое время в Париж,— может быть, мое письмо Вас не застанет в Штуттгарде... Напишите слово.

Гартманну я напишу непременно. Повесть моя называется «Дым» — и как скоро я получу оттиски — отправлю Вам один.

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* теперь не

1986. П. В. АННЕНКОВУ

13(25) апреля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден, Schillerstrasse, 277.
Четверг, 25/13 апреля 67.

Любезнейший Павел Васильевич, я недавно писал Вам[1] и вот пишу снова,— наверное просьба — подумаете Вы — и не ошибетесь,— и не одна, а целых три:

Во-1-х). Высылка «С.-Петербургских ведомостей» ко мне прекратилась с 31 марта, т. е. две недели тому назад. Будьте так добры — осведомьтесь, что́ это — случайно или Корш остановил ее после трех первых месяцев? Если так, то я бы весьма желал продолжения высылки — и просил бы Вас подписаться, взявши деньги у Боткина, который, вероятно, еще не выслал ко мне моих 1000 рублей[2].

Во-2-х). Справьтесь, пожалуйста, у Краевского,— присланная ему в прошлом году — в первых числах октября — повесть «Русалка» принята в «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩» или отвергнута? Я интересуюсь знать это — потому что автор этой повести — очень милая молодая дама, которую я хорошо знаю и которая письменно просит меня осведомиться о судьбе ее детища[3]. Кстати — если окажется, что остановка в высылке «С. П. Б. вед⟨омостей⟩» произошла от недоразумения и можно будет обойтись без подписки, то употребите эти деньги на подписку на «Голос» — начиная с 1 апр⟨еля⟩ текущего года. При теперешнем состоянии Европы необходимо нужно знать всё, что происходит у нас,— до мелочей.

Здесь все ждут начала военных действий через две недели: квартеры легко можно найти; впрочем, я посылаю завтра Боткину[4] маленький списочек — бог ведает, решатся ли Милютины теперь выехать?

Третья моя просьба состоит в следующем: пришлите мне с каким-нибудь путешественником 11-й и 12-й томы «Истории» Соловьева[5], которых у меня нет.

Исполнением этих моих просьб Вы меня крайне обяжете — а также и сообщением мне известий о Достоевском, Глаф⟨ире⟩ Ал⟨ександровне⟩ и т. д.

Засим обнимаю Вас,
преданный Вам Ив. Тургенев.

1987. Н. А. КИШИНСКОМУ

15 (27) апреля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Суббота, $\frac{15}{27}$-го апр. 1867.

Любезнейший Никита Алексеевич, только сию минуту, следовательно через 12 дней, получил я Ваше письмо от 3-го апреля [1] с описанием сцены, сделанной Вам дядей, и Вы легко можете себе представить, как это меня поразило. Не менее неприятно было мне известие, что Вы не получили от меня писем из Москвы [2], между тем как я почти каждый день писал Вам, а *главное:* выслал Вам прошение от моего имени на уничтожение доверенности, данной дяде, с поручением подать его, как только Вы найдете это нужным. Я еще из Петербурга писал Вам и дяде и еще раз настаивал перед ним в необходимости неотлагаемой сдачи Вам всех дел и бумаг; но, видно, всё оказалось тщетным. Остается приступить к решительным мерам, потому что в противном случае всё придет в совершенный хаос и упадок.

Посылаю Вам письмо к дяде [3], которое Вы прочтите, прежде чем вручить его. Из него Вы увидите, что я требую его удаления из Спасского, а чтобы лишить его всякого предлога к проволочке, требую сдачи Вам всего немедленно, *безо всякой описи* с его стороны; Вы ее сделаете уже сами с Лобановым или с кем Вы найдете нужным. Извещаю его также об уничтожении доверенности, просьбу мою Вы подайте тотчас. Прилагаю Вам открытый лист [4], который хотя и не имеет законной силы — у Вас же есть и контракт и доверенность,— но может служить в глазах различных лиц осязательным доказательством моего полного к Вам доверия. Словом, я Вам даю полное право распорядиться, как Вы найдете лучшим, и налагаю на Вас ответственность за неисполнение моих желаний.

Главное: получите сейчас всё в Ваше ведение *без описи* и узнайте положительно о времени выезда дяди.

Прошу Вас отвечать мне немедленно и вообще писать мне как можно чаще и подробнее.

Искренний Ваш доброжелатель
Ив. Тургенев.

P. S. Сообщите мне, кто наш уездный предводитель: Владимир Александрович Шеншин [5]?

1988. В. П. БОТКИНУ

17 (29) апреля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Понедельник, 17/29-го апр. 67.

Милый Василий Петрович, ты можешь передать от моего имени Марье Агеевне, что квартир здесь я нашел несколько на три месяца от 15-го мая до 15-го августа за 1000—1200 гульденов (по 2 ф. 14 сантимов — гульден); одна в особенности хороша: но так как вот уже два дня начинают (и слава богу!) ходить почти достоверные слухи о мире — то предвидят здесь saison небывалую — и квартеры будут браться нарасхват: несколько значительных русских семейств дали знать о своем приезде — именно вчера. Я почел своим долгом об этом предуведомить, хотя нанять квартеру на собственную ответственность я бы не решился.— Пусть Н⟨иколай⟩ А⟨лексеевич⟩[1] приезжает и остановится в гостинице; а мы тогда сделаем обозрение и найдем, что будет ему нужно.

Напиши мне, когда они думают выехать,— и собственные твои намерения. Если ты до сих пор не выслал мои деньги — то, я полагаю — мы не потеряем, а напротив выиграем: курс должен быстро подняться. Впрочем, много зависит от того, что́ скажет сегодня Бисмарк в Палате, при открытии[2].— Я писал Анненкову, чтобы он взял у тебя из моих денег небольшую сумму на высылку мне сюда журналов: а то как нарочно в нынешнем году все издатели, словно сговорившись, приостановили высылку ко мне журналов; даже добродетельный Корш прогневался — и я сижу в темноте[3].

Ноге моей легче: всё же я калека и хожу с трудом. Если так продолжится — прощай охота!

Напиши мне два слова; крепко жму твою руку и кланяюсь всем приятелям.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Прилагаю карточку одной квартиры: в ней жил наш посланник Коцебу и был очень доволен. Неприятно в ней только то, что она во втором этаже.

1989. ПОЛИНЕ БРЮЭР

17 (29) апреля 1867. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Lundi. 29 avril 67.

Ma chère Paulinette,

Me voici de retour après bien des tracas et des désagréments : ça a été un vilain voyage. Enfin, j'ai fait à peu près tout ce que j'ai voulu faire — et je me repose maintenant. Malheureusement mon pied ne va pas aussi bien que je l'aurais voulu : je ne marche qu'avec peine et ne puis souffrir de chaussure un peu étroite. Espérons que le beau temps va me remettre. Et toi et Gaston — comment allez-vous ? Donnez-moi vite de vos nouvelles. J'ai souvent pensé à vous tous ces temps-ci : la guerre devait vous mettre dans de fameux embarras [1]. Depuis deux jours les bruits de paix paraissent reprendre le dessus. Mais on ne peut encore compter sur rien avec certitude. J'irai en France dans le courant du mois de mai ou de juin — je ne m'arrêterai guère à Paris : j'aurai hâte de vous embrasser [2].

Ici tout va bien — sauf ma maison. Mon architecte est un misérable qui m'a indignement trompé — et il faudrait pour bien faire, jeter tout par terre. Enfin, que veux-tu ! C'est une bêtise, que j'expie [3].

Je vous embrasse tous les deux bien amicalement. Écrivez-moi.

J. Tourguéneff.

1990. МАКСИМУ ДЮКАНУ

17 (29) апреля 1867. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Lundi, ce 29 avril 67.

Mon cher ami,

Il y a huit jours que je suis de retour ici — et il faut que je vous dise ce que j'ai fait pour les « Forces perdues ». Nous avons à Pétersbourg une entreprise de traductions de romans étrangers : il en paraît douze N-os par an comme des N-os de revues. Il y a de 5 à 6 000 abonnés : cela existe depuis une dizaine d'années : les traductions sont très bien faites [1].

Votre roman sera publié dans le cours de l'été, et j'ai promis une préface, où je dirai beaucoup de mal de vous tout en esquissant à grands traits l'état actuel du roman en France. Cette préface doit être prête le 1er juin, et j'en ai déjà écrit les premières pages[2]. Une fois la traduction publiée, on en parlera dans les critiques, et on en parlera bien. Vous voyez que l'affaire est solidement engagée.

Mon diable de pied va toujours assez mal, et je crois que je serai obligé de faire une cure à Wildbad[3]. On était tout à fait résigné à la guerre ici : depuis deux jours le vent souffle à la paix[4]. Je suis naturellement pour la paix : elle a cela de bon entr'autres qu'elle vous ramènera ici. Je ne sais pas trop quand j'irai en France : ce ne sera — dans tous les cas que pour voir ma fille. Si vous êtes encore à Paris, j'irai vous serrer la main. Quand venez-vous ?

Viardot vous fait dire mille amitiés et moi je vous serre cordialement la main.

J. Tourguéneff.

1991. Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

17(29) апреля 1867. Баден-Баден

Милостивый государь,
Егор Петрович!

Я сейчас получил письмо, которым Вы меня почтили от имени Комитета нашего общества[1] — и спешу принести и ему и Вам мою искреннюю благодарность.— Выражение вашего общего дружеского сочувствия к моим трудам меня глубоко тронуло. Я горжусь своим участием в основании нашего общества — и дорожу моей тогдашней деятельностью как одним из лучших моих литературных воспоминаний; мне особенно приятно заявить это чувство теперь, когда самые имена членов Комитета, в настоящем его составе, живо переносят меня в ту прекрасную эпоху, о которой Вы говорите[2].

Почитаю себя счастливым, что мог моим чтением принести посильную пользу Литературному фонду — и прошу Комитет, а равно и Вас, достойного его председателя, быть уверенным, что и впредь я с особенным удовольствием готов буду делать всё от меня зависящее для возвышения значения нашего общества и усиления его средств.

Прошу Вас еще раз передать Комитету выражение моей сердечной благодарности и принять уверение в нелицемер-

ной преданности и искреннем уважении, которые я столь давно питаю к Вашему лицу.

Ив. Тургенев.

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Понедельник, 17/29-го апреля 1867.
Его п-ву Егору Петровичу
Ковалевскому.

1992. МОРИЦУ ГАРТМАНУ

18(30) апреля 1867. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
Dienstag, d. 30 Apr. 1867.

Mein lieber Freund,

Ich hätte Ihnen längst schreiben sollen — aber erstens bin ich ein faules Thier — und zweitens — hatte ich während meiner fatalen Russischen Reise so vollauf zu thun, dass ich wirklich keine Minute frei — oder sorgenfrei — das kommt auf Eins heraus — hatte[1]. Nun bin ich wieder hier, und sitze gemüthlich, wenn auch lahm — mit meinem Fusse will's immer noch nicht gut gehen — auf meinem alten Nest. Mad⟨am⟩e Rachette hat mir eben einen Brief geschrieben — sie spricht natürlich von Ihnen — sie hat Sie und Ihre ganze Familie sehr lieb gewonnen — was auch ganz natürlich ist — und somit weiss ich, dass[a] es Ihnen gut geht. Sie sprechen in Ihrem Briefe von einem Besuch in Baden — « gleich nach meiner Zurückkunft » — nun ich bin da — und wie wird's mit dem Besuch? Jetzt, da die Kriegsgefahren hoffentlich vorüber sind[2], wäre es doppelt erwünscht, Sie hier zu sehen: auch die Familie Viardot würde sich sehr freuen. Logiren *müssen* Sie bei mir — obwohl mein unglückseliges Haus noch immer nicht fertig ist — aber ich habe Zimmer genug.

Es gereicht mir zur besonderen Ehre — meinen Roman (der par parenthèse — Rauch — « fumée » — heisst — ein schlechter Name — wir haben aber keinen bessern gefunden — Deutsch heisst es so viel wie: Nebel) — unter Ihre hohe Protection zu stellen. Nun erscheint er aber erst jetzt in Moskau — und die Französische Uebersetzung wird erst im Herbst erscheinen[3]. Sie bekommen sie gleich — aber

---

[a] *В подлиннике:* das

vielleicht mach ich eine Anstrengung — und schicke Ihnen einen sogenannten « monstre »[4] — eine wörtliche Uebertragung in's Deutsche — Sie werden dann den Bären stutzen. Allein mach' ich es nicht: find' ich aber einen Helfer, dem ich das Zeug in die Feder dictiren könnte — dann thue ich's. Die Novelle (die heisst: Geschichte des Marinelieutenants Jergunof) — erscheint in Russland erst im künftigen Januar — somit haben wir noch viel Zeit[5]. «J'ai l'idée» — wie die Franzosen sagen — dass sie Ihnen gefallen würde. Darüber sprechen wir noch.

Also — wie ist's? Auf Wiedersehen, nicht wahr? Ich drücke Ihnen herzlichst die Hand und grüsse Ihre liebe Frau.

Ihr
I. Turgeneff.

P. S. Danken Sie Walesrode für die Zusendung des interessanten Aufsatzes in der A. A. Wochenschrift[6].

1993. Н. А. КИШИНСКОМУ

18(30) апреля 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Вторник, 30/18-го апр. 1867.

Любезный Никита Алексеевич, сейчас получил Ваше письмо от 8-го апреля (оно шло 10 дней) — и отвечаю немедленно. Радуюсь, что хотя поздно, но дошли наконец до Вас мои московские письма[1]. Три дня тому назад я послал Вам ответ на Ваше письмо, в котором Вы мне рассказывали сцену с сельским старостою и т. д., в нем было вложено письмо к дяде[2]. Вы из обоих этих писем могли увидеть мое непреклонное намерение кончить подобные передряги. В теперешнем Вашем письме Вы мне ничего не говорите об этой сцене и ее последствиях, но дядя, вероятно, сам уже теперь окончательно убедился, что оставаться ему в Спасском нельзя, и я надеюсь, что, безо всякого настаивания с Вашей стороны, он воспользуется установившейся дорогой и хорошей погодой, чтобы перебраться в собственную деревню.

Все Ваши распоряжения одобряю и, как Вы усмотрите из прилагаемого Вашего списка, утверждаю выдачу содержания пенсионерам, а также и уплату 3 рублей по-

месячно старику Афанасию, которого вообще рекомендую Вам за прошедшие его ко мне услуги.

Я предоставил дяде право отобрать всех ему угодных лошадей, коров и т. д., но я не вижу необходимости кормить их всех овсом, сеном и т. д. Это содержание должно идти — пока он в Спасском — на лошадей, нужных собственно ему и его семейству для разъездов; но с какой стати стану я кормить случных жеребцов и 30 штук рогатого скота? Пусть он их либо продаст (в случае нужды мы бы могли несколько штук купить), либо отправит к себе в деревню. Вы можете прочесть ему эту часть моего письма.

Весьма одобряю Ваши экономические реформы: они необходимы. Прежде надо устранить всё лишнее, а там уже начать вводить полезное.

Здоровье мое, то есть нога, поправляется медленно; я отсюда долго не выеду. Кажется, с достоверностью можно сказать, что войны не будет.

Желаю Вам здоровья и терпенья и остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Письмо «бригадира»[3] Вы не нашли? Не находится ли оно в шкатулке, между рукописями моих сочинений?

1994. П. В. АННЕНКОВУ

20 апреля (2 мая) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден. Четверг,
20 апреля (2 мая) 1867.

Милый Анненков! Я Вам надоедаю, но такая уже Ваша судьба и моя. Если Вы еще не говорили с Краевским, то скажите ему, что я так и не получил двух декабрьских нумеров «Отечественных записок» за прошлый год, на которые был подписан. Вообще в последнее время все журналы, словно по команде, прекратили свое появление ко мне: даже «Русский вестник» за нынешний год изъявил презрение. Я об этом написал Каткову[1], который точно так же не выслал мне отдельных оттисков «Дыма»[2], хотя я в сегодняшнем нумере «Московских ведомостей» прочел объявление о выходе всей книжки. А Вас опять униженно прошу об «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях» с апреля месяца (деньги у старца Василия)[3]. У Маркс[4] получают из петербургских журналов один «Journal de

St-Pétersbourg». Пожалуйста, обратите внимание на сие мое моленье. Сообщите также несколько известий о Вашем житье-бытье: а то с тех пор, как я выехал из России, мне приходится часто вспоминать о нашем расколе, называемом «глухою нетовщиною»[5]. Здоровье мое немного поправляется, но я всё еще хромаю. В политических делах здесь совершенная царствует неопределенность; вчера приехавшая сюда прусская королева не верит в мир[6]. Дружески жму Вам руку и кланяюсь Вашей милой жене. Будьте здоровы.

Ваш Ив. Тургенев.

1995. П. В. АННЕНКОВУ

24 апреля (6 мая) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
6 мая (24 апреля) 1867.

Милый Павел Васильевич! Всякое письмо мое к Вам должно, по-настоящему, начинаться с благодарственного гимна; я получил Ваше письмо от 19 апреля[1] и кланяюсь Вам земно за исполнение всех поручений. Остается одно, а именно — взять у нашего новоявленного исповедника перед его отъездом нужные на то деньги и подписаться на «С.-Петербургские ведомости» и на «Голос»[2] с 1 апреля, с высылкой сюда. Прилагаемая записочка послужит Вам легитимацией.

Кишинский довел до моего сведения фантастический поступок дяди[3]; в ответ на эту выходку я послал ему[4] просьбу об удалении его из Спасского и предоставлении наконец мне моей собственности, а Кишинскому отправил приказ[5] действовать решительно: мне ничего не оставалось более делать, чтобы выкарабкаться наконец из этого хаоса.

Вы возьмите у Боткина достаточную сумму, чтобы уплатить за подписку, книги и прочие расходы. К великому удовольствию моему, я нашел, наконец, здесь — совершенно случайно — то письмо «бригадира», которое я отыскивал в Спасском и в Петербурге и которое составляло необходимую принадлежность моего рассказа и давало ему смысл[6]. Весь рассказ в оконченном виде будет мною немедленно переписан и через неделю отправлен к Вам. Даю Вам carte blanche продать его, кому вздумается[7],— Краевскому лучше всего бы. Надо бы получить за него рублей 400 по меньшей мере: полтора печатных лис-

та! Но и это я совершенно предоставляю Вашему благоусмотрению. Если сойдетесь с Краевским, то можно выговорить экземпляр «Отечественных записок» за нынешний год. Кстати, оказалось, что Жемчужников в мое отсутствие пришел ко мне и взял два декабрьские нумера «Отечественных записок» за прошлый год; следовательно, их высылать нечего.

Я не обещал Щебальскому рукопись «Дыма», а он пришел и сказал мне, что выпросил ее у Каткова: тут я, конечно, должен был согласиться. Я ею вовсе не дорожу, но она мне пока нужна, чтобы восстановить в отдельном издании то, что Катков почел за нужное выбросить [8]. Я получил отдельные оттиски и, пробежав один из них, нашел довольно таких усечений. Скажите Щебальскому, что я ему непременно вышлю через Салаева в Москву рукопись, как только она окажется ненужною.

Радует меня то, что Вы говорите о моем романе, и благодарю заранее за обещание сообщать толки [9]; что-то скажет Писарев [10]? Не смейтесь! Для меня это довольно важно — как симптом.

Это очень хорошо, что Ваша жена поправляется: а только как же Вы решаетесь жить в таком климате! Здесь у нас совершенный рай с 1 мая. Полагают, что мир упрочен месяца на четыре, во всяком случае [11]. Ну, а теперь прощайте, будьте здоровы и кланяйтесь всем друзьям.

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. В случае, если б Боткин уже отправил ко мне за границу мои деньги, дайте мне знать, и я Вам тотчас доставлю означенную Вами сумму из деревени. Получил ли Ковалевский мое официальное письмо [12], посланное на Ваше имя?

1996. Н. А. КИШИНСКОМУ

25 апреля (7 мая) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Вторник, $\frac{\text{25-го апр.}}{\text{7-го мая}}$ 1867.

Любезный Никита Алексеевич, письмо Ваше от 16-го апреля я сейчас получил [1] и отвечаю безотлагательно. Яичко Вы точно поднесли мне невкусное, но не Вы его снесли и, стало быть, вина не Ваша, а чтобы оно впредь

не повторялось, нужно сделать именно то, чем Вы теперь заняты: внести свет в этот хаос и мрак, который назывался моим хозяйством. Векселя были мною точно даны Николаю Николаевичу в виде подарка на случай моей смерти; и если он, подав их ко взысканию, будет требовать по ним уплаты, чего я однако не полагаю, то надо будет покориться этой грустной необходимости. Но я бы желал, чтобы Вы разъяснили некоторые пункты с его помощью, если только он не откажется:

а) Какие это для меня непонятные *детские* деньги, о которых по временам упоминается? Вексель г-жи Сливицкой был уплочен из суммы, поступившей по *выкупу*, и только *временно*, сколько я помню, Н. Н. представил данный мною ему вексель ей в обеспечение. Что же это за таинственные *детские* деньги [2]? Неужели же из скудных доходов, полученных мною в течение 11 лет, должно еще вычесть какие-то (6200) *детские* деньги?

б) Вам известно из предыдущего моего письма, что я с настойчивостью требую не только сдачи дел от дяди, но и удаления его из Спасского — с присовокуплением, что сдача дел и бумаг должна быть совершена немедленно, не дожидаясь описи; с тех пор он, по-видимому, успокоился. А потому Вы непременно должны стараться прийти к ясному заключению: ѝто наконец заключается в этой фантастической кассе и какие в ней наличные деньги? Всякое официальное положение дяди должно прекратиться; нужно мне знать наконец, в каком я к нему отношении, т. е., говоря другими словами: сколько я ему должен? Он уже не управляющий — он мой кредитор: как же возможно оставлять кредитору в руках капитал, да еще неизвестный? Я ему пишу об этом же. В случае же, если он будет требовать уплаты по векселю, то по крайней мере можно будет указать ему на тот прекрасный дефицит в 13 500 р., которым он наградил меня.

в) Меня от одной Вашей фразы покоробило: «Дядя обещается приняться к сдаче дел поусерднее» — зная нравы и привычки дяди — это может протянуться месяцев на *6* — я от него по 3, по 4 месяца ожидал ответа на мои письма. Вы должны, основываясь на предыдущем моем письме, *принять всё в один день* — и пусть он живет уже гостем, *ни во что не входящим*, пока при хорошей погоде не соберется выехать к себе в деревню. Тогда мы по крайней мере положительно узнаем, в каком ⟨мы⟩ положении, и не будем соображать гадательно, есть ли, нет ли капитала в кассе и ѝто он с ним сделает. Гораздо для меня будет успо-

коительнее знать: долгу на имении осталось — *столько-то;* г-ну Н. Н. Тургеневу — *столько-то;* в наличности — *столько-то* (вероятно: нуль). Из темноты выйдем, по крайней мере.

Засим по-прежнему, желая Вам здоровья и терпенья, прошу не оставлять меня частыми и подробными извещениями.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

1997. МАКСИМУ ДЮКАНУ

26 апреля (8 мая) 1867. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Mercredi, 8 mai 1867.

Cher ami, je viens vous ennuyer avec une demande, que j'avais déjà faite il y a un an, comme c'est pour un ami je prends un front d'airain : il y a, à l'exposition de peinture, un portrait de femme par Louis Pomey [1] ; voyez-le. Si vous croyez qu'il est digne d'une phrase ou d'un mot dans votre salon, nommez-le [2]. Je sais que vous évitez autant que possible les noms, « nomina sunt odiosa », mais enfin, voyez le portrait, et puis agissez comme bon il vous semblera. Pomey est un très excellent garçon que j'aime beaucoup.

Je vais à Paris au mois de juin : je vous y trouverai encore. Malgré la grande baisse d'hier à la Bourse, nous croyons encore ici à la paix. En attendant, je vous serre la main bien cordialement.

J. Tourguéneff.

1998. Н. А. КИШИНСКОМУ

26 апреля (8 мая) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Середа, 26-го апр. / 8-го мая 1867.

Любезный Никита Алексеевич, я вчера Вам писал, но сегодня мне опять пришел в голову наш 13-⟨т⟩и тысячный дефицит. Нельзя ли способствовать его уменьшению следующим образом: так как дядя Н⟨иколай⟩ Н⟨иколаевич⟩

забрал вперед до 2500 р. доходов нынешнего года, то нельзя ⟨ли⟩ предложить ему возвратить их мне натурой, а именно предоставлением мне забранного скота, сбруи и т. д., который равняется вышеозначенной сумме? Долги купцам и служащим придется взять на себя, а что до 3500 р. долгу в Опекунский Совет, то так как они приходятся на жиздринское, весьма мало полезное имение[1], то не предоставить ли казне продать его с аукционного торгу, так как мы собственно только и получаем с этого имения, что проценты казенного долга? Впрочем я всё это предоставляю на Ваше благоусмотрение. Но прошу Вас всемерно стараться узнать положительно, что это за *детские* деньги и считают ли их за мною[2]? Я положительно не намерен признавать тех 2500 р., которые дядя забрал вперед, и в случае его отказа возвратить мне их — определю на уплату их первые три года его пенсии. Главное: надо прийти в ясность насчет настоящего положения и суммы моего долга дяде.

Кстати, письмо «бригадира», о котором я Вам писал, совершенно случайно нашлось здесь в моих бумагах, и следовательно Вам нечего хлопотать о нем: извините за напрасный труд[3].

Уведомьте меня пожалуйста, получен ли из Москвы на имя дяди экземпляр моего романа[4]?

Я только тогда вздохну свободно, когда узнаю, что всякого рода дела и счеты прекращены с дядей и он собирается выехать. Совершенное спокойствие водворится только по его выезде.

И Вам и мне нужно терпения и здоровья. Будемте же сидеть у моря и ждать погоды.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Я надеюсь, что при первой возможности проезда и хорошей дороги Вы сбыли всех случных кобыл, жеребцов — словом, всех излишних дядиных лошадей.

1999. П. В. АННЕНКОВУ

29 апреля (11 мая) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
11 мая (29 апреля) 1867.

Милейший Павел Васильевич! Это письмецо будет вручено Вам одним моим хорошим знакомым, К. К. А⟨хенба⟩хом, который Вам на словах изложит все

незаслуженные несчастия, раз за разом обрушившиеся на его голову[1]. Примите его с свойственным Вам благодушием и помогите ему советом, посредничеством между ним и издателями журналов и т. д. Всё, что Вы для него сделаете, я приму за личное мне одолжение и буду Вам искренно благодарен. Нельзя не пожалеть такого человека и грешно не помочь ему. Дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

2000. Е. Е. ЛАМБЕРТ

29 апреля (11 мая) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 1867 [a].

Суббота, $\frac{\text{11-го мая}}{\text{29-го апр.}}$ 1867.

Милая графиня,

Я остался так мало времени в Петербурге при обратном проезде из Москвы — что не успел повидаться с Вами — к крайнему моему сожаленью. Мне очень хотелось побеседовать с Вами, чтобы упрочить в себе то хорошее впечатление, которое Вы произвели на меня в наше единственное свидание,— впечатление тишины, спокойствия и здоровья,— притом же и возобновление наших сношений было мне приятно.— Не знаю, застанет ли Вас это письмо еще в России — или в Петербурге: планы Ваши мне вообще неизвестны; но пишу на всякий случай, так как к моему желанию напомнить Вам о себе примешивается еще возможность навести Вас на доброе дело. Что прикажете делать? Изо всех дверей, в которые я — плохой христианин, но следуя евангельскому правилу, толкался, Ваши двери отворялись легче и чаще всех других.— Вот в чем дело:

Быть может, скоро по получении Вами этого письма, явится к Вам один мой знакомый, Карл Карлович Ахенбах. Он был в течение 16 лет преподавателем в Тамбовском кадетском корпусе; по закрытии этого корпуса он лишился места, не получил даже годичного жалованья, на которое имел право, почти ослеп, и к довершению всего, на дороге из Тамбова в Москву — у него украли саквояж со всем его имуществом. Впрочем, прилагаю его письмо ко мне, из которого Вы всё в подробности узнаете[1]. Этот вполне

[a] *Так в подлиннике, вместо:* 277

достойный и честный человек находится на краю гибели. Он, как Вы увидите из письма, просит меня доставить ему возможность заняться переводами: но, не говоря уже о том, что работа эта весьма неприбыльная,— где ему сидеть над бумагой — с его больными глазами? Как ему помочь — я не знаю — и потому обращаюсь к Вам, милая графиня! Не придумаете ли Вы, не найдете ли что-нибудь? Женский ум изобретателен в деле милосердия — а Ваш — подавно. Подайте ему какой-нибудь совет. Ахенбах принадлежит к числу людей, которые борются с несчастьем до конца; но оно и таких людей отлично умеет побеждать. Помогите ему, если можете: он стоит Вашего участия.

Напишите мне два слова: я живу здесь, как Вам известно, безвыездно.

Не спрашиваю у Вас мнения о моем романе[2]: Вы его, вероятно, не прочли — а если и прочли, то он Вам не понравился — это я знаю.— Напишите мне о себе, о Вашем муже, о Ваших намерениях на лето. Меня всё это интересует — потому что я искренно к Вам привязан — в чем, я надеюсь, Вы не сомневаетесь.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

2001. И. И. МАСЛОВУ

30 апреля (12 мая) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Воскресение, $\frac{\text{30-го апр.}}{\text{12-го мая}}$ 1867.

Милый Иван Ильич,

Сделай мне величайшую милость,— а именно,— *немедленно* вели припечатать прилагаемое «Изъявление благодарности» в «Московских ведомостях»: это единственное средство для окончательного прекращения моих деревенских дрязг,— и потому я надеюсь, что ты безотлагательно исполнишь мою просьбу. Деньги для этого припечатания возьми ты у брата Николая Сергеевича — или же выдай из собственного кошелька, а я тебе с благодарностью возвращу их при первом случае.— Вышли мне один вырезок из «Ведомостей» с припечатанием — и кстати напиши, что̀ это будет стоить[1].

Здоровье мое хорошо — хотя нога всё еще болит и я на ходу хромаю. Погода здесь удивительная: рай воочию совершается. Мир упрочен [2] — и стало быть тебе еще нечего думать о приобретении недвижимой собственности. Я начинаю понемногу работать. Еще раз благодарю за гостеприимство и дружески тебя обнимаю.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

2002. МАКСИМУ ДЮКАНУ

2(14) мая 1867. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Mardi, 2/14 mai 1867.

Cher ami,

Envoyez-moi vite une petite note de *tous* vos ouvrages publiés: cette donnée statistique m'est nécessaire pour l'achèvement de la préface qui va partir pour Pétersbourg à la fin de cette semaine [1].

Je vais à Paris entre le 5 et le 10 du mois prochain; j'irai vous serrer la main. En attendant « farewell ».

J. Tourguéneff.

2003. МОРИЦУ ГАРТМАНУ

3(15) мая 1867. Баден-Баден

Baden-Baden. Schillerstrasse, 277.
Mittwoch, d. 15 Mai 1867.

Mein lieber Freund,

Madame Rachette ist hier gewesen und wird Ihnen schon berichtet haben, wie es in Baden aussieht.— Das Wetter ist herrlich, der Frieden ist gesichert [1] und mit meinem Fuss geht es besser.— Ich darf nicht hoffen — Sie bald hier zu sehen; aber wenn Sie kommen sollten — auch mit Ihrer lieben Frau, der ich Ihren Gruss erwiedere — müssen Sie bei mir wohnen. Ich bin ein alter Junggesell — habe aber schon einige «ménages» bei mir beherbergt [2]. Reflectiren Sie darüber!

Es ist für mich eine grosse Ehre — ein Artikel von Ihrer Feder über mich in den «Ergänzungsblättern» [3]! Eine specielle Arbeit über meine litterarische etc. Wirksamkeit kenn' ich leider nicht — es gibt viele zerstreute

Artikel in den Russischen Zeitschriften[4], aber ich habe sie nicht unter der Hand — und mit solchem Gefasel — das[a] Lamartine über mich expectorirt hat (er hat mir nämlich die Ehre erzeigt[б], eine ganze Nummer seiner «Entretiens» mir zu widmen)[5] — wird Ihnen wenig gedient. Was die biographischen Data betrifft, so sind seit drei Jahren eben keine neue⟨n⟩ hinzugetreten — glücklicherweise — «pas de nouvelles — bonnes nouvelles» — ich habe ein Paar neue Sachen geschrieben — das ist Alles[6]. Sie besitzen doch die Französische Uebersetzung der «Pères et Enfants»[7]? Das kleine Buch hat von allen meinen Sachen den meisten Einfluss auf die neueste sociale Gestaltung der Gesellschaft — wenigstens eines Theils davon in Russland — gehabt — und ich bin der Taufpathe des in der letzten Zeit so vielbesprochenen «Nihilismus» gewesen.

Ich habe mich über Catherinens Glück herzlich gefreut: das ist ein wahrer Segen für die ganze Familie[8]. Die schändliche, jetzt aber glücklicherweise verschossene Verleumdung bestand nämlich darin — Cath⟨erine⟩ sei die maîtresse des Königs der Belgier gewesen (!!) und das Kind sei *sein* Kind, da Orloff *impotent* sei (!!?). Es ist so infam — der Prinz Dolgorukow wäre werth so etwas auszuhecken.

Also — vielleicht auf Wiedersehen und den wärmsten Händedruck — Ihnen und Ihrer lieben Frau.

Ihr
I. Turgeneff.

2004. А. И. ГЕРЦЕНУ

5(17) мая 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Пятница, 17-го мая 1867.

Любезнейший Александр Иванович — ты наверное удивишься — а пожалуй, и вознегодуешь, получив от меня письмо. Но « alea jacta est », как говаривал бесстыдный старец Ламартин[1]. Мне вздумалось послать тебе экземпляр моего нового произведения[2] — да кстати сказать тебе два слова.

Хотя ты совершенно справедливо заметил в своем последнем письме ко мне, что мы никогда очень близки друг

[а] *В подлиннике ошибочно:* den
[б] *В подлиннике ошибочно:* erzeugt

к другу не были[3],— однако и особенного отчужденья между нами не произошло — так как великие вины мои до сих пор ограничились (дай бог памяти!) тремя фактами: 1) Мое имя было выставлено в числе лиц, подписавшихся в пользу раненых во время польской войны[4]; 2) Я не узнал тебя, встретившись с тобою в Париже на улице[5],— и 3) «Московские ведомости» назвали меня дорогим гостем[6]. Больше ничего, при всех усилиях, я — пока — припомнить не могу; ибо то, в чем упрекает меня республиканец князь Долгоруков,— а именно: что я ему не отдал визита — и будто бы умолял о спасении на горящем пароходе,— не может, кажется, причитаться мне в политический грех[7].— Итак, посылаю тебе свое новое произведение. Сколько мне известно, оно восстановило против меня в России — людей религиозных, придворных, славянофилов и патриотов. Ты не религиозный человек и не придворный — но ты славянофил и патриот[8],— и, пожалуй, прогневаешься тоже; да сверх того и Гейдельбергские мои арабески тебе, вероятно, не понравятся[а][9]. Как бы то ни было — дело сделано. Одно меня несколько ободряет: ведь и тебя партия молодых рефюжиэ пожаловала в отсталые и в реаки[10]; расстояние между нами и поуменьшилось. Если ты не считаешь меня пришедшим в такое положение, что и переписываться со мною нельзя,— то погроми меня или попер-сифлируй — а главное, уведомь о себе и о своем семействе[11]: это меня интересует. Если же сообщения со мною ты считаешь невозможными — то прими от меня прощальный поклон и искреннее пожелание всего хорошего — и[б] «наслаждений ею, сей легкой жизнию» и[12] т. д.

Ив. Тургенев.

2005. Н. А. КИШИНСКОМУ

6 (18) мая 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Суббота, 6-го/18-го мая 1867.

Любезный Никита Алексеевич, сию минуту получил Ваше письмо от 25-го апр.[1] — как медленно ходит почта, так что около месяца нужно, чтобы списаться и получить ответ. Я еще не знаю, какие были Ваши последние

[а] *Далее зачеркнуто:* нисколько ⟨?⟩
[б] *Далее зачеркнуто:* прощай

распоряжения после получения Вами моего письма отсюда, в котором я объявлял решительное мое желание, чтобы дядя долее в Спасском не оставался. Ныне же, после желанного им пропечатания моей якобы благодарности в «Московских ведомостях»[2], нет никакой причины ему долее оставаться — и Вы, вероятно, уже получили все бумаги и распоряжаетесь всем, как хозяин. Отвечаю на Ваши запросы:

1) Сливицкой Вы можете ответить от моего имени, что хоть я вовсе не виноват в ее убытках, но готов заплатить ей в счет вознаграждения 200 р. в *будущем* году.

2) Языкову[3] отвечайте отказом по причине нездоровья.

3) Книгу Пинто оставьте при библиотеке[4].

4) В Елатьму, я думаю, Вам нельзя ехать раньше удаления дяди из Спасского.

5) Я уже писал дяде, что мне непременно нужно знать, какие это *детские* деньги[5], которые он будто бы за мною считает. Что же касается до лошадей и скота, то объявите ему от моего имени, что я подарил ему *заводских лошадей*, но нисколько не *рабочих* и не *скот*, и что я удивляюсь, с какой стати он их берет. Положите твердой рукою конец этому дележу, ни на чем не основанному, и доведите до его сведения, что в противном случае я буду вынужден отнести всё это в сумму пенсии и вычесть.

Пожалуйста, берегите свое здоровье: Ваша болезнь совсем бы на мель меня посадила. Прошу Вас действовать вежливо и терпеливо, но с неуклонной твердостью. Пребывание Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩ в Спасском стало невозможным, и я настаиваю на его отъезде, как только наступят красные дни.

По доходящим известиям, кажется, нельзя надеяться на хороший урожай в нынешнем году; видно, надо запастись терпением.

Не знаю, писал ли я Вам, что письмо «бригадира» найдено мною здесь в старых бумагах.

Прощайте и будьте здоровы.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Еще раз повторяю о недопускании дележа скота и лошадей.

2006. Н. А. КИШИНСКОМУ

8(20) мая 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Понедельник, 20/8-го мая 1867.

Любезный Никита Алексеевич, пишу Вам, по обыкновению, немедленно по получении от Вас письма [1]. Во-1-х, Вы должны от моего имени настаивать на немедленной передаче Вам дел и бумаг от дяди; Вы можете объявить, что имеете на это письменное и формальное предписание; во-2-х, после *20-го мая*, срока, назначенного Николаем Николаевичем, прекращается всякая поставка натурой, всякое содержание на него и на его людей; в-3-х, я решительно не понимаю, с какой стати Н. Н. претендует на лошадей *не* заводских и не происходящих от них, а также и на коров; в-4-х, немыслимо, чтобы у меня не было столового и прочего белья, так как я, до переселения Ник. Ник-а в Спасское, жил целым домом; что же до серебра, то из Петербурга был прислан целый ящик с моими начальными буквами на каждой отдельной штуке; если не Захар, то Захарова жена должна это знать. В-5-х, я нахожу Вашу мысль купить землю у Сливицкой и перевезти на нее амбар весьма дельной — и потому так и поступайте, а 200 рублей поступят в число уплаты. В-6-х, конечно, было бы лучше, если б Римский-Корсаков купил бы имение Холодово[2]; уведомьте меня о последствиях. Кстати, если впредь Вам нужна будет какая-нибудь особая доверенность на продажу или покупку, Вы тотчас присылайте мне образец, по которому я бы мог здесь совершить доверенность и выслать Вам: я могу принять или не принять, но таким образом избегнется большая трата времени.

Берегите себя и не простужайтесь. Вам нечего и думать покидать Спасское до отъезда дяди, хотя нет сомнения, что что-то неладное происходит в елатомских имениях [3]: прежде они платили оброк исправно. Там дядя посадил какого-то приказчика, который, быть может, напоследях бог знает что наделает. Я только тогда вздохну свободно, когда узнаю об отъезде дяди.

Желаю Вам здоровья и терпения; я, слава богу, поправляюсь.

Доброжелатель Ваш
И. Тургенев.

2007. П. В. АННЕНКОВУ

9(21) мая 1867. Баден-Баден

Баден-Баден. Schillerstrasse,
7 (теперь уже не 277).
(9) 21 мая 1867.

Милый Павел Васильевич! Сию минуту получил Ваше письмо с приложенной статьей о «Дыме» в «С.-Петербургских ведомостях» [1]. Благодарю искренно, а также и за подписку на «С.-Петербургские ведомости», которыми пренебрег великий Боткин [2]. Я сегодня же напишу в деревню Кишинскому о высылке Вам немедленно 100 рублей; это будет несколько скорее, чем во времена дядина управления. (После долгих колебаний и неправдоподобных дрязг дядя выезжает из Спасского 20 мая.)

Посылаю Вам в этом же пакете копию с «Бригадира». Поместите эту вещь — на всё Ваша воля — в какую Вам заблагорассудится богадельню. Выйдет полтора листа печатных, по меньшей мере; примите это к сведению. Я сейчас пробежал статью о «Дыме» в «Голосе» (последний нумер), в котором меня разобрали сильно [3]. Это ничего,— то ли еще будет! Но теперь предоставляю Вашему благоусмотрению: можно ли предлагать «Бригадира» Краевскому[4]? Если Вы найдете, что можно, то я с своей стороны протестовать не стану; как отец Ирины[5], j'ai l'humeur facile. Повторяю, это от Вас зависит, и я только для сведения сообщу Вам, что когда Писарев приходил ко мне [6], он от имени редакторов «Дела» просил меня: нет ли у меня чего-нибудь для них? Писарев, Дмитрий Иванович, живет на Петербургской стороне, в Малой Дворянской, в доме Зуева. Если вздумаете, пошлите за ним: он придет наверное, а человек он любопытный — помимо всяких соображений на помещение моего «детища». С другой стороны, г. Благосветлов, издатель «Дела», судится за нанесение побоев каким-то работникам... фу! фу!.. Словом, как знаете.

Вы мне ничего не пишете о здоровье Вашей жены: pas de nouvelles, bonnes nouvelles. Поклонитесь ей от меня и не говорите ей, что у нас здесь рай: к чему дразнить напрасно? Ни от Боткина, ни от Милютиных[7] никаких нет известий, а, пожалуй, так и квартиры здесь не найдешь, потому что, по случаю мира, народу наедет множество.

А посмотрел бы я на Михаила Никифоровича в мундире и при шпаге[8]! То-то величественно! Напишите мне два слова о получении этого пакета, чтобы я знал, что тру-

ды не пропали даром; да кстати скажите мнение Ваше о самом «Бригадире» [9]. Письмо его, по-моему,— chef d'œuvre; к сожалению, не я — его автор [10]. Засим обнимаю Вас и желаю Вам всяких благ.

Ваш Ив. Тургенев.

2008. А. И. ГЕРЦЕНУ

10(22) мая 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 7 (не 277).
Середа, 22-го мая 1867.

Я послал тебе мою повесть по прочтении твоей заметки в «Колоколе» [1], любезный А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩: из этого ты можешь видеть, как мало я осерчал.— Ты в письме твоем к И. С. Аксакову говоришь, что тебе минуло 55 лет [2], мне в будущем году стукнет 50. Это лета *смирные* — да и что там ни говори, мы, благодаря нашему прошедшему, времени нашего появления в свет и т. д.— все-таки ближе стоим друг к другу — легче понимаем друг друга,— чем *разногодники* [3].

А счеты свести мне очень легко. Единственная вещь, которая меня самого грызет,— это мои отношения с Катковым, как они ни поверхностны. Но я могу сказать следующее: помещаю я мои вещи не в «Московских ведомостях» — эдакой беды со мной, надеюсь, никогда не случится,— а в «Русском вестнике», который не что иное как сборник и никакого политического колорита не имеет; а в теперешнее время «Русский вестник» есть единственный журнал, который читается публикой — и который платит. Не скрываю от тебя, что это извинение не совсем твердо на ногах,— но другого у меня нету [4]. «Отечественные записки»— единственный соперник «Русского вестника» — и половины денег дать не могут. А мнение мое о «Московских ведомостях» и об их редакторе остается то же самое, которое я высказал Авдееву.

Тебе наскучил *Потугин*, и ты [a] сожалеешь, что я не выкинул половину его речей [5]. Но представь: я нахожу, что он еще не довольно говорит,— и в этом мнении утверждает меня всеобщая ярость, которую возбудило против меня это лицо [6]. Иосиф II-ой говорил Моцарту, что в его операх — слишком много нот,— «Keine zu viel» — отве-

[a] *Далее зачеркнуто:* мне

чал тот[7].— Я не Моцарт — еще гораздо меньше, чем ты не Иосиф II-ой,— но и я осмеливаюсь думать, что тут «Kein Wort zu viel». То, что за границей избито как общее место,— у нас может приводить в бешенство своей новизной.

Под Гейдельбергскими арабесками я разумел сцены у Губарева.

Письмо твое к Аксакову я прочел уже прежде—но с удовольствием перечел его... Я нахожу, что ты — делаешь слишком много «Kratzfüsse vor den Slavophilen», которых по старой памяти носишь в сердце. Мне кажется, что если бы ты понюхал то постное масло, которым они все отдают, особенно с тех пор, как Иван Сергеич женился на первой Всероссийской лампадке,— ты бы несколько попридержал свое умиление[8].

Меня радуют добрые вести о твоей семье[9], сам же я точно был сильно болен продолжительным припадком *подагры* (увы и ах!) — но теперь я почти совсем здоров. Награждение меня подагрою — это решительное поощрение всем кутилам и пьяницам: уж на что, кажется, был я трезв и тих!

Ну — а засим жму тебе руку — «in alter cordialer Freundschaft».

Ив. Тургенев.

2009. Н. А. КИШИНСКОМУ

10(22) мая 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 7 (теперь не 277).
Середа, 10/22-го мая 1867.

Любезный Никита Алексеевич,

Я писал Вам третьего дня, но сегодня я получил письмо от дяди и от Вас[1] и отвечаю вкратце.

Дядя присылает мне опись принадлежащей ему мебели, я утвердил ее своим подписанием, и он будет иметь право ее вывезти, согласно с описью. Также просит он сроку до *1-го июня*. Срок этот мною допущен, и потому прошу Вас отпускать всё для него нужное по этот день.

В письме моем к нему я упоминаю о необходимости выдать также денежные отчеты (я имею только самые краткие выписки, и то не за все годы; впрочем, я перешлю Вам их, переписав на почтовую бумагу). Но Вы должны держать в уме, что попали в Спасское как бы после пожара:

что уцелело — хорошо, а что сгорело — ясно, не вернешь. Вам придется всё начинать снова. Оттого-то я Вам так часто желаю терпения. Что же касается до Лобанова, то я не сомневаюсь в его распущенности и лени; в других начальниках Вы, вероятно, найдете еще худшие свойства, и потому-то я Вам предоставил полное право менять их, удалять, замещать другими. Но ⟨это⟩ уже совершенно от Вас зависит.

Дядя в своем письме говорит только о *кобылах*, мною ему подаренных; но кобылы те, вероятно, уже с того времени поколели, и я предоставляю ему заводский *приплод*, но только *не рабочих лошадей*. Кобылы были упомянуты для возбуждения жалости.

Прошу Вас выслать от моего имени *сто рублей серебром* Павлу Васильевичу Анненкову в С.-Петербург по следующему адрессу: Его Превосходительству Ивану Васильевичу Анненкову, у Красного моста, в доме Меншикова — для передачи Павлу Васильевичу Анненкову.

Собственно мне деньги раньше шести недель не будут нужны, и то небольшие.

Будьте здоровы и держитесь крепко.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. «Письмо бригадира» мною здесь найдено[2].

2010. Д. И. ПИСАРЕВУ

10(22) мая 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 7.
Середа, 22/10 мая 1867.

Милостивый государь,
Дмитрий Иванович,

Я пробыл в Петербурге так мало времени на возвратном пути из Москвы, что не успел повидаться с Вами. Я сожалею об этом — потому что — по разрушении того, что французы называют первым льдом, мы бы, я уверен, если не сошлись бы — то поговорили бы откровенно. Я ценю Ваш талант, уважаю Ваш характер — и, не разделяя некоторых Ваших убеждений, постарался бы изложить Вам причину моего разногласия — не в надежде обратить Вас — а с целью направить Ваше внимание на некоторые последствия Вашей деятельности. Я не знаю,

когда я попаду в Петербург; если бы Вам случилось выехать за границу и добраться до Бадена, я бы с истинным удовольствием увиделся с Вами.

Я себе на днях поставил вопрос, какое впечатление произвел «Дым» на Вас и на Ваш кружок — рассердились ли Вы по поводу сцен у «Губарева» и эти сцены заслонили ли для Вас смысл всей повести[1]? По всем до меня доходящим известиям — «Дым» возбуждает чуть не ненависть и презрение ко мне в большинстве читателей; две, три статьи, которые мне удалось прочесть,— в том же духе[2]. Я могу отдать себе справедливость, что —

«Mit keiner Arbeit hab' ich geprahlt —
Und was ich gemalt hab'— hab' ich gemalt»[3]—

а потому и не смущаюсь; я наперед знаю, что не почувствую смущения, если б и Вы отозвались неодобрительно, но приму этот факт к сведению — ибо хотя я, с одной стороны, очень хорошо знаю, что всякий талант, как всякое дерево, дает только те плоды, которые ему приличествуют, однако, с другой стороны, я не делаю себе никаких иллюзий насчет моего таланта — моего дерева — и вижу в нем весьма обыкновенную, едва привитую, российскую яблоню. Во всяком случае Ваше мнение — если оно выскажется и мотивируется, будет для меня интересно[a].

Я бы желал здесь получать «Дело»[4] — и потому прошу Вас сделать мне одолжение и распорядиться высылкою ко мне этого журнала по вышеозначенному адрессу — а деньги Вы получите от Павла Васильевича Анненкова, отправивши к нему прилагаемую записку.

Засим — желаю Вам всего хорошего и прошу принять уверение в совершенной моей преданности.

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

2011. П. В. АННЕНКОВУ

11(23) мая 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
23(11) мая 1867.

Любезнейший Павел Васильевич! Вероятно, вскоре после получения Вами этого письма Вам пришлют записку, в которой я Вас прошу выдать нужные деньги

---

[a] *Вместо* интересно *было: а.* мотивировано *б.* лестно всё равно

для получения мною здесь журнала «Дело». Будьте так добры, выдайте эти деньги, а 100 руб. к Вам, наверное, поступят из деревни в самое скорое время. Кстати, купите для меня и вышлите сюда первый выпуск «Невского сборника» В. Курочкина. Судя по оглавлению, он напичкан всяким вздором, но в нем помещается самоновейшее молодое поколение, и мне это непременно нужно к сведению [1]; стоит он три рубля. Судя по всем отзывам и письмам, меня пробирают за «Дым» не на живот, а на смерть во всех концах нашего пространного отечества [2]. «Я оскорбил народное чувство — я лжец, клеветник — да я же не знаю вовсе России...» А мне всё это — как с гуся вода. Замечателен, однако, приступ моего бывшего защитника в «С.-Петербургских ведомостях» (последние «Недельные очерки»). Сперва мне говорят, что Литвинов мною представляется как герой; потом доказывают мне, что он тряпка, и с торжеством объявляют, что я сам себе противоречу [3]. Ничего, пусть потешаются! А вот что Вы мне говорите о П⟨ыпи⟩не, действительно странно: вот была бы штука, если бы прежние нигилисты [4] да за меня бы заступились! Если появится какое-нибудь легкое стихотворение в «Искре» на мой счет [5], сообщите, родной.

Желаю Вам хорошенько угостить приезжих славянских братий [6], а нам здесь приходится плохо: все съестные припасы покупаются втридорога и летят в Париж, где, говорят, наехало около мильона гостей. В конце июня и я туда постараюсь попасть. Вот уже истинно Вавилон! А только наше искусство, за поношение которого мне так досталось, не отличилось на выставке, несмотря на горделивые указания корреспондентов: русским всего дали одну третьеклассную медаль, да и ту получил коренной русак *фон-Коцебу* [7].

Боткин еще не прибыл сюда, но выслал вперед из Берлина два громадных чемодана, которые стоят у меня в спальне,— сам же дал стречка в Вену [8]. Милютин благополучно прибыл в Берлин. Засим кланяюсь дружески Вашей жене и крепко жму Вам руку. Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Боткин сообщил мне, что Ф. И. Тютчев весьма недоволен «Дымом» [9], и по тону его слов должно заключить, что и он недоволен и, вероятно, возвратится к прежнему своему убеждению, что «tout est faux».

2012. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

17 (29) мая 1867. Баден-Баден

Середа
утром.

Любезнейший Алексей Михайлович [a], так как я сегодня уезжаю на охоту, а Вы, может быть, именно сегодня приедете, то оставляю Вам прилагаемую записку к банкиру Гальделангу (Мюллер и К°), и он выдаст Вам желаемую Вами сумму.

Крепко жму Вам руку.
Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2013. Н. Н. РАШЕТ

20 мая (1 июня) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 7 (не 277).
1-го июня 1867.

Любезнейшая Наталья Николаевна, дайте о себе весточку — что Вы поделываете? Моя нога совсем поправилась — и я уже был на охоте. Я еду в Париж через две недели, 15 июня — и останусь там две недели. Не увидимся ли мы до тех пор? Кланяйтесь Гартманну — и Маню за меня поцелуйте — и маленькую тоже. В России меня ругают наповал [1] — ну да это ничего.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2014. П. В. АННЕНКОВУ

23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
4 июня (23 мая) 1867.

Милый Павел Васильевич! Я сейчас получил Ваше письмо [1] и отвечаю. Радуюсь, что «Бригадир» Вам понравился, и снова повторяю, что можете распоряжаться им, как Вам заблагорассудится, и помимо Вас я, разумеется, действовать не буду. Постарайтесь только продать повыгоднее.

---

[a] *Было начато:* Mon cher ami, si je n'étais

Мне кажется, еще никогда и никого так дружно не ругали, как меня за «Дым»[2]. Камни летят со всех сторон. Ф. И. Тютчев даже негодующие стихи написал[3]. И представьте себе, что я нисколько не конфужусь: словно с гуся вода. Я, напротив, очень доволен появлению моего забитого Потугина, верующего единственно в цивилизацию европейскую, в самый разгар этого всеславянского фанданго с кастаньетками, в числе которого так потешно кувыркается Погодин[4].

Я от Кавелина получил прекрасное письмо[5]: скажите ему, что я непременно ему отвечу, но так как мне хочется это сделать хорошенько, то и получит он этот ответ не сейчас.

Поеду я в Париж дней через десять и останусь там всего неделю, а потому это не должно мешать нашей переписке. Сообщите Ваш дачный адрес и известие о получении Вами ста рублей из деревни. Желаю Вам и Вашей милой жене прежде всего хорошей погоды; остальная вся «придастся Вам»[6]. Дружески жму Вам руки, преданный Вам

Ив. Тургенев.

2015. А. И. ГЕРЦЕНУ

23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 7.
Вторник, 4-го июня / 23-го мая 1867.

Спасибо за письмо и за присланный № «Колокола»[1], любезный А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩. В беседе «С того света»[2] я узнал особую, тебе свойственную манеру — и хотя я сам принадлежу к охрипшим тенорам — однако перечел всё с истинным удовольствием. Сам — «обломок корабля», как говорит Эдип,— а ничего, сочувствую, когда возводят мою дряхлую древесину в «перл создания»[3].

Я и готов тебе услужить — но лень мною овладела сильная — да и требуешь ты многого в немногих словах: описать общество старое и молодое, да еще с трех точек зрения[4]! Постараюсь что-нибудь высидеть — может, впрок пойдет.

Можешь ты меня уведомить, кто это *Вырубов*, который вместе с Литтре́[5] издает «Revue positive»? Я подписался на этот журнал — ибо очень высоко ценю Литтре́.

Я экземпляр «Дыма» выслал тебе тогда же с письмом [6].— Критику «Голоса» я читал [7] — и кроме того знаю, что меня ругают все — и красные, и белые, и сверху, и снизу — и сбоку — особенно сбоку. Даже негодующие стихи появились [8]. Но я что-то не конфужусь — и не потому, что воображаю себя непогрешимым,— а так как-то — словно с гуся вода. Представь себе: я даже радуюсь, что мой ограниченный западник Потугин появился в самое время этой всеславянской пляски с присядкой, где Погодин так лихо вывертывает па́ с гармоникой под осеняющей десницей Филарета [9].

Я что-то не совсем понял твое «ябедничанье» Долгорукому [10]. Не знаю твоих отношений к нему — но это один из немногих людей, которых я — и не желал бы — да презираю. Извини меня — если это выражение тебя оскорбит. Но я что-то не верю, чтобы ты мог уважать человека, который *напечатал* — что если мол вы вздумаете сделать мне процесс — я тотчас *публикую* все разговоры, которые имел с вами [11]. 3-е отделение должно восплескать подобной благородной решимости.

Поклонись твоим детям, если они меня помнят, особенно старшей твоей дочке [12]. Будь здоров.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

2016. Д. И. ПИСАРЕВУ

23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден
Schillerstrasse, 7.
Вторник, $\frac{\text{4-го июня}}{\text{23 мая}}$ 1867.

Милостивый государь Дмитрий Иванович,

Если б Вы были короче со мной знакомы, Вы бы, вероятно, не сочли нужным прибегнуть к оговоркам: в выраженьях Вашего письма [1] нет ничего «оскорбительного» — да и я оскорбляюсь весьма не легко: этим грехом я, кажется, не грешен. Я, напротив, очень рад Вашему отзыву и готов установить с Вами переписку — так как на личное свиданье близкой надежды не предвидится.

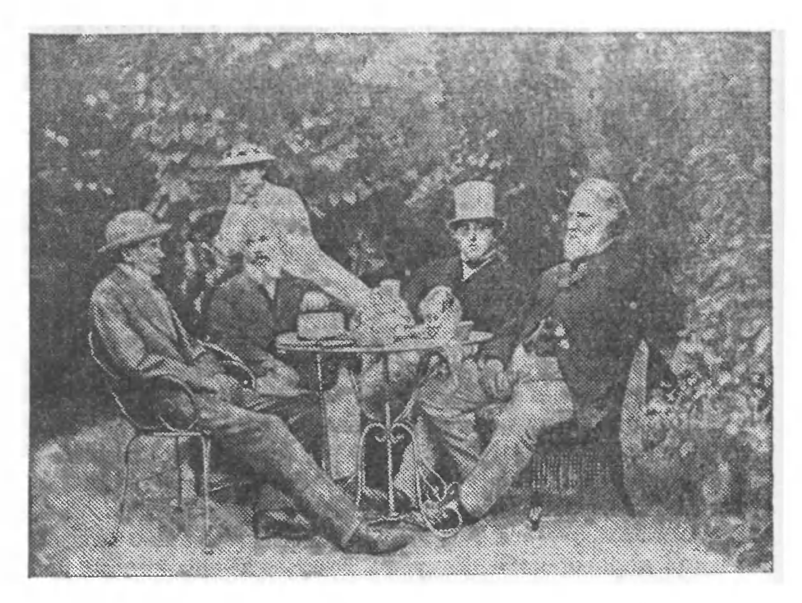
Вам «Дым» не нравится, так же как и почти всем русским читателям; ввиду такого единодушия я не могу не заподозрить достоинств своего детища: но Ваши аргументы мне кажутся не совсем верными. Вы напоминаете мне о

«Базарове» и взываете ко мне: «Каин, где брат твой Авель?»[2]. Но Вы не сообразили того, что если Базаров и жив — в чем я не сомневаюсь,— то в литературном произведении упоминать о нем нельзя: отнестись к нему с критической точки — не следует, с другой — неудобно; да и наконец — ему теперь только можно *заявлять* себя — на то он Базаров; а пока он себя не заявил, беседовать о нем или его устами — было бы совершенною прихотью, даже фальшью. «Каланча» эта, стало быть, не годится; ну а кочку я выбрал — по-моему — не такую низкую, как Вы полагаете. С высоты европейской цивилизации можно еще обозревать всю Россию. Вы находите, что *Потугин* (Вы, вероятно, хотели *его* назвать, а не Литвинова)[3] — тот же Аркадий; но тут я не могу не сказать, что Ваше критическое чувство Вам изменило: между этими двумя типами ничего нет общего,— у Аркадия нет никаких убеждений — а Потугин умрет закоренелым и заклятым западником,— и мои труды пропали даром, если не чувствуется в нем этот глухой и неугасимый огонь. Быть может, мне одному это лицо дорого; но я радуюсь тому, что оно появилось, что его наповал ругают в самое время этого всеславянского опьянения, которому предаются именно теперь, у нас. Я радуюсь, что мне именно теперь удалось выставить слово: «цивилизация» — на моем знамени,— и пусть в него швыряют грязью со всех сторон. Si etiam omnes, ego non[4]. А об Литвинове и говорить нечего: он тоже не Аркадий; он дюжинный честный человек — и всё тут. Мне было бы очень легко ввести фразу вроде того — что «однако вот мол есть у нас теперь дельные и сильные работники, трудящиеся в тишине»,— но из уважения и к этим работникам и к этой тишине я предпочел обойтись без этой фразы; молодежи не нужно, чтобы ей мазнули медом по губам,— я по крайней мере так думаю.

А что до «рулады» в конце — Вы знаете, что в операх бывают «вставные» фиоритуры, а иные нумера выкидываются: при отдельном издании текст восстановится[5].

Вы мне пишете о себе, что Вы одни и что у Вас нет никакого кружка[6]: это и хорошо — и дурно. Писателю, особенно критику, не следует быть одиноким. Вы мне скажете, что это одиночество часто не от нас зависит: и это справедливо.

Я не желал бы, чтобы Вы подумали про меня: Vous êtes orfèvre, Mr Josse[7],— но едва ли теперь для дельного и практического журналиста можно найти лучший девиз,

И. С. ТУРГЕНЕВ НА ДАЧЕ У МИЛЮТИНЫХ В БАДЕН-БАДЕНЕ.
СЛЕВА НАПРАВО: К. К. ГРОТ, Н. А. МИЛЮТИН, М. А. МИЛЮТИНА, Н. В. ХАНЫКОВ и И. С. ТУРГЕНЕВ
Фотография К. Верцингера, 1867 г.

чем: «Европейская цивилизация» — даже в потугинском вкусе.

Засим желаю Вам всего хорошего — спокойствия и деятельности — и с совершенным уважением остаюсь

Вашим покорнейшим слугой.
Ив. Тургенев.

2017. М. А. МИЛЮТИНОЙ

24 мая (5 июня) 1867(?) Баден-Баден

Среда утром.

L'homme propose et Botkine dispose[1], любезнейшая Мария Агеевна,— я уверял третьего дня, что ⟨не⟩ напишу письма,— а вот приходится писать и отложить чтение до завтра[2],— так как в силу полученной вчера телеграммы — *Великий Могол*[3] приезжает сюда сегодня в ½ 1-го или в ½ 4-го и я, имев неосторожность взять для него комнату не в Hôtel d'Europe, а в Hôtel d'Angleterre,—

должен с раболепством ожидать его на железной дороге. Но я Вас все-таки сегодня увижу,— пока кланяюсь Н⟨иколаю⟩ А⟨лексеевичу⟩ и жму Вам руку, преданный Вам

Ив. Тургенев.

2018. ПОЛИНЕ БРЮЭР

26 мая (7 июня) 1867. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 7.
Vendredi, 7 juin 1867.

Chère fillette,

Au moment de recevoir ta lettre, il m'en est venu une de Mme Innis, qui m'annonce qu'elle m'a retenu une chambre à l'hôtel Byron, rue Laffitte, comme je le lui avais demandé pour le *15*. Je comptais rester à Paris[a] deux ou trois jours, puis aller te voir à Rougemont. J'apprends que toi aussi, tu as l'intention de venir à Paris à cette époque — écris-moi à l'hôtel Byron si tu n'as pas changé d'idée: j'en serais enchanté — nous pourrions faire nos courses ensemble[1]. Je ne veux pas me justifier de ma négligence à venir t'embrasser — mais j'ai dû sourire en t'entendant parler de *fêtes* à Bade: ton *mondain* de père n'a pas seulement mis le pied à la Conversation[2] depuis son arrivée et ne voit *absolument personne*. Enfin — nous nous reverrons bientôt — et en attendant je t'embrasse de tout mon cœur et dis mille choses à tous les tiens.

J. Tourguéneff.

P. S. *Samedi, 15 juin*, à 6 heures du matin, je serai à l'hôtel Byron.

2019. Н. А. КИШИНСКОМУ

27 мая (8 июня) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден
Schillerstrasse, 7.
Суббота, $\frac{\text{27-го мая}}{\text{8-го июня}}$ 1867.

Любезный Никита Алексеевич,

Письмо я Ваше сегодня получил и имею сообщить следующее:

---

[a] *Далее зачеркнуто:* depuis

Николай Николаевич мне прислал две описи: мёбелей, скота, лошадей и экипажей, которые я утвердил своим подписанием и признал его собственностию, и хотя лошадей по счету выходит больше, чем у Вас, но Вы за этим не гонитесь, а только всё принадлежащее Николаю Николаевичу выдавайте *не иначе* как по *предъявлении Вам* подписанной *мною описи* (двух описей, где всё подробно поименовано)[1].

Вопрос о *детских* деньгах наконец разъяснился: оказывается, что я должен Ник. Ник-у занятых мною, по его словам, у его малолетних детей 6000 р. сер. Эти деньги я положил в основание выдаваемой ему пенсии в 800 р. с тем изменением, что по замужестве его второй дочери я выдам ему или его наследникам не 3000 р., как я полагал, но 5000. Впрочем, Вам об этом с ним разговаривать или списываться не для чего; эта сделка останется между нами, а я Вам только сообщу копию с акта, который я здесь составлю с утверждением русского консула. В этом акте будут определены денежные мои отношения с дядей.

Выездом Вы не понуждайте и не тревожьте Н. Н., так как у него жена больна, но с 15-го июня прекратите всякую поставку фуража лошадям и месячные людям. При подъеме вещей окажите всякую помощь.

Известие из Елатьмы очень неприятно; я удивляюсь, к чему там управляющий? Никогда там подобного лица не было, так как хозяйства собственно никакого там нет, а следует только деньги получать, что доселе исполнялось исправно. Этой беде надо помочь безотлагательно.

Я очень рад Вашему выздоровлению и желаю Вам успехов и удачи, которая так же нужна Вам, как и мне.

Остаюсь доброжелатель Ваш

Ив. Тургенев.

2020. Н. А. КИШИНСКОМУ

30 мая (11 июня) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден

Schillerstrasse, 7.

Вторник, 30-го мая / 11-го июня 1867.

Любезный Никита Алексеевич,

Отвечаю на Ваше письмо от 21-го мая[1]. Г-ну Минину не желаю изъявлять никакой благодарности и участвовать в поднесении ему фотографического альбома не намерен,

ибо слишком хорошо помню его гнусное поведение во время освобождения крестьян. В случае нужды Вы можете передать отказ от моего имени, не церемонясь. Собственно для Вас с удовольствием прилагаю фотографическую карточку.

С старым моим платьем Вы можете поступить по благоусмотрению, за исключением бархатного сюртучка.

С Вашим предложением насчет доплаты Сливицкой за дом согласен.

Если Ник. Ник. вздумалось поселиться в Катушище[2], то этому следует только удивляться, а препятствовать не к чему; тем лучше — не так далеко будет перевозиться нашими средствами. Но после 15-го июня прошу прекратить всякое продовольствие.

О *детских* деньгах[3] хлопотать нечего, но весьма было бы мне желательно узнать вскорости и аккуратно цифру долгов, сделанных *собственно Ник. Ник-ч⟨ем⟩*. Мне это нужно для соображений при составлении акта.

Я получил от бывшего управляющего моей матушки, Афанасья Дмитриева Зуева, по прозванию Борзого, подробное письмо, в котором он, изложив все свои службы, просит моего вспомоществования. Он вместе с женой и сыном занимает в Спасском квартиру. Так как он был человек честный, хотя бездарный, то посмотрите, нельзя ли ему сделать какое снисхождение, оставить его, хотя временно, на квартире или назначить небольшую месячину? Уведомьте меня о том, что́ Вы найдете возможным.

Очень меня беспокоят елатомские дела; там, наверное, происходит что-нибудь скверное. Но так как до выезда Н. Н. Вам и думать нельзя отлучиться из Спасского, то остается вооружиться терпением.

Желаю Вам всего хорошего, начиная с здоровья.

Ив. Тургенев.

P. S. Известите меня о приезде Николая Сергеича в Тургенево[4].

2021. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

30 мая (11 июня) 1867. Баден-Баден

Baden-Baden,
Schillerstrasse, 7.
Dienstag, d. 11 Juni 1867.

Mein lieber Freund,

Ihr Brief ist viel zu spät hierher gekommen und meine Antwort würde Sie nicht mehr in Berlin getroffen haben. Ich schreibe also nach Paris [1] — um Ihnen zu sagen — dass ich Freitag am 14-ten *ebendahin* abreise — und in hôtel Byron, rue Lafitte, logiren werde. Kommen Sie *Sonnabend* gegen *8½ Uhr* morgens dahin — oder um *12 Uhr* in das Russische Restaurant im Ausstellungsgelände [2]. Ich werde Ihnen dann alle erforderlichen Recommandationen einhändigen [3].

Also auf baldiges Wiedersehen.

Ihr I. Turgeneff.

2022. Н. Н. РАШЕТ

30 мая (11 июня) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 7.
Вторник, 11-го июня 67.

Милая Наталья Николаевна,

Действительно нельзя с Вашим деликатным здоровьем летать на 2 часа из Штуттгарда в Баден — но я надеюсь на Ваше более продолжительное посещение осенью, когда погода будет прохладнее и мигрень не так легко нападает на прекрасный пол.

Еду я в Париж в пятницу 14-го числа — один — это Вас удивляет? — но не надолго, дней на 7 — это Вас не удивит. Мне надо наконец повидаться с дочерью.

Посылаю Вам карточку для Валесроде, которому прошу передать мой дружеский поклон [1], равно как и Miss Gordon [2].

А какие известия о «быстром» Случевском [3]?

Поцелуйте за меня Маню и Леночку и примите уверение в искренней моей преданности.

Ив. Тургенев.

2023. А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

31 мая (12 июня) 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 7
(теперь не 277).
Середа, 12 июня (31 мая) 1867.

Любезнейший Алексей Феофилактович, Вы легко мне на слово поверите, когда я Вам скажу, что Ваше письмо меня весьма обрадовало, тем более, что я до сих пор, кроме осуждения моего романа, даже от приятелей ничего не слыхал и мысль невольно зарождалась в голове: «уж не уродца ли я высидел?»[1]. Люди, до сих пор постоянно ко мне благосклонные, осыпали меня упреками; Ф. И. Тютчев даже стихи по этому поводу сочинил[2]... Тем приятнее было мне Ваше одобрение: Вы не из таких, что думают одно, а говорят другое; и если в моем произведении есть живучесть, то оно выдержит все эти разносторонние нападения и принесет свою долю пользы.

Всё, что Вы говорите о выставке, о «братьях славянах», мне кажется совершенно верным, но трудно плыть против потока — и когда все кричат, ничего разобрать нельзя[3]. Вот посмотрим, когда придется переходить к делу. «Голос» ничего не нашел более практического, как рекомендовать славянам немедленное принятие единого литературного языка, вероятно — русского[4]. А то в самом деле обидно: братья — братья, и немцев ругают,— а изъясняться между собою принуждены по-немецки.

Нога моя почти совершенно пришла в нормальное положение, и я уже один раз ходил на охоту и убил дикого козла. Погода здесь чудная,— и дом мой, после всяческих бедствий, наконец приходит в порядок — как нога. Надеюсь, что в будущем году — когда Вы сдержите Ваше обещание и посетите Баден — я буду в состоянии предложить Вам помещение под моей кровлей.

Государь сегодня здесь проехал, мы все ходили встречать его на железной дороге. На мои глаза, он очень похудел.— Экое гнусное безобразие, этот иарижско-польский выстрел[5]!

Высылайте сюда Ваши пьесы[6], как только это будет цензурно возможным. Я пока ничего не пишу, но думаю о небольшом предисловии к отдельному изданию «Дыма», в котором я скажу несколько слов о славянофилах[7].

Поклонитесь, пожалуйста, Вашей милой жене и славным ребятам; а Вас я дружески обнимаю и желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас любящий
Ив. Тургенев.

2024. Н. А. КИШИНСКОМУ

1 (13) июня 1867. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 7.
Четверг, 1-го/13-го июня 1867.

Любезный Никита Алексеевич,

Отвечаю вкратце на полученное мною сейчас Ваше письмо[1]: какие бы ни были планы и расчеты дяди — мне до этого дела нет, ибо он ничего не может извлечь из моих писем, что́ бы могло повредить мне, а если он возымел намерение поселиться в Катушище — то господь с ним! Наблюдать следует только за тем, чтобы не было сообщений между нашими служебными лицами и им. С тем вместе подтверждаю Вам, что, начиная *с 15-го* июня, не должно идти на содержание Н. Н. и всех его людей и лошадей ни фунта муки или сена; это моя *неизменная* воля.

Так как из Вашего письма явствует, что Вы снова можете беседовать с ним, то прошу Вас уведомить его, что Вы имеете строжайшее предписание от меня — не выдавать ему ни копейки из его пенсии, пока все счетные бумаги и акты не будут Вам переданы сполна, и что акт, который я здесь намерен составить, до тех пор не будет ни составлен, ни выслан, пока я не буду иметь точной и подробной описи, с его *подписью*, всех долгов, которые он за мною считает, а Вы с своей стороны немедленно доставьте мне столь же точный и подробный список того, что считают за ним мценские купцы и другие заимодавцы.

Прошу постараться всё это исполнить, а впрочем желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

2025. ПОЛИНЕ ВИАРДО

3(15) июня 1867. Париж

Paris,
hôtel Byron, rue
Laffitte.— Samedi,
15 juin 1867. 8 h⟨eures⟩ du m⟨atin⟩.

Chère Madame Viardot,

A 5 heures précises nous entrions en gare ; à 6 j'étais installé dans une chambre où je puis à peine remuer ; à 7 je prenais un bain et je pensais à Mlle Berthe[1] — car, il faut le dire, il n'y a que Paris pour vous donner des conforts pareils. Me voici de retour et dans une demi-heure je me lance[2].

J'ai trouvé : 1°) une lettre de Paulinette, qui m'annonce son arrivée pour ce soir—et que je lui appartiens pour toute la journée de demain ; 2°) des billets de Mérimée, Ducamp, Mme Delessert[3], Thal — mais rien de Pomey et pas de stalle pour « Roméo »[4]. Je ne vais donc pas à Rougemont et rien ne m'empêchera de repartir jeudi.— Il faut vous dire que je suffoque en ce moment : ma bouteille de kirsch s'est cassé dans ma valise — et tous mes effets sont imprégnés d'une odeur d'alcool à faire croire que je suis un ivrogne renforcé.— Je n'ai pas pu trouver de chapeau à ma tête — de façon que je continue à effrayer les Parisiens.

3 h⟨eures⟩.

J'ai vu Thal et mon *ami* Grigorowitch à l'Exposition[5], cela a passé comme un tourbillon — je ne suis resté que très peu de temps, me réservant pour demain.— Thal m'a forcé de manger du caviar qui m'a fait mal à l'estomac, tout excellent qu'il soit. J'ai vu le tableau « Pagliano »[6], que j'ai trouvé d'une belle couleur — je suis allé chez Madame Delessert — puis — de là chez Mérimée où je suis resté assez longtemps. Mr de Rémusat y est venu, il y a eu une causerie assez intéressante. Pietsch est venu ce matin chez moi — et nous dînons avec lui et Zulouf[7] — et le soir — comme de raison — « La Duchesse de Gerolstein »[8] ! Voilà ce que c'est que d'être un bon *sujet* — j'irai à « Roméo » avec Paulinette. J'ai envoyé les bottes à Mr Mouret. Il fait très froid ici, un vent à vous emporter à travers les airs. Mlle Berthe, entendez-vous ceci[9] ? Je me suis enfin acheté un chapeau à la dernière mode — ecco :

Je ne trouve pas qu'il y ait plus de monde que d'habitude à Paris — des cochers par *milliers* — des maisons énormes partout toutes neuves. Le *Trocadéro* [10] est très laid — une immense terrasse en pente — l'Exposition me semble magnifique [11]; l'exposition russe proprement dite — peu de chose [12]. Thal m'a montré les chevaux, il y a une jument blanche — qui est la Vénus de Milos de sa race. Je dois finir si je veux que ma lettre parte. Portez-vous bien, tout le monde; j'ai pensé au *banc* du jardin hier à 7 heures du soir [13] — je reviens vendredi — en attendant, j'embrasse tout le monde.

Der Ihrige
J. T.

2026. МАКСИМУ ДЮКАНУ

3(15) июня 1867. Париж

Paris.
Hôtel Byron, rue Laffitte.
15 juin 67.

Mon cher ami,

Il y a un bouledogue plus terrible que Pégase [1], le sentiment du devoir et de la famille — rien que cela!! Ma fille m'écrit [2] qu'elle arrive ce soir (je viens, moi, d'arriver ce matin) et qu'elle s'empare de moi pour les deux journées de dimanche et de lundi. Si vous voulez de moi pour *mardi*, faites-moi savoir l'heure à laquelle vous voulez que je vienne, et j'arriverai, exact et ponctuel comme un notaire. En attendant, je vous serre cordialement la main.

Tout à vous
J. Tourguéneff.

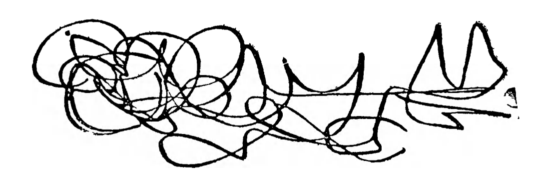
2027. ПОЛИНЕ ВИАРДО

4, 5(16, 17) июня 1867. Париж

Paris,
hôtel Byron, rue
Laffitte, 16 juin 1867.
Dimanche.

Chère Madame Viardot,

Ouf ! voilà le résumé de ma journée... Ça a été rude. Je me suis levé assez tard et j'étais encore à ma toilette, quand mon gendre et son père [1] sont entrés dans ma chambre; puis est arrivée Paulinette, qui est aussi grasse, blanche et rose que possible. On a déjeuné à l'hôtel — et on est parti pour l'Exposition [2]. Là j'ai eu le malheur de tomber dans les mains de Grigorowitch, qui, après avoir déclaré à ma fille qu'il était le meilleur cicerone qu'on pût rêver et que c'était lui qui pilotait les rois et les princes à travers l'exposition [3], s'est mis à nous remorquer à toute vapeur. Cette course effrénée a duré cinq heures. Mes pieds n'en pouvaient plus, j'étais complètement ahuri par ce tohu-bohu de machines, meubles, diamants, émeraudes grosses comme des melons, étoffes de toutes couleurs, cristaux, armes, palais, kiosques, poteries, porcelaines, chevaux, chiens, tableaux, statues, Chinois et Chinoises, enseignes, waterclosets (j'y suis entré quatre fois — j'ai ce qu'avait le lièvre ou plutôt le fils du lièvre dans ma chanson) etc., etc., etc. [4] Après-demain je retournerai *seul* à l'Exposition et je ne verrai que ce que je voudrai. Sur tout ce tourbillon ont surnagé deux choses: les tableaux de Meissonier, qui est certe à présent le premier peintre du monde [5] — et la superbe exposition de peinture de Bavière. Zulouf [6] avait raison — ils battent tous les autres — ces diables de Bavarois — ah ! et puis encore une admirable toile espagnole — des cardinaux dans la Salle Sixtine [7]. Le reste [a] Voilà l'impression

---

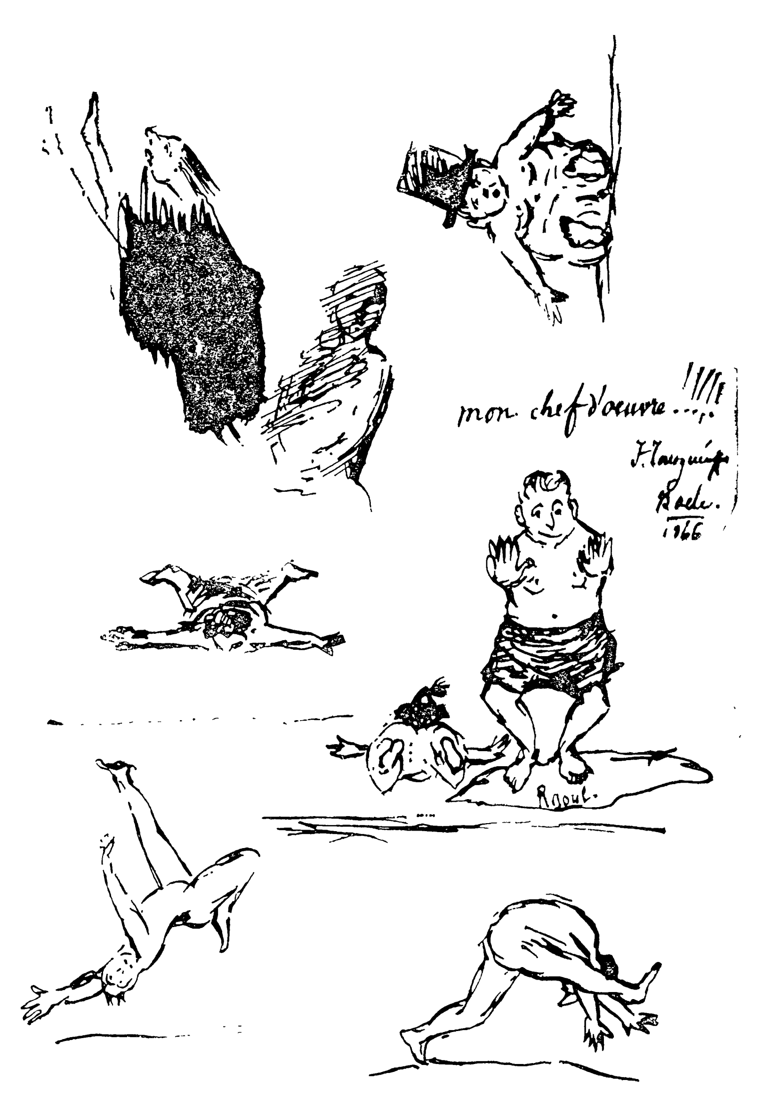
[a] *Далее в подлиннике следует рисунок, изображающий пачкотню.*

exacte. Il y avait une foule monstrueuse — et ce torrent de figures généralement insignifiantes, joint au flux de paroles que Grigorowitch m'injectait sans cesse dans l'oreille gauche, m'a véritablement anéanti. Puis nous sommes revenus en toute hâte chez le papa Bruère, où j'ai dû subir un repas de famille — avec des parents ridicules venus de Mans, comme Mr de Pourceaugnac [8], des conversations inénarrablement bourgeoises et épicières, un whist, qui aurait fait *mordre* Viardot (le papa Bruère disant :« je coupe l'as de mon partner — c'est toujours plus sûr — et puis que ferai-je de mon petit atout — d'ailleurs, j'en ai six !! »), une vilaine petite fille de 6 ans, fille de susdits parents, qui criait comme une chouette, sous prétexte de faire la gentille — et mon ventre qui me faisait mal... Ah ! où est Bade — et son repos et ses bancs dans le jardin [9] ? NB. Dites à Mlle Berthe que j'ai vu aujourd'hui deux chiens morts de *FROID* dans les rues de Paris — et qu'il *pleut* des petits morceaux de glace [10]... Mon lit me tend les bras — je vais m'y fourrer — en vous souhaitant à tous une bonne nuit — et à demain... J'ai pris des billets pour « Roméo » [11]— pour *mardi*.

Et la « Duchesse » [12] que j'oubliais ! Eh bien, dût Viardot m'écraser de son mépris — j'avoue que je me suis énormément amusé — et je crie : « vive Offenbach ! ». C'est étourdissant d'entrain et de cocasserie. Mlle Schneider est la moins bien de la bande — ce n'est pas qu'elle soit trop canaille — mais elle est devenue poussive, grasse, vieille — ça ne va plus [13]. Mais Couderc (le général Boum) est l'idéal du comique sérieux et féroce [14]. J'ai pourtant eu du regret de voir étinceler aux mains et aux oreilles de Mlle Schn⟨eider⟩ des diamants, dont l'origine russe n'était que trop visible. Enfin !

Lundi, 17. 2 heures.

Ce matin, je me suis levé à 7 h⟨eures⟩ et à 8 j'étais à l'Exposition où je suis resté jusqu'à midi — rien qu'à voir des tableaux, tout seul, bien seul. Mes impressions d'hier se sont confirmées... Ah ! si j'avais de l'argent, quel beau paysage j'achèterais à l'exposition de Bavière ! *Piloty* est un grand peintre. En revenant à la maison, j'ai trouvé votre billet — qui m'a fait bien plaisir. Le « menu » de la matinée est charmante; j'ai souvent pensé à Bade hier entre 3 et 5 h⟨eures⟩ [15]. Aujourd'hui j'ai rencontré le g⟨ran⟩d duc de Bade et sa femme, qui m'ont demandé de vos nouvelles [16].

РИСУНКИ И. С. ТУРГЕНЕВА. 1866 г.

A demain pour la lettre, et à vendredi pour de bon, si Dios quiere. Mille souvenirs.

Der Ihrige J. T.

P. S. J'ai vu les Léonard et Mme Sitchès.

2028. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

5(17) июня 1867. Париж

Mein lieber Freund,

Morgen erwarte ich Sie *ganz gewiss* um ½ 12 bei der Russischen Exposition (bei den Mosaiken) — aber *ganz gewiss*[1]!

Ihr
I. Turgeneff.

Montag.

2029. Н. В. ХАНЫКОВУ

5(17) июня 1867. Париж

Rue Laffitte, hôtel Byron.
Понедельник, 17-го июня 1867.

Любезнейший Николай Владимирович, я второй день как в Париже, уезжаю в четверг и очень хотел бы Вас видеть — но как? Моя дочь здесь, и я принадлежу ей всецело. Я завтра на выставке[1], и если Вам не лень, будьте в ½ 12-го в Русском отделении, у мозаики — я увижусь с Вами. А то, пожалуй, уедешь, не повидавшись. А когда же в Баден?

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2030. ПОЛИНЕ ВИАРДО

7(19) июня 1867. Париж

Paris,
hôtel Byron, rue Laffitte.
Mardi, 18 juin 1867.
Minuit.

Chère Madame,

Je reviens de « Roméo »[1] et je dois le dire, je suis complètement désappointé[2]. J'ose à peine dire, combien — à l'esception du duo et de quelques parties du cinquième

acte, tout m'a paru vide, forcé — trivial et recherché en même temps, impuissant, poussif, sans aucun caractère, misérable en un mot ! ! Cela me navre — mais c'est *moins* que mon impression. L'exécution est détestable. Jamais, au grand jamais, on n'a braillé, hurlé, dégueulé, glapi comme cela. *Tous* chantent faux en diable — et Mme Miolhan — sous prétexte de faire la passionnée, hurle et crie comme les autres, avec une voix hélas ! éraillée, chaudronneuse, Thérésiforme[3] ! Elle ! Mme Carvalho[4] ! La salle était archi-pleine — et pourtant l'ennui du public perçait par tous les pores. Le duo a été applaudi ; — quant au reste — silence de mort, interrompu par quelques faibles bruits de claque.— Si c'est là un succès — qu'on me donne une chute ! Je préférerais aller *vingt* fois de suite à « La G⟨ran⟩de Duchesse »[5] que retourner *une* fois à « Roméo ». Requiescat in pace ! Dixi et animam meam salvavi[6].

Qui, pensez-vous, se trouvait dans une loge au-dessus de nous ? La cara Désirée ! Je me suis précipité vers elle — et nous avons causé dans les entr'actes. Elle m'a demandé de vos nouvelles, bien entendu. Elle a une mine superbe — les cheveux en coup de vent ; « Roméo » lui fait à peu près le même effet qu'à moi. Elle est à Sèvres et veux absolument que j'aille la voir.

Le matin j'ai du nouveau visité l'Exposition avec ma fille, mon gendre, Pietsch[7], etc. ; j'ai vu Ducamp dans le courant de la journée.

Il me sera — leider ! — impossible de partir avant *vendredi* — de façon que je ne reverrai mon cher Bade que *samedi*, mais ce jour-là, si Dios quiere, je serai de retour[8].

Je vous écrirai demain encore[9] ; en attendant, j'embrasse tout le monde, je dis mille choses à Viardot et vous embrasse les mains.

Der Ihrige
J. T.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

31. ДОВЕРЕННОСТЬ Н. А. КИШИНСКОМУ

15(27) апреля 1867. Баден-Баден

Я, нижеподписавшийся, сим объявляю всем, кому о том ведать надлежит, что управление всем моим имением поручено мною Никите Алексеевичу Кишинскому и что он один имеет полное право приказывать и распоряжаться как в Спасском, так и в других моих деревнях, и что никакое другое лицо не имеет права противиться его распоряжениям.— Прошу г-на Кишинского пользоваться этим заверением, где только он найдет это нужным.

Коллежский секретарь Иван Тургенев.

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
15/27-го апр. 1867.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

1801. Валентине Делессер (с. 7)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Воскресенье, 14 января 1866.

Что поделываете, сударыня, как поживаете? Слишком уж давно я не получаю от вас никаких известий. Я знаю, что все это время вы были очень заняты бракосочетанием герцога де Муши [1]; но если сейчас у вас есть несколько свободных минут, употребите их на то, чтобы написать мне два слова. Это доставило бы мне огромное удовольствие, ибо нет необходимости говорить, сколь искренне я к вам привязан.

Что касается меня, то я, кажется, окончательно пустил корни в Баден-Бадене. Здоровье мое сносно, я часто езжу на охоту и вновь взялся за работу: начал писать большой роман [2] — я держу этого быка за рога — но не знаю, хватит ли у меня сил повалить его на землю. Пока же мы стоим один против другого.

Мы с дочерью условились встретиться в Париже в феврале или самое позднее — в марте месяце: следовательно, я буду иметь удовольствие вскоре увидеть вас и надеюсь найти в добром здравии вас и всех ваших.

Осмеливаюсь обратиться к вам со следующей просьбой: мне хотелось бы доставить моему другу Виардо удовольствие прочесть «Пиквика» Диккенса в том хорошем переводе, который вышел в издательстве Ашетт [3]. Я написал в Париж, но, видимо, издание уже разошлось. Если не ошибаюсь, я, как будто, видел экземпляр этой книги у вас. Не будете ли вы столь любезны выслать мне его бандеролью? Я верну вам его в полной сохранности в феврале.

Примите заранее мою благодарность и уверение в моей искренней и неизменной преданности.

И. Тургенев.

1804. Полине Брюэр (с. 10)

С французского:

Гейдельберг.
Гостиница «Шридер».
Понедельник, 5 февраля 1866.

Моя дорогая Полинетта, я пишу тебе из Гейдельберга, куда приехал посоветоваться со знаменитым врачом Фридрейхом [1] по поводу одной вещи, на которую я сперва не обратил внимания — но которая последние несколько дней принимает угрожающие размеры: воспаление мускула левой руки. Так вот! он мне предписал в течение *8 дней* с утра до вечера каждые *5 минут* менять холодные компрессы на руке — и это только начало лечения. Ты видишь, что сейчас нечего и думать о поездке в Париж,— я пригвожден к Баден-Бадену неизвестно на сколько времени. Так или иначе — это не очень весело,— но нужно относиться к своей беде терпеливо.

Будем надеяться, что я всё же увижу тебя до конца весны. А пока, очень грустный, целую вас обоих, тебя и Гастона, и прошу передать привет от меня всей твоей семье.

Сердечно твой
И. Тургенев.

1805. Жюлю Этцелю (с. 11)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
12 февраля 1866.

Мой дорогой Этцель,

Я бы очень хотел угодить г-ну Пагонкину [1], чье предложение очень для меня лестно; но все мои вещи — или почти все — хорошо ли, плохо ли — переведены, а роман, который я сейчас пишу и который я бы с удовольствием предоставил в распоряжение г-на П⟨агонкина⟩ еще далек от завершения [2]. Между тем вот что можно сделать: помнится, я продал вам том рассказов, уже опубликованных [3] — и я даже вижу на обложке ваших изданий объявление о выходе этого тома под заглавием «Последние повести». Я не думаю, что он уже вышел; он должен состоять из:

1) «Аннушка» («Revue des 2 Mondes») [4],

2) и 3) «Петушков» [5] и «Жид» («Revue Nationale») [6]

и 4) Маленькая пьеса, также опубликованная в «Revue des 2 Mondes», под названием «Где тонко, там и рвется» [7].

Вот что можно было бы сделать, если вы не отказались от намерения выпустить этот том: дать г-ну П⟨агонкину⟩ перевести заново повесть, озаглавленную «Аннушка» [8], перевод которой оставляет желать много лучшего,— и заменить пьесу, впрочем весьма слабую, моей вещью под заглавием «Призраки» в переводе Мериме [9] (он также просмотрел рассказы «Жид» и «Петушков»). Я не сомневаюсь, что он захочет взглянуть на перевод г-на П⟨агонкина⟩. Таким образом можно бы составить весьма приличный том.— «Призраки» нигде не публиковались. Мериме намерен приехать в Париж в марте — я постараюсь тоже приехать. Если вы желаете, я поговорю с ним обо всем этом в письме.— Я бы рад быть полезным г-ну Пагонкину.

Я отослал в Лейпциг последнюю корректуру «Сказок» с разрешением на публикацию [10] — уже более десяти дней тому назад: теперь от Вольфа зависит завершение этого дела. У него репутация человека себе на уме, но порядочного — т. е. который платит.

Вот адрес художника Людвига Пича в Берлине: Бендлер Штрассе, № 17-а. Закажите ему что-нибудь — он выполнит работу быстро и недорого [11].

Я был очень огорчен смертью этого добрейшего Биксио — и я признателен вам, что вспомнили обо мне по поводу обеда, основанного им [12].— Буду весьма счастлив сидеть рядом с вами по приезде в Париж. А пока передайте от меня привет всем приглашенным на обед и примите уверение в моей преданности.

И. Тургенев.

1806. Полине Брюэр (с. 12)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Пятница, 16 февраля 1866.

Моя дорогая Полинетта,

Спасибо за твое милое письмо; что касается меня, то вот уже десять дней, как я соблюдаю режим холодных компрессов, и хотя есть заметное улучшение, не могу еще предсказать, когда смогу вос-

пользоваться «свободой передвижения», гарантируемой Конституцией 48-го года [1]. Я должен запастись большим терпением — и дождаться событий, как принято говорить у дипломатов.

Я очень рад узнать, что ты здорова, развлекаешься и что твоя любовь к добрейшему Гастону (25-го этого месяца будет год, как ты его жена!) всё растет. В то же время я сожалею о некоторых недоразумениях между тобой и твоей свекровью: вполне ли ты уверена, что с твоей стороны сделано всё, чтобы покончить с ними [2]?

Ну, а теперь от всего сердца обнимаю тебя, а также милого Гастона — и до свидания, как только это будет возможно.

Твой старый однорукий папенька

И. Тургенев.

1808. Валентине Делессер (с. 14)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277,
19 февраля 1866.

Сударыня,

Уже давно мне следовало бы ответить на ваше последнее письмо, но я всё откладывал, чтобы сделать это устно: вам известно, что к середине этого месяца я собирался приехать в Париж; мы с дочерью назначили там встречу. К несчастью, у меня случилось воспаление мышцы большого пальца на левой руке, и неожиданно дело приняло дурной оборот: вот уже две недели я совсем не выхожу из дому и каждые 10 минут меняю холодные компрессы. Теперь мне лучше, хотя я всё еще не владею рукой; эти болезни, по-видимому, излечиваются не так скоро, и мой врач советует мне набраться терпения. Стараюсь следовать его предписанию.

Это вынуждает меня отложить до весны поездку в Париж — что самое неприятное во всей этой истории. Очень рад, что у вас всё хорошо; мне сообщила об этом дочь, которая не может нахвалиться вашим добрым отношением к ней. Надеюсь, что пройдет не слишком много времени, прежде чем я буду иметь удовольствие войти в прелестную маленькую гостиную на улице Басс, где бывает так приятно во всех отношениях.

Советую вам — и весьма настойчиво — прочитать повесть, о которой вам говорила графиня Адлерберг [1] — и добавлю, что в своем роде это шедевр. К сожалению — это не мое сочинение; оно принадлежит Гоголю и находится в томе его повестей, выпущенном издательством Ашетт. Называется повесть «Старосветские помещики»[2]. Как я уже сказал, не могу не пожалеть, что ее автор не я; сожалею об этом и за себя самого и немного за графиню, которая, по-моему, сильнее в музыке, нежели в литературе, что не мешает ей быть очаровательной женщиной.

Я знаю, что вы проявляете интерес к моей литературной работе, и потому могу сказать вам, что роман мой продвинулся уже довольно далеко [3], когда этот несчастный случай несколько охладил мой пыл... (охладил — очень подходящее слово, так как речь идет о ледяной воде). Однако я не теряю надежды возобновить прерванное повествование.

А пока прошу вас и всех ваших не забывать меня и принять уверение в моей искренней привязанности и преданности.

И. Тургенев.

1809. Людвигу Пичу (с. 15)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Понедельник, 19 фев. 1866.

Мой дорогой Пич,

Большое спасибо вам за милое письмо [1] — жаль только, что в нем прорываются печальные нотки,— было бы совсем неприятно, если б что-нибудь помешало вам приехать этим летом в Баден,— нельзя ли как-нибудь это уладить [2]? Этцель писал мне, запрашивая ваш адрес, который он снова затерял; может быть, что-нибудь из этого дела и выйдет [3]. Да и я не слишком весело настроен, и это по *физической* причине (а такие причины — худшие). Я схватил жестокий мышечный ревматизм в левой руке, осложненный так называемым воспалением надкостницы,— первые проявления показались еще осенью — но в последнее время воспаление приняло злокачественный характер, и вот уже две недели, как я сижу дома и каждые десять минут меняю холодные примочки. Я совсем не могу двигать рукой — каждое движение причиняет мне жестокие боли — а к тому же говорят, что болезнь эта принадлежит к наиболее затяжным,— это очень досадно. О работе, конечно, и речи больше нет. Вы можете оказать мне услугу. Дело в том, что 3 или 4 года тому назад у меня было воспаление надкостницы на ноге — и комиссионер в гостинице «С.-Петербург» в Берлине снабдил меня мазью,— по его словам, она оказала большие услуги владельцу гостиницы, господину Гендтласу. Мне она помогла быстро и основательно. Сделайте милость, справьтесь в гостинице «С.-Петербург» — и, если возможно, пришлите мне рецепт. Кажется, там еще тот же комиссионер.

К счастью, у нас на вилле всё благополучно — а это главное. Г-жа Виардо в хорошем настроении и написала в последнее время несколько прелестных вещиц [4]. Погода отвратительная. Вот и все наши новости.

Мне становится трудно писать — сердечно жму вам руку, сердечно кланяюсь всему семейству и всем друзьям, с Менцелем à la tête [а] и остаюсь

преданный вам
И. Тургенев.

P. S. У Маркс нет «Vossische Zeitung» [5]; если возможно, пришлите мне фельетоны [6].

1811. Полине Брюэр (с. 18)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
24 февраля 1866. Суббота.

Дорогая Полинетта,

Я не хочу пропустить первую годовщину твоего замужества, не поздравив тебя и не пожелав тебе — «many happy returns of the day» [б]. У меня есть основания поздравить и себя, так как, насколько я могу судить, вы оба очень счастливы — и искренне любите друг

[а] во главе *(франц.)*.
[б] «многих счастливых лет» *(англ.)*.

друга. Поэтому я заключаю Гастона и тебя в одно общее объятие и надеюсь встретить вторую годовщину уже дедушкой.

Моей руке немного лучше — но подобные болезни излечиваются медленно, и сейчас невозможно предсказать с уверенностью, когда я смогу приехать, чтобы вас расцеловать. Всё же я надеюсь, что это произойдет раньше мая месяца.

Через несколько дней Гастон получит твое содержание за первое полугодие (так же как и 100 франков на новогодние подарки) [1]. А пока еще раз обнимаю вас обоих и желаю вам радости и благополучия.

И. Тургенев.

1815. Людвигу Пичу (с. 21)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Понедельник, 12 марта 1866.

Мой дорогой друг,

Ваша мазь так помогла мне [1], что я обращаюсь к вам с просьбой прислать мне ее *рецепт*,— а если нельзя, то хоть еще одну баночку (побольше) — так как этот бальзам уже на исходе. Если за копию этого рецепта хотят денег, я охотно дам их.

Всё остальное тут в порядке — спешу послать вам самый дружеский поклон.

Ваш И. Тургенев.

1818. Полине Брюэр (с. 23)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
21 марта 1866.

Дорогая Полинетта,

Посылаю тебе при сем вексель на 1250 франков — первую половину твоего содержания за 1866 г.— и в то же время прошу извинить меня, что не сделал этого раньше.

Руке моей много лучше — и я уже предвкушаю момент, когда смогу навестить вас в вашем прелестном домике. Это будет, вероятно, в первых числах мая.

Вернулся ли Гастон из своей поездки? А г-жа Иннис — которой я прошу, кстати, передать мои наилучшие пожелания — всё еще в Ружмоне? Я уверен, что ты была очень рада снова увидеть эту добрейшую женщину.

С моим домом дело продвигается — и с октября месяца в нем всегда будет комната, готовая принять вас обоих [1].

А пока целую тебя и Гастона и желаю вам всего самого лучшего.

И. Тургенев.

1825. Людвигу Пичу (с. 29)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
21 апреля 1866.

Любезный друг,

Вернувшись со скучнейшей охоты на глухарей, сразу же нахожу ваше письмо [1] — и, пылая краской стыда, должен сознаться, что я, действительно,— если и не забывчивое — то, во всяком случае, очень ленивое животное. Чем старше становишься, тем быстрее скользит между пальцев жизнь — ни для чего нет времени — хотя ничего, собственно говоря, не делаешь. Но подобные философские рассуждения, собственно, тоже не что иное, как извинения,— и поэтому перестаю углубляться — и начинаю распространяться — т. е. писать.

Из сказанного в начале письма вы можете видеть, что я, благодаря вашей мази, здоров — в руке я больше ничего не чувствую [2]. Но что гораздо важнее — здоровье г-жи Виардо после долгих колебаний наконец поправилось и как раз сегодня, впервые после месячного перерыва, она пела — на блестящей Matinée [а] в Концертном зале с принцессами [б], княгинями и тому подобной мелкотой [3]. Это было великолепно — особенно одна шубертовская песня — «Двойник» [4]. От нее по спине словно пробегает легкое дуновение смерти, находящее исход в холодных слезах восторга,— вы должны это услышать! Замечательно пели и Деконе, уезжающая в Лондон, и Шрёдер.— «Тиргартен» сейчас в цвету — физически и морально [5]: мой маленький замок быстро воздвигается — 1-го октября я уже поселюсь в нем [6]. Там есть комната, которую дети окрестили «Chambre de Pietsch» [в]. Но ведь вы приедете раньше, летом — и еще сможете насладиться лицезрением любезной г-жи Анштетт [7].

Обе ваши статьи о Г. Доре превосходны — это я называю попасть в точку — и что бы теперь ни говорили, это правда. Скоро вышлю Вам их [8].— От всего сердца сожалею, что вам всё еще приходится мыкаться, но о войне, кажется, перестали говорить — а скоро пройдет и страх перед ней со всеми тревожащими вас скверными последствиями. Но от всего этого останется действительно колоссальный «entrechat» [г] г-на фон Бисмарка. Поистине, никогда ничего подобного еще не было видано; и если этот господин, внутренне издеваясь и иронизируя, совершает всё же эти дела, то в нем несомненно сидит Аристофан с сильной примесью Маккиавелли. Надо надеяться, что этим будет нанесен последнией смертельный удар — нет, просто пощечина — достославному suffrage universel [д]. Надо надеяться, сказал я? — Ах! люди ведь *жаждут* пощечин. Это вызывает в них ощущение реальности [9].

Что вы скажете о петербургской истории? Там теперь всё вверх дном. Спасение царя *(крестьянином)* — большое счастье для нашей страны [10].

[а] (Музыкальное) утро *(франц.)*.
[б] *Далее зачеркнуто:* и
[в] «Комната Пича» *(франц.)*.
[г] «прыжок» *(франц.)*.
[д] всеобщему избирательному праву *(франц.)*.

Засим — до свиданья! Поклонитесь всем милым друзьям и вашей семье.

Ваш верный
И. Тургенев.

P. S. Роман стоит на месте [11] — но я начал небольшую повесть — идет кое-как, капля по капле [12].

1826. Полине Брюэр (с. 30)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
22 апреля 1866.

Дорогая Полинетта,

Спешу ответить на твое милое письмо (которое по недосмотру несколько дней пролежало на моем письменном столе) — что на сей раз вы можете меня ждать между *10 и 15 мая*, и это уже *наверняка, наверняка*. Я хорошо себя чувствую — рука моя действует, как обычно,— и я очень рад узнать, что твое здоровье в цветущем состоянии. Целую вас обоих и повторяю, что не пройдет и трех недель, как вы меня увидите в Ружмоне [1]. Я напишу вам за два дня до своего отъезда.

И. Тургенев.

1834. Людвигу Пичу (с. 35)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
17 мая 1866.

Мой дорогой Пич,

Спасибо за ваше доброе письмо [1]. Тут все в общем благополучно — здоровье госпожи Виардо совершенно восстановилось.— Здесь только очень холодно — и к тому же эта изматывающая нервы неизвестность относительно войны или мира [2], да еще вероятный отказ от твердо принятого решения провести зимний сезон в Берлине [3] и отвратительный курс денег в России [4], грустные мысли о положении некоторых друзей [5] — всё это мало способно поддерживать хорошее настроение. Но всё еще может измениться,— итак — нечего вешать голову! Ведь жить все-таки надо — и не стоит труда жить малодушно и бесцветно.

Я и мысли не допускаю, что вы не будете этим летом моим гостем; г-жа Анштетт — подумайте — что сказала бы *она*? Итак, это должно состояться — хотя бы даже ежедневно разыгрывалось по четыре сражения! Дождитесь только настоящих хороших летних дней [6]!

Работа моя по обыкновению ползет улиткой [7]; с нетерпением жду вашей книги [8]. Вашу статью (о Доре) [9] я пошлю вам только тогда — когда вы пришлете мне точный адрес известного берлинского продавца мазей [10]; это средство ведь снова творит чудеса — оно совершенно излечило руку одного малыша, парализованную в течение года. Не забудьте же!

Кланяюсь всем добрым приятелям, начиная с Менцеля — и крепко жму руку вам.

Ваш И. Тургенев.

P. S. 22-го этого месяца я поеду на неделю во Францию к моей дочери.

1835. Э. Ф. Раден (с. 36)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
9/21 мая 1866.

Сударыня,

Я испытал настоящую радость, получив ваше письмо, переданное мне княгиней Львовой [1]; нет необходимости говорить вам, что я сохранил о вас очень теплое воспоминание и счастлив, что наши отношения не совсем прерваны [2]. Признаюсь откровенно, что я не удержал твердо в памяти обещание, данное мною княгине относительно «Православного календаря» [а] но это нисколько не меняет моего желания быть полезным в деле, которым вы интересуетесь и которое возглавляет великая княгиня [3]. Не могу все же не признаться самому себе — то, что требуется от меня, как мне кажется, не вполне соответствует моим способностям: я никогда ничего не умел писать для народа [4] — так смогу ли я сделать это теперь, окостенелый от трехлетнего бездействия [5]? Вы говорите мне о шедевре в *три* страницы: но видите ли, я что-то не знаю такого (в *прозе*) — разве что одно из писем г-жи де Севинье [6]? Спешу прибавить, что это не отказ, а сомнения, которыми я с вами делюсь. Я могу только сказать, как говорят наши солдаты: «рад стараться» [а] — они совершают чудеса с этими двумя словами; что же касается меня, то, увы, я очень боюсь, что равняться с ними мне не дано. Примите во внимание, что намерение мое помочь вам, уверяю вас, вполне серьезно.

Вы ничего не сообщаете о себе; надеюсь, что у вас всё благополучно. Не будете ли вы в этом году проезжать через Баден-Баден? Что касается меня, то я отсюда никуда не двинусь: кончено — я пустил здесь прочные корни. Я был бы очень рад снова увидеть вас, а пока прошу вас принять уверение в моих лучших чувствах.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

На конверте:

Россия.
С.-Петербург.
[б] В *С.-Петербург.*
В Михайловском дворце.
Баронессе Раден [б].
Баронессе Эдит де Раден,
фрейлине ее и. в. великой княгини Елены,
в *С.-Петербурге*
в Михайловском дворце.

[а] *Эти слова в подлиннике написаны по-русски.*
[бб] *Эти слова в подлиннике написаны по-русски.*

1836. Полине Виардо (с. 38)

С французского:

№ 4

Ружмон [1].
Вторник, 29 мая 1866.

Дорогая госпожа Виардо, я приехал сюда вчера к обеду после путешествия, продолжавшегося 5 и 3/4 часа. Я нашел всех в добром здравии. Мой зять растолстел [2], а Полина, которая находится «in a family way» [a] уже почти месяц, приобретает внушительные размеры [3]. Ее свекровь, которая теперь совсем не так смешна, как раньше — тоже находится в Ружмоне. Что до старого доброго господина (кстати, вовсе не такого уж доброго), то позавчера утром я видел его в Париже и он немного посетовал на сына и его бесполезные путешествия (одно из них явилось причиной выкидыша) и т. д. Но поскольку молодые, кажется, действительно любят друг друга, ничего не скажешь, надеюсь, что в дальнейшем они будут осмотрительнее. Я рад, что все налаживается, но мне не верится, чтобы у людей, которым до такой степени чужда была всякая «идеальность», мог быть богатый внутренний мир: там наверняка ничего не читают. Это, если угодно, не такая уж беда, но меня немного удивляет, что так устроена *моя* дочь, я бы подох со скуки, если бы мне пришлось долго жить столь шумной и молодой, но исключительно материальной жизнью [4]. К слову сказать, я смогу выехать лишь *послезавтра* утром, в четверг (а рассчитывал сделать это завтра вечером),— г-н маркиз де Надайак (владелец стекольной фабрики) сегодня обедает у *нас*, а завтра *мы* обедаем у г-на маркиза де Надайака. Так что я смогу приехать в Баден-Баден лишь в субботу утром в 10 час. Разрази меня гром, если я не буду присутствовать в этот день на вашем утреннике [5].

Должен поблагодарить вас за милое, доброе письмо [6], я читал и перечитывал его с совершенно особым удовольствием. Решительно, прусская королева завоевала все мои симпатии, и мне очень любопытно услышать «Долину» [7]. Что касается вашей ноги, то не сомневаюсь, что к моему приезду вы будете в состоянии танцевать. Мне кажется, что прошел год с тех пор, как я покинул Баден-Баден! На сей раз в Оосе служащему железной дороги нелегко будет избежать моих объятий.

Я приехал сюда вместе с г-жой Иннис и увезу ее с собой обратно в Париж.

В воскресенье утром я ходил к М. Дюкану с просьбой упомянуть, хотя бы одним-двумя словами, картину Поме в своем отчете о Салоне. Но его статья уже готова и появится в номере от 1 июня [8]. Флобер уехал из Парижа совсем недавно. Он рассчитывает провести несколько дней в Баден-Бадене [9]. Все поручения для Жерара [10] и т. д. будут в точности исполнены.

Места здесь довольно красивые — для Франции — но в общем — жалко и безлико. Дом хорошо устроен, огород — превосходный, куда лучше моего. Вот уже два дня, как стоит довольно приятная погода.

Когда же я окажусь в Баден-Бадене! Я изнываю от нетерпения и, как могу, берегусь, чтобы не подцепить какую-нибудь хворь

---

[a] в интересном положении *(англ.)*.

Напишу вам еще раз из Парижа; пока же — тысяча добрых пожеланий всем дорогим домочадцам, а вам — нежнейшее shakehands [б].

Der Ihrige [в]
И. Т.

1837. Кларе Тургеневой (с. 39)

С французского:

Ружмон.
Вторник, 29 мая 1866.

Сударыня,

Я здесь со вчерашнего дня и возвращаюсь в Париж в четверг [1]. Ввиду того что мне не хотелось бы вернуться в Баден-Баден, не повидав вас, прошу разрешить мне быть у вас к завтраку в Вербуа утром *в пятницу*.

А пока прошу передать Николаю Ивановичу и всему вашему семейству мои наилучшие пожелания и принять уверение в моей совершенной преданности.

И. Тургенев.

P. S. Полинетта чувствует себя хорошо и просит меня передать вам самый сердечный привет.

1840. Людвигу Пичу (с. 42)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
7 июня 1866.

Любезнейший друг, очень тороплюсь, а потому буду краток. Итак:

1) Г-жа Виардо (к общему нашему огорчению, нога ее всё еще не совсем поправилась) просит передать вам следующее: *в понедельник утром* одна из ее учениц, ф⟨рей⟩лейн Хольмсен из Норвегии, приедет на 2 дня в Берлин, чтобы Рёдер мог ее прослушать и ангажировать. Она совершенно чужая в вашем большом городе на Шпрее, и г-жа Виардо просит вас встретить ее во вторник *утром* на вокзале (поезд приходит в 8 часов) — и предоставить себя в ее распоряжение.— Ф⟨рей⟩лейн Хольмсен высока ростом, стройна, у нее светлые волосы, северное лицо с правильными чертами, желтовато-бледный цвет кожи и водянисто-серые глаза; она будет в сером пальто. Вы узнаете ее. Мы рассчитываем на вашу испытанную, неизменную любезность. Да к тому же фр⟨ей⟩лейн Хольмсен очень хорошая и достойная уважения девушка и обладает очень красивым голосом.

2) Большое спасибо за адрес чудо-доктора.

3) С *10-го июля* мой дом к вашим услугам — и госпожа Анштетт раскроет вам свои «материнские объятья» [1].

Итак, до скорого свиданья, дружески кланяюсь!

Ваш
И. Тургенев.

[б] рукопожатие *(англ.)*.
[в] Ваш *(нем.)*.

1841. **Жюлю Этцелю** (с. 42)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277,
7 июня 1866.

Сударь,

Я только что получил письмо от милого и доброго Мериме, который, с присущей ему благожелательностью, согласился, чтобы его имя значилось на томе, который вы намереваетесь издать [1]; с другой стороны, г. де Марс пишет мне, что рассказ, о котором я вам говорил («Призраки»), будет напечатан в номере журнала от 15 июня [2]. Это может задержать (по крайней мере я так думаю: ваших свычаев и обычаев я не знаю) отдельное издание. Во всяком случае, вам известно, что у меня уже совершенно готовы следующие вещи: 1) «Жид», 2) «Петушков», 3) «Аннушка» (Мериме вместе с г. Пагонкиным прочитал их и остался доволен) [3] и 4) рассказ, который я раньше забыл упомянуть, под названием «Собака», его переводит сейчас Мериме. С «Призраками», которые следует туда же включить, это составит довольно объемистый том. Таким образом, вам стоит сказать лишь слово, и я вышлю вам рукопись. Но, может быть, лучше всё это отложить до зимы. В общем, вы поступите, как сочтете нужным [4].

Дети Виардо горячо благодарят вас, нет, дети не могут благодарить *горячо*, словом, они вас очень, очень благодарят за прелестные книжки, которые я передал им от вашего имени.

Здесь со страхом ожидают первого пушечного выстрела. Но где он раздастся [5]?

Дружески жму вам руку.

Весь ваш
И. Тургенев.

1844. **Фридриху Боденштедту** (с. 45)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
25 июня 1866.

Мой дорогой друг,

С этим письмом посылаю вам 125 талеров (половину той суммы, что я еще должен,— к сожалению, как раз теперь я не располагаю бо́льшим — но остаток последует по возможности скоро) [1], если я до сих пор этого не сделал, то на это имеется простая причина — я *не получил вовсе* вашего первого письма [2] — оно, должно быть [a], затерялось в то время, когда я совершал три недели тому назад небольшое путешествие во Францию. Я потребую, чтобы его разыскали. Мне это было очень неприятно, но я надеюсь, что задержка не будет иметь плохих последствий.

Скоро я опять напишу вам [3], а пока жму от всего сердца вашу руку.

И. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* из-за

1846. Максимилиану Фредро (с. 47)

С французского:

Мой дорогой друг,

Сообщите мне, если знаете, точный *адрес* г-жи Мухановой в настоящее время; он нужен одному лицу [1].

Тысяча приветов.

И. Тургенев.

Вторник утром.

1847. Людвигу Пичу (с. 47)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
5 июля 1866.

Мой дорогой друг,

Не стану говорить вам, как рад я был бы увидеть вас: но должен просить вас несколько отсрочить ваш приезд. Последние события вызвали здесь такое озлобление, что я опасаюсь, как бы оно не отразилось на вас,— особенно ввиду того, что в ближайшие дни, вероятно, произойдет столкновение армии Союза (в которую входят баденские войска) с пруссаками — и результат предстоящего боя можно уже предсказать [1]. Я думаю, разумнее переждать исхода событий, который — по всему судя — не заставит себя долго ждать. Пока, во всяком случае, не приезжайте — как только это станет возможным, я немедленно сообщу вам [2].

Госпоже Виардо лучше — но нога ее еще не совсем залечена — и ей надо щадить себя; я здоров, в остальном всё идет сносно,— но в странные мы живем времена.

Надеюсь, до скорого свидания.

Ваш
И. Тургенев.

1849. Жюлю Этцелю (с. 48)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, ⟨277⟩.
28 июля 1866.

Сударь,

Мне следовало давным-давно ответить на ваше письмо, и я ничего не могу сказать в свое оправдание; секите мою повинную голову! Словом, если вы сами и не ленивы, то, уверен, поймете, что им можно быть.

Пять-шесть дней тому назад я послал Мериме два рассказа: «Петушков» и «Жид»; естественно, что рукопись сделанного им перевода «Собаки» находится у него, «Призраки» появились в «Revue», «Ася» же в переводе г. Пагонкина, должно быть, имеется и у вас, и у Мериме. Вот, следовательно, и весь состав нашего томика. Вы издадите его, когда пожелаете, и расположите эти пять вещей в том порядке, в каком захотите. Быть может, следовало бы начать «Призраками», чтобы поставить этот довольно броский заголовок на обложку. Но всё это зависит от вас [1].

От Вольфа нет решительно никаких известий. А вам он что-нибудь пишет? Кажется, скоро будет заключен мир. Трудно сказать, что из этого получится, но в любом случае — огромная Пруссия и сильно разросшаяся Италия. Если это и есть та цель, к которой стремилось французское правительство, то оно может радоваться, что вполне ее достигло [2].

Собираетесь ли вы в этом году в Баден-Баден? Мы здесь живем тихо и мирно, и холера нас пока милует [3].

Тысяча приветов.

И. Тургенев.

1851. М. Н. Каткову (с. 50)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
7 августа 1866.

Сударь,

Позволяю себе горячо рекомендовать вам моего хорошего знакомого, нового профессора виолончели в Московской консерватории, г-на Б. Коссмана. Вы не можете не радоваться тому, что приносит пользу России,— вы слишком ее любите,— я же не сомневаюсь, что г-н Коссман, выдающийся артист и профессор, может принести много пользы нашему музыкальному образованию. Надо, чтобы он прижился в Москве — и я не сомневаюсь, что вы предоставите в его распоряжение все возможности ваших обширных связей [1].

Позвольте мне заранее поблагодарить вас и примите, сударь, уверение в самом глубоком моем уважении.

И. Тургенев.

1852. Полине Брюэр (с. 51)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
15 августа 1866.

Дорогая Полинетта,

Спешу ответить на твое милое письмецо, чтобы попытаться искупить свое долгое молчание. Я в восторге от добрых вестей, которые ты сообщаешь — и надеюсь, что всё будет так, как мы все этого желаем; заботься прежде всего о своем здоровье и веди себя благоразумно.

Что касается меня, то я чувствую себя превосходно — и Баден-Баден всё это время наслаждался глубочайшим покоем; никто не сказал бы, что в двух шагах от нас убивали друг друга [1]. Когда я говорю в двух шагах — это следует понимать в двухстах километрах. Теперь мир будет установлен — и если Франция останется в стороне, то всё войдет в свою обычную колею. Устройство моего дома продвигается с разумной неторопливостью: я начинаю думать, что поселюсь в нем не раньше будущей весны.

Я не могу еще уточнить срока моей поездки во Францию [2], но это будет несомненно до конца года: я сообщу вам заранее и на этот раз обещаю быть точным, как шварцвальдская кукушка [3]. Передай

от меня привет г-же Иннис, а также всей вашей семье; Гастона, так же как и тебя, обнимаю от всего сердца.

Твой старый папенька
И. Тургенев.

1854. **Людвигу Пичу** (с. 52)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
15 авг. 1866.

Дорогой друг,

Я уже давно известил бы вас, что вы можете приехать в Баден и что я жду вас,— но у меня поселился один русский. (Я в этом случае держался пассивно) — и он уедет только в конце этой недели [1]. Стало быть, с будущего *вторника* я жду вас непременно, и останетесь вы, конечно, сколько вам поправится [2].

С г-пом Виардо всё хорошо — и вообще со всем домом,— только погода постоянно плохая и охота мало удачна. Итак, до скорого свидания! Дружеский поклон всем друзьям и крепкое рукопожатие от вашего

И. Тургенева.

1861. **Полине Брюэр** (с. 58)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
19 сентября 1866.

Дорогая Полинетта,

Ты права — я должен был тебе написать на другой же день после своего выздоровления. Я виноват и спешу исправить свою забывчивость, сообщив тебе, что чувствую я себя хорошо, что уже побывал на охоте — и что моя болезнь — впрочем, не очень серьезная — удержала меня в постели только пять дней. Сейчас уже всё хорошо.

Что касается тебя, то я рекомендую тебе быть благоразумной,— а главное — поскучай. Это похоже на шутку, но на самом деле — совершенно серьезно. Обрекая себя на несколько недель скуки, ты действуешь в интересах маленького существа, которое носишь в себе — и которому суждено, быть может, доставить тебе самые большие радости — равно как и всем своим родным. Неподвижность и покой — вот необходимые вещи,— и я не сомневаюсь, что ты сама убедишься в этом.

Я глубоко благодарен г-же Иннис за ее намерение провести с тобой октябрь — оно достойно этой прекрасной женщины — и встретиться с ней было для нас действительно большим счастьем.

Я также рад видеть, что Гастон становится столь деятельным: богатейте, если это возможно,— но при всех обстоятельствах — работайте [1].

Сердечно обнимаю его и тебя — и прошу передать мои наилучшие пожелания г-ну и г-же Брюэр.

И. Тургенев.

1862. Валентине Делессер (с. 59)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
19 сентября 1866.

Сударыня,

Вы — сама доброта, и ваше письмо меня необычайно умилило. Поверьте, что я весьма тронут вашим дружеским ко мне расположением. Спешу сообщить вам — согласно вашему желанию — что я совершенно поправился, уже ходил на охоту и рассчитываю завтра отправиться снова. Припадок был довольно сильный — но продолжался недолго. Впрочем, я нахожусь в очень хороших руках — у нас здесь превосходный доктор,— и лечат меня так, как только можно пожелать. Время от времени приходится платить такого рода должки, иначе жизнь была бы слишком приятной.

Я часто думал о вас этим летом — мне было известно, что вы чувствуете себя не так хорошо, как того хотят ваши друзья — к тому же меня тревожит ваша простуда, о которой вы мне писали. Я был бы счастлив видеть вас в Баден-Бадене и думаю, что при иных обстоятельствах это путешествие принесло бы вам большую пользу — но нынче у нас был столь неудачный сезон — столь неизменно скверная погода, что, по совести говоря, я не могу сожалеть о том, что вы так и не покинули вашего уютного дома в Пасси. Будем надеяться, что эта поездка только отложена, а пока берегите свое здоровье.

Я получаю письма от Полинетты — она как будто довольна ходом дел на стекольной фабрике — но немного скучает. Впрочем, кажется, она с этим совершенно примирилась — ведь в прошлом году необдуманные поступки имели столь печальные для нее последствия [1]. Должен же я наконец стать дедом. Я очень рад, что г-жа Иннис будет находиться при ней.

Я вновь принялся за работу — и в этом отношении всё идет отлично. Роман мой выйдет в России в начале года [2].

Благодарю вас за сведения о ваших детях; мне дорого всё, что вас касается, а к г-же де Надайак я искренне привязан.

Прощайте, сударыня,— и еще раз спасибо. Я рассчитываю быть в Париже к концу ноября, и, как обычно, мой первый визит нанесу вам. А пока целую вам руки и остаюсь

совершенно вам преданный
И. Тургенев.

1868. Жюлю Этцелю (с. 66)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Воскресенье утром, 13[a] окт. 66.

Мой дорогой друг,

Немедленно отправьте назад эту несносную мадемуазель Лину и отнесите, пожалуйста, дорожные расходы на мой счет. Мы уладим всё это с г-жой Анштетт, которая сейчас больна. Совершенно очевидно, что вы не должны оплачивать поездку этой юной швабки.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Мне очень жаль г-жу Маркович, но такой исход был почти неизбежен; этот бедный г-н Пассек был похож на живой скелет. Какое грустное для нее путешествие! Семейство г-на Пассека обвиняло ее в том, что она убила его... своей любовью, но это совершенно несправедливо, так как чахоточные обычно ненасытны и не нуждаются в том, чтобы их возбуждали, и вот теперь она, сильная и здоровая, приехала вместе с этими жалкими останками. Не могу понять, зачем нужно перевозить тело, чтобы похоронить его не там, где его настигла смерть. Во всяком случае г-жа М⟨аркович⟩ делает это не из религиозных побуждений [1]. Ну да что об этом говорить!

Что касается м-ль Лины, то больше о ней не думайте. У вас достаточно неприятностей и без этого булавочного укола.

Здесь все здоровы и передают вам тысячу наилучших пожеланий. Дружески жму вам руку.

И. Тургенев.

1870. Вильяму Рольстону (с. 67)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Пятница, 19 окт. 66.

Милостивый государь,

Я получил письмо, которое вы мне написали, а вместе с ним номер «Fortnightly Review». (Я просил бы у вас разрешения писать по-французски: я хорошо знаком с литературой вашей страны, довольно бегло говорю по-английски, но мне было бы затруднительно писать на этом языке.) — С величайшим интересом прочел я вашу превосходную статью о Кольцове [1]; лично я знал его мало, встречался с ним всего раз или два в Петербурге [2], но я был близок со многими его друзьями, в особенности с Белинским, который также заслуживает, чтобы его лучше знали и чтобы оказанное им влияние и его общественная роль получили должную оценку. Кольцов был подлинно народным поэтом, в той мере как это возможно в наш век — и если для него слишком большая честь сравнение с Бернсом, натура и дарование которого значительно богаче и ярче,— то у них имеются всё же и черты сходства — и десятка два из его стихотворений не умрут, пока будет жив русский язык [3].

Я не могу не порадоваться вашему намерению более широко знакомить ваших соотечественников с нашей литературой. Не говоря уже о Гоголе, я полагаю, что произведения графа Льва Толстого, Островского, Писемского, Гончарова могут представить интерес, поскольку в них отразилось новое понимание поэтического начала и способов его выражения; нельзя отрицать, что со времени Гоголя наша литература приобрела оригинальный характер; остается лишь выяснить, достаточно ли отчетливо выражен этот характер, чтобы привлечь внимание других наций. Ваша нация именно та, чье одобрение и симпатия представили бы особенную ценность,— вы ведь знаете, насколько сильно у нас английское влияние и как ценят у нас ваших писателей — повторяю, я не могу не приветствовать ваше намерение и радуюсь за свою страну.

Мне было бы очень приятно установить с вами личную связь — и я охотно предоставил бы себя в ваше распоряжение, сообщая все те сведения, которые могли бы вам понадобиться. В любом случае прошу вас рассчитывать на меня.

Февраль, март и апрель я намерен провести в России; но опасаюсь, что вы уже не застанете меня там, когда приедете. Я не сомневаюсь в дружеском приеме, который вас там ожидает — и был бы счастлив в нем участвовать [4].

Я с удовольствием узнал, что г-н Льюис, с которым мы в 1838 г. вместе учились в Берлине, и видный биограф Гёте — одно и то же лицо [5]. Прошу вас передать ему привет и одновременно принять уверение в самом глубоком моем к вам уважении.

И. Тургенев.

P. S. Если вы захотите мне ответить, можете писать по-английски.

На конверте:

Англия.
Господину В. Р. С. Рольстону,
помощнику библиотекаря
в *Британском Музее.*
Лондон.

1873. Людвигу Пичу (с. 70)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
6 ноября 1866.

Мой дорогой друг, непростительно, что я только теперь отвечаю на ваше письмо,— да что поделаешь! *Много* охоты, *много* лени, *немножко* работы [1] да к тому еще *несколько* неприятных писем из дому [2] — вот причины моего молчания. Но уже пора мне подать признак жизни. Итак:

a) В Тиргартене всё благополучно — здоровье госпожи Виардо гораздо лучше — в последнее время она написала несколько прелестных вещиц [3]!

b) В Берлин она поедет, вероятно, лишь в январе и пробудет там несколько месяцев — она берет с собой только двух своих дочек [4].

c) В начале февраля буду и я в Берлине — но останусь там только две, самое большее три недели — так как в России мне придется пробыть дольше, чем я предполагал. Но мы приложим все усилия к тому, чтобы пожить эти 2—3 недели как можно полнее и как можно лучше (что собственно одно и то же).

d) Талер вручен госпоже Анштетт — она благодарит и кланяется — вы вообще единственный пруссак, о котором у нее сложилось сравнительно благоприятное мнение [5].

e) Ф⟨рей⟩лейн Маркс не выписывает больше «Vossische Zeitung» — и потому я не читал вашего описания торжественного вступления войск, о чем очень сожалею — ведь вы обладаете подлинно фотографическим даром изображения, при умении располагать целое изящными группами [6].

Передайте много поклонов всем добрым берлинским друзьям [7]. Поблагодарите Бегаса за его предложение — бюст г-жи Виардо его работы был бы великолепен. Что же касается моего изображения, то

пусть он лучше изваяет лишнюю статую — для нашего брата и фотография достаточно хороша.

А засим будьте здоровы и до свидания.

Ваш
И. Тургенев.

1876. Полине Брюэр (с. 73)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
11 ноября 1866.

Дорогая Полинетта,

Г-жа Иннис должна была передать тебе, как сильно огорчил меня второй несчастный случай с тобой; с тех пор я получил от нее письмо, которое меня успокоило относительно твоего здоровья,— и берусь за перо, чтобы сказать только, что я нежно тебя обнимаю — и посоветовать тебе быть спокойной и терпеливой. Очевидно, тебе надо принять какие-то исключительные меры — я знаю женщин, которые не вставали с постели в течение всей второй половины беременности, и это им хорошо помогло. О тебе есть кому позаботиться — я вполне рассчитываю на твоего милого Гастона, которому, кстати, я сердечно жму руку,— в настоящий момент главное — это полностью восстановить *status quo* [a] твоего здоровья. Точное время моего отъезда во Францию я еще назвать не могу — во всяком случае это будет до Рождества! А пока целую вас обоих — и прошу передать мои наилучшие пожелания г-ну и госпоже Брюэр, г-же Иннис и юному Полю.

И. Тургенев.

P. S. Здесь все здоровы.

1877. Людвигу Пичу (с. 74)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
16 ноября 66.

Мой дорогой друг,

Большое вам спасибо за вашу дружескую посылку к 9-му ноября. Фотографии очень интересны и возбуждают желание взглянуть на их оригиналы — как мил и трогателен такой привет издалека. Итак, еще раз — спасибо [1]!

Высылаю сегодняшней почтой Бегасу экземпляр моих рассказов [2]. То, что это способно его порадовать—искренне радует и меня; да и вообще это очень ценно и достойно восхищения,— когда один человек возбуждает в другом приятные замыслы [3]. Как идет его работа? У меня всегда перед глазами прекрасные женские фигуры его памятника Шиллеру [4].

В Тиргартене всё обстоит, слава богу, благополучно. Всё растет и расцветает, обе девочки становятся в самом деле прелестными [5]. Каждый день после обеда они ставят пантомимические танцы, под музыку, которую импровизирует госпожа Виардо. При этом

---

[a] прежнее состояние *(лат.)*

происходит много замечательного: так, например, вчера Клоди сделала себе из антимакассара (знаете — эта штука, которую вешают на спинки кресел) род тюрбана — она была похожа на молодую, еще немного дикую богиню из мифологии будущего. Всё это вы — надо надеяться — увидите в Берлине.

Сердечно жму вам руку и кланяюсь вашей семье и друзьям.

И. Тургенев.

P. S. Так как не знаю адреса Бегаса — посылаю книги на ваш.

1881. Полине Брюэр (с. 76)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
7/19 дек. 1866.

Дорогая девочка,

Тороплюсь ответить на твое письмо, чтобы постараться искупить свое долгое молчание. Сначала скажу тебе, как я рад, что ты явно выздоравливаешь; советую тебе прежде всего набраться побольше терпения. Что касается моей поездки, то вот что ее задержало: ты знаешь, что я должен ехать в Россию,— 1°) чтобы найти заместителя моему дяде, который стал слишком стар для управления моими имениями, и 2°) чтобы вручить издателю роман, который я уже кончаю. Для того чтобы не предпринимать путешествия дважды, я рассчитывал ехать из Баден-Бадена в Россию через Париж — и всё еще рассчитываю сделать именно так; да вот только — этот чертов роман еще не окончен — и я не надеюсь, что освобожусь ранее середины января [1]. Впрочем, оказывается, это кстати, раз вы едете в Париж примерно в то же время — я вас там увижу, и мы приятно проведем несколько дней вместе. А до тех пор я должен работать не покладая рук.

Я очень жалею, что ничего не мог сделать для г-жи Иннис,— но ее вероисповедание и незнание музыки будут всегда большими препятствиями для поступления в русскую семью. Что же касается кухарки — о, дитя мое! ведь это в Баден-Бадене бо́льшая редкость, чем белая ворона — скорее их привозят сюда из Франции.

Ну — будь здорова — и до свиданья в Париже! Целую от всего сердца — тебя и Гастона.

И. Тургенев.

1883. Луи Депре (с. 78)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
22 декабря 1866.

Милостивый государь,

Я получил ваше письмо, а также томик, который вы любезно пожелали к нему приложить и который я просмотрел с живым интересом. Похвалы, которые вы мне там расточаете, слишком щедры и приятны для того, чтобы я мог ответить на них иначе, нежели словами самой прочувствованной благодарности. Вместе с тем я очень рад, что литература моей страны внушает вам симпатию [1].

Надеюсь, милостивый государь, что вы были в Баден-Бадене не в последний раз, и мне очень приятно думать, что я еще смогу познакомиться с вами лично.

Примите, милостивый государь, уверение в моей признательности и в самом глубоком к вам уважении.

Ив. Тургенев.

1885. Луи Поме (с. 79)

С французского:

Баден-Баден,
Шиллерштрассе, 277,
23 декабря 1866.

Мой дорогой сын Фридолин [1],

Я не хочу упустить возможность написать вам в этом году, это было бы непростительно, особенно после вашего прелестнейшего письма, которое вы написали мне из Аврикура [2] на клочке бумаги. Вы, ведь, большой ребенок, возможно, и не помните этого письма, но это — маленький шедевр. Вы говорите в нем о г-же Виардо столь изящно, умно и сердечно, что когда я ей прочитал его, она была по-настоящему растрогана. А теперь довольно об этом, не следует вас портить.

Расскажу вам здешние новости. Все чувствуют себя хорошо; в здоровье г-жи Виардо не наблюдалось тех колебаний, которые так огорчали нас прошлой зимой [3]; она сочинила несколько поистине прекрасных вещей [4], продолжала давать свои утренники [5], а также имела блистательный успех в Страсбурге в последнем концерте недавно основанной там Консерватории. Она будет петь там два раза «Орфея», 7-го и 10-го января, затем к концу января отправится в Берлин [6], я же к середине февраля поеду в Россию, где у меня много дел, и литературных, и иных [7]. Надеюсь, что весна соберет нас всех вместе в нашем добром старом Баден-Бадене и вы откликнетесь на призыв. Отсюда я вижу вас, в ореоле огромного успеха на Парижской выставке [8], а потом надобно будет развлекаться и трудиться, трудиться и развлекаться, так, чтобы небо закачалось!

Напишите мне пару слов: скажите, как идут ваши дела, что поделывает милая Жанна [9], над какими картинами вы работаете и окончен ли уже ее портрет [10]. Я заеду в Париж перед тем, как отправиться в Россию, вернее, по пути в Россию, и пробуду там несколько дней [11]. Само собой разумеется, что вы будете видеть меня почти постоянно. А пока желаю вам всем троим [12] всевозможного счастья и даю вам свое благословение.

Фридолин, по прозванию
старый.

1888. Полине Брюэр (с. 82)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
30 дек. 1866.

Дорогая девочка,

Я получил твое милое письмо и прошу со своей стороны принять мои наилучшие новогодние пожелания; главное из них — это сохранение того согласия и дружбы, которые царят между тобой и

Гастоном — и делают меня таким счастливым, особенно когда я вижу, что происходит в других семьях.

Сердечно поцелуй его за меня и истрать из своих денег 100 франков; считай их новогодним подарком — а я прибавлю эту сумму к тем 2500 франков, которые я вам должен и которые отдам во время нашего свидания в Париже.

Вы с Гастоном должны извинить меня за задержку этого платежа. Я находился в исключительных обстоятельствах, которые больше не повторятся [1].

В Париж я приеду непременно между 25 и 30 января.

Береги свое здоровье; это самое важное.

Еще раз нежно целую вас обоих.

И. Тургенев.

1891. Теодору Шторму (с. 84)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
20 января 1866[a].

Мой дорогой гость,

Вы, наверное, решили, что я из ленивых корреспондентов и не очень благодарен вам за ваш столь дружеский дар [1]; я же не хотел писать прежде, чем прочту эту прелестную маленькую книгу, но никак не мог за нее взяться — а когда наконец, во время поездки в Страсбург, с большим удовольствием проглотил ее, меня свалил до тех пор еще не знакомый мне враг, а именно — *подагра*! у меня был сильный приступ — я и теперь еще не совсем поправился и пишу вам в полулежачем положении; боль, однако, почти исчезла. Старость несколько грубовато постучалась в мою дверь... ну что ж, надо подчиниться, ничего не поделаешь.

Ваша повесть так изящна и трогательна, как это только возможно,— и совершенно своеобразный поэтический аромат окружает фигуру Дженни [2]; ночь с «мраморной статуей» — это маленький шедевр. Подобные находки приносят большую радость среди тривиальностей и жеманностей остальной сегодняшней литературы.

Очень рад, что мои вещи вам нравятся; что касается «Первой любви», то она немного слишком взята из собственной жизни, слишком реалистична, а ведь многие не переваривают такого — и, может быть, они правы [3]. О продолжении моих двух томиков не могу сообщить ничего определенного. Думаю, что издатель не очень-то с ними преуспел и теперь хочет сначала посмотреть, как пойдет дело [4].

Я занят, правда, сейчас большим романом, который уже заканчиваю. В феврале отправляюсь в Россию — и напечатаю эту вещь в Москве [5]; в конце апреля снова буду в Бадене и, вероятно, тогда перееду в мой маленький замок, как вы его называете [6].

Всё, что вы сообщаете о своей жизни, меня сердечно радует. Вы свили себе гнездо и уютно устроились в мягком пуху [7]. Изрядная и прекрасная часть вашего «я» умерла — но так случается почти с каждым человеком, перевалившим за четвертый десяток; однако вокруг вас трепещет молодая жизнь, ростки которой посадили вы сами. Когда человек желает большего — его карают боги, если уж они не дали ему всё заранее; но такие любимчики редки и, как и все любимчики, не заслуживают обычно этого благодеяния. Но тут ничего нельзя изменить.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Пожалуй, мне бы тоже хотелось, чтобы у вашей повести была трагическая концовка, именно с эстетически-мизантропической точки зрения [8]. Но так юным душам будет больше по вкусу, а их ведь тоже надо иметь в виду.

Госпожа Виардо благодарит за привет; этой зимой она написала много музыки, но музыка всё чисто инструментальная — маленькие вещи для скрипки и фортепьяно. Ее сын Поль делает большие успехи в игре на скрипке. Вскоре она поедет в Берлин, где проведет два месяца. Как обрадуется добрый Пич!

Итак, сердечно жму вашу руку — и желаю вам всего доброго в вашем «сером городе у моря» [9].

Ваш

И. Тургенев.

P. S. Я передал ваш привет госпоже Анштетт — она была этим очень тронута и горячо вас благодарит.

1897. Полине Виардо (с. 90)

С французского:

№ 1

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Среда, 6 февраля 1867.
2 часа.

В настоящий момент вы уже выехали из Карлсруэ, theuerste, innigst geliebte Freundinn [а] — а я сижу за своим столом и мысленно следую за вами. У нас отвратительная погода — от беспрестанного ветра дрожат стекла. Но меня утешает мысль, что не холодно, а это самое важное в дороге, и что вы с Диди уютно расположились в вагоне, где нет курящих. Шлю вам наилучшие пожелания, а завтра, когда я проснусь, моя первая мысль будет о вас. Я скажу себе: ну вот, теперь они уже в удобных теплых постелях и отдыхают от утомительного путешествия [1].

Если богу будет угодно, я сам скоро совершу это путешествие [2]; мне кажется, что сегодня с утра моей ноге лучше. Я намерен лечиться с особым рвением — чтобы быть готовым и более чем готовым в следующий четверг [3].

Господи! Как счастлив я был, когда читал вам отрывки моего романа [4]! Я буду теперь много писать — исключительно для того, чтобы доставить себе это счастье. Впечатление, производимое на вас моим чтением, находило в моей душе стократный отклик, подобный горному эху; счастлив я был не только как автор.— В Берлине я не пощажу вас и прочту все до последней строчки, и вам придется дать мне разрешение «в печать»; я изменю и выпущу все, что вам не понравится.— O meine Freundinn, Ich bin so glücklich bei dem Gedanken, das alles, alles in mir mit Ihrem Wesen auf das Innigste verknüpft ist, und von Ihnen abhängt. Bin Ich ein Baum, so sind Sie zugleich meine Wurzel und meine Krone [б].

От Олива письма нет,— но пришло повое письмо от дяди, который бессмысленно хнычет и ноет, подобно маленькому Лулу [5] за

[а] самый дорогой, нежно любимый друг *(нем.)*.

[б] О, мой друг, я так счастлив от сознания, что все, все во мне глубочайшим образом связано с вами и зависит от вас! Если я дерево, то вы одновременно и корни мои, и крона! *(нем.)*.

столом. Вот еще одно дело, с которым надо покончить как можно скорее [6].

3 1/4 часа.— Выглянуло солнце.— Теперь вы находитесь между Гейдельбергом и Франкфуртом — уже так далеко, далеко! Сколько гор и рек разделяют нас! Ну, что ж! нужно внушать себе, что это было необходимо.— Доброго и счастливого путешествия!

Я буду писать вам завтра и отправлю письмо послезавтра. Сегодня вечером, когда все будут в театре, я вновь примусь за работу [7]. Бедняжка Марианна! Должно быть, она горько плакала [8].

До завтра; Ich küsse die lieben schönen Hände. Leben sie recht wohl [в]. Целую также Диди.

Der Ihrige [г]

И. Т.

1899. Полине Виардо (с. 92)

С французского:

№ 2

Баден-Баден.

Шиллерштрассе, № 277.

Четверг вечером, 7 февраля 67.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste, beste Freundinn [а], как вы поживаете? Возможно, в эту минуту вы находитесь в театре... все ваши друзья уже восторженно встретили вас [1]. Я радуюсь при мысли, что вас очень любят в Берлине — что ваше присутствие там для многих — настоящий праздник. Мысль эта облегчает мне разлуку — хотелось бы, чтобы вам всегда было хорошо. Будьте тысячу раз благословенны и счастливы, и довольны, и здоровы!

Все утро я работал как негр над тем маленьким рассказом [2], о котором я вам говорил; если так пойдет и дальше, я окончу его ко дню отъезда — и смогу прочесть его вам в Берлине. Только бы моя противная нога не помешала этому путешествию или не заставила его отложить [3]!

Пятница утром. 10 часов.

Сегодня нога болит немного больше, я почти не в состоянии носить обувь. Бедный д-р Хайлигенталь очень смущен и говорит о моем путешествии только в предположительном тоне. Все это тянется вот уже месяц — а я по-прежнему у разбитого корыта. Случилось это весьма некстати — и я, признаюсь, начинаю понемногу терять должное терпение! Но надо его набраться.

Вчерашний день я провел дома. Луиза с Марианной играли в четыре руки сюиту Лахнера. Марианна делает поистине удивительные успехи. Луиза более чем когда-либо равнодушна к своему ребенку [4] — она обращается с ним грубо и почти жестоко — теперь он гораздо охотнее идет к м-ль Арнхольт. Что за характер у этой Луизы,— и как могло случиться, что она ваша дочь? Потом играли в вист: Виардо, конечно, все время плакался и всех обыграл. Целый день стояла отвратительная погода.

3 часа.

Моей ноге лучше. Простите, что я таким образом беседую с вами о своих конечностях — но дело в том, что от этого зависит мое путе-

---

[в] Целую любимые прекрасные руки. Будьте здоровы *(нем.)*.

[г] Ваш *(нем.)*.

[а] самый дорогой, самый лучший друг *(нем.)*.

шествие в Петербург, в Берлин — а в Берлине меня ожидает... такое множество приятных и прелестных вещей, наслаждаться которыми я буду лишь очень недолго [5].

В связи с этим и поскольку в Берлине сейчас, должно быть, находится огромное количество народа [6], я полагаю, что лучше будет заранее взять номер в гостинице.

Сегодня утром я опять работал, но не так хорошо. Я стал немного похож на вас: в голове целый рой замыслов, которые мешают друг другу выйти наружу [7]. Но я проявлю упорство и ни к чему не прикоснусь, пока первый не будет осуществлен [8]. О двух или трех из них я все-таки расскажу вам в Берлине — на будущее необходимо, чтобы вы выражали свое одобрение лично — тогда вещь рано или поздно будет написана и в любом случае s⟨ub⟩ i⟨nvocatione⟩ P⟨aulinae⟩[б] [9] — три эти буквы так интригуют г-жу Анштетт.

С нетерпением жду часа, когда отправлюсь к Виардо — там получено письмо от вас. А то, на которое надеюсь я — будет в моих руках только вечером, когда вернусь домой.— Ах, милое письмецо, добро пожаловать [10]!

Тысяча приветов всем; я напишу вам послезавтра. Целую Диди в обе щечки, а вам очень нежно целую руки. Будьте счастливы и благословенны!

Der Ihrige [в]

И. Т.

1901. Полине Виардо (с. 94)

С французского:

№ 3

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Воскресенье, 10 февраля 1867.

Дорогая госпожа Виардо, я не написал вам сегодня, потому что, должен сказать, совсем упал духом. Не могу не признаться себе в том, что состояние моей проклятой ноги ухудшается день ото дня,— думаю, придется отказаться от поездки в ближайшее время или, вернее, следует отказаться от назначения точного срока [1]. А между тем, я не допустил никакой неосторожности, в точности исполнял все предписания врача, который уже давно исчерпал все возможности, о чем, впрочем, сообщил мне с откровенностью, делающей ему честь, но меня не утешающей нисколько. Нечего вам говорить, насколько тягостна для меня эта гнусная задержка; в конце концов, надо прекратить на что-либо надеяться и рассчитывать.

Понедельник утром.

Oh theuerste Freundinn, welche Freude hat mir heute Ihr grosser, schöner Brief gemacht! Ich küsse Ihnen dafür tausendmal die lieben, guten Hände! [а] Мне необходимо было это утешение: я вновь прикован к моему дивану — совсем не могу ходить — даже с помощью палки. Не стану больше говорить ни о моей болезни, ни о путешествии: я вижу, что надо предоставить события их собственному течению. Так что я уж и не знаю, когда мы снова увидимся.

[б] под покровительством Полины *(лат.)*.

[в] Ваш *(нем.)*

[а] О самый дорогой друг, какую радость доставило мне ваше большое прекрасное письмо! Тысячу раз целую за него ваши любимые, добрые руки! *(нем.)*.

Я чрезвычайно счастлив тем, что вы говорите о моей последней книге [2]: вам известно, что вы верховный судия и повелитель; я знаю, конечно, что вы читаете мои произведения доброжелательными глазами или, вернее, глазами, которые довершают то, что я лишь наметил; и все же я знаю, что вы, с вашим тонким и безупречным чутьем, не поставите мне «хорошей отметки» за то, что заслуживает только удовлетворительной. Неизвестно, будет ли иметь успех мое сочинение в России [3], но я уже добился успеха,— единственного, о котором мечтал,— вашего одобрения. Разумеется, я не настолько глуп, чтобы принимать все, что сказал Бегас, за чистую монету [4]; но я доволен уже тем, что вам, по-видимому, это было приятно.— Итак, наслаждайтесь вашим пребыванием в Берлине, пусть оно пойдет на пользу вам и осчастливит тех, кто будет близ вас и вас увидит.

Вот мое мнение о предложении Леви: я предпочел бы другую оперу, несмотря на превосходный третий акт,— но если нельзя ничего сделать другого, соглашайтесь. В конце концов, я уверен, что вас это развлечет — а добрые берлинцы не рассердятся. Только примите меры, чтобы реплики вам не подавали *cani* [б]. Виардо тоже предпочел бы не «Отелло» [5].

Увы! мой дорогой друг, Луиза слишком быстро ожесточилась — и всякий раз, когда она говорит, я слышу в ее голосе металл. Это натура в высшей степени необщительная, неприятная и недобрая, насколько можно ею быть, чтобы на тебя не показывали пальцем. Она приехала сюда, следуя лишь прихоти, и покинет вас так же, и я почти совершенно уверен, что причиной, побудившей ее бросить мужа, была какая-то *причуда* (слово это странное, но точное) [6]. Что за характер, великий боже! Я больше не могу смотреть ей в лицо: я чувствую себя неловко. Бедный друг, сколько хлопот все это готовит и вам, и доброму Виардо.

Мой дядя пишет мне безумные письма, он утверждает, что я его смертельно обидел, считает себя «пленником», заперся в своей комнате и никого не желает видеть [7]. Вы понимаете, насколько от этого страдают дела и насколько мое присутствие в Спасском необходимо. А моя нога?!! Ну, да ладно... Сегодня архитектор Армбрустер (тот, что от г-жи де Мерк) должен осмотреть мой дом сверху донизу [8].

Прощайте, theuerste Freundinn. Tausend Küsse Ihren lieben Händen [в]. Целую Диди и приветствую всех друзей.

Der Ihrige [г]

И. Т.

1904. Полине Виардо (с. 97)

С французского:

№ 4

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Четверг, 14 февраля 1867
(день, на который был назначен мой отъезд).

Дорогая госпожа Виардо, сегодня утром мне немного лучше — но я и мечтать не могу о том, чтобы выйти из дому или походить; к

[б] *Здесь:* актеришки *(итал.)*.
[в] самый дорогой друг. Тысячу раз целую ваши любимые руки *(нем.)*.
[г] Ваш *(нем.)*.

тому же таких, ничем не окончившихся улучшений было уже столько, что больше они у меня «доверия не вызывают». Да и доктор только что объявил мне, что теперь он уже определенного ничего говорить не хочет — и не решился бы утверждать, что я смогу уехать отсюда через полтора месяца [1]. Все это — как видите — не весело, и я нахожу смирение, которое мне насильно навязано,— весьма горьким напитком. Каждый день из дома приходят навестить меня — среди прочих Берта, которая жалуется на грубое обращение с ней Луизы, вызванное *разумными* замечаниями, сделанными ею — женщиной *с большим опытом*[2] — относительно малыша, который, кстати, подхватил сильный грипп. Луиза буквально послала ее ко всем чертям. Я посоветовал Берте оставить при себе ее «разумные замечания» — ввиду того, что Луиза никогда не преминет сделать прямо противоположное тому, что ей советуют — в особенности если представить себе тот въедливый, нудный и докучливый характер, которым отличаются все речи Берты.

История с Эриттом сильно огорчает Виардо; его меланхолическая, но мирная и привыкшая к глубочайшему покою натура не может приспособиться к этой нескончаемой суете, а Луиза со своей стороны не делает ничего, чтобы пролить хоть немного бальзама на рану, которую сама же нанесла [3].

Пользуюсь моим невольным досугом и работаю с ожесточением: вчера я провел 11 часов — повторяю: одиннадцать часов — за писанием и закончил тот странный рассказ, о котором вам говорил и который приобрел более значительные размеры, нежели я предполагал сначала [4]. Я вам его прочту — само собой разумеется,— но когда? где?.. Я способен с сегодняшнего дня засесть за третий рассказ [5]... лишь бы работа шла хорошо и не давала бы о себе знать та ужасная болезнь, которая *вцепилась* мне в ногу [6].

Только что мне сказали, что вы прислали телеграмму из Берлина о вашем возвращении из Бреслау и теплом приеме, который был вам там оказан позавчера [7]. Это не удивляет меня — но я счастлив узнать об этом и позавчера вечером, лежа на диване, развлекался тем, что хлопал в ладоши, присоединяясь таким образом к аплодисментам жителей Бреслау...

От Поме получены хорошие известия — мы уже начинали беспокоиться за Жанну [8].

Вот уже пошла вторая неделя разлуки! Только бы вы были счастливы, довольны и здоровы — остальное не важно... Целую милую малышку Диди, тысяча приветствий друзьям — а я припадаю к вашим стопам — meine liebe, theuerste, angebetete Freundinn! Gott segne Sie tausendmal.

Der Ihrige [a]

И. Тургенев.

---

[a] мой любимый, самый дорогой и обожаемый друг! Да благословит вас бог тысячу раз! Ваш *(нем.)*.

1906. Полине Виардо (с. 100)

С французского:

№ 5

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Пятница, 15 февр. 67.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste, innigst geliebte Freundinn [а], добрый Виардо только что доставил мне величайшее удовольствие, прочитав мне ваше письмо из Бреслау [1]. Я совершенно счастлив, когда думаю, как вас чествовали, приветствовали, восторженно принимали — и отсюда вижу ваше милое лицо, сияющее и улыбающееся. Ну что ж! Все идет хорошо — силезцы вели себя достойно и заслужили ту милость, которую вы им оказали, пообещав приехать вновь. Представляю себе также радость этой доброй Аглаи. Она теперь в прекрасном положении [2].

Что до меня, то я в положении самом отчаянном. Я больше не встаю с дивана — любое движение причиняет мне боль. Попытаюсь добраться в колясочке *до вас*, ах! если б это и впрямь было возможно, не прибегая к метафоре. Aber die schönen Tage von Aranjuez sind vorüber [3].— Kommen Sie wieder? [б]

11 часов вечера того же дня.

Я вернулся *от вас* — не знаю, правильно ли я поступил.— Нога моя сильно распухла и сильно болит. Но я все-таки слушал чтение письма из Берлина со всеми его очаровательными подробностями [4]. Это, как говорят, пролило бальзам на мое сердце, и я с бо́льшим смирением переношу небольшую пакость, устроенную мне судьбой.

Я рад, что вы не пели в «Отелло» [5]; теперь вам необходимы произведения более просторные и более значительные. Покажите же, покажите ваши сочинения г-ну Дамрошу [6] — и всем остальным: это должно быть опубликовано — непременно.

Кстати... Оскар Бегас так же красив, как и его брат [7]? Я немного побаиваюсь за головку пятнадцатилетней Диди [8]. Напишу ей дня через два-три — а пока поцелуйте ее за меня.

Вы знаете, что Эритт написал большое письмо Виардо. Он не приводит ни одного нового факта, но самый тон этого письма неопровержимо свидетельствует, что не он виноват и что совсем незадолго до своего безрассудного поступка Луиза была с ним в самых лучших отношениях. Не сомневаюсь, что он скоро окажется в Европе [9]... а что тогда делать? По какому праву лишать его ребенка? Что до Луизы — она *непробиваема*. До чего странная натура — предназначение которой быть несчастной самой и делать несчастными всех, с кем она имеет дело, натура одновременно необузданная и безразличная, беспокойная и угрюмая; не знаешь, как к ней и подступиться. Кажется, что эта мисс Стефенс под напором общественного мнения покинет Кап ранее, чем намеревалась, и отправится в Англию [10].

Сегодня до обеда Луиза и Марианна разбирали Моцарта; после — состоялись приятный «маленький номер» и партия в вист. Сейчас я переписываю рассказ, который недавно окончил [11]: в нем

[а] мой самый дорогой, глубоко любимый друг *(нем.)*.

[б] Но счастливые дни Аранхуэца уже миновали. Когда же Вы вернетесь? *(нем.)*.

будет 80 страниц; в другом — 390[12]. Работаю, как каторжный; пусть хоть подагра принудит меня зарабатывать деньги. Есть уже и третий рассказ — не такой большой, он уже совсем сложился в моей голове[13]. Когда же я смогу прочитать вам все это, целуя время от времени ваши дорогие и благородные руки? Пусть меня никогда не покинет подагра, если я когда-либо мечтал о каком-то ином рае.

Нет ничего забавнее физиономии бедняги Хайлигенталя, когда он входит ко мне... так заметно, что он впадает в отчаяние — я, быть может, тоже. Представьте, что сегодня г-жа Анштетт давала ему советы... Это была настоящая комедийная сцена. Только я сижу не в партере. Спокойной ночи, мой дорогой, дорогой друг... отправлюсь спать. Завтра добавлю еще несколько слов.

Суббота.— Theuerste Freundinn[в], только что получил ваше письмо № 2[14] и благодарю вас от всего сердца. Только вот — вместо письма от г-на Дамроша я получил вот это, от м-ль Клетнер, которое пересылаю вам. Я слишком много теряю при обмене — и потому жду этого другого письма. Нога моя все в том же состоянии.— Полная неподвижность.— Я много тружусь и очень стараюсь быть терпеливым — чтобы доставить вам удовольствие. Пусть все идет своим чередом. Wenn es mir zu schlecht geht, so denke ich: wart, es wird doch ein Tag kommen und du wirst ihr zu Füssen sinken können[г]. А пока прошу вас передать тысячу приветов от меня м-ль Арто, Пичам, Менцелю, Бегасу и т. д. М-ль А⟨рто⟩ надо предупредить, что при встрече я расцелую ее в обе щеки — это не грозит последствиями, я ведь — всего лишь старый подагрик.

Будьте счастливы и благословенны.

Der Ihrige[д]

И. Т.

1907. Полине Виардо (с. 102)

С французского:

№ 6

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Понедельник, 18 февр. 1867.

Добрый день, дорогая госпожа Виардо, vielgeliebte, theuerste Freundinn[а]. Мне со вчерашнего дня немного лучше, хотя все еще ступить на ногу я не в состоянии. Сообщаю вам эти подробности, потому что вы этого хотите — я же в этом весьма заинтересован. Я вдруг замечаю, что предаюсь мечтам, которые, впрочем, не так уж невероятны. Если бы мне удалось отсюда выехать 28-го[1], когда вы вернетесь из Бреслау! (Вы ведь туда отправитесь 26-го, не правда ли?) Вот ведь как: еще не могу ходить, а уже замышляю путешествие. Однако — нигде же не сказано, что я навечно обречен страдать подагрой!! А пока наберемся терпения.

[в] Самый дорогой друг *(нем.)*.

[г] Когда мне очень больно, я думаю: подожди, настанет день и ты сможешь припасть к ее стопам *(нем.)*.

[д] Ваш *(нем.)*.

[а] самый любимый, самый дорогой друг *(нем.)*.

Я получил очень дельное письмо от молодого человека, которого послал в Спасское и которого хочу назначить моим управляющим [2]. В способе хозяйствования моего дяди не было злого умысла, это очевидно, но была косность и нерадение. Все еще может наладиться, и дядя, кажется, немного успокоился.

Не с этой стороны, так с другой. Вот дочь пишет, что с мужем у нее по-прежнему все превосходно, *но* дела, кажется, расстроились. Несмотря на все недомолвки, я склонен думать, что фабрика ничего не приносит и что деньги, которые были истрачены на замену печей и т. д., никак не окупаются [3]. Это несчастье, хотя и гораздо меньшее, чем, например, у Луизы [4]: в конце концов, доходов с приданого должно ей хватить, чтобы жить безбедно. К сожалению, его, как будто, уже почали.

Луиза немного менее угрюма, но, впрочем... man bleibt doch immer was man ist [5],[б]. Она, должно быть, сильно здесь скучает, по крайней мере, с виду: но она ведь знала, что приезжает в *Баден-Баден* зимой.

Говорил ли я вам, что вел переговоры с архитектором г-жи Мерк г-ном Амбрустером относительно переделки моего дома? Это будет мне стоить что-то около 1500—2000 флоринов [6]. Ну и мерзавец же этот г-н Олив! И подумать только, что я не могу причинить ему никакой неприятности! Особенно никуда не годной оказалась работа водопроводчика, и ее придется переделывать полностью.

Виардо вот уже два-три дня, как чувствует себя морально лучше, что же касается его физического состояния, то оно превосходно, и я нахожу, что выглядит он прекрасно: он немного меньше жалуется после обеда и меньше *спит*. Все это время я работал так, что даже сам удивляюсь; я сгораю от нетерпения прочесть вам то, что написал [7]. Все мое существо стремится к вам, это напоминает воронку. Кажется, я слышал это сравнение от вас; но оно слишком точно подходит ко мне, чтобы я им пренебрег. O meine heissgeliebte Freundinn, Ich denke beständig, Tag und Nacht, an Sie — und mit welcher unendlichen Liebe! Jedes mal, wenn Sie an mich denken, können Sie getrost sagen: «Mein Bild steht jetzt vor seinen Augen — und er betet mich an». Das ist buchstäblich wahr [в].

Вторник утром.

Почему вы кашляете, да еще *очень сильно*? Прочитав это в вашем дорогом и прелестном письме, которое только что получил, я вздрогнул. От переутомления ли это или же вы простудились? Может быть, в вашей квартире сыро? Во имя неба, берегите себя и избавьте меня от мучительной мысли, что вы, может быть, больны в настоящий момент или только недомогаете. О! я слишком хорошо знаю, где мое *уязвимое* место! Прошу вас, успокойте меня как можно скорее.

А где же письмо от Дамроша? Не забудьте мне его выслать [8]. Виардо дал мне почитать две статьи, появившиеся в Бреслау. Он очень мил, читает мне *все* ваши письма: я ему прочитал одно, № 2,

---

[б] человек остается всегда тем, что он есть *(нем.)*.

[в] О, мой горячо любимый друг, постоянно, днем и ночью, я думаю о вас — и с какой бесконечной любовью! Всякий раз, когда вы вспоминаете обо мне, вы можете уверенно сказать себе: «Мой образ стоит сейчас перед его глазами — и он поклоняется мне». И это будет истинная правда *(нем.)*.

и прочитаю сегодняшнее. В № 1 было сказано слишком много хорошего о моем таланте, чтобы я мог ему решиться его прочитать. Впрочем, это совсем необязательно.

Нога моя решительно поправляется, правда, с мудрой нетороплливостью, 28-го... 28-го [9]. Не перестаю об этом думать. Я напишу Микоберу-Пичу [10]. Не сомневаюсь, что вы не стали растравлять его рану; долги, вот его болезнь. И еще, может быть, ощущение его ущербности как художника. Надо будет попытаться его подбодрить. Тысяча приветов всем, крепкий поцелуй Диди, und mich — zu Ihren Füssen, mit den Lippen auf Ihren Füssen. Gott segne Sie.

Der Ihrige [г]

И. Т.

1911. Полине Виардо (с. 106)

С французского:

№ 7

Баден-Баден,
Шиллерштрассе, 277.
Пятница, 21 февр. [а] 1867.

Дорогая и добрая госпожа Виардо — innigst geliebte Freundinn [б], кажется, я могу сообщить вам хорошую новость: вот уже два дня, как состояние моей ноги заметно улучшилось — и если ничто не расстроит мои планы и надежды, через неделю я отправлюсь в путь [1]. Пока что я едва смею поверить в возможность этого путешествия, в счастье вновь увидеть вас — счастье, которое, увы, продлится лишь очень недолго... и все же! В самом деле — мне положительно лучше.

Я получил вчера письмо от Диди — и, как видите, немедленно отвечаю ей [2]. Вчера у нас с Луизой был долгий разговор — первый за все это время. Она казалась очень расстроенной письмом, которое вы ей написали — особенно некоторыми выражениями, вроде «черного покрова, который она набросила на семейное счастье», сильно ее огорчившими. Она разрыдалась. Время от времени она восклицала: «Я хорошо знаю, что свалилась на вас, как снег на голову,— но что же мне теперь делать?» Я пытался успокоить ее, немного утешить, говоря, что ей ничего не надо *делать*, *что-либо решать* — но хотя бы проявлять больше самопожертвования, нежности, искренности — в особенности по отношению к отцу; что даже если она намерена порвать с мужем навсегда — не следовало показывать ему этого так отчетливо, ведь это должно было довести его до крайности, и что в таком случае ей будет трудно, чтобы не сказать невозможно, оставить при себе ребенка, на которого он имеет непреложные права; что если представится случай, скорее необходимо употребить немного дипломатии, дабы избежать борьбы, которая опечалит весь дом и опозорит, что раз она сама признает, что поведение ее мужа после отъезда очень отличается от того, что она себе представляла,— надо постараться не сбивать его с этого правильного пути... и что в конце концов я не понимаю, как можно обижаться на людей, которые вас любят и которых любите вы. Не знаю, принесли ли мои увещевания какие-либо плоды, но вчера вече-

---

[г] а я — склоняюсь к вашим стопам, припадаю губами к вашим стопам. Да благословит вас бог. Ваш *(нем.)*.

[а] Так в подлиннике.

[б] Нежно любимый друг *(нем.)*.

ром она была с Виардо ласковее обычного — не заперлась в своей комнате — сыграла сонату Клементи (Didone abbandonata[в]) — и очень хорошо, ей-богу! — Если б она могла хоть немного смягчиться! — Но все же не следует отчаиваться, и я был бы счастлив, если бы то незначительное влияние, которое я на нее имею, могло бы этому способствовать.

В остальном все здесь вполне спокойно. Вот уже три или четыре дня стоит прелестная погода, здоровье Виардо отменное, детей — тоже. Марианна необычайно мила; это добрая и нежная натура, обладающая двумя или тремя, как говорят англичане, «crotchets»[г], в сущности вполне невинными. Я сказал ей, что если б она за этот год сумела сделать *исключительные* успехи — в игре на фортепиано, вам не осталось бы ничего иного, как взять ее с собой в Берлин, чтобы показать ее какому-нибудь великому педагогу-пианисту. Кстати, г-на Калливода уже видели на улице Карлсруэ, правда, он очень похудел и изменился. Что касается Лотто, то о нем ничего не известно.

А что с письмом от г-на Дамроша[3]? Я громко требую его. Очень, однако, неприятно, что О. Бегаса не будет в Берлине именно тогда, когда вы туда едете — сообщите мне его мнение о рисунках Диди[4]. А что с вашим бюстом, который намеревался делать другой Бегас[5]?

Господи — подумать только, что я, возможно, вновь увижу вас через неделю... Постойте, постойте, сударь, будьте благоразумны.

Я принялся за мое *третье* сочинение[6], однако оно подвигается хуже — то есть медленнее. Тем не менее я тружусь.

А теперь прошу вас дать мне ваши прекрасные руки, чтобы я нежно, нежно их поцеловал — и остаюсь навеки

der Ihrige[д] И. Т.

1913. Полине Виардо (с. 108)

С французского:

№ 8

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Воскресенье, 24 февраля 1867.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste, beste Freundinn[а], Виардо только что прочитал нам несколько отрывков из вашего последнего письма: «failure»[б] с О. Бегасом достойна сожаления — эти две недели потеряны — но не следует предаваться унынию — надо незамедлительно обратиться к г-ну Граффу, которого вам рекомендуют, а главное — не должно быть и речи о возвращении в Баден-Баден[1]. Вас тут же поймают на слове, а вы должны провести полных два месяца в Берлине. Не надо думать и о том, что мы «столкнемся» в пути,— если бог даст — и мое выздоровление не сделает резкого скачка назад — я выеду отсюда в *пятницу* или — самое позднее — в *субботу* — это твердо решено[2]; я уверен (то же гово-

---

[в] Покинутая Дидона *(итал.)*.
[г] причуды *(англ.)*.
[д] Ваш *(нем.)*.
[а] самый дорогой, самый лучший друг *(нем.)*.
[б] «неудача» *(англ.)*.

рит и доктор), что путешествие пойдет мне на пользу — мне бы только влезть в вагон, а уж когда я окажусь в Берлине — если бы и началась новая вспышка, пусть! я бы находился в Берлине — а следовательно, в двух шагах от вас.

NB. Это письмо будет отправлено завтра — возможно, что вы его получите лишь по возвращении из Бреслау; но я вам пошлю еще одно в *среду* [3] — в нем я смогу сообщить вам точно день моего приезда в Берлин. Halt aus, mein Herz [в]!

Понедельник, 25 февраля.

Ноге моей становится лучше — понемногу, правда — но и это уже кое-что. Для меня теперь это «eine Lebensfrage» [г] — хотя за последнее время мне часто приходилось отказываться от почти окончательных планов,— но на сей раз, я чувствую, разочарование было бы слишком горьким. Ich kann Ihnen gar nicht sagen, wie sehr ich mich nach Ihrer lieben Gegenwart sehne jede Nacht — und die ganze Nacht hindurch sehe ich Sie im Traume — auch kann ich jetzt nicht mehr arbeiten — da meine Gedanken beständig um Sie herum kreisen, und vor Ihrer theueren Gestalt schmelzen alle übrigen wie Schnee [д].

Настроение Луизы решительно улучшилось. Она спела нам сегодня арию Сюзанны [4], романс Доницетти, небольшую вещицу Массне. Она и впрямь очень хорошо поет, как достойная дочь своей матери,— с безукоризненным соблюдением стиля, с совершенной точностью; ее голос, который мне всегда нравился (и который, между прочим, всегда вызывал во мне большое удивление, поскольку он мало согласуется с ее характером), набрал силу — развился — она легко берет верхи — высокие ноты у нее очень приятные, они звучат естественно и прозрачно. Я вполне искренно делал ей комплименты, что, по-видимому, доставило ей удовольствие. Это будет «valuable acquisition» [е] для ваших утренников [5], если — если — если ничто не помешает. Из многочисленных писем Эритта, которые Виардо должен был вам послать — вы поймете, что именно может помешать. Не сомневаюсь, что он этим летом приедет в Европу и тогда... тогда будет видно, что делать; но я думаю, что Луиза отправится еще дальше [6].

То, что вы пишете Виардо об успехе ваших Lieder [ж] у этих двух бельгийцев, доставило мне живейшее удовольствие; и я благодарен вам за то, что вы подумали, что мне это будет приятно. Я испытываю совершенно особенное ощущение, когда вас чествуют и приветствуют — это ощущение очень нежное, особенное и возникающее одновременно под влиянием многих чувств.— А что с письмом г-на Дамроша [7]?

Не знаю, писал ли я вам, что г-жа Муханова [8] наконец поправилась — и что она уже вернулась в Варшаву. Коли ей удалось поправиться, так и мне не следует совсем терять надежду.

[в] Успокойся, мое сердце! *(нем.)*.

[г] «вопрос жизни» *(нем.)*.

[д] Не могу вам сказать, как сильно стремлюсь я к вам каждую ночь, как всю ночь напролет вижу вас во сне; и я теперь не могу уже больше работать, так как все мои помыслы кружатся возле вас, и ваш дорогой образ заставляет все прочие растаять, подобно снегу *(нем.)*.

[е] «ценное приобретение» *(англ.)*.

[ж] песен *(нем.)*.

Итак, решено — я пишу вам еще раз в *среду*; в *четверг* утром я пришлю вам записочку, а возможно и в субботу [9]... Т-с-с!

Нежно целую Диди, und ich küsse mit der Inbrunst der Anbetung die lieben Hände und Füsse.

Der Ihrige [з]

И. Т.

P. S. Я написал довольно большое письмо Пичу [10].

1914. Морицу Гартману (с. 110)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
25 февраля 1867.
Понедельник.

Вот уже несколько месяцев я все собираюсь написать вам, мой милый друг,— но, к сожалению, так и не пришлось — и говорю теперь мое «mea culpa» [а]. Очень часто я думал о вас, могу вас в этом заверить — я знаю, что за последнее время вам пришлось испытать мучительные переживания, и, конечно, я искренне сочувствовал вам [1]. Я знаю, что теперь ваши дела идут несколько лучше, и я хотел бы узнать о вашем новом проекте — еженедельном издании при «Allgemeine Zeitung» [2]. «Freya» получаю я регулярно [3]. В общем я знаю о вас через госпожу Рашет. Эта славная женщина питает искреннюю симпатию ко всей вашей семье [4].

Она, наверно, сказала вам, что у меня поселился скверный гость — а именно подагра, и весьма неприятной хронической формы. Болезнь на два месяца приковала меня к моему дивану, и даже сейчас я еще едва плетусь, опираясь на палку. Скверное дело для охотника! И к тому же болезнь нагрянула в неподходящее время. Мне следовало уже давно быть в России — по причине неотложных дел [5], к тому же я закончил довольно большой роман и маленькую новеллу, которые я уже продал и печатание которых задерживается самым досадным образом [6]. Но с законами природы, будь они физиологического, патологического или политического свойства, трудно бороться. Это вам, как южному немцу и вообще как немцу, должно быть особенно хорошо известно, а тем более сейчас, когда suffrage universel [б] выкинуло такую любопытную штуку на севере [7]. И тем не менее еще долго будут встречаться люди, которые чуть ли не со священным трепетом будут говорить о «grandeur» [в] и «profondeur» [г] и «sublime bon sens» «du peuple» [д],— такие вещи лучше звучат по-французски [8].

Как только мои произведения будут переведены на французский язык, я, конечно, пришлю их сразу; может быть, вы сможете что-нибудь с ними сделать [9].

[з] и со всем пылом обожания целую ваши любимые руки и ноги. Ваш *(нем.)*.

[а] «моя вина» *(лат.)*.

[б] всеобщее избирательное право *(франц.)*.

[в] «величии» *(франц.)*.

[г] «глубине» *(франц.)*.

[д] «высшем здравом смысле» «народа» *(франц.)*.

Вы, вероятно, слышали о позорной и мерзкой клевете, которая коснулась нашей бедной Катерины. Ее отец написал мне. В данном случае ничего не поделаешь, потому что стоит только прикоснуться к этому и станет еще хуже [10].

А теперь желаю вам всего хорошего. Надеюсь, мы увидимся в течение этого лета. Мне бы доставило большую радость, если бы мне удалось поместить вас в моем доме.

Господин Виардо кланяется вам, госпожа Виардо уехала месяца на полтора в Берлин со второй дочерью.

Передайте самый искренний привет вашей жене и примите уверение в моей давней дружбе.

И. Тургенев.

1920. Полине Виардо (с. 115)

С французского:

№ 9

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Вторник вечером, 26 фев⟨раля⟩67.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я только что получил ваше письмо от *20* февраля, отправленное — судя по штемпелю — из Берлина лишь 24 числа вечером. Предыдущее письмо от вас было от 21-го числа [1]. Оно несколько запоздало. Спасибо за письмо от Дамроша [2], оно доставило мне большое удовольствие — в нем еще живо ощущается впечатление, произведенное вами [3]. Сегодня вечером я, конечно, много о вас думал и время от времени хлопал обеими руками под столом, дабы присоединиться к жителям Бреслау [4]. Дорогая госпожа В⟨иардо⟩, у меня есть для вас хорошая новость — ноге моей решительно лучше — много лучше, и теперь я почти уверен, что в пятницу или, самое позднее, в субботу уеду отсюда. Я напишу вам *завтра*, и завтра же смогу сообщить вам точную дату отъезда. О! какое счастье! какое счастье!

Среда утром.

Улучшение продолжается — могу сказать, что оно движется семимильными шагами — и прибавить, что надеюсь вскоре иметь возможность сделать то же самое, я уезжаю в *пятницу* в полдень. В субботу, очень рано, si Dios quiere[a], я буду в Берлине и некто из числа моих знакомых — между 9 и 10 утра — получит записочку. Сегодня я пошлю телеграмму в гостиницу «С.-Петербург», чтобы заказать там номер с кабинетом. Совершенно излишне рассказывать вам о том, что я чувствую. Вам должно это быть известно не хуже моего. Но я поверю в это лишь спустя час *после* того, как увижу вас.

Начинаю готовиться к отъезду, только что сообщил о нем г-же Анштетт; я оставляю за собой эту квартиру, которая мне так *дорога*,— до 1-го июля, ибо кто знает...

Сегодня вы в Бреслау, и я неизменно следую мысленно за вами. Не сомневаюсь, что у вас там уже сотни почитателей, и заранее поздравляю с успехом ваших сочинений [5]. Впрочем, в связи с этим у меня есть один небольшой замысел, которым я с вами поделюсь. Это предложение, связанное с Петербургом, вызвало во мне нечто

---

[a] если богу будет угодно *(исп.)*.

вроде потрясения: мне невольно показалось, что я все еще живу в России и что это даст мне возможность вас увидеть... совсем, как двадцать лет назад, больше, чем двадцать [6]. Уверяю вас, что чувство, которое я к вам испытываю, нечто совершенно новое, которого никогда еще не существовало на свете и которое никогда не повторится!

Дома все в порядке. Все болячки зажили, и Луиза потихоньку свыкается с обстановкой [7]. У меня был презабавный разговор с м-ль Бертой.

Довольно! Я вам его перескажу.

Только что ушел от меня Жемчужников — он сообщил, что жена его — вполне благополучно — произвела на свет девочку и что все идет очень хорошо. Похоже, что у Жанны рецидив и она серьезно заболела [8]. Я очень беспокоюсь за нее и за славного Поме.

Напишу вам завтра: это будет заключительное письмо, если только не вмешается дьявол. В субботу или, самое позднее, в воскресенье мы увидимся.

Тысяча приветов всем und tausend Küsse Ihren lieben, schönen angebeteten Händen.

Der Ihrige[6]
И. Т.

1921. Полине Брюэр (с. 117)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Четверг, 28 февраля 1867.

Дорогая девочка,

Прежде всего сообщаю тебе новость, которая, надеюсь, доставит тебе удовольствие: мое здоровье восстановилось настолько, что завтра или послезавтра я смогу выехать в Россию, что мне было крайне необходимо. Затем посылаю тебе в этом письме на имя твоего мужа вексель на 1350 фр. (1250 пенсиона и 100 в качестве новогоднего подарка) — я хотел бы тебе послать и следующие 1250 франков, но сумею сделать это только по возвращении из России, которое произойдет, надеюсь, к концу апреля. То, что ты мне сообщаешь о состоянии ваших дел, изрядно меня огорчило, но я полагаю, что ты преувеличиваешь серьезность положения, говоря о *катастрофе* — в особенности если твое приданое не тронуто [1]. Мужество, умеренность в расходах, стойкость могут всё выправить — в особенности если дела улучшатся в течение этого года, на что можно надеяться. Пока вы будете жить в любви и согласии — беда невелика.

Прошу тебя написать мне в С.-Петербург на Караванную улицу, № 14, на имя г-на Боткина, получила ли ты вексель, и сделай это тотчас же, чтобы твое письмо застало меня еще в Петербурге [2].

Сердечно обнимаю вас обоих и желаю вам всего самого хорошего.

И. Тургенев.

---

[6] и тысяча поцелуев вашим любимым, прекрасным, обожаемым рукам. Ваш *(нем.)*.

1922. Полине Виардо (с. 117)

С французского:

Баден-Баден,
Шиллерштрассе, 277.
Четверг, 28 фев⟨раля⟩ 67.

Дорогая госпожа Виардо,

Думаю, что я смогу выехать в Берлин *завтра*, в пятницу; если же в *субботу* около 10 часов вы не получите от меня записки, то это, без сомнения, случится в *воскресенье*.

До скорого свидания.

Der Ihrige [a]
Иван Тургенев.

1925. Полине Виардо (с. 119)

С французского:

8 марта.
Пятница,
в поезде на пути
между Эльбингом
и Кёнигсбергом.

Дорогой и добрый друг, я попал в довольно затруднительное положение: с ногой у меня плохо — она распухла и я почти не могу на нее ступить — что делать? Продолжать путешествие — или же остановиться в Кёнигсберге? Если б я мог это *предвидеть*, то остался бы в Берлине!! Кажется, я все-таки решусь — что бы там ни было — ехать до Петербурга.

Письмецо это огорчит вас — но я обещал писать вам правду! Окончу его и пошлю из Кёнигсберга. Пожалейте вашего бедного друга — пожалейте его в особенности за то, что он расстался с вами — никогда еще разлука не была так тяжела — ночью я плакал горькими слезами.

Кёнигсберг.

Решил ехать дальше — ибо вернуться все равно нельзя. Если придется остановиться в пути, немедленно пошлю вам телеграмму — и по прибытии в Петербург тоже — само собой разумеется. Ну что ж! будем мужественны — вы будьте здоровы, вы — в первую очередь — потому что это важнее всего остального.

Тысячу поцелуев вашим дорогим и благородным рукам — и сердечный привет всем.

Der Ihrige [a]
И. Т.

---

[a] Ваш *(нем.)*.

1926. Полине Виардо (с. 119)

С французского:

№ 1 (из России)

С.-Петербург.

Воскресенье, $\frac{10\ марта}{26\ февраля}$ 1867.

Караванная улица, 14.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, theuerste Freundinn, einziges, angebetetes Wesen[а], вот я и в Петербурге — отлично устроился в хорошей, очень удобной комнате у папаши Боткина, которого я нашел немного постаревшим и поседевшим. Моей ноге, имевшей весьма скверный вид третьего дня — когда я писал вам карандашом в пути между Кёнигсбергом и Эльбингом[1],— стало лучше — воспаление почти исчезло — и я надеюсь, что два или три дня полного покоя вернут ее в то состояние, в каком она была в Берлине.— Я немного помучился на границе и в таможне — так как пришлось вылезать из вагона, идти пешком и т. д.,— но это, однако, было не так уж страшно, и вам отнюдь не следует тревожиться. Обещаю писать вам *ежедневно*[2].

Анненков меня, конечно, навестил — его жена серьезно болела — у нее был перитонит, как у Жанны — но она начинает поправляться. Здесь находится мой управляющий, и я сегодня же с ним[б] увижусь[3]. Дядя, кажется, всё так же не в себе, и мое присутствие в Спасском необходимо[4]. Я пишу в Москву Каткову, чтоб узнать, надо ли мне ехать в Москву немедленно, или, вернее,— следует ли мне остановиться там по дороге в деревню или же наоборот.— Первое чтение назначено на сегодняшний вечер[5]. Во всяком случае, я пробуду здесь 5—6 дней, и вы сможете ответить на это письмо еще сюда.— Вчера вечером я послал телеграмму с оплаченным ответом — и очень надеюсь получить его сегодня...

Здесь — и так от самой границы — настоящая зима — белая, холодная — повсюду снег — сани и т. д. и т. д.

Понемногу я начинаю приходить в себя — или, скорее, всплывать на поверхность.— Ich kann Ihnen nicht sagen, wie unendlich traurig ich war. Diese Tage in Berlin — dieses plötzliche, herrliche, Wiedersehen — das alles,— und dann diese herbe Trennung — das ist wirklich etwas zu viel für mich gewesen — und ich bin unter der Last der unvergesslichen Eindrücke förmlich zusammengebrochen — wie es mir noch nie geschehen ist. Ach — meine Gefühle für Sie — sind zu gross und zu mächtig. Ich kann nicht mehr — ich kann nicht weit von Ihnen leben,— ich muss Ihre liebe Nähe fühlen, geniessen — der Tag, wo mir Ihre Augen nicht geleuchtet haben — ist ein verlorener... Aber genug — genug — sonst werd'ich nicht meiner mächtig...[в]

[а] самый дорогой друг, единственное, обожаемое существо *(нем.)*.

[б] *Далее зачеркнуто:* завтра

[в] Не могу вам сказать, как я был бесконечно грустен.— Эти дни в Берлине — эти неожиданные прекрасные свидания — всё это,— и потом жестокое расставание — поистине, слишком много для меня; под тяжестью тех незабываемых переживаний я чувствую себя совершенно разбитым, подобного со мной никогда еще не бывало. Ах, мои чувства к вам слишком велики и сильны. Я не могу, не могу больше жить вдали от вас,— я должен чувствовать

Я много думал о вас вчера вечером, беседуя с двумя моими добрыми старпками,— вы были у Пича — и я воображал себе, что слышу, как вы поете «Räthsel» [г] и т. д. и т. д. (кстати, я, кажется, научился напевать «Räthsel» [6]). Вы, должно быть, всех покорили... Надеюсь, вы сообщите мне подробности — что же касается вечера у королевы — то письмо о нем находится в пути,— не правда ли?

Спешу окончить, чтобы письмо ушло еще сегодня.— Целую Диди, шлю тысячу добрых пожеланий Дезире, ее матери, милому г-ну Гальперту, пришедшему проводить меня на вокзал,— и с невыразимой нежностью простираюсь у ваших дорогих ног. Будьте тысячу раз благословенны... *(Хорошенько запирайтесь на ночь.)*— Будьте счастливы и здоровы!

Der Ihrige [д]

И. Т.

1931. Полине Виардо (с. 125)

С французского:

№ 3

С.-Петербург,
Караванная, 14.
Вторник, 28 февр. / 12 марта 1867.

Дорогая и добрая госпожа В⟨иардо⟩,— успех моего чтения чем дальше, тем больше возрастал — кончил я вчера в полночь, чтение продолжалось почти 7 часов подряд — я изнемогал от усталости — но впечатление, которое я производил, поддерживало меня [1]. Словом, кажется. из всего написанного мною это наименее плохо, и мне сулят золотые горы. Тем лучше, тем лучше. В особенпости рад я, что ваше мнение — для меня единственно решающее — подтверждается.

Что до моей ноги, то наблюдается очень существенное улучшение — теперь я уже могу ходить, как в Берлине. Дожидаюсь письма от Каткова [2], чтобы знать в точности, когда я должен выехать.

Я виделся с моим новым управляющим [3] и довольно долго беседовал с ним. Он мне нравится — это человек лет сорока, с выразительным и открытым лицом, который смотрит вам прямо в глаза. Он представил мне докладпую записку о состоянии моего имения,— и я лишний раз мог убедиться, что давно пора внести немного порядка и правильности в этот хаос.— Думаю, что начну я с поездки в Спасское, дабы покончить с этим переходным состоянием, которое может иметь только вредные *последствия* и одинаково тягостно для всех. Представляете ли вы себе, какой здесь холод? — *Двадцать два* градуса в 8 часов утра—*17* в полдень. Прп одной только мысли пуститься в дорогу в такое время невольно начинаешь дрожать — для этого надо быть белым медведем. Но, коль взялся за гуж, и т. д.

Навестила меня госпожа Абаза — ведь я все еще не выхожу. Она с большим интересом расспрашивала меня о вас, о том, что вы делаете, сообщила новости о Рубинштейне, который, по-видимому,

---

вашу близость, наслаждаться ею,— день, когда мне не светили ваши глаза,— для меня потерян... Но довольно — довольно — иначе я не совладаю с собой... *(нем.)*.

[г] «Загадку» *(нем.)*.

[д] Ваш *(нем.)*.

окончательно покидает Петербург весной, после экзаменов в Консерватории [4]. А Милютин, кажется, окончательно впал в детство; постараюсь завтра навестить его — это будет печальное зрелище; счастье еще, что сам он, по-видимому, уже не ощущает всей горечи своего положения [5].

8 часов вечера.— Только что пришла ваша телеграмма с извещением о внезапном вашем отъезде в *Баден-Баден*...[6] Может быть, приехал *Эрнест* [7]? Незачем и говорить вам, как я беспокоюсь и какие мысли мне приходят в голову. Умоляю, не оставляйте меня в неведении. Пишите мне, пожалуйста, в *Москву*, в редакцию «Русского вестника»; весьма возможно, что в пятницу или, самое позднее, в субботу я окончательно покину Петербург. На московской железной дороге некоторые вагоны отапливаются.

Я очень встревожен этим отъездом и его возможной причиной. Вот она, *темная пелена*, о которой вы говорили...

Посылаю вам вексель на имя Гальденванга [8] и еще раз благодарю вас за то, что вы одолжили мне эти 10 фридрихсдоров [9].

Среда утром.

Отправляю это письмо, чтоб оно ушло сегодня же. Состояние моей ноги продолжает улучшаться. Но многое другое тревожит меня — или, вернее, одно: вы, Виардо, все ваши и то, что ожидает вас в Баден-Бадене. Будем, однако, надеяться, что все устроится мирным образом!

Прошу вас передать от меня тысячу приветов всем, начиная с Виардо, а вам очень сердечно и очень дружески жму обе руки.

Der Ihrige [a]

И. Т.

1933. Полине Виардо (с. 127)

С французского:

№ 4

С.-Петербург.
Караванная, 14.
Четверг — 3/15 марта 1867.

Дорогая госпожа Виардо, я послал вам вчера утром в Берлин телеграмму с оплаченным ответом [1] — я просил вас немного уточнить, что это за непредвиденные обстоятельства, о которых вы говорите, а я могу только догадываться — но вот и вся среда прошла — и утро четверга — и ничего нет. Надо полагать, что вы уехали из Берлина еще более поспешно, чем рассчитывали — и вы можете легко вообразить себе все те мысли, что проносятся в моей голове, и с какой тревогой я думаю о том, что может сейчас происходить в Баден-Бадене. Я все еще надеюсь, что вы черкнули мне словечко перед тем, как покинуть Берлин [2]. Надо, однако, рассказать вам, что я делал эти два дня. Я видел бедного Милютина: это развалина. Говорит он мало — без особых усилий,— но постоянно путает слова. Забыл буквы, цифры. Он спросил меня, собираюсь ли я отдать свой *экипаж* в *водопровод*, то есть мой роман в журнал: *Vanitas vanitatum et omnia vanitas*[a][3]! И это он, столь блестящий, умный, деятельный... теперь — лепечущий младенец! Рука и нога

[a] Ваш *(нем.)*.
[a] Суета сует и всяческая суета *(лат.)*.

у него совершенно неподвижны... человек, может быть, еще и выживет, но Милютин — мертв.

Моей ноге много лучше — палка мне больше почти не нужна. И это несмотря на ужасный холод: двадцать и двадцать два градуса!

Разные дела задержат меня здесь до воскресенья — после чего я еду в Москву, вручаю свою рукопись Каткову [4], — и, пока ее набирают, еду в Спасское, чтобы вырвать больной зуб [5] — там пробуду самое большее дней десять — затем снова вернусь в Москву [6]. Прошу вас писать мне по моему московскому адресу. Подумать только, что я ничего не знаю — ни о вашем вечере у королевы [7], ни о вечере у Пича... Но вам, должно быть, теперь совсем не до того... И все-таки, что бы вам написать мне два слова?

Пятница утром.

Только что получил вашу телеграмму, или, вернее, ответ на мою телеграмму, с извещением о вашем отъезде в Баден-Баден, где ожидают Эритта... Дай бог, чтобы все обошлось хотя бы сносно! Я до того тревожился, что послал телеграмму и Виардо. Должен признаться, что избавлюсь от моих волнений лишь тогда, когда снова увижу милое баденское гнездышко... Это будет не очень скоро — увы!

Мы с Боткиным провели вчерашний вечер у г-жи Абаза. Она составила хор из молодых девиц — и дело идет не так уж плохо. Там оказались Рубинштейн с женой. Он играл, как лев, немного слишком встряхивая своей гривой — если говорить о музыке. Много говорили о вас.

Оба моих сочинения наделали много шума в Петербурге [8] — меня хотели бы заставить читать везде и всюду, но у меня — другие намерения.

Завтра я напишу в Баден-Баден — Виардо, Марианне и г-же Анштетт — сегодня же обнимаю всех, а вам очень сердечно пожимаю руки.

Der Ihrige [a]

И. Т.

1934. Полине Виардо (с. 128)

С французского:

№ 5

С.-Петербург,
Караванная, 14.
Воскресенье, 5/17 марта 67.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, meine beste Freundinn [a], я получил телеграмму от Виардо, который известил меня о вашем приезде в Баден-Баден [1]. Это уже много и для меня «eine grosse Beruhigung» [б]. Теперь надо ожидать событий [2]. Не могу думать об этом без волнения.

Завтра я уезжаю в Москву — и надеюсь найти там письмо от вас или от Виардо — может быть, от вас обоих. Моя нога снова пребывает в своем хроническом состоянии — ни слишком хоро-

---

[a] Ваш *(нем.)*.

[a] мой лучший друг *(нем.)*.

[б] большое облегчение *(нем.)*.

шем, ни слишком плохом — хожу я почти без помощи палки, но хромаю, и мне кажется, будто эта нога стала короче другой. Будем надеяться, что она совсем поправится к охотничьему сезону.

Третьего дня вечером я получил очень большое удовольствие: г-жа Ниссен-Саломан пригласила меня на один из вечеров, которые Консерватория устраивает один или два раза в месяц; там я слушал некую г-жу Лавровскую, которая с большим вкусом красивым меццо-сопрано спела ваш «Цветок», «Шепот» и «Сюда!» (Заклинание) [3]. Публика — надо заметить, весьма разборчивая,— аплодировала неистово — и мои хлопки заметно выделялись на фоне этого шума. Г-жа Ниссен поручила мне передать вам тысячу приветов. Старик Петров, который тоже был на вечере, говорил о вас со слезами на глазах, уверяя, что не проходит и дня, чтоб он не вспомнил о вас. Все это, естественно, доставило мне большое удовольствие — и я говорю вам об этом, потому что уверен, что это доставит удовольствие и вам.

Не забудьте, умоляю вас — если не будете слишком сильно заняты — черкнуть мне *два* слова о *двух* ваших вечерах — об аудиенции у г-на Бота и Бока [4] — состоялась ли она и т. д. Я хочу также написать Пичу и попросить подробностей [5]. Мне так недостает вестей от вас!

Воскресенье вечером.

Сегодня утром я навестил г-жу Скобелеву, которая говорит о вас с восторгом. Ее вторая дочь — Ольга — которая, кстати, очень сильно выросла, прелестно играла на рояле, с поэтическим чувством и музыкальностью, весьма редкой для ее круга. Надо надеяться, что она не поступит, как ее сестра, которая совсем забросила музыку [6].

Я забыл сказать вам, что вчера был квартетный вечер у г-жи Абаза. Начали с *трио* Рубинштейна [7], сыгранного им самим и признаюсь, его постоянное стремление превращать фортепиано в оркестр в конце концов сильно стало меня раздражать. Потом сыграли одну вещь Шумана и две Бетховена последнего периода [8] — очень хорошо, честное слово! Боткин похрапывал.— Г-жа Рубинштейн приехала со своим мужем — она все так же мила — но нос у нее крив более, чем когда-либо. Рубинштейн решительно оставляет Консерваторию, несмотря на то что они стоят перед ним на коленях [9]. На том же вечере я видел г-жу фон Раден — которая все так же любезна и, как мне кажется, сердечно к вам расположена.

Я не терял здесь времени; переделал несколько сцен моего романа [10]; уладил все с моим новым управляющим [11]. В Москве я остановлюсь только на время, необходимое для того, чтобы повидать Каткова и вручить ему мою рукопись, которую тут же отдадут в печать. Однако я повторяюсь,— мне кажется, что уже говорил вам об этом.

Понедельник вечером.

Мой отъезд задержался на сутки — надо переделать одну деловую бумагу. Завтра я уеду senza dubbio [в]. Сегодня вечером я побывал на большом концерте музыки будущего — русской — ибо таковая тоже существует [12]. Но это нечто совсем жалкое, лишенное идей и оригинальности: всего лишь плохая копия того, что делается в Германии [13]. При этом — самоуверенность, усугубляемая всей

[в] без сомнения *(итал.)*.

той необразованностью, которая нас отличает. Все свалено в одну кучу: Россини, Моцарт и даже Бетховен... Да что и говорить! — Это нечто жалкое.

Я уезжаю завтра в 2½ часа; утром буду писать Виардо и т. д. Но это письмо уйдет завтра после 8 часов. Из Москвы я вам напишу немедленно [14]. А пока тысячу и тысячу добрых пожеланий всем, а вам желаю всего самого лучшего на свете. Нежно целую ваши руки.

Der Ihrige [г]

И. Т.

1937. Полине Виардо (с. 132)

С французского:

№ 7[1]

Москва.
Пречистенский бульвар.
В доме Удельной конторы.
Четверг, 9/21 марта 1867.

Вот я и здесь, theuerste Freundinn! [а] в уютной комнате, с садом, погребенным под снежными пуховиками перед моим окном; а поверх деревьев виднеется красная византийская церковка с зелеными крышами, звон которой разбудил меня сегодня утром. Сегодня уже три недели, как я уехал из Баден-Бадена... смогу ли я вернуться туда через четыре! Буду стараться изо всех сил... Как только поездка в Спасское будет позади [2], все остальное пойдет легче. Поверьте, что я очень берегу себя, дабы не получилось какой-либо задержки. Нога в довольно хорошем состоянии.

А вы что поделываете? Никогда еще не имел я от вас так мало вестей, как в это мое отсутствие. Из телеграммы Виардо, посланной неделю тому назад, я знаю, что вы возвратились в Баден-Баден [3]. Но что же произошло потом? И что происходит? Мысль моя постоянно занята этими вопросами. У Каткова (в конторе «Русского вестника») писем не оказалось — быть может, что-нибудь придет сегодня.

Пятница утром.

Нет, письмо не пришло, вчера я послал телеграмму с оплаченным ответом [4] — я не могу оставаться в этой неизвестности. Ответа еще нет... он, однако, придет.

Завтра утром я уезжаю в Спасское. Моя рукопись уже в типографии [5]. Рассчитываю вернуться через неделю. Пишите мне на адрес Маслова (т. е. в Удельную контору и т. д. Адрес вписан в вашу маленькую книжечку). Нога моя почти поправилась, палка мне больше не нужна.

Пятница, 2 ч.

Ответ наконец пришел: он меня успокоил, хоть я и предпочел бы видеть рядом со словом «здоровье» иной эпитет, чем «сносно». Поэтому у меня остались некоторые сомнения. Важнейший вопрос не решен, но это случится, вероятно, в ближайшие дни. Не могу сказать вам, какая *Sehnsucht* [б] у меня по Баден-Бадену и сколь долгим и тяжким кажется мне каждый день [6]!

[г] Ваш *(нем.)*.
[а] самый дорогой друг *(нем.)*.
[б] тоска, томление *(нем.)*.

Позавчерашний вечер я провел у г. Писемского, одного из хороших наших литераторов. Не знаю, помните ли вы несколько отрывков из романа, которые я для вас перевел и которые поразили вас своей грубоватой откровенностью [7]. У него было несколько дам, в их числе г-жа Савицкая, которая, как говорят, обладает незаурядным актерским дарованием, в ее лице, хоть и некрасивом, было действительно нечто замечательное благодаря трагическим бровям и глазам. Я написал письмецо Виардо [8], где сообщил некоторые подробности о моих делах и поступках начиная со среды, дня приезда к моему другу Маслову.

Я видел брата, который тоже занят покупкой дома в Москве — видел также его противную жену [9]. Он выглядит лучше и бодрее, чем в последнее время. Вчера вечером я отправился к длинному Васильчикову, чтобы повидать его сестру, княгиню Черкасскую, очень милую женщину; г-жа Васильчикова говорит о Баден-Бадене с живейшим сожалением. Я поддакивал ей, как вы, конечно, можете себе представить.

Кстати, прошел слух, будто Цепплин *убил* своего камердинера [10]. И все это пришлось пережить г-же Анштетт? Будьте добры, передайте от меня привет этой доброй женщине и скажите ей, что я напишу ей и вышлю ей деньги, как только вернусь из деревни. О! г-жа Анштетт, Пэгаз [11], и вокзал в Оосе [12], когда я увижу вас вновь?

Пишите мне, прошу вас, сообщайте всякие подробности — я ведь совершенно ничего не знаю. Вот бы найти письмо из Баден-Бадена по возвращении сюда [13]!

Передайте эту записочку Марианне [14] — тысяча и тысяча приветов всем и самые нежные воспоминания — вам.

Der Ihrige [в]

И. Т.

1939. Максиму Дюкану (с. 135)

С французского:

Москва.
Пятница, 10/22 марта 1867.

Мой дорогой друг,

Я приехал сюда только вчера, и только вчера мне передали ваше письмо. Пришлите мне поскорее вашу книгу [1]; я пробуду в Москве еще три недели. Все будет сделано, как вы того желаете. Мне доставит истинное удовольствие дать возможность русской публике оценить и столь замечательное сочинение, как «Утраченные силы», и ваш талант, который, впрочем, не так уже неизвестен нашим читателям, как вы предполагаете [2].

В настоящее время я так обременен делами, что, надеюсь, вы простите мне, что я не пишу ни о чем другом. Рассчитываю увидеться с вами в Париже в первых числах мая и очень сердечно жму вам руку.

В⟨есь⟩ в⟨аш⟩
И. Тургенев.

P. S. Высылайте вашу книгу сюда, в редакцию «Русского вестника».

[в] Ваш *(нем.)*.

1943. Полине Виардо (с. 137)

С французского:

Москва.
В доме Удельной конторы.
Пречистенский бульвар.
Вторник, 14/26 марта 1867.

Уф! дорогая госпожа Виардо, что за дни я только что пережил! Расскажу вам о них подробно. Вы помните, что в субботу я должен был уехать в Спасское. Действительно, около половины шестого я отправился в путь с камердинером и моим управляющим [1]. Железная дорога идет отсюда до города, именуемого Серпухов — в 90 верстах от Москвы; там ждали меня крытые сани для продолжения путешествия. Уже с утра я чувствовал себя неважно; только что я расположился в вагоне, у меня начался жестокий кашель, который становился все сильнее; прибыв на серпуховский вокзал, находящийся в четырех верстах от города, я тем не менее уселся в мои сани; но, из-за страшнейших *ухабов* (вы знаете, что это такое) на протяжении этих ужасных четырех верст, я добрался до Серпухова в сильнейшей лихорадке. О продолжении путешествия нечего было и думать. Я провел бессонную ночь в жалкой гостиничной комнате с пульсом сто ударов в минуту и кашлем, раздиравшим мне грудь, и в этом плачевном состоянии с семи часов утра я вновь должен был подвергнуть себя пытке на «ухабах» и чуть живой дотащился до железной дороги и до Москвы. Дом Маслова показался мне сущим раем после этого ада [2] — я сейчас же послал за врачом — и, благодаря потогонным,слабительным и прочим лекарствам, сегодня я уже в состоянии написать вам и рассказать о моих бедах. Это оказался лишь довольно сильный бронхит — через три или четыре дня от него не осталось и следа. Но вот досада! Путешествие в Спасское необходимо сейчас более, чем когда-либо — моего управляющего я наперед отправил — придется возобновить попытку, а здесь в России наступает время, когда из-за таяния снегов всякое сообщение прекращается. Что если б дядя образумился и согласился устроить все дела письменно! Но он на это не пойдет, не захочет. Я собрал, однако, все силы и написал ему сегодня длинное письмо, быть может, оно произведет на него некоторое впечатление [3]. Как видно, я попал в славную переделку. Но меня утешает мысль, что все это могло оказаться еще хуже. Я буду держать вас в курсе того, что со мной произойдет.

Третьего дня, возвратившись домой, я получил большое удовольствие совсем иного рода: нашел два ваших письма — то, что вы послали в Петербург, и другое, на адрес Маслова (написанный весьма точно) — и письмо от Виардо [4]. Если изобретатель электрического телеграфа — великий человек, то нельзя обойти молчанием и изобретателя письменности — Кадма, как я полагаю [5]. Какая прелесть этот листок бумаги, являющийся к вам издалека и приносящий физический и духовный отпечаток жизни дорогого вам существа! Я читал и перечитывал эти дорогие письма — и думаю, что они-то меня и вылечили. Вот увидите, в конце концов я влюблюсь в королеву и весь прусский королевский дом, они, право же, очень милы по отношению к вам [6]. Это делает им большую честь — но все же я им за это признателен. Что касается программы вечера у Пича — это невероятно — я представляю себе возгласы «*браво*». Услышать бы сейчас хоть разочек «*Räthsel*» [a][7]! Вот когда следует

---

[a] «Загадку» *(нем.)*.

повторять: терпение, терпение! Завтра мне обещают принести первые корректуры моего романа [8]. Подумать только, что все дела, из-за которых я приехал в Россию, только начинаются [9]... Не надо слишком долго задерживаться на этих мыслях — не то моя лихорадка вернется. Я продолжу завтра; надеюсь, что буду в состоянии сообщить вам, что я уже выздоровел. Моя нога почти в нормальном состоянии; сапог я обновлю дня через три-четыре, когда смогу выйти из дому. Напишите мне, пожалуйста, сколько новых учениц привезли вы с собой в Баден-Баден [10]. Что до г-жи Шредер, то она лишь получила по заслугам.

Среда.— Мой бронхит совсем или почти совсем исчез — он был кратковременным и без последствий. Послезавтра я снова пойду на приступ Севастополя [11], в Спасском я проведу лишь *два* дня. До того я вам еще напишу отсюда. Ох, что за наказание, вся эта поездка, что за наказание! Ну, да лишь бы у вас все было хорошо. Тысяча приветов доброму Виардо (надеюсь, что его прострел прошел, как мой бронхит) и всем остальным; со всей силой моей привязанности жму ваши руки. Будьте здоровы.

Der Ihrige [б]

И. Т.

1946. Полине Виардо (с. 141)

С французского:

Москва,
в доме Удельной конторы.
Пречистенский бульвар.
Пятница, 17/29 марта 67.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn [а], мой грипп прошел, от него остался только «утробный» кашель, который тоже не устоит перед веянием весны, когда она наступит, или, скорее, перед баденским воздухом, дышать которым я рассчитываю менее чем через двадцать дней [1]. Печатание пошло энергично — и я провожу весь день за чтением корректур [2]. Вариться все время в собственном соку мало приятно, но ничего не поделаешь. Если все будет так, как началось — я смогу покинуть Москву через неделю. Если б эта поездка в Спасское не висела, словно прикованное к моей ноге ядро, как ловко мог бы я ускользнуть уже сейчас! Но это путешествие неизбежно — и по каким дорогам, по какой погоде, eterni Dei [б3]! Вот и сейчас у нас такой ураган из мокрого снега, что тошно смотреть. Перед окнами зелены здесь только крыши домов.

Не думаю, чтобы Эрнест [4] приехал мартовским пароходом; мне кажется, что вы бы мне дали об этом знать. Так что у вас будет небольшая передышка до конца апреля — и если ничего не случится, к тому времени подоспею я, дабы помочь вам, равно как и Виардо, перенести удар [5].

Здесь много толкуют о том, что происходит во Франции, о последних прениях в Палате; общее мнение, что это начало конца — и в то же время все убеждены, что как только с Выставкой будет более или менее покончено [6], ваш повелитель попытается выйти из

[б] Ваш *(нем.)*.

[а] самый дорогой друг *(нем.)*.

[б] вечные боги *(итал.)*.

своего трудного положения с помощью какой-нибудь отчаянной авантюры, в которой восточный вопрос (а следовательно, мы) сыграет большую роль [7]. А пока — у нас здесь в разгаре железнодорожная лихорадка. Со всех сторон возникают концессии, повсюду создаются компании. Из Москвы в Мценск можно будет проехать уже в сентябре (увы! не сейчас), а через три года я смогу попасть к себе, минуя Москву, прямо через Вильно, Витебск и Орел [8]... Все это прекрасно,— но в данный момент *«ухабы»* ждут меня, разинув пасть. Если б еще эти ужасные пропасти были хоть поровнее! Но попав в них, испытываешь нечто удивительно похожее на корабельную качку, а сверх того получаешь еще удары по макушке, по бокам, пояснице и т. д. Не скоро забуду я те четыре прелестные версты, что отделяют Серпухов от станции железной дороги! Они неотступно ждут меня, эти злодейки-версты! Ну что же! остается лишь терпеть!!

Суббота, 18/30 марта.

Guten Morgen, theuerste Freundinn — und vielen, vielen Dank für den lieben Brief, den Ich eben erhalten habe.[а] Как славно и приятно получать известия оттуда. То, что вы говорите мне по поводу письма, ожидающего меня в Спасском — будит во мне безумное желание отправиться в дорогу... что ж, хотя бы одно приятное впечатление я получу по приезде. Мне решительно лучше — почти что хорошо — вчера я смог выехать в экипаже — а сегодня — я обедаю не дома, очень скромно, как и положено выздоравливающему и подагрику. Заклинаю вас, будьте здоровы все вы там, в Баден-Бадене. Будьте осмотрительны! — Виардо я отвечу; скажите ему, что я благодарю его за доброе письмо [9]. Надеюсь, ему удалось наконец пострелять бекасов. Здесь погода по-прежнему прескверная; корректуры идут вовсю [10].

Тысяча миллионов добрых пожеланий всем; целую с огромной нежностью ваши дорогие руки.

Der Ihrige [б]

И. Т.

1948. Полине Виардо (с. 143)

С французского:

Москва,
в доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Воскресенье, 19/31 марта 1867.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, ваше прелестное письмо, с его весенним ароматом, с его травинками и цветочками пришло очень кстати [1]. Я был в дурном настроении и нуждался именно в таком ласковом дуновении. Нога моя болит уже целые сутки,— можно было бы подумать, что это рецидив, а между тем я осторожен, как это только возможно — и я получил не письмо, а настоящее рычание от моего дяди [2], называющего меня убийцей за то, что я не приехал в Спасское,— словно грипп, вцепившийся в меня по дороге, был лишь моим измышлением! Чего бы я не дал за то, чтоб это

[а] Доброе утро, самый дорогой друг,— и много, много благодарностей за милое письмо, которое я только что получил *(нем.)*.

[б] Ваш *(нем.)*.

ужасное путешествие было уже позади! А теперь наступает распутица, снега тают, вскоре нельзя будет проехать ни на полозьях, ни на колесах. Что делать, боже мой! Я не могу, однако, подвергать себя опасности, да еще с подагрой, которая снова взялась за меня, с кашлем, который все еще меня не оставляет! С другой стороны, я связан с печатанием моего романа — это задержит меня в Москве еще на неделю [3]. Подумать только, что если бы мне не предстояло это путешествие в Спасское, ничто не помешало бы мне быть в Баден-Бадене уже через две недели! — Я выздоровлю только там...

Понедельник утром. 19[а] марта/1 апреля 1867.

Уверен, что сегодня дети говорили обо мне — и о г-не фон Массенбахе [4]. Увы! Г-н фон Массенбах охромел — и господь ведает, когда он будет в состоянии отвешивать свои изящные поклоны, делающие его образцом для камергеров! Моя мерзкая ступня продолжает причинять мне боль — которая отдает во всей ноге.

Часть ночи я провел за писанием двух длинных писем дяде и новому управляющему [5], который, должно быть, находится в ужасно затруднительном положении. Есть русская поговорка, сравнивающая бесполезные поучения с отскакивающим от стенки горохом. Я очень боюсь, что мой дядя и есть такая стенка и что мой горох отскочил от нее мне же в нос.

Вчера утром я потащился на концерт камерной музыки с участием Лауба, Коссмана (который, кстати сказать, повергает себя к вашим стопам) и Н. Рубинштейна Играли прелестный квартет Моцарта — трио *си бемоль мажор* Бетховена и *октет* Мендельсона [6]. Лауб немного слишком однообразно слащав для Бетховена, Н. Рубинштейн играет лучше своего брата [7], проще и чище. Октет М⟨ендельсона⟩ показался мне слабым и пустым после двух других вещей... Это из области превосходно сделанной музыкальной литературы,— нечто вроде статьи из «Revue des Deux Mondes»,— тогда как оба колосса — поэты *von Gottes Gnaden* [б], творцы бессмертных сочинений. Прием со стороны публики был очень теплым. Ко мне подошел Сергей Волков — и спросил о вас; он почти так же сед, как и я.— Как это, однако, странно, что жизнь уходит так быстро, быстро, быстро.

Вчера вечером у Каткова мне пришлось читать мою новую маленькую повесть [8]. Было много публики — малосимпатичной. Я начал и кончил приступом кашля длиной в аршин. Безделица моя, кажется, понравилась. Катков просил меня оставить ее для своего журнала — это главное [9]. Он повторил обещание вручить мне последние корректуры в *пятницу*. Начиная с воскресенья я мог бы уехать из Москвы — в субботу я должен окончить дела с моим издателем [10]. Что буду я делать на следующей неделе? Предвижу, что придется-таки проглотить пилюлю. Ну, вы об этом узнаете заранее.

Спасибо, тысячу раз спасибо за ваши дорогие письма; они мне очень необходимы, они ободряют меня. Целую детей, шлю тысячу приветов Виардо, Луизе, всем и, подобно Коссману, припадаю к вашим стопам.

Будьте здоровы и до свидания.

Der Ihrige [в]

И. Т.

[а] *Так в подлиннике.*

[б] Божией милостью *(нем.)*.

[в] Ваш *(нем.)*.

1953. Полине Виардо (с. 148)

С французского:

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Среда, $\frac{\text{3 апреля}}{\text{22 марта}}$ 1867.

Alea jacta est [а]! дорогая госпожа Виардо, я не еду в Спасское. Я мог бы сделать это лишь через две недели — но к тому времени начнется распутица — а я не желаю так долго оставаться в России; — и, кроме того, я начал, наконец, получать от дядюшки рассудительные письма: он смиряется с необходимостью передать бразды правления в другие руки. Мой управляющий сообщает мне, что он начинает чувствовать себя хозяином: по-видимому, застал он там хаос несказанный. Мое присутствие большой пользы не принесло бы. Дядюшке хотелось бы повидать меня — я и сам был бы рад доставить ему эту радость — но это невозможно. Пишу ему каждый день длиннейшие письма и надеюсь, что он этим удовольствуется [1]. Вижу, что придется изрядно потрудиться — дядюшка так основательно посадил на мель нашу лодку, что ее не скоро сдвинешь... первые два года придется мне порядком подстегивать свою Музу — благо литература еще дает доход. Думается мне, что в лице моего управляющего — я напал на человека деятельного и толкового [2].

Итак,— план мой таков — если ничто не помешает, я останусь здесь до *понедельника*, 8 апреля. Кончаю правку корректур, беру под мышку 10 экземпляров, получаю деньги у Каткова [3], читаю *две* публичные лекции — невозможно было уклониться,— в *субботу* в пользу галицких русинов [4], которых наше общество поддерживает против нападок и происков австрийцев и польских панов; в *воскресенье* в собрании «Любителей русской словесности»[5];— я уже 10 лет в числе этих любителей — и еще никогда ничего не читал им,— короче — это было необходимо. В *понедельник* я мчусь в Петербург — куда приезжаю во *вторник*. В *четверг* — опять лекция и опять публичная, в пользу нашего общества помощи нуждающимся литераторам [6] — Анненков взял с меня слово; а в *пятницу* отправляюсь в Берлин. В воскресенье утром останавливаюсь в гостинице «Англия», вечером снова в путь — и в *понедельник*, *15 апреля*, если бог даст, в 3½ часа — уже буду катить по узкоколейке из Ооса в Баден-Баден... Тише! Тише! Не буди лиха, когда лихо спит, ведь и спит-то оно в полглаза.

Кстати о лихе, должен сказать, что нога моя, с которой я промучился двое суток, теперь как будто возвращается в status quo [б]... довольно-таки неудовлетворительное — в котором находилась неделю тому назад. Лишь бы мне только как-нибудь добраться до Баден-Бадена! Уверен, что там я скоро выздоровлю — а если и нет — легко утешусь.

Вы добры, как ангел, дорогая госпожа Виардо — вы меня балуете вашими очаровательными маленькими письмами, озаряющими для меня все вокруг. Это — истинное благодеяние — ибо, если вам там грустно — с тем «*тремоло*», о котором вы пишете[7], то и мне здесь совсем не весело. Надо, однако, будет принять какие-нибудь меры, если Э⟨рнест⟩ приедет в *июне*; чем больше я об этом

[а] Жребий брошен *(лат.)*.
[б] прежнее состояние *(лат.)*.

думаю, тем больше убеждаюсь в невозможности для Луизы оставаться в Баден-Бадене, где ничто не могло бы смягчить удара [8].

Да здравствует черепаха Жерар! Благодаря ему музыкальный мир будет иметь возможность наслаждаться маленькими шедеврами — (я настаиваю на этом слове) для скрипки и фортепиано [9]. Стихотворение Ленау, которое вы для меня переписываете — чуть ли не единственное, которое я люблю, и мне очень любопытно услышать, какую музыку навеяли вам эти слова [10]. Напишите еще что-нибудь, дабы по возвращении я услышал что-нибудь новое... По возвращении... Я поверю в него лишь *два* дня спустя после прибытия моего — на Шиллерштрассе, 277.

Тысячу приветов всем, начиная с Виардо. Нежно целую ваши руки.

До свидания 15 апреля!

Der Ihrige [в]
И. Т.

1956. Полине Виардо (с. 153)

С французского:

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Четверг вечером, $\frac{\text{4 апреля}}{\text{23 марта}}$ 1867.

O theuerste Freundinn [а], как же вы добры, что пишете мне так часто! С тех пор, как я здесь, я не могу избавиться от одного странного ощущения: мне кажется, что я нахожусь в тюрьме;— и впрямь, плохая погода, гадкий и грязный снег, заваливший улицы, лишают меня свободы... да еще моя больная нога, из-за которой я еле передвигаюсь по просторным комнатам дома, где я обитаю,— и этот кашель, не отпускающий меня... так вот! ваши письма — словно вестники свободы! Они будто говорят мне, что скоро все преграды падут и я вновь стану таким, как прежде. Я считаю мгновения... еще одиннадцать дней... это очень долго. О! Я сыт по горло этой нескончаемой зимой, всем, что я вижу, всем, что меня окружает!!

Но довольно — не будем говорить о грустных вещах... у вас ведь, мои бедные дорогие друзья, сейчас тоже не слишком весело — со всеми этими недомоганиями — да еще всенарастающим горестным и мучительным ожиданием того, что надвигается на вас из Капа [1]! Ну, а теперь — я хочу вам кое-что рассказать. Я дважды читал «Историю лейтенанта» [2]; в первый раз у г-на Каткова, сразу же ее у меня купившего; там меня ужасно раздражала г-жа Каткова, которая беспрестанно почесывала себе нос, прихорашивалась, ерзала, поглаживала себе колени и живот (она беременна пятнадцатым ребенком). Я сидел подле нее и только ее и видел, потому что не отрывался от своей тетради; я нашел, что она очень некрасива и неизящна — впрочем, она и в самом деле такова, независимо от чтения. Во второй раз это было у жены князя Черкасского, того самого князя Ч⟨еркасского⟩, который был в Польше министром внутренних дел — и подал в отставку, когда заболел Милютин [3]. Там были только свои люди, умные, но мало интересующиеся

[в] Ваш *(нем.)*.
[а] самый дорогой друг *(нем.)*.

литературными делами, стареющие и набожные, но не желчные дамы и один модный дурак, добрый и восторженный малый. В числе гостей был длинный Васильчиков — но дураком, однако, был не он. Моя маленькая шутка понравилась, хотя и шокировала немного... Должен прибавить, что чтение для меня — сущая мука, я не могу отделаться от тайного чувства стыда. А послезавтра-то!.. публичное чтение со всей шумихой [4]... Я опишу вам все подробно.

Поспешно заканчиваю это письмо — поскольку мне надо сейчас же отослать его на почту. Здоровье мое не блещет... Нога болит, я кашляю... Но что поделаешь! терпение... терпение!

Я напишу вам завтра — сегодня же обнимаю всех ваших домашних и жму ваши руки со всей силой моей неизменной привязанности.

Der Ihrige [б]

И. Т.

1964. Полине Виардо (с. 158)

С французского:

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Суббота вечером, 6 апреля / 25 марта 1867.

Если б я был графом Михаилом Виельгорским, дорогая госпожа Виардо, я был бы твердо убежден в том, что 1867 год — для меня год климатерический — другими словами — скверный год [1]. Все идет черт знает как, и я всё время получаю einen Streich durch die Rechnung [а]. Вы уже знаете, что сегодня я должен был читать отрывок из моего романа в публичном собрании [2]: так вот! — вчера, около десяти часов вечера, у меня начался такой сильный приступ подагры в большом пальце ноги, что его нельзя сравнить ни с чем из того, что было до сих пор: всю ночь я жестоко страдал — и вот только с час или два как припадок стал утихать. Мое чтение, естественно, полетело кувырком. В половине второго, когда публика «сбегалась толпой» (кажется, там действительно была толпа),— я лежал на спине с поднятой к небу босой ногой. Попросите Диди нарисовать это [3]. В данный момент припадок проходит — но для меня мучительно то, что он мог случиться после трех с лишним месяцев болезни: когда же это кончится, и на что же я могу рассчитывать? Вот отложен и мой отъезд из Москвы, так как я должен сдержать слово и устроить это злополучное чтение [4]; отложен также и мой приезд в Баден-Баден: теперь уже не 15 числа я смогу вновь увидеть эти любимые места! Если б я мог поставить себе в вину хоть малейшую неосторожность! Ровно ничего — примерная жизнь, жизнь аскета, святого Иоанна Крестителя [5] и крак! припадок... Как для меня это тягостно — вы легко поймете без всяких объяснений... Ох! скверный, скверный климатерический год!

Воскресенье.

Дело идет на лад, но я не могу еще ходить, то есть наступить ногой на пол, я вынужден тащиться, опираясь коленом на стул —

[б] Ваш *(нем.)*.
[а] расстройство планов *(нем.)*.

однако я не теряю надежды устроить это чертово чтение в *среду* с тем, чтоб уехать в четверг [6]... Но я ничего не хочу больше предполагать, не хочу больше употреблять будущего времени; в моих руках всегда все разваливается. Только что у меня был еще один длинный разговор с Катковым, который, после нескончаемых похвал моему роману, в конце концов сказал мне, что опасается, как бы в Ирине не узнали некоей особы [7]... и, соответственно, он советует мне *подправить* этот образ. Я наотрез отказался по двум причинам; во-первых, потому что мысль его лишена здравого смысла, и я не хочу портить ему в угоду весь мой труд; во-вторых, потому что все корректуры просмотрены и исправлены, и пришлось бы заново проделать всю работу, а это заняло бы еще десять дней. И так уж довольно этакой Москвы! Клянусь вам, что чувствую себя здесь, как в тюрьме.

Воскресенье вечером.

Только что получил ваше письмо и письмо Виардо... Бедные детки — с их первоапрельской шуткой!.. Я не мог им в этом содействовать, а Массенбах [8] находится в печальном состоянии... 1867 год будет иметь, вы увидите, то же вредное влияние и на моего второго архитектора, и в одно прекрасное утро — трах! — в Тиргартенской долине послышится сильный шум... Это рухнет прекрасный дом г-на Туркенева или Дурганива [9]... И я не стану проливать слезы.

С утра — ничего нового.— Погода отвратительная, перед глазами всё тот же мерзкий снег... Ох! как бы убраться отсюда! Я ничего больше не говорю — не строю больше планов. Was geschehen soll, wird geschehen [б], как говаривал наш глубокомысленный берлинский профессор философии Вердер.

Пока же — бедный подагрик обнимает всех и поручает себя вашим молитвам. До моего отъезда я отвечу В⟨иардо⟩; и с самой сердечной приязнью целую ваши руки.

Der Ihrige [в]

И. Т.

1968. Полине Виардо (с. 161)

С французского:

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Вторник, $\frac{\text{9 апреля}}{\text{28 марта}}$ 1867.

Климатерический год [1], климатерический год, дорогая госпожа Виардо, я не могу из него выкарабкаться. Вот и ноге моей лучше, и чтение, расстроившееся в субботу, должно состояться завтра, в среду [2] — (кстати, в тот же день, когда вы поете в Страсбурге) — а тут новая беда: г-н Катков ставит столь мощные препятствия моему злосчастному роману, что я начинаю сомневаться, можно ли будет опубликовать роман в его журнале,— что, во-первых: лишило бы меня приблизительно 2000 руб. сер.,— и, во-вторых, еще бо-

---

[б] что должно произойти — произойдет *(нем.)*.
[в] Ваш *(нем.)*.

лее задержало бы мой отъезд — ведь тогда пришлось бы искать другого издателя либо в Петербурге, либо здесь — что не сделаешь одним махом. Г-н Катков во что бы то ни стало хочет сделать из Ирины добродетельную матрону — а из всех генералов и фигурирующих в моем романе прочих господ — примерных граждан. Как видите, мы далеки от того, чтобы столковаться. Я сделал некоторые уступки — но сегодня в конце концов сказал: «Довольно!» — Посмотрим, уступит ли он. Что касается меня, то я твердо решил не отступать ни на шаг: у художника тоже должна быть совесть, и я хочу обезопасить себя от ее упреков [3]. Словом — вы сами видите, как все запуталось — но в пятницу, чего бы это ни стоило, я должен уехать. Клянусь вам, что как только я наконец окажусь в Баден-Бадене, я испущу такое *уф*!, что от него дрогнут все горы Шварцвальда. Дела с моим дядей тоже, конечно, не ладятся. Но поскольку он принял от меня пенсион, то тем самым согласился и на свою отставку — и больше будет волнений или меньше — теперь это лишь дело времени [4]. К тому же погода стоит плохая — и все тот же снег перед глазами. Я от этого заболею! Но поговорим о другом.

Я, право, влюблен в прусскую королеву, и если когда-нибудь она протянет мне руку для поцелуя, я сделаю это с величайшим удовольствием. Невозможно быть любезнее, чем она,— и чувствуется, что она к вам по-настоящему расположена — а это делает ее очаровательной в моих глазах [5]. При всем том возможно, что наш военный марш прозвучит на поле сражения... поблизости от Рейна. Здесь очень встревожены; ужасное падение курсов на парижской бирже, о чем сообщил нам сегодня телеграф, заставляет призадумываться и самых беспечных — и поговаривают, что несмотря на Выставку [6] французы и пруссаки вполне могут дойти до драки этим летом. Не надо обманывать себя; если бы это случилось — Россия открыто бы встала на сторону Пруссии, как в 1813[7],— общественное мнение в нашей стране очень настроено против Франции, и посмотрите, какая странность: в этом конфликте пруссак представлял бы прогресс, цивилизацию и будущее, а француз — сын француза 1830 года [8] — рутину и прошлое [9]!

Я знаю, что переписывать ноты невыносимо долго и скучно — но сделайте это и для Жерара и для берлинского издателя [10]. Я уверен, что это будет иметь большой успех и побудит вас продолжать работать.

Спасибо за подробности о ваших ученицах и баденскую хронику... Черт побери! У вас происходит множество необыкновенных вещей. Я не удивлюсь, если строительство моего дома еще не началось [11]. Климатерический год!

Возможно ли, что я не застану г-жу Анштетт по возвращении? При мне она была более оседлой.

Если бог даст, в этот же час через неделю — я перееду уже через границу [12]... Но заранее точно знать ничего нельзя. Я напишу вам завтра после чтения[13] — и письмо уйдет в четверг. А пока — тысяча и тысяча приветов всем; нежно целую ваши руки. Завтра вечером я буду аплодировать, чтобы настроиться на соответствующий лад [14]. Auf Wiedersehen!!

Der Ihrige [a]

И. Т.

---

[a] До свидания!! Ваш *(нем.)*.

1971. Полине Виардо (с. 165)

С французского:

Москва.
В доме Удельной конторы.
Среда, $\frac{\text{10 апреля}}{\text{29 марта}}$ 1867.

Дорогая госпожа Виардо,— снежная буря с самого утра бушует, плачет, стонет, воет на унылых улицах Москвы — ветви деревьев под моими окнами сплетаются и извиваются, словно грешницы в аду, сквозь этот шум доносится грустный звон колоколов: сейчас середина Великого поста... Ну и погодка! ну и страна! Через час я отправляюсь на свое чтение, публика будет вне себя, что ей пришлось ехать в подобную метель издалека (в Москве все далеко) для того, чтобы выслушать такие пустяки... Только бы не провал! Ну что ж, будем надеяться, что свистать не станут; а если и станут,— то это будет в унисон с тем, что творится на улице. Не думаю, что от этого я буду спать лучше или хуже. Неужели я действительно уеду послезавтра? Это кажется мне невозможным.

Среда вечером.

Ну так вот! должен сказать — *с полной откровенностью*: я имел очень большой успех. Читал я главу «У Губарева» — вы ее знаете [1]: там куча людей обсуждает революционные сплетни — потом первую беседу моего героя с Потугиным, русским философом [2]. Много смеялись, хлопали, встретили и проводили меня громкими и дружными аплодисментами. Было человек триста-четыреста. Более всего меня удивило, что я, кажется, очень хорошо читал; со всех сторон я получал комплименты. Все это доставило мне удовольствие — в особенности же мне приятно было думать, что обо всем этом я расскажу вам. А вы, дорогая госпожа Виардо, что вы делали сегодня в Страсбурге? Устроили ли вам овацию по всем правилам [3]? Вы сами расскажете мне обо всем. О, как приятно, что я могу сказать себе это!.. Если нам не будут вставлять палки в колеса, я выеду отсюда послезавтра, в пятницу [4]; и клянусь вам, что не задержусь в Петербурге ни на секунду дольше, чем будет необходимо.

С Катковым дело улажено; я пожертвовал одной сценой — впрочем, маловажной [5] — и спас остальное. Главное осталось нетронутым, но все это и есть оборотная сторона медали в литературе. В конце концов надо утешаться мыслью, что могло бы быть еще хуже — и что 2000 рублей при мне. Я продал также мое новое издание [6] — сделал множество дел и выручил немало денег. Это было тем более необходимо, что я не могу рассчитывать на их получение в ближайшее время из Спасского: мой новый управляющий нашел там — в точном смысле слова — хаос; есть долги, о которых я не подозревал [7]. Надо будет продолжать ковать железо, пока оно горячо; то есть надо будет работать, писать — пока я чувствую себя в настроении: к новому изданию я обещал огромное предисловие в сотню страниц, где изложу свои литературные и житейские воспоминания за четверть века [8], правда, стихи, которыми я дебютировал в 1843 году, были весьма посредственными [9]. Так или иначе, но это повод изложить свои воспоминания.— Тот же 1843 год напоминает мне о дате, много более для меня памятной и дорогой: ведь в ноябре 1843 года я имел счастье познакомиться с вами — как видите — это тоже произошло четверть века тому назад [10]. Будем

надеяться, что наша дружба отпразднует свое пятидесятилетие... Ох! ох! а что скажет моя подагра?

Четверг утром.

Вьюга прекратилась, но повсюду оставила снежные сугробы. Этот снег тает, так как температура — 3 или 4 градуса выше нуля,— но в данный момент можно подумать, будто зима у нас в самом разгаре. Ноге моей решительно лучше, но поскольку климатерическому году не подобает лишаться своих прав[11], ко мне вернулся сильный кашель. Однако он не помешает мне уехать завтра. Я напишу вам сразу же по приезде в Петербург. Через неделю — *быть может!* я буду уже в Баден-Бадене. А пока обнимаю всех и припадаю к вашим стопам.

Der Ihrige[a]

И. Т.

1975. Полине Виардо (с. 171)

С французского:

Санкт-Петербург,
Караванная, № 14.
Суббота, 1/13 апреля 67.

Итак, дорогая госпожа Виардо, я здесь, у старины Боткина [1]— я приехал сегодня утром в снежную бурю — как в Москве — ничего подобного здесь никогда не видели — настоящее царство зимы. Моим первым вопросом по приезде было: «Когда мое чтение?»[2] Надобно вам сказать, что я должен читать здесь отрывки из моего романа в пользу нашего Литературного фонда — невозможно было отказаться. Я узнал, что чтения состоятся в *понедельник* вечером — послезавтра — это значит, что я смогу уехать начиная со вторника. Это на день позднее, чем я надеялся... Но терпение! Если со мной не случится ничего плохого, берега Оос вновь увидят меня в *пятницу* 19 апреля [3]. Я пошлю телеграмму из Берлина [4].

Знаете, что, пожалуй, первым обитателем моего дома вполне может стать какой-нибудь французский генерал? Здесь убеждены в неизбежности войны [5] — и это убеждение выражается, в частности, в страшном понижении денежного курса. Сегодня я с большим трудом обменял 1500 рублей из расчета по 3 фр. 25 сант. за рубль — а неделю назад давали по 3 франка 36—38 сантимов. Говорят — правда — что все эти слухи о войне всего лишь проделки Биржи и что недели через две курс повысится... Ma chi lo sa? [a] Я вручил остальные мои деньги — 2000 рублей — Боткину с тем, чтобы он выслал мне их в более подходящий момент. Если война разразится, она будет ужасной — и никто не может знать, где и когда она кончится. Будем надеяться, что мы в Баден-Бадене услышим гром пушек лишь издали. Россия выступит на стороне Пруссии — в этом нет никаких сомнений — или, вернее, она будет сдерживать Австрию [6]. Вот достойное завершение Выставки [7].

Последний день в Москве я спокойно провел дома — и только вечером получил от Каткова последние корректурные листы в окончательном — я хочу сказать исправленном — виде [8]. Эти неприятности удручающе на меня подействовали. Некоторые изъятые места

---

[a] Ваш *(нем.)*.

[a] Но кто знает? *(итал.)*.

будут восстановлены в отдельном издании [9]. Некий господин Чаев, принимавший, вместе с графом Соллогубом, участие в публичных чтениях в Москве, навестил меня и прочел мне отрывки из драматической хроники, героем которой является наш знаменитый разбойник из народа Стенька Разин [10]. Г-ну Чаеву недостает поэтического воображения — но он превосходно осведомлен в истории России и в совершенстве владеет языком. И потом это милейший, очень симпатичный человек. Я все же весьма рад, что нахожусь за пределами Москвы; не знаю, потому ли что я приблизился к Европе, но у меня больше нет тоскливого чувства, будто меня окружают тюремные стены [11]. А между тем в Москве ко мне были очень добры [12]. А Маслов... какой *превосходный* и славный малый... малый лет пятидесяти, имеющий титул «его *превосходительство*»! Разгадка этой «Räthsel» [а, 13] состоит, я полагаю, в том, что Москва — дальше от Баден-Бадена, нежели Петербург.

Я напишу вам послезавтра в понедельник — это будет мое последнее письмо [14]. Билеты на чтения все уже разобраны: будет много народу. Об этом событии расскажу вам при встрече. Я пишу Виардо [15]. Тысяча приветов всем и shakehands [б] самое сердечное — вам.

Der Ihrige [в]

И. Т.

1977. Людвигу Пичу (с. 173)

С немецкого:

С.-Петербург.
14/2 апреля 1867.
Воскресенье.

Любезнейший друг, вчера я приехал сюда из Москвы и нашел ваше сердечное письмо. В ответ сообщаю только, что я совершенно подавлен делами, посетителями и т. п.: послезавтра еду — и если не случится ничего особенного, то в *четверг* утром я в Берлине. Сделайте милость — тотчас по получении этого письма сходите в гостиницу «С.-Петербург» и закажите мне комнату. В четверг вы, конечно, завтракаете со мной. Мы тогда наговоримся досыта. Мне есть что рассказать вам. Нога моя все еще не в порядке, и об охоте пока и думать нечего.

Итак — до скорого свидания! Кланяюсь вашей семье и друзьям.

Ваш И. Тургенев.

1983. Людвигу Пичу (с. 177)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Воскресенье, 21 апр. 67.

Ну вот я и снова здесь, мой дорогой друг, и весело гляжу на мир, высунувшись из моего гнезда. Если даже французы и придут, им не спугнуть меня [1]. В Тиргартене всё благополучно, чего он и вам желает. У госпожи Виардо прекрасный вид, даже железное

[а] загадки *(нем.)*.
[б] рукопожатие *(англ.)*.
[в] Ваш *(нем.)*.

лицо Луизы стало мягче. К тому же здесь намного зеленее и милее, чем у вас, в ваших бранденбургских песках. Я еще хромаю, но уж начинаю ковылять по улицам. Вкладываю 2 фотографии для милейшего доктора Ю. Шмидта — пусть выберет ту, которая ему больше понравится. Тут ждут войны, настроение решительно в пользу *Пруссии*. А ведь в прошлом году так охотно склонялись на сторону Австрии [2]!

Крепко жму вашу руку и прошу вас поклониться всем друзьям.

Ваш
И. Тургенев.

1989. Полине Брюэр (с. 183)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Понедельник, 29 апреля 67.

Моя дорогая Полинетта,

Вот я и вернулся после множества хлопот и неприятностей: это была отвратительная поездка. В конце концов я сделал почти всё, что хотел сделать — и теперь отдыхаю. К несчастью, с моей ногой не всё так благополучно, как мне хотелось бы: хожу с трудом и не выношу обуви хоть сколько-нибудь тесной. Будем надеяться, что хорошая погода меня излечит. А вы с Гастоном — как себя чувствуете? Поскорее дайте о себе весточку. Всё это время я часто думал о вас: должно быть, война причинила вам немалое беспокойство [1]. Вот уже два дня, как слухи о мире как будто подтверждаются. Но еще нельзя быть ни в чем уверенным. Я отправляюсь во Францию в мае или июне — в Париже почти не задержусь: буду торопиться обнять вас [2].

Здесь всё идет хорошо — за исключением моего дома. Мой архитектор — негодяй, обманувший меня самым недостойным образом, и разумнее было бы вообще все разрушить. Ну, да ничего не поделаешь! Приходится расплачиваться за совершенную глупость [3].

Дружески обнимаю вас обоих. Пишите мне.

И. Тургенев.

1990. Максиму Дюкану (с. 183)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Понедельник, 29 апреля 67.

Мой дорогой друг,

Я вернулся сюда уже неделю тому назад,— и должен сообщить вам, что именно я сделал для «Утраченных сил». У нас в Петербурге есть предприятие, выпускающее переводы иностранных романов: их выходит двенадцать выпусков в год — наподобие журнала. У них насчитывается 5—6000 подписчиков; существует это лет десять; переводы очень хороши [1].

Ваш роман будет издан в течение лета, а я обещал предисловие, в котором скажу много дурного о вас, попутно обрисовав в общих чертах современное состояние романа во Франции. Это преди-

словие должно быть готово к 1 июня, и я уже написал несколько начальных страниц [2]. Когда перевод появится, о нем будут писать в критических статьях, и писать благожелательно. Как видите, дело поставлено основательно.

Моей проклятой ноге все еще довольно плохо, и думаю, что мне придется полечиться в Вильдбаде [3]. Здесь совсем было поверили в неизбежность войны, но вот уже два дня, как ветер подул в сторону мира [4]. Я, разумеется, за мир: помимо всего прочего, он хорош тем, что позволит вам вернуться сюда. Не знаю хорошенько, когда поеду во Францию: если же поеду — то лишь ради свидания с дочерью. Если вы тогда еще будете в Париже, приду пожать вам руку. Когда вы появитесь?

Виардо просит передать вам тысячу приветов, а я сердечно жму вам руку.

И. Тургенев.

1992. Морицу Гартману (с. 185)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Вторник, 30 апр. 1867.

Мой дорогой друг,

Мне следовало давно написать вам — но, во-первых, я большой лентяй — во-вторых, во время моей предосадной поездки в Россию у меня была пропасть дел, так что у меня буквально не было свободной или беззаботной минуты, что в сущности одно и то же [1]! Ну, вот я теперь снова здесь, сижу уютно в своем гнезде, хотя и хром — моя нога всё еще не вполне поправилась. Г-жа Рашетт только что написала мне письмо — разумеется, она говорит о вас — она полюбила вас и всю вашу семью, что вполне естественно,— и потому я знаю, что у вас все благополучно. Вы говорите в письме о вашем желании приехать в Баден — «сразу после моего возвращения»,— я уже здесь — а как обстоит дело с вашим посещением? Теперь, когда можно надеяться, что миновала военная опасность [2], вдвойне хочется увидеть вас здесь; также и семья Виардо будет очень рада. Вы обязательно *должны* остановиться у меня — хотя мой злосчастный дом еще не готов, но у меня комнат достаточно.

Для меня будет большой честью отдать мой роман (который, говоря между нами, называется «Дым» — «fumée»,— неудачное название — мы не нашли лучшего — по-немецки это то же, что туман) под Ваше высокое покровительство. Но он выходит в Москве только сейчас, а французский перевод появится только осенью [3]. Вы получите его сразу — но, быть может, я решусь сделать усилие и пошлю вам так называемую «monstre»[а, 4] — дословный перевод на немецкий язык, и вам придется тогда подстричь и причесать этого медведя. Один я с этим не справлюсь, но если найду помощника, которому смогу диктовать эту вещь — тогда я это выполню.— Новелла (она называется: «История лейтенанта флота Ергунова») появится в России только в будущем январе — таким образом, у нас еще много времени [5]. «J'ai l'idée»[б], как говорят французы, что она понравится вам. Об этом мы поговорим еще.

[а] «образчик» *(франц., муз. термин)*.
[б] «У меня есть мысль» *(франц.)*.

Итак, как обстоит дело? Не правда ли, до встречи? Я сердечно жму вам руку и шлю привет вашей жене.

Ваш

И. Тургенев.

P. S. Поблагодарите Валесроде за присылку интересной статьи из «A. A. Wochenschrift»[6].

1997. Максиму Дюкану (с. 191)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Среда, 8 мая 1867.

Дорогой друг, хочу побеспокоить вас просьбой, с которой я уже обращался к вам год тому назад, поскольку дело касается приятеля, я действую напористо: на художественной выставке есть женский портрет работы Луи Поме [1]; взгляните на него. Если вы найдете его достойным хотя бы одной фразы или одного слова в своем обзоре выставки — упомяните о нем [2]. Я знаю, что вы по возможности избегаете называть имена — «nomina sunt odiosa» [a],— но только взгляните на портрет, а там поступайте, как вам будет угодно. Поме — чудесный малый, которого я очень люблю.

В Париж я поеду в июне: я еще застану вас там. Несмотря на вчерашнее сильное падение курсов на бирже, мы еще верим в мир. А пока очень сердечно жму вам руку.

И. Тургенев.

2002. Максиму Дюкану (с. 195)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Вторник, 2/14 мая 1867.

Дорогой друг,

Пришлите мне поскорее краткий список *всех* ваших изданных трудов: эта статистическая справка необходима мне, чтобы окончить предисловие, которое я должен послать в Петербург в конце недели [1].

Между 5 и 10 числом будущего месяца я поеду в Париж; приду пожать вам руку. А пока «farewell» [a].

И. Тургенев.

2003. Морицу Гартману (с. 195)

С немецкого:

Баден-Баден. Шиллерштрассе, 277.
Среда, 15 мая 1867.

Мой дорогой друг,

Госпожа Рашет была здесь и, вероятно, сообщила вам, что делается в Бадене.— Погода великолепна, мир упрочен [1], и моя нога

---

[a] «имена ненавистны» *(лат.)*.

[a] «прощайте» *(англ.)*.

выздоравливает.— Я не смею надеяться увидеть вас здесь в скором времени; но если вы приедете, и со своей милой женой, которой я в свою очередь отвечаю на ее приветствие, вы должны остановиться у меня. Я старый холостяк, но мне уже случалось давать у себя приют целым «ménages»[а], [2]. Подумайте-ка об этом!

Для меня большая честь — статья вашего пера в «Ergänzungsblättern»![3] Специальной работы о моей литературной и т. д. деятельности, к сожалению, я не знаю, в русских газетах разбросано много заметок [4] — но я не имею их под рукой,— и такая болтовня, которую обо мне извергнул Ламартин (он оказал мне честь, посвятив мне целый номер своих «entretiens»)[б], [5] — вам даст мало. Что касается до биографических фактов, то за три года новых не появилось — к счастью, «pas de nouvelles — bonnes nouvelles» [в]. Я написал несколько новых вещей — это всё [6]. У вас имеется французский перевод «Отцов и детей» [7]. Эта маленькая книга из всех моих произведений имела больше всего влияния на новейшее формирование общества, по крайней мере части его, в России,— и я являюсь крестным отцом «нигилизма», о котором в последнее время так много говорят.

Я сердечно порадовался счастью Катерины, это действительно благо для всей семьи [8]. Постыдная, к счастью, уже ныне опровергнутая клевета состояла именно в том, что Кат⟨ерина⟩ якобы была любовницей бельгийского короля (!!) и что ребенок — *его* ребенок, потому что Орлов *импотентен* (!!?). Это столь бесчестно — только князь Долгоруков был бы способен такое высидеть.

Итак, возможно, до встречи, и самое горячее рукопожатие — вам и вашей милой жене.

Ваш
И. Тургенев.

2018. Полине Брюэр (с. 211)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 7.
Пятница, 7 июня 1867.

Дорогая девочка,

Я получил твое письмо одновременно с письмом от г-жи Иннис; она сообщает мне, что сняла для меня комнату в гостинице «Байрон», на улице Лаффитт, как я ее и просил, с *15-го* числа. Я рассчитывал пробыть в Париже [а] три дня, а потом навестить тебя в Ружмоне. И вот узнаю, что ты также собираешься приехать в Париж к этому времени. Сообщи мне в гостиницу «Байрон», не изменила ли ты своего намерения: я был бы этому очень рад — мы смогли бы вместе побывать везде [1]. Не хочу оправдываться в том, что пренебрег возможностью обнять тебя, но я невольно улыбнулся твоим словам о *празднествах* в Баден-Бадене: со времени своего возвращения твой *светский* отец не только в Конверсацьон [2] ни ногой, но и *решительно никого* не видит. В любом случае — мы вскоре увидим-

---

[а] «семьям» *(франц.)*.
[б] «бесед» *(франц.)*.
[в] «вестей нет — хорошие вести» *(франц.)*.
[а] *Далее зачеркнуто:* потом

ся — а пока обнимаю тебя от всего сердца и шлю тысячу приветов всем твоим.

И. Тургенев.

P. S. *В субботу, 15 июня*, в 6 часов утра я буду в гостинице Байрон».

2021. Людвигу Пичу (с. 214)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 7.
Вторник, 11 июня 1867.

Мой дорогой друг,

Ваше письмо пришло сюда слишком поздно, и ответ мой не застал бы вас уже в Берлине. Поэтому пишу в Париж [1] — чтобы сказать вам, что в пятницу 14-го я еду *туда же* и остановлюсь в гостинице «Байрон» на улице Лаффит. Приходите туда в *субботу к 8½ часам* утра — или же в 12 часов в русский ресторан на территории выставки [2]. Я вручу вам тогда все необходимые рекомендации [3].

Итак, до скорого свидания.

Ваш И. Тургенев.

2025. Полине Виардо (с. 217)

С французского:

Париж,
Гостиница «Байрон»,
улица Лаффит.— Суббота,
15 июня 1867. 8 ч. утра.

Дорогая госпожа Виардо,

Ровно в 5 часов мы вошли в вокзал; в 6 я расположился в комнатке, где едва могу повернуться; в 7 принимал ванну и думал о м-ль Берте [1] — поскольку, надо признаться, только в Париже можно получить подобные удобства. Сейчас я вернулся и через полчаса отбываю [2].

Я нашел: 1) письмо от Полинетты, извещающее о ее приезде сегодня вечером и о том, что я буду находиться в ее распоряжении весь завтрашний день; 2) записки от Мериме, Дюкана, г-жи Делессер, Таля [3] — но ничего от Поме и никакого билета на «Ромео» [4]. Таким образом, я не еду в Ружмон, и ничто не помешает мне уехать отсюда в четверг.— Надо вам сказать, что в настоящий момент я задыхаюсь: бутылка вишневой водки разбилась у меня в чемодане, и все мои вещи пропитались запахом алкоголя, так что можно подумать, будто я закоренелый пьяница. Мне не удалось найти подходящей шляпы — придется пугать парижан и впредь.

3 ч.

Я встретил Таля и моего *друга* Григоровича на Выставке [5], это походило на ураган — я пробыл там совсем мало, чтобы сохранить себя на завтрашний день. Таль заставил меня поесть икры, которая, несмотря на все ее достоинства, вызвала у меня боль в желудке. Видел картину Пальяно [6] и нашел ее колорит удачным —

навестил г-жу Делессер, от нее пошел к Мериме, где пробыл довольно долго. Там оказался также г-н Ремюза, и у нас состоялась довольно интересная беседа. Утром ко мне зашел Пич, и мы с ним и Зулуфом [7] сегодня обедаем — а вечером, как и следовало ожидать, будем на «Герцогине Герольштейнской» [8]. Вот что значит быть *человеком долга* — на «Ромео» мы отправимся вместе с Полинеттой. Я выслал ботинки г-ну Муре. Здесь очень холодно, ветер такой, что вот-вот подхватит тебя и унесет. Слышите ли вы это, м-ль Берта [9]? Наконец-то я приобрел себе шляпу по последней моде — ессо [а]:

⟨*Рисунок*⟩

Не нахожу, что в Париже народу больше, чем обычно — *тысячи* извозчиков, повсюду огромные новые дома. *Трокадеро* [10] — массивная покатая терраса — очень уродлив. Выставка, на мой взгляд,— великолепна [11]; собственно русская выставка — незначительна [12]. Таль показал мне лошадей, среди них есть одна белая кобыла — настоящая Венера Милосская в своем роде. Я должен кончать, если хочу, чтобы письмо мое ушло. Будьте здоровы все; вчера в 7 часов вечера я думал о садовой *скамейке* [13] — я вернусь в пятницу, а пока — целую всех.

Der Ihrige [б]

И. Т.

2026. Максиму Дюкану (с. 218)

С французского:

Париж.
Гостиница «Байрон», улица Лаффит.
15 июня 67.

Мой дорогой друг,

Существует бульдог, пострашнее Пэгаза [1],— это чувство долга и семьи — только и всего!! Дочь пишет мне [2], что приедет сегодня вечером (сам я приехал утром) и завладеет мною на два дня — воскресенье и понедельник. Если хотите видеть меня во *вторник*, сообщите мне, когда, в котором часу вы хотите, чтобы я приехал, и я явлюсь точно и аккуратно, как нотариус. А пока жму вам сердечно руку.

Весь ваш
И. Тургенев.

2027. Полине Виардо (с. 219)

С французского:

Париж,
гостиница «Байрон»,
улица Лаффит, 16 июня 1867.
Воскресенье.

Дорогая госпожа Виардо,

Ух! Вот краткое содержание моего дня... Это было тяжко. Встал я довольно поздно и был еще занят своим туалетом, когда мой зять со своим отцом [1] вошли в мою комнату; потом появилась

[а] вот *(итал.)*.
[б] Ваш *(нем.)*.

Полинетта, которая толста, бела и румяна, насколько это возможно. Позавтракали в гостинице — и отправились на Выставку [2]. Там я имел несчастье попасть в лапы Григоровича, который, объявив дочери, что он — лучший чичероне, о котором можно только мечтать, и что именно он сопровождал королей и князей по выставке [3], потащил нас с головокружительной скоростью. Эта бешеная гонка длилась пять часов. Ноги отказывали мне служить, я совершенно одурел от этого скопища машин, мебели, бриллиантов, изумрудов крупных, как дыни, тканей всех цветов, хрусталя, оружия, дворцов, киосков, гончарных изделий, фарфора, лошадей, собак, картин, статуй, китайцев и китаянок, вывесок, ватер клозетов (я побывал там четыре раза — у меня как раз то, что было у зайца или, вернее, у его сына в моей песенке) и т. д., и т. д., и т. д. [4] Послезавтра я пойду снова на Выставку *один* и посмотрю только то, что захочу. Из всего этого водоворота выплыли только две вещи — картины Мейсонные, который, конечно, в настоящее время является первым художником мира [5] — и великолепная выставка баварской живописи. Зулуф [6] был прав — эти черти баварцы побили всех остальных — ах! и еще одно замечательное испанское полотно — кардиналы в Сикстинской капелле [7]. Остальное [a] ⟨...⟩ Вот точное изображение. Толпа была чудовищная — и этот поток лиц, по преимуществу незначительных, вкупе с лавиной слов, которые Григорович без остановки извергал в мое левое ухо, поистине раздавили меня. Потом мы поспешно вернулись к папаше Брюэру, где мне пришлось вынести семейный обед — в обществе смешных родственников из Манса, подобных г-ну Пурсоньяку [8], с непередаваемо пошлыми обывательскими разговорами, вистом, который заставил бы Виардо *кусаться* (когда папапаша Брюэр говорил: «снимаю туза у моего партнера — это всегда вернее — а что я буду делать с моим маленьким козырем — впрочем, у меня их шесть!!»), противной девчонкой 6 лет, дочери вышеназванных родственников, которая кричала, как сова, считая, что очень мило себя ведет — а у меня еще к тому же болел живот... Ах! где же Баден-Баден — его покой и скамейки в саду [9]. NB. Передайте м-ль Берте, что сегодня я видел двух мертвых собак, сдохших от *ХОЛОДА* на парижских улицах — и что *идет дождь* в виде мелких льдинок [10]... Мое ложе призывает меня — пойду — пожелав всем вам покойной ночи — укроюсь в нем — и до завтра... Я взял билеты на «Ромео» [11] на *вторник*.

Но я позабыл о «Герцогине» [12]! Что ж, пусть Виардо обольет меня презрением; признаюсь, мне было необычайно весело и я кричал: «Да здравствует Оффенбах!» Это потрясающе задорно и смешно... Хуже других была м-ль Шнейдер, не то чтобы она была слишком вульгарна, просто она стала задыхаться, растолстела, постарела — это больше не проходит [13]. Но Кудерк (генерал Бум) — идеал мрачного и свирепого комика [14]. Правда, мне было жаль, что в ушах и на пальцах г-жи Ш⟨нейдер⟩ сверкали бриллианты, русское происхождение которых было слишком очевидно. Что поделаешь!

Понедельник, 17, 2 часа.

Сегодня я встал в 7 утра, а в 8 уже был на Выставке, где пробыл до полудня — только чтобы посмотреть картины в одиночестве, в полном одиночестве. Я утвердился во вчерашнем впечатлении... Ах! если бы у меня были деньги, какой прелестный пейзаж я бы

---

[a] *Далее следует рисунок, изображающий пачкотню.*

приобрел на баварской выставке! *Пилоти* — большой художник. Возвратившись домой, я нашел вашу записку— которая доставила мне немалое удовольствие. Утреннее «меню» очаровательно; я часто думал о Баден-Бадене вчера между 3 и 5 часами [15]. Сегодня я встретил великого герцога Баденского с супругой, которые меня расспрашивали о вас [16].

До завтрашнего письма и вполне серьезно до пятницы, si Dios quiere [б]. Тысяча приветов.

Der Ihrige [в]

И. Т.

P. S. Я видел Леонаров и г-жу Сичес.

2028. Людвигу Пичу (с. 222)

С немецкого:

Мой дорогой друг,

Завтра я *непременно* ожидаю Вас в ½ 12 у русской выставки (около мозаик) — но *непременно*![1]

Ваш

И. Тургенев.

Понедельник.

2030. Полине Виардо (с. 222)

С французского:

Париж,
гостиница «Байрон», улица Лаффит.
Вторник, 18 июня 1867.
Полночь.

Сударыня,

Я вернулся с «Ромео» [1] и должен сказать, что я совершенно разочарован [2]. Едва осмеливаюсь сказать, до какой степени, за исключением дуэта и нескольких отрывков в пятом действии, все показалось мне пустым, надуманным — одновременно пошлым и вычурным, беспомощным, неровным, без единого характера, словом, ничтожным!! Это удручает меня — но все это *не вполне* передает мое впечатление. Исполнение отвратительное... Никогда, право, никогда еще не орали, не завывали, не горланили и не визжали, как на этот раз. *Все* поют ужасающе фальшиво — а г-жа Миолан, якобы изображая страсть, завывает и кричит наравне с прочими — увы! голосом хриплым и дребезжащим, наподобие Терезы [3]! Она! Г-жа Карвальо [4]! Зал был переполнен — и все же скука выходила у публики наружу через все поры. Дуэт вызвал аплодисменты; — что до остального — мертвая тишина — прерываемая несколькими слабыми хлопками клакеров.— Если это успех, то что такое провал! Я предпочел бы *двадцать* раз кряду послушать «Великую герцогиню» [5], чем еще *один* раз — «Ромео». Requiescat in pace! Dixi et animam meam salvavi [а, 6].

[б] если бог даст *(исп.)*.
[в] Ваш *(нем.)*.
[а] Да почиет в мире! Сказал и облегчил свою душу *(лат.)*.

Как вы думаете, кто находился в ложе над нами? Cara [б] Дезире! Я поспешил к ней — и в антрактах мы поговорили. Она спрашивала меня о вас, конечно. Выглядит она превосходно — волосы распущены; «Ромео» произвел на нее почти такое же впечатление, что и на меня. Она в Севре и непременно хочет, чтобы я ее навестил.

Утром я снова посетил Выставку вместе с дочерью, зятем, Пичем [7] и др.; днем видел Дюкана.

Мне будет — leider [в]! — невозможно уехать до *пятницы* — так что я увижу мой милый Баден-Баден лишь в *субботу*, но si Dios quiere [г], уж в этот день я вернусь [8].

Завтра я напишу вам еще [9]; а пока целую всех, передаю тысячу приветов Виардо и целую ваши руки.

Der Ihrige [д]

И. Т.

[б] Милая *(итал.)*.

[в] к сожалению *(нем.)*.

[г] если бог даст *(исп.)*.

[д] Ваш *(нем.)*.

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Седьмой том писем И. С. Тургенева содержит 230 писем за 1866 год и за первое полугодие 1867 года (по 7 (19) июня) и один документ апреля 1867 г., отнесенный в раздел «Официальных писем и деловых бумаг»,— всего 231 эпистолярный текст, обращенный к 42 адресатам. 192 из них печатаются по автографам (либо фотокопиям), находящимся в различных советских и зарубежных архивохранилищах и частных собраниях коллекционеров. 39 писем, подлинники которых утрачены или неизвестны в настоящее время, печатаются по авторитетным публикациям или копиям.

21 письмо к Полине Виардо, ранее известные в неполных и неисправных публикациях (13 из них были напечатаны лишь в неполных переводах) в настоящем томе печатаются по французским оригиналам (№ 1897, 1899, 1901, 1904, 1906, 1907, 1913, 1920, 1925, 1931, 1933, 1934, 1937, 1943, 1946, 1948, 1953, 1956, 1964, 1968, 1971).

Впервые включаются в Полное собрание писем И. С. Тургенева 9 эпистолярных текстов, которые обращены к Полине Виардо (1836, 1911, 1922, 1975, 2025, 2027, 2030), Жюлю Этцелю (1805) и Луи Поме (1885) и опубликованы во Франции и Новой Зеландии после выхода в свет первого издания.

Полтора года, охватываемые письмами седьмого тома, Тургенев живет в Баден-Бадене, где — как он писал — «как будто 〈. . .〉 окончательно пустил корни» (письмо 1801). Он совершает краткие поездки в Гейдельберг и дважды в Париж, а также на месяц в Москву и Петербург с целью передать в «Русский вестник» роман «Дым» и познакомить с ним друзей.

Первые письма 1866 года отражают ровное, уравновешенное состояние духа писателя. «Тишина душевная продолжается...» — пишет он И. П. Борисову (письмо 1803). Нарушается это состояние покоя приступом подагры, которая впредь все чаще и чаще будет мучить Тургенева. Вторым отягощающим его жизнь обстоятельством явилась необходимость замены Н. Н. Тургенева новым управляющим имениями. Письма к тому же Борисову, к П. В. Анненкову и А. А. Фету, к новому управляющему Н. А. Кишинскому в полной мере освещают эту трудную ситуацию.

1866—1867 годы — это время активной творческой деятельности Тургенева. 1866 год проходит под знаком «Дыма», продолжа-

лась работа над ним, начатая 6 (18) ноября 1865 г. Роман был написан очень быстро, всего за шесть месяцев работы, ибо в 1866 г., по признанию Тургенева, он в течение девяти месяцев не написал «ни строчки». 7 (19) января 1867 г.— обозначил Тургенев в черновом автографе дату окончания романа. Роман «Дым» — это злободневный и полемический общественно-политический роман. В нем заключены думы писателя о современном положении России и Запада. Это и завершение Тургеневым своих споров 1862—1863 годов с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и М. А. Бакуниным. Смелая, острая сатира на русское великосветское общество заключена в так называемых генеральских сценах. В романе сказались чаяния и надежды писателя на перспективы развития России, они в речах Потугина, содержащих положительную программу западничества. В «гейдельбергских арабесках» осмеяны мнимые последователи революционных идей Герцена.

В первое полугодие 1867 года основные заботы Тургенева связаны, как свидетельствуют многие письма настоящего тома к П. В. Анненкову и М. Н. Каткову, с подготовкой к печати романа «Дым». Придавая большое значение этому произведению, Тургенев сам выезжает в Москву для встречи с Катковым. Общение с Катковым принесло автору «Дыма» много тревог и волнений, ибо в Москве он столкнулся с «катковской цензурой» романа. Из писем Тургенева из Москвы к Полине Виардо (см. № 1964, 1968, 1971) явствует, что Тургенев, спасая роман, вынужден был ввести ряд поправок и смягчений в генеральские сцены и отдельные критические высказывания, касающиеся русской социальной жизни. Письма из Москвы и Петербурга свидетельствуют о том, что близкие друзья писателя положительно оценили прочитанные им сцены романа.

Большое место в письмах Тургенева после появления «Дыма» в мартовском номере «Русского вестника» занимает обсуждение с друзьями той оживленной полемики, которую вызвал в русской печати роман. Появление «Дыма» привело к возобновлению прерванной в 1863 году переписки с Герценом. Тургенев сам послал ему на суд экземпляр «Дыма». В течение двадцати дней мая 1867 г. писатель направил Герцену три письма (см. № 2004, 2008, 2015). В них Тургенев подвел итог разногласиям и спорам с Герценом. Как и ответные письма Герцена, они полны уважения, стремления спокойно разобраться в интересующих обоих писателей вопросах, фиксируют и разницу их взглядов на «Дым», в первую очередь на образ Потугина. И вместе с тем, эта переписка Тургенева и Герцена несомненно отразила сохранившуюся духовную близость «людей 40-х годов».

Наряду с этим большой интерес представляет возникшая на почве «Дыма» краткая, но полная глубокого смысла переписка Тургенева с Д. И. Писаревым. Писарев дважды в марте 1867 г. посетил

писателя в Петербурге (см. письмо 1970). Мнение Писарева о «Дыме» чрезвычайно интересовало Тургенева, о чем он писал Анненкову (см. письмо 1995). И он направил Писареву письмо с просьбой дать отзыв о «Дыме» (см. № 2010), его особенно интересовало отношение критика к сценам «у Губарева». Эти сцены нисколько не задели критика, как следует из его ответного письма от 18 (30) мая. Роман в первую очередь не удовлетворил Писарева по другой причине. Он спрашивает Тургенева: «... куда Вы девали Базарова?» Во втором письме (см. № 2016) автор «Дыма» объяснил отсутствие Базарова в романе невозможностью в то время упоминания о нем. Он делится с Писаревым своими самыми заветными мыслями в отношении будущего России.

В Баден-Бадене Тургенев написал две повести из русской жизни конца XVIII и начала XIX в.— «Историю лейтенанта Ергунова» и «Бригадира». Письма этого времени Кишинскому о так называемом «письме бригадира» позволяют восстановить творческую историю повести.

В письмах к М. Гартману и Ж. Этцелю много внимания уделяет писатель переводу своих произведений на иностранные языки. В первую очередь на французский язык в связи с подготовкой сборника «Nouvelles moscovites». Одно из январских писем 1866 года к Этцелю (см. № 1805) содержит новые данные об истории этого сборника по сравнению с первым изданием Полного собрания.

Письма седьмого тома говорят о неослабном, самом горячем интересе Тургенева к литературной жизни России. В них содержатся отклики на произведения Л. Н. Толстого и Достоевского, Гончарова и Писемского; отражен в них и его интерес к писателям-демократам. Письма к Полонскому и особенно к Фету полны доброжелательных советов и замечаний. Тургенев очень ценит письма И. П. Борисова как «звено, соединяющее 〈. . .〉 с родиной». Они снабжали писателя важными фактами из той орловской, русской жизни, которая издавна питала его творчество. Как явствует из писем Тургенева к Анненкову, Писемскому, Фету, его интересуют многообразные события общественно-политической жизни России. Это и «Славянский съезд», и выстрел Д. В. Каракозова и шумиха вокруг О. И. Комиссарова, и последствия от движения в правительственных сферах.

Естественно, что многолетнее проживание за границей усилило, расширило зарубежные связи Тургенева. Возникает переписка с М. Дюканом, В. Рольстоном, Т. Штормом. Писатель выступает как популяризатор русской литературы на Западе, посредник между русской культурой и культурой западноевропейских стран. Он одобряет планы Рольстона перевести на английский язык русских писателей — Гоголя, Толстого, Гончарова и других. Тургенев сам способствует проникновению в Россию произведений писателей

Запада (см., например, письма к Дюкану). Политическая жизнь Запада также небезразлична писателю, он много пишет о напряженности во франко-прусских отношениях, интересуется мировыми достижениями промышленности и культуры, представленными на Всемирной выставке 1867 года в Париже, внимательно наблюдает за политическими событиями в наполеоновской Франции.

Большое место в томе занимают письма к Полине Виардо. В них по сравнению с первым изданием еще полнее вырисовываются отношения Тургенева с Полиной Виардо, он живет заботами и радостями ее семьи, горячо поддерживает композиторскую деятельность певицы, к тому времени расставшейся с большой сценой, пишет либретто и сценарии опер и оперетт на музыку Полины Виардо, где во многом отражаются впечатления писателя от политической и культурной жизни Европы (см. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 12). В этих же письмах зафиксирован постоянный интерес Тургенева к современной ему музыкальной жизни.

В целом письма этого периода ярко отражают разнообразную творческую деятельность Тургенева, широту его интересов и высокую культуру писателя.

Тексты писем седьмого тома подготовили к печати и примечания к ним составили:

М. П. Алексеев (1870); *А. И. Батюто* (1823, 1845, 1858, 1866, 1874, 2004, 2008, 2015); *К. Ф. Бикбулатова* (1819, 1821, 1843, 1848, 1855, 1910, 1939, 1942, 1959—1961, 1963, 1970, 1990, 1997, 2002, 2017, 2026); *П. П. Генералова* и *А. Звигильский* (1836, 1885, 1911, 1922, 1975, 2025, 2027, 2030); *П. П. Генералова*, *А. Звигильский* и *А. С. Розанов* (1897, 1899, 1901, 1904, 1906, 1907, 1913, 1920, 1925, 1926, 1929, 1931, 1933, 1934, 1937, 1943, 1946, 1948, 1953, 1956, 1964, 1968, 1971); *Т. П. Голованова* (1829—1831, 1833, 1837, 1838, 1842, 1850, 1857, 1860, 1869, 1872, 1875, 1878, 1880, 1882, 1884, 1890, 1893, 1895, 1898, 1900, 1903, 1909, 1916—1918, 1923, 1932, 1950, 1976, 1979, 1985, 1991, 2001, 2012, 2013, 2022); *Р. М. Горохова* (1805); *Р. Ю. Данилевский* и *К. Леман-Шульце* (1891); *Т. П. Ден*, *Т. И. Бронь* и *Р. М. Горохова* (1804, 1806, 1811, 1818, 1826, 1852, 1861, 1876, 1881, 1888, 1921, 1989, 2018); *Т. П. Ден* (1835); *Т. П. Ден* и *X. Раппих* (1844); *Т. П. Ден* и *Г. Цигенгайст* (1914, 1992, 2003); *Т. П. Ден*, *Г. Цигенгайст* и *К. Леман-Шульце* (1809, 1815, 1825, 1834, 1840, 1847, 1854, 1873, 1877, 1977, 1983, 2021, 2028); *П. Р. Заборов* и *М. Партюрье* (1801, 1808, 1841, 1849, 1862, 1868); *П. Р. Заборов* (1883); *Е. И. Кийко* (1807, 1832, 1856, 1864, 1865, 1871, 1886, 1892, 1896, 1919, 1938, 1967, 1972, 1980, 1981, 1988, 2010, 2016, 2023, 2029); *А. П. Михайлова* (1889, 1928, 1930, 1941, 1945, 1949, 1954, 1969, 1973, 1978, 1982, 1987, 1993, 1996, 1998, 2005, 2006, 2009,

2019, 2020, 2024, 2031); *Л. Н. Назарова* (1802, 1810, 1812—1814, 1816, 1822, 1824, 1827, 1828, 1851, 1853, 1864, 1874, 1879, 1887, 1894, 1902, 1908, 1924, 1927, 1936, 1940, 1947, 1951, 1957, 1958, 1962, 1965, 1966, 1984, 1986, 1994, 1995, 1999, 2007, 2011, 2014; *Н. С. Никитина* (1912); *Н. А. Хмелевская* (1803, 1817, 1820, 1839, 1859, 1867, 1905, 1915, 1935, 1944, 1952, 1955, 2000); *И. С. Чистова* (1846).

В подготовке тома к печати принимала участие *Е. М. Лобковская*. Указатели составлены *Т. Б. Трофимовой*.

Французские тексты и их переводы печатаются под наблюдением *Н. Р. Заборова*, немецкие — *Р. Ю. Данилевского*.

Редакторы тома — *Н. П. Генералова* и *Г. В. Степанова*.

Редакция издания выражает глубокую благодарность проф. *А. А. Гозенпуду* и *Н. М. Чернову* за ценные советы и помощь, оказанные ими при подготовке тома.

1866

1801. Валентине Делессер (с. 7 и 227)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании г-жи Жирар (Париж).

Впервые опубликовано: в отрывке — *Parturier*, p. 33; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 42—43.

[1] Бракосочетание герцога Антуана де Муши, родственника В. Делессер, и Анны Мюрат состоялось 18 декабря 1865 г. (см.: Dictionnaire universel des contemporains. Paris, 1893, p. 1139; *Mérimée*, II, 6, p. 618—619).

[2] Речь идет о романе «Дым».

[3] Тургенев имеет в виду издание: Aventures de Monsieur Pickwick par Ch. Dickens. Roman anglais traduit sous la direction de P. Lorain, par P. Grolier, L. Hachette et C-ie. Paris, ⟨1865⟩.

1802. П. В. Анненкову (с. 8)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 2, с. 470—471.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о письме Анненкова к Тургеневу от 3 (15) января 1866 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 117—118).

[2] Брошюра «Скифские могилы, Чертомлыцкий курган. Записка И. Е. Забелина» (М., 1865) была прислана Анненковым Тургеневу по его просьбе (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1799 и примеч. 2 и 3 к нему). 5 (17) февраля 1866 г. Анненков писал Тургеневу: «Захотели вы фотографий с забелинской вазы! Они скорее появятся на Филиппинских островах, чем здесь. Администрация Эрмитажа объявила, что она ранее опишет вазу и приложит рисунки, а до тех пор никакой надобности не видит сообщать о ней свету...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 119). Описание этой вазы, созданной около 400 г. до н. э., см. в изданиях: Толстой И. И. и Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2-й. Древности скифо-сарматские. СПб., 1889, с. 135—140; Манцевич А. Серебряная ваза из кургана Чертомлык // Сокровища Эрмитажа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 85—88.

[3] Тургенев имеет в виду «Сочинения В. А. Слепцова» (СПб., 1866. Т. 1—2). См. о Слепцове также: наст. изд., Письма, т. 6, № 1799.

[4] Это письмо Тургенева неизвестно.

[5] Речь идет о контракте Тургенева с Д. Е. Кожанчиковым, принявшим на себя продажу изданного Ф. И. Салаевым в Карлсруэ собрания сочинений писателя (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1732, 1744, 1751, 1799).

[6] Анненков рекомендовал Тургеневу выслать Ф. И. Салаеву удостоверение на получение им всех денег, следуемых за карлсруйское издание сочинений (см. письмо 1799, примеч. 14 — наст. изд., Письма, т. 6).

[7] И. С. Аксаков женился на А. Ф. Тютчевой, дочери поэта, в январе 1866 г.

[8] Тургенев имеет в виду книгу Э. Кине «La Révolution» (1865), содержащую блестящую и резкую критику буржуазной Европы. При этом, однако, Кине отрицательно относился к утопическому социализму. Сочувственный, хотя далеко не во всем согласный с мыслями Кине, отзыв о его книге дал Герцен в пятом из «Писем к будущему другу» (Колокол, 1866, л. 213, 1 февраля, с. 1743; *Герцен*, т. 18, с. 96—99). Отзыв Тургенева о книге Кине — ответ Анненкову, который 3 (15) января 1866 г. писал ему, что, по его мнению, «облик Белинского ⟨. . .⟩ на иной странице Кинэ восставал совершенным живьем ⟨. . .⟩ Удивляться только надо, как этот бодрый ум, освободившийся от католицизма и, что труднее — узкого французисма, остается мистиком перед идеей о народе и плашмя иногда лежит у своего истукана, взывая о его догадках, прозрениях, мудростях и т. п. Это было и у Белинского. Со всем тем я не читал еще такого лучезарного объяснения внутреннего смысла ⟨. . .⟩ революции и психической природы ее главных агентов» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 117—118).

[9] О предостережениях, которые «сыплются» на журналы, освобожденные от цензуры («Современник», «Отечественные записки»), Анненков писал Тургеневу 15 (27) декабря 1865 г. (см. примеч. 8 к письму 1799 — наст. изд., Письма, т. 6).

[10] Имеется в виду работа над романом «Дым».

[11] Речь идет о постройке виллы Тургенева в Баден-Бадене (Тиргартенштрассе, 3). См. о ней: П л е щ е е в А. А. Вилла Тургенева в Баден-Бадене // Художник. 1891. Т. 2. С. 534—536.

[12] Анненков 24 февраля (8 марта) 1866 г. сообщал Тургеневу: «Адрес гр⟨афини⟩ Ламберт: Литейной части, 4-го квартала, по Воскресенскому проспекту, № 9-й» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 121 об.).

1803. **И. П. Борисову** (с. 9)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 18—19.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 372—373.

[1] Письма Борисова, о которых пишет Тургенев,— от 6 и 31 декабря ст. ст. 1865 г. (*Т сб*, вып. 5, с. 499—505).

[2] Речь идет о работе над романом «Дым». По этому поводу Борисов писал в письме от 31 декабря ст. ст. 1865 г.: «Вот Вы повелели держать в секрете о Ваших работах, а Марья Петровна ⟨Фет⟩ новость эту привезла из Степановки и узнала от Менщиковой, а эта барыня знает всё, даже черные шары на выборах угадывает».

[3] Борисов в письме от 31 декабря ст. ст. 1865 г. рассказал Тургеневу о своей встрече со старым нищим, назвавшим его «старичком».

[4] Тургенев имеет в виду младших детей Виардо — Клоди, Марианну и Поля.

[5] Борисов рекомендовал А. В. Шереметеву бывшего слугу Тургенева Захара (З. Ф. Балашова) (см. письмо Борисова от 31 декабря ст. ст. 1865 г.).

[6] Речь идет об охотнике Афанасии Тимофеевиче Алифанове, выведенном Тургеневым в «Записках охотника» под именем Ермолая (см. наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 452; Письма, т. 2, по указате-

лю имен). Борисов же писал Тургеневу 31 декабря: «Недавно был у меня Афанасий ⟨. . .⟩ Беседа у нас шла дружеская, но когда он проглотил только одну рюмку Рассеи, то поднял такой плач с рыданиями, и об Вас тут вспоминалось...»

[7] Борисов в письме от 31 декабря 1865 г. с иронией писал Тургеневу: «Обязанность человека это жить для общества, потом уже для семейства, а потом для себя.— Сапожник, разве он шьет сапоги только себе? Нет, всем нам...» Выражение это приобрело особую популярность и иронический смысл после появления «Доходного места» Островского (1857), героиня которого восклицала: «Человек создан для общества» (д. 4, явл. 6).

[8] Письмо Борисова от 6 декабря содержало ироническую зарисовку якобы наступившего оживления в общественной жизни Мценского уезда. Мценское общество обратилось к чтению давно напечатанного антинигилистического романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (*Рус Вестн*, 1863, № 3—8). Борисов писал: «Уж не *Мягкий* ли это успел так подействовать ⟨. . .⟩ Представьте себе семейную картину ⟨. . .⟩ и задыхающееся чтение Мягким „Взбаламученного моря“... Теперь наверно все нигилисты тю-тю...» См. статью Н. М. Чернова «Уездный прогрессист — Н. Д. Карпов» (*Т сб*, вып. 2, с. 272—274).

[9] В письме от 31 декабря Борисов напомнил Тургеневу о редакционной статье «Современника» «Заметки о журналах за октябрь 1855 года» (*Совр*, 1855, № 11. Написана Н. А. Некрасовым). «„Современник“ считает себя счастливым, что может начать следующий год таким произведением ⟨„Рудин“.— *Ред.*⟩» — это утверждение из статьи 1855 года Борисов сопоставил с резкими критическими статьями журнала о Тургеневе, появившимися в последующее десятилетие (в первую очередь, вероятно, со статьями М. А. Антоновича).

[10] Борисов писал Тургеневу 6 декабря 1865 г. о Л. Н. Толстом: «Здоровье его плохо, боятся чахотки» (ср.: *Толстой*, т. 61, с. 128).

[11] Имеется в виду письмо Тургенева к Фету от 10 (22) октября 1865 г. (наст. изд., Письма, т. 6, № 1787).

1804. Полине Брюэр (с. 10 и 227)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 119. Впервые опубликовано: *Sémënoff*, p. 165—166.

[1] В Гейдельберг к доктору Фридрейху Тургенев ездил и 11 (23) июля 1863 г. (см. наст. изд., Письма, т. 5, № 1490).

1805. Жюлю Этцелю (с. 11 и 228)

Печатается по тексту первой публикации А. Звигильского: *Cahiers*, № 10, p. 156—157.

Подлинник хранится в Гарвардском университете (Houghton Library, Kilgour BMS Russian 11).

[1] Пагонкин (или Погонкин) — переводчик, знакомый Этцеля (см. примеч. 8).

[2] Речь идет о романе «Дым».

[3] Сборник произведений Тургенева, который собирался издать Этцель, как видно из письма, первоначально назывался «Les dernières nouvelles». Это первое, известное теперь нам упоминание о сборнике, который вышел в мае 1869 г. в Париже под заглавием

«Nouvelles moscovites» уже в другом составе (см. письмо 1841, примеч. 4).

[4] Первый перевод повести «Ася» на французский язык был осуществлен И. Делаво и опубликован 1 октября н. ст. 1868 г. в «Revue des Deux Mondes». Тургенева перевод не удовлетворил (о дальнейших переводах этой повести см. ниже, примеч. 8). О переводах произведений писателя, упоминаемых в настоящем письме, см. в примечаниях к томам сочинений в настоящем издании, а также в статье Р. М. Гороховой «К истории издания сборника Тургенева „Nouvelles moscovites"» (*Т сб*, вып. 1, с. 257—269).

[5] Французский перевод рассказа «Петушков», выполненный И. Делаво и отредактированный П. Мериме, был напечатан 25 апреля н. ст. в «Revue Nationale» (см. письмо Тургенева к Боткину от 7 апреля н. ст. того же года — наст. изд., Письма, т. 5). Затем вошел в сборник «Nouvelles moscovites» (Париж, 1869).

[6] Рассказ «Жид» перевел на французский язык Делаво (Тургенев писал о нем 13 (25) декабря 1861 г. Валентине Делессер — см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1262). Перевод был подвергнут Мериме значительной правке и появился 25 марта н. ст. 1862 г. в «Revue Nationale», а затем и в сборнике 1869 года.

[7] Перевод на французский язык комедии «Где тонко, там и рвется», как следует из письма Тургенева к Виктору де Марсу (см.: наст. изд., Письма, т. 4, № 1255).

[8] Повесть «Ася» вслед за Делаво перевел Пагонкин. «Я просмотрел „Асю" вместе с г-ном Пагонкиным,— писал Мериме Тургеневу 6 июня 1866 г.— Мне кажется, что это хорошо переведено» (*Mérimée*, II, 7, p. 126). Однако в сборнике «Nouvelles moscovites» перевод «Аси» был помещен с указанием: «Traduction par l'auteur» (переведено автором). См. об этом: Горохова Р. М. К истории издания сборника «Nouvelles moscovites» // *Т сб*, вып. 1, с. 260—261.

[9] Рассказ «Призраки» в переводе П. Мериме под заглавием «Apparitions» был напечатан в «Revue des Deux Mondes» от 15 июня н. ст. 1866 г. При подготовке сборника 1869 года Тургенев внес в перевод существенную правку; помимо исправления смысловых ошибок и неточностей, он сделал множество замен стилистического порядка. Список разночтений текстов «Призраков» в «Nouvelles moscovites» и в «Revue des Deux Mondes» приведен в кн.: *Mongault*, t. II, p. 561—581.

[10] Сказки Перро в переводе Тургенева, как значилось на титульном листе (в действительности переводчиками были Н. В. Щербань и Н. Н. Рашет, Тургенев же перевел лишь две сказки), и с его предисловием были напечатаны в типографии М. Вольфа в Лейпциге и выпущены в продажу в Петербурге в 1866 г. (см. письмо 1810, примеч. 16 и письмо 1857, примеч. 2).

[11] Этцель откликнулся на это предложение Тургенева (см. письмо 1809, примеч. 3).

[12] Тургенев и впоследствии посещал обеды, основанные А. Биксио (см. письмо к Ж. Этцелю от 3 января н. ст. 1873 г.). Об обедах Биксио см.: наст. изд., Письма, т. 5, № 1330 и примеч. 2 к нему.

1806. Полине Брюэр (с. 12 и 228)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 120. Впервые опубликовано: *Séménoff*, p. 166—167.

[1] Тургенев имеет в виду либерально-буржуазные конституции, принятые в германских государствах (в частности, в герцогстве Ба-

денском) после революции 1848 г. Ироническое отношение писателя к «свободам», гарантированным конституциями, объясняется их декларативным характером, совмещавшимся с реакционным влиянием Пруссии на весь общественный строй германских государств.

[2] Недоразумения со свекровью начались у Полины сразу после замужества.

1807. М. В. Авдееву (с. 13)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, он. 1, № 440, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1902, № 8, с. 281—282.

[1] Письмо Авдеева, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.
[2] См. письмо 1802, примеч. 6.
[3] Авдеев в это время лечился в Содене.
[4] Работа над романом «Дым».
[5] Из деревни Тургеневу писали регулярно И. П. Борисов и Н. Н. Тургенев.
[6] См. примеч. 11 к письму 1802.
[7] Здесь Тургенев, очевидно, противопоставляет «диких русских юношей», которых он наблюдал в Гейдельберге в 1862 г. (см. наст. изд., Письма, т. 5, № 1384, примеч. 3), современным «молодым рефюжиэ» (см. далее письмо 2004). Интерес Тургенева к «молодым героям» в Гейдельберге в это время был связан с его работой над романом «Дым», где в «гейдельбергских арабесках» изображена русская эмиграция (см. письмо 2004, примеч. 9, а также: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 256—258).
[8] Газета «Московские ведомости», редактором которой был М. Н. Катков, после Польского восстания 1863 г. стала органом наиболее реакционной части русского общества, представителей которого Тургенев изобразил в «Дыме» в так называемых генеральских сценах (см. наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 297—305).
[9] О встречах Тургенева с А. П. Никитиным в Зинциге и Риме см.: наст. изд., Письма, т. 3, № 610, 613, 668.

1808. Валентине Делессер (с. 14 и 229)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании г-жи Жирар (Париж).
Впервые опубликовано: в отрывках — *Parturier*, p. 126; полностью — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 49—50.

[1] Вероятно, гр. Екатерина Николаевна Адлерберг.
[2] Тургенев имеет в виду издание: Nouvelles choisies, par Nicolas Gogol, traduites du russe par Louis Viardot. Paris: L. Hachette, 1853 (первое, более полное издание сборника вышло в 1845 г.). Как видно из предисловия Л. Виардо к этому сборнику, главным переводчиком повестей Гоголя был сам Тургенев, Виардо же ограничился ролью редактора французского текста (см.: *Алексеев. Т — пропагандист*, с. 45—49; ср. наст. изд., Письма, т. 1, с. 557).
[3] Речь идет о романе «Дым».

1809. Людвигу Пичу (с. 15 и 230)

Печатается по подлиннику: *DSB*.
Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 208, 22. März; в русском переводе — *ВЕ*, 1909,

№ 4, с. 668, с сокращениями. Вновь опубликовано: в оригинале — *Pietsch*, S. 29; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 37—38.

[1] Это письмо Пича неизвестно.

[2] В связи с прусско-австрийской войной (июнь—июль 1866 г.) Пич смог только в августе 1866 г. приехать в Баден-Баден.

[3] Тургенев имеет в виду парижского издателя Ж. Этцеля, собиравшегося издать альбом рисунков Пича. В письме к Этцелю от 31 января (12 февраля) 1866 г. Тургенев рекомендовал ему заказать Пичу какую-то работу, возможно, речь шла об иллюстрациях к какому-либо изданию Этцеля (см. письмо 1805).

[4] П. Виардо в этот период написала музыку к трем стихотворениям Тургенева: «На заре», «Разгадка» и «Разлука», — впоследствии изданным в альбоме «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (СПб., 1868).

[5] Тургенев имеет в виду книжную лавку, библиотеку и читальню Маркс, которые находились в Баден-Бадене в Конверзатионсгаузе.

[6] Л. Пич был постоянным сотрудником либеральной берлинской газеты «Vossische Zeitung». Его фельетоны, посвященные вопросам литературы и искусства, живо интересовали Тургенева и П. Виардо.

1810. П. В. Анненкову (с. 16)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 2, с. 471—472, где окончание письма отсутствует.

Подлинник неизвестен.

Стр. 16. между нами будь сказано *(франц.)*.

[1] Письмо Анненкова к Тургеневу от 5 (17) февраля 1866 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 119—120).

[2] В письме от 5 (17) февраля 1866 г. Анненков сообщал Тургеневу, что от его имени возвратил В. Ф. Коршу (редактору «С.-Петербургских ведомостей») долг в 100 р. и что тот намеревается «преподнести» писателю «даром» свою газету (см. также письмо к Анненкову № 1812).

[3] В том же письме Анненков советовал Тургеневу отказаться от подписки на «Современник» и «Русское слово», так как «с двумя предостережениями на плечах и с разбродом главных их сотрудников — они сделались крайне безличны».

[4] В том же письме Анненков сообщал писателю, что получил от его дяди (Н. Н. Тургенева) 400 рублей.

[5] Очевидно, речь идет о 300 руб., выплаченных в 1862 г. Катковым М. А. Маркович в счет ее рассказов, о напечатании которых безуспешно хлопотал Тургенев (см. наст. изд., Письма, т. 5, № 1340, 1341). В письме от 5 (17) февраля 1866 г. Анненков советовал Тургеневу: «Если пожелаете удовлетворить Каткова, как сначала предполагали, то уже придется Вам достать новую ассигновку, и советую ее отдать в распоряжение Маслову, который с тем московским барином отлично ладить умеет».

[6] О ссудах, выданных А. А. Краевским Захару Балашову, см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1766.

[7] 24 февраля (8 марта) 1866 г. Анненков сообщал Тургеневу о том, что Дудышкин «просит переслать перевод Сервантесовой повести» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 121). Тургеневский перевод этой повести не сохранился.

[8] Это — ответ на запрос Анненкова в его письме от 5 (17) февраля 1866 г. В письме от 24 февраля (8 марта) того же года Анненков писал: «В литературный фонд внесено 25 р⟨ублей⟩ от Вас».

[9] См. наст. изд., Письма, т. 6, № 1799, примеч. 2 и наст. том. № 1802, примеч. 2.

[10] С. А. Гедеонов, давний (с 1840-х годов) знакомый Тургенева и семьи Виардо, был директором Эрмитажа с 1863 г.

[11] В письме к Тургеневу от 5(17) февраля 1866 г. Анненков писал: «Вы, вероятно, уже слышали, что граф Строганов, генерал-адъютант, бывший министр и отец Григория — публично назвал Рейтерна, в заседании Одесской думы — человеком, говорящим в своих бумагах на таком двусмысленном языке, что их надо посылать для разбора в Академию, присовокупив, что оный язык помогает ему толковать указы уже не двусмысленно, а бессмысленно. Речь графа напечатана была в „Известиях Одес⟨ской⟩ думы“, доставила ему и Воронцову, город⟨скому⟩ голове — строжайший выговор: оба выходят в отставку». Речь идет об А. Г. Строганове, который был тогда новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. М. Х. Рейтерн — министр финансов в 1862—1878 гг.; В. П. Орлов-Давыдов — симбирский губернатор с 1866 г.

[12] Имеется в виду работа над романом «Дым».

[13] Васенька — В. П. Боткин.

[14] «Африканка» — последняя опера Мейербера, впервые поставленная в Париже в 1865 г., уже после смерти композитора (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1746). В Петербурге опера впервые была поставлена 6 января ст. ст. 1866 г. Анненков, отвечая на вопрос Тургенева, писал: «„Африканка“, поставленная с пышностью, превосходящей парижскую (40 000 р.), находится под покровительством Двора, не пропустившего ни *одного* представления,— 14 или 15 раз. Идет мерзейшим образом. Публика скучает, но театр битком набит» (письмо от 24 февраля (8 марта) 1866 г.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 121). Постановка в Петербурге была осуществлена силами итальянской труппы. В спектакле были заняты ее лучшие артисты — Э. Тамберлик, Барбо и др. «Африканка» — самое слабое произведение Мейербера, который с помощью музыкальных эффектов и эклектики стремился удовлетворить вкусы самой непритязательной публики.

[15] Анненков отвечал Тургеневу 24 февраля (8 марта) 1866 г.: «Галахов сам преподнес Вам 2 часть своей „Истории“, которую скоро перешлю». Речь здесь идет не об «Истории русской словесности, древней и новой» А. Д. Галахова, первая половина II тома которой вышла лишь в 1868 г., а о «Русской хрестоматии» того же автора (I и II тома ее вышли одиннадцатым изданием, «с переменами», как раз в 1866 г.). В VI разделе II тома были помещены отрывки из произведений Тургенева: «Гамлет Щигровского уезда», «Рудин», «Дворянское гнездо».

[16] Имеется в виду книга: Волшебные сказки Перро. Пер. с франц. Ивана Тургенева. Рис. Г. Дорэ. Изд. М. О. Вольфа. СПб., 1866. См. письмо 1857, примеч. 2.

1811. Полине Брюэр (с. 18 и 230)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 121.

Впервые опубликовано: *Séménoff*, p. 167—168.

[1] Кроме 100 000 франков приданого, Тургенев обязался выплачивать дочери ежегодно содержание в размере 3000 франков.

1812. П. В. Анненкову (с. 18)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 2, с. 472, где окончание письма отсутствует.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1810, примеч. 2.

[2] См. письмо 1810, примеч. 15.

[3] Драма Н. А. Чаева «Дмитрий Самозванец» была опубликована в журнале «Эпоха» (1865, № 1). Разбор ее был дан в статье П. В. Анненкова «Чаев и гр. А. К. Толстой» (*ВЕ*, 1866, № 3). Отзыв Тургенева об исторических драмах Чаева см. в письме к П. Виардо № 1975 в наст. томе.

[4] Тургенев имеет в виду статьи Н. И. Субботина «Современные движения в расколе», печатавшиеся по главам в «Русском вестнике» (1863, № 5, 7, 11, 12; 1864, № 2 и 3; 1865, № 1—3 и 5). Статьи вышли в Москве в 1865 г. отдельным изданием (о нем, очевидно, и запрашивает Тургенев). Последняя статья «Современные движения в расколе» появилась в № 1 «Русского вестника» за 1866 г. Старообрядчество и сектантство как характерные явления русской народной жизни неоднократно привлекали внимание Тургенева (см.: Бродский Н. Л. Тургенев и русские сектанты. М., 1922). Еще в начале 1850-х годов писатель вел беседы с Аксаковыми о расколе, сектантстве и странничестве. Интерес этот Тургенев сохранил и в 1860-е годы, что нашло отражение в некоторых его произведениях: «Странная история» (1869), «Степной король Лир» (1870) и др. О намерении писателя создать в те же годы роман, посвященный русскому расколоучителю XVII в., суздальскому попу Никите Добрынину, прозванному противниками Пустосвятом, см.: Левин Ю. Д. Неосуществленный исторический роман Тургенева // *Орл сб*, 1960, с. 96—131; Осьмакова Л. Н. Неосуществленный исторический роман Тургенева о Никите Добрынине-Пустосвяте // Уч. зап. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. М., 1967, т. 186; Рус. лит., вып. 11, с. 197—208.

1813. П. В. Анненкову (с. 19)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 2, с. 472—473, где начало и конец письма отсутствуют.

Подлинник неизвестен.

В письме Тургенева речь идет о событиях 1866 года (см. примеч. 2 и 5), что и является основанием для датировки письма этим годом.

[1] Анненков 24 февраля (8 марта) 1866 г. писал Тургеневу: «Вы теперь, вероятно, уже знаете, что „Русское слово“ запрещено на 5 месяцев, то есть убито совсем» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 122 об.).

[2] Основные принципы «Положения 19 февраля 1861 г. об отмене крепостной зависимости помещичьих крестьян» в 1866 г. были распространены и на государственных крестьян.

[3] См. примеч. 11 к письму 1802.

[4] Отрицательное мнение Тургенева о «Детстве» Л. Н. Толстого резко отличается от прежних его восторженных отзывов о первых повестях этого писателя (см. наст. изд., Письма, т. 2, с. 157, 166, 302, 308—312). Оно связано с общим пересмотром Тургеневым его отношения к творческой манере Толстого, к его психологизму, а также с очень критическим восприятием первых частей «Войны и

мира» (см. там же, т. 6, письма 1734; 1735, примеч. 10; 1736, примеч. 8).

[5] Анненков был избран вице-президентом (т. е. товарищем председателя) комитета Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым) 2 (14) февраля 1866 г. и состоял в этом звании по 2 (14) февраля 1867 г.

1814. П. В. Анненкову (с. 19)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 2, с. 473—474, где отсутствует конец письма.

Подлинник неизвестен.

Стр. 20. «Отверженные» *(франц.)*.

[1] «Роберт-Дьявол» (1831) — опера Мейербера, долго державшаяся в репертуаре и ценившаяся Тургеневым отчасти потому, что в ней выступала П. Виардо (см. наст. изд., Письма, т. 1, № 72, примеч. 4).

[2] Письмо Анненкова от 24 февраля (8 марта) 1866 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 121—122).

[3] Это письмо В. Ф. Корша к Тургеневу неизвестно.

[4] Рассказ «Собака» был напечатан в № 85 «С.-Петербургских ведомостей» от 31 марта (12 апреля) 1866 г. Об истории публикации рассказа «Собака» см. наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 501—504; Письма, т. 6, № 1600, 1616, 1621, 1664, 1667, 1682.

[5] «Бароны московские» — издатель-редактор «Русского вестника» М. Н. Катков и один из ближайших его сотрудников П. М. Леонтьев. Это — ответ Анненкову, который 24 февраля (8 марта) 1866 г. писал Тургеневу: «Прилагаю письмо Корша; почему бы в самом деле и не отдать ему в фельетон „Собаки“? Ведь Вы можете сказать надменным баронам „Русского вестника“, что пишете большую вещь, которую им предназначаете» (см. также письмо 1815).

[6] См. письмо 1810, примеч. 7. Анненков в письме от 24 февраля (8 марта) 1866 г. указывал, что если перевод повести Сервантеса («Ринконет и Кортадильо») Дудышкину «не по нраву будет, мы найдем ей помещение, а вырученный гонорарий ему предоставим».

[7] См. письмо 1810, примеч. 15.

[8] Имеется в виду «Обзор истории славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (СПб., 1865; второе издание, переработанное и дополненное, в 2-х томах, вышло в 1879—1881 гг. под названием «История славянских литератур»). «Враждебным» Тургенев называет А. Н. Пыпина, имея в виду его участие в «Современнике».

[9] См. письмо 1810, примеч. 14. В молодости Тургенев положительно относился к операм Мейербера, в частности к «Пророку» (см. наст. изд., Сочинения, т. 4, с. 455). О глубокой перемене в отношении Тургенева к романтической (в итальянском вкусе) музыке Мейербера свидетельствует более поздний отзыв его о «Пророке» (см. там же, Письма, т. 6, № 1696). Упоминая об изысканном творчестве итальянских «маньеристов» XVII в. художника Бернини и поэта Марини, имевших у современников значительный, но недолговременный успех, Тургенев подчеркивает эфемерность успеха «Африканки».

[10] Отрицательно относясь к творчеству Гюго в целом (см.: Алексеев М. П. Виктор Гюго и его русские знакомства // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985,

с. 460—475; см. также наст. изд., Письма, т. 6, № 1794, примеч. 6 и № 1795), Тургенев не оценил литературную и общественную роль романа Гюго. Между тем «Les Misérables» произвели огромное впечатление не только во Франции, но и за ее пределами и были переведены на русский язык в 1862 г.

[11] Речь идет о Фридрихе, великом герцоге Баденском.

[12] Опера А. Н. Серова «Рогнеда» была впервые поставлена в Петербурге 27 октября ст. ст. 1865 г. Тургенев еще в начале 1864 г. слушал в исполнении автора отрывки из нее (см. наст. изд., Письма, т. 5, № 1550). Отзыв Анненкова об этой опере неизвестен.

[13] Роман Вс. В. Крестовского печатался в «Отечественных записках» (1864, № 10, 11; 1865, № 1—6, 9—12; 1866, № 1—12).

[14] Повесть Н. Д. Ахшарумова «Натурщица» появилась в «Отечественных записках» (1866, № 3, 4).

1815. Людвигу Пичу (с. 21 и 231)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 30; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 41.

[1] См. письмо 1809.

1816. М. Н. Каткову (с. 21)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/20.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 46—47.

[1] О долге Тургенева Каткову см. письмо 1810.

[2] Тургенев имеет в виду знаменитый испанский плутовской роман «Ласарильо с Тормеса» («Lazarillo de Tormes», 1554), известный в русских переводах с XVIII в. О переводе этого произведения см. также в письмах 1828 и 1853 (перевод «Ласарильо», выполненный Тургеневым, как и другие его испанские переводы, неизвестен). Говоря о «всех последовавших Жиль-Блазах», для которых «Ласарильо» явился «прототипом», Тургенев подразумевает судьбы плутовского романа, сыгравшего большую роль во всех европейских литературах XVII—XVIII вв. Существенное значение для популяризации этого жанра имел роман Алена Рене Лесажа «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1715—1735).

[3] См. письмо 1814, примеч. 4.

[4] Речь идет о романе «Преступление и наказание» (ч. 1, главы I—VII — Русский вестник, 1866, № 1). См. также письмо 1817.

1817. И. П. Борисову (с. 22)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 20—21.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 373—374.

[1] Письмо Борисова от 28 января ст. ст. 1866 г., на 8 страницах (*Т сб*, вып. 5, с. 505—509).

[2] Письмо Борисова от 24 февраля ст. ст. 1866 г. (там же, с. 510—512).

[3] Борисов писал о своей неудачной охоте в письме от 28 января ст. ст. 1866 г.

[4] Т. е. без промаха. Пуделять (охот.) — делать промахи в стрельбе (от нем. «pudeln», «einen Pudel machen» — промахнуться).

[5] Это письмо Тургенева к П. И. Борисову неизвестно.

[6] Об уездном земском собрании в Мценске Борисов подробно, с большой долей юмора сообщал в письме от 24 февраля ст. ст. 1866 г.

[7] Это письмо Тургенева к Фету неизвестно.

[8] Фет исполнял обязанности секретаря на уездном земском собрании (см. письмо Борисова от 24 февраля ст. ст.).

[9] Тургенев отвечает на слова Борисова в письме от 24 февраля ст. ст. 1866 г.: «В 1-ой книжке „Р⟨усского⟩ в⟨естника⟩“ есть Достоевского „Преступление и наказание“, но это не роман, а просто записки уголовного следователя — ужасная „фотография“». См. также письмо 1816, примеч. 4.

[10] Стихотворение Фета «Когда от хмелю преступлений» (*Рус Вестн*, 1866, № 1, с. 34).

[11] В дальнейшем Тургенев неизменно относил повесть «Казаки» к произведениям «столь же замечательным по форме, как и по содержанию» (наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 356; см. также с. 347, 367, 369; Письма, т. 6, № 1627).

[12] См. письмо 1774, примеч. 5 (наст. изд., Письма, т. 6).

1818. Полине Брюэр (с. 23 и 231)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 122.
Впервые опубликовано: *Sémenoff*, p. 168.

[1] Тургенев поселился в новом доме только 5 (17) апреля 1868 г.

1819. Н. И. Баксту (с. 24)

Печатается по тексту первой публикации: Пережитое. Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. СПб., 1910. Т. 2, с. 298—299.
Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1814, примеч. 8.

[2] Возможно, имеется в виду большая программная статья члена редакции «Современника» Ю. Г. Жуковского «Вопрос молодого поколения» (*Совр*, 1866, № 2 и 3), направленная против «барского начала», против М. Н. Каткова как наиболее активного обвинителя молодого поколения, а также против реакционной системы классического образования. Выпады против молодежи со стороны «Московских ведомостей» и «Русского вестника» Каткова оценивались Жуковским чрезвычайно резко. В статье задевался Тургенев, поскольку образ Базарова трактовался в ней с крайне враждебных позиций: «Несмотря на все усилия московской литературы — смешать стремления и тенденции всего молодого поколения огулом с этой легендарной фигурой нигилизма, базаровская фигура остается карикатурным исключением и от нее резко отделяется масса молодого поколения с своими стремлениями и нуждами, с своим вопросом, вовсе не вяжущимся с легендарным образом нигилизма, вовсе не понятым и не объясненным и только несправедливо открытым всеобщему осуждению» (*Совр*, 1866, № 2, с. 170). Не называя прямо имени Тургенева, Жуковский подчеркнул, что некоторые «руководители общественного мнения» сами способствовали возникновению мыслей, будто «базаровство ⟨. . .⟩ разлагает нравы и потрясает общественные основы» (там же, с. 169—170).

[3] Статья «Вопрос молодого поколения» послужила поводом к судебному преследованию журнала. Жуковский вместе с А. Н. Пыпиным, как редактором «Современника», был привлечен к ответст-

венности по обвинению в оскорблении дворянства. Катков же, воспользовавшись началом невиданного по своим размерам террора, наступившего после покушения Каракозова, обвинял «Современник» и Жуковского в государственной измене (*Моск Вед*, 1866, 20 и 22 апреля (№ 83 и 85), передовые).

[4] Эти письма В. И. Бакста и Тургенева неизвестны.

[5] В начале февраля Тургенев из-за сильных приступов подагры почти не мог двигать левой рукой (см., напр., письма 1807, 1809).

[6] В 1863 г. Н. И. Бакст был командирован Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессуре и работал в лаборатории Гельмгольца. По-видимому, данное письмо Тургенева было адресовано Баксту в Гейдельберг.

1820. Е. Е. Ламберт (с. 25)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 137.
Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 180.

[1] Предыдущее письмо к Ламберт было написано год назад, 26 февраля (10 марта) 1865 г. (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1723). Возможно, что, говоря о «последних утратах», Тургенев имеет в виду смерть К. К. Ламберта (20 июля ст. ст. 1865 г.) и смерть цесаревича Николая Александровича (12 апреля ст. ст. 1865 г.), с которым был дружен ее сын Яков, умерший в 1861 г. (см. наст. изд., Письма, т. 4, примечания к письмам 1121 и 1253).

1821. Е. Т. Сливицкой (с. 25)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2567.
Впервые опубликовано: *Т сб (Бродский)*, С. 28.

[1] В 1863 году Е. Т. Сливицкая обратилась к Тургеневу с просьбой о погашении им якобы невыплаченного долга в 12 тыс. руб. (см. наст. изд., Письма, т. 5, № 1430, примеч. 1). Спустя четыре года, в 1867 году, Н. Н. Тургенев предъявил к оплате вексель на 4500 руб., выданный писателем Сливицкой (см. письма 1973, 1978, 1982, 1996).

1822. П. В. Анненкову (с. 26)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 2, с. 474—475, где конец письма отсутствует.
Подлинник неизвестен.

[1] При содействии Анненкова рассказ «Собака» был опубликован в «С.-Петербургских ведомостях» (см. письмо 1814, примеч. 4).

[2] Под псевдонимом «Выборгский пустынник» печатал в «С.-Петербургских ведомостях» свои фельетоны — «Общественные и литературные заметки» — В. П. Буренин. В двух мартовских фельетонах его (№ 71 от 13 (25) марта и № 78 от 20 марта (1 апреля) 1866 г.) упоминались имена Тургенева и Базарова, причем роман «Отцы и дети» был назван «ошибочным произведением» (*СПб Вед*, 1866, 20 марта (1 апреля), № 78).

[3] Тургенев имеет в виду статьи Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства», М. И. Богдановича «Первая эпоха преобразований императора Александра I (1801—1805)» и Д. Л. Мордовцева «Пугачевщина» (*ВЕ*, 1866, т. 1).

[4] Ср. письмо к Борисову (№ 1817, примеч. 9). Отзыв Анненкова о «Преступлении и наказании» неизвестен.

[5] Тургенев имеет в виду вторую часть романа Толстого (главы I—IX),— в частности, размышления Николая Ростова во время атаки: «„Ну, так и есть,— подумал Ростов,— он хочет испытать меня!“ — Сердце его сжалось, и кровь бросилась к лицу.— „Пускай посмотрит, трус ли я?“—подумал он» (*Рус Вестн*, 1866, № 2, с. 811).

[6] В письме от 4 (16) марта 1866 г. Анненков обещал Тургеневу прислать книги, о которых писатель просил его (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 123—124).

[7] С 1867 года управление имениями Тургенева перешло к Н. А. Кишинскому.

1823. А. А. Фету (с. 27)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 515, оп. 1, № 34, л. 7—8.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 88, с пропуском большого отрывка. Отрывок, опущенный Фетом, опубликован: Северные цветы, 1902, с. 181—182.

Стр. 28. довольно *(итал.)*.

[1] 25 марта по ст. ст.— праздник «Благовещения».

[2] Это письмо Фета неизвестно.

[3] Фет был избран гласным орловского губернского земства от Мценского уезда (см.: *Фет*, ч. 2, с. 86).

[4] Речь идет о статьях Фета «Из деревни», ранее печатавшихся в «Русском вестнике» (см. № 1 и 3 за 1863 г. и № 4 за 1864 г.). В не дошедшем до нас письме Фет извещал Тургенева о новом продолжении этих записок, посланных в «Русский вестник», что подтверждается письмом И. П. Борисова к Тургеневу (от 24 февраля ст. ст. 1866 г.), в котором читаем: «Фет „Из деревни“ еще не послал Каткову — очень интересная» (*Т сб*, вып. 5, с. 512). По неизвестным причинам продолжение записок «Из деревни» в печати не появилось. Записки Фета «Из деревни» частично были приняты во внимание Тургеневым при создании «Дыма» (см.: Батюто А. И. С. Тургенев в работе над романом «Дым» // *Рус лит*, 1960, № 3, с. 156—160).

[5] Речь идет о стихотворении Фета «Ф. И. Тютчеву» (*Рус Вестн*, 1866, № 2).

[6] Речь идет о стихотворении Фета «Графине С. А. Толстой» («Когда так нежно расточала...»), тогда не изданном, а позднее отчасти переработанном под влиянием замечаний Тургенева и напечатанном в сборнике стихотворений Фета «Вечерние огни» (М., 1883). В первоначальной редакции, присланной Тургеневу, первое четверостишие этого стихотворения читалось так:

Когда случайно мне, бывало,
Привет свой кинешь наизусть,
Ты на минуту восторгала
Мою рассеянную грусть.

(См.: Фет А. А. Полн. собр. соч. // Под ред. Б. Я. Бухштаба. М.; Л.: Сов. писатель, 1959, с. 349, 703). Выражение «Звезда и роза» и строка «На темном небе и в воде» остались без изменений. О Тургеневе — редакторе Фета см.: Бухштаб Б. Я. Судьба литературного наследства А. А. Фета // *Лит Насл*, т. 22—24, с. 561—602; Лотман Л. М. Тургенев и Фет // *Т и его современники*, с. 25—47.

[7] Речь идет о Софье Владимировне Энгельгардт; ее письмо и ответ Тургенева неизвестны.

[8] Тургенев говорит о «возобновлении» «Вестника Европы», поскольку журнал М. М. Стасюлевича официально являлся продолжением журнала, основанного Н. М. Карамзиным в 1802 г. и издававшегося под редакцией разных лиц до 1830 г. включительно. Двойная нумерация годов издания и томов велась в журнале вплоть до 1910 г. Н. И. Костомаров был одним из ведущих постоянных сотрудников «Вестника Европы».

[9] К моменту, когда Тургенев писал это письмо, была напечатана только первая часть романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (*Рус Вестн*, 1866, № 1 и 2). Говоря о двух частях «Преступления и наказания», Тургенев, очевидно, имел в виду два номера журнала, в которых печаталась первая часть. См. также письма № 1817 и 1822.

[10] См. письмо 1822, примеч. 5.

1824. П. В. Анненкову (с. 28)

Печатается по тексту первой публикации: *BE*, 1887, № 2, с. 475.

Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев имеет в виду покушение Д. В. Каракозова на Александра II.

[2] Газета «С.-Петербургские ведомости» (1866, № 92, 7 (19) апреля) сообщала: «При первоначальном дознании злодей показал, что зовут его Алексеем Петровым; от роду имеет 24 года, происходит из крестьян одной из южных губерний».

[3] Имеется в виду рассказ Тургенева «Собака».

1825. Людвигу Пичу (с. 29 и 232)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 208, 22. März; в английском переводе — The Saturday Review, Supplement, 1909, № 2780, 6 February, p. 111, с ошибочной датой — 12 декабря 1865; во французском переводе — Revue Bleue, 1909, 5 février, p. 164, с той же ошибочной датой; в русском переводе — *BE*, 1909, № 4, с. 668—669. Вновь опубликовано: в оригинале — *Pietsch*, S. 30—33; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 41—43.

[1] Это письмо Пича неизвестно.

[2] См. письма 1809 и 1815.

[3] В саду виллы П. Виардо был выстроен музыкальный зал (Tonhalle), в котором с 1864 г. давались концерты, посещавшиеся представителями артистического мира (Антоном Рубинштейном, Кларой Шуман, Марией Зеебах, Юлиусом Бенедиктом и др.), великосветских и правительственных кругов (см.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2, с. 247—253).

[4] «Der Doppelgänger» («Двойник») — одна из последних песен Ф. Шуберта на текст стихотворения Г. Гейне; она является предпоследней в цикле «Лебединая песня» («Schwanengesang»), который был опубликован уже после смерти композитора, в 1829 г. Название циклу было дано издателями. По мнению современного исследователя, «Двойник» «явился кульминацией и итогом развития траги-

ческой темы в творчестве Шуберта» (см.: Вульфиус П. Франц Шуберт. М., 1983, с. 180). Полина Виардо, которая была почитательницей творчества австрийского композитора, в 1873 году издала сборник 50-ти его песен, куда вошел и «Двойник», с параллельными текстами на немецком и французском языках (переводчиком на французский язык значится Луи Поме) и со своим предисловием: Cinquante Mélodies de Franz Schubert. Traduites par Louis Pomey, avec annotations et sous la direction de M-me Pauline Viardot. P., 1873. См. об этом: Virenque Antoine. Pauline Viardot et Schubert // *Cahiers*, № 2, 1978, p. 100—107.

[5] Виллы Виардо и Тургенева находились в Тиргартентале. Эта местность, после того как она была застроена, стала называться Тиргартенштрассе.

[6] Рядом с виллой Виардо Тургенев начал строить виллу для себя (см. примеч. 11 к письму 1802).

[7] С 1862 по 1868 г. Тургенев снимал нижний этаж в доме Георга Анштетта, находившемся в восточном конце Шиллерштрассе, рядом с прекрасным садом, окаймленным рукавом Оос (см.: *Pietsch*, *Erinnerungen*, S. 276). Оос — река, пересекающая Баден-Баден.

[8] Пич познакомился с Гюставом Доре в мае 1863 г. В своих воспоминаниях он писал: «Для меня имело большое значение посещение Гюстава Доре, который находился тогда на вершине мировой славы. Ему меня рекомендовала г-жа Виардо... Мы с ним встречались еще в течение последующих лет в Баден-Бадене в доме Виардо» (*Pietsch*, *Erinnerungen*, S. 237—241). Из написанных Пичем статей о Г. Доре известны две: «Gustave Doré und seine Bibelillustrationen» (в книге: Pietsch L. Aus Welt und Kunst. Studien und Bilder. Jena, 1867. Bd. 1, S. 196—231) и «Der König der Illustratoren» (в газете «Daheim», 1868, № 21, 22. Februar).

[9] Предположение Тургенева о том, что войны не будет, не оправдалось: между Австрией и Пруссией уже в июне 1866 г. возникла война, окончившаяся в июле того же года. Введение по инициативе канцлера Бисмарка всеобщей, прямой и тайной подачи голосов (suffrage universel) для выборов в северогерманский рейхстаг удовлетворило умеренных либералов. Более прогрессивная часть общества отнеслась к этому настороженно (см. письмо 1914, примеч. 7).

[10] Тургенев имеет в виду покушение Д. В. Каракозова на Александра II и спасение его, по официальной версии, О. И. Комиссаровым.

[11] Роман «Дым».

[12] Тургенев начал писать рассказ «История лейтенанта Ергунова» (см. также письмо 1904, примеч. 4).

1826. Полине Брюэр (с. 30 и 233)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 123. Впервые опубликовано: *Sémênoff*, p. 169.

[1] Тургенев приехал в Ружмон 16 (28) мая 1866 г. (см. письмо 1836).

1827. П. В. Анненкову (с. 31)

Печатается по тексту первой (неполной) публикации: *ВЕ*, 1887, № 2, с. 475—476.

Подлинник неизвестен.

Стр. 31. «Труженики моря» *(франц.)*.

[1] Это письмо Анненкова неизвестно.

[2] 7 (19) апреля 1866 г. в Петербурге состоялось чрезвычайное заседание Общества для пособия нуждающимся литераторам, которое закончилось составлением и подписанием адреса, поднесенного Александру II. Тургенев узнал об этом, вероятно, из «С.-Петербургских ведомостей» (1866, № 94, 9 (21) апреля).

[3] Сообщение о поступке Е. Кобригиной было опубликовано в № 83 «С.-Петербургских ведомостей» от 25 марта (6 апреля) 1866 г. О сборе пожертвований в пользу этой женщины сообщалось в той же газете (см. № 84—86 и др.).

[4] Перевод романа В. Гюго «Труженики моря» был напечатан в «Отечественных записках» (1866, № 3—6, 8—9).

1828. М. Н. Каткову (с. 32)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/21.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 47.

[1] Эта телеграмма Каткова неизвестна.

[2] См. письмо 1816, примеч. 2.

[3] Тургенев имеет в виду события, связанные с покушением Каракозова на Александра II (см. примеч. 9 к письму 1824).

1829. А. М. Жемчужникову (с. 32)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 46.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 71.
Дата письма определяется его содержанием. В марте 1866 г. А. М. Жемчужников с семьей впервые приехал в Баден-Баден, где встречался с Тургеневым. После путешествия по Европе Жемчужников вернулся в Баден-Баден в ноябре 1866 г. и жил там до начала 1868 г. (см. письма 1817, 1832, 1878 и письма Жемчужникова к Н. А. Некрасову от 7 (19) января и 26 января (7 февраля) 1868 г.: *Лит Насл*, т. 51-52, с. 274—276).

В 1865—1866 гг. был за границей и Авдеев, который с конца апреля жил в Содене. Следовательно, Тургенев, Жемчужников и Авдеев могли находиться в Баден-Бадене одновременно лишь в апреле 1866 г. Это подтверждается и письмом Тургенева к Авдееву от 1 (13) мая 1866 г. (письмо 1831), косвенно свидетельствующим о его недавнем посещении Баден-Бадена (пересылка в Соден письма, пришедшего на имя Авдеева в Баден-Баден). Таким образом, записка могла быть написана в одну из сред апреля 1866 г.

1830. А. М. Жемчужникову (с. 32)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 45.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 71.
Датируется одной из пятниц апреля 1866 г. Обоснование датировки см. в примечании к письму 1829.

[1] Эта записка Тургенева неизвестна.

1831. А. М. Жемчужникову, М. В. Авдееву и Ег. П. Ковалевскому (с. 33)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 38.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 72.
Письмо не имеет даты, и в тексте его не указан адресат. Но в

адресе, надписанном рукой Тургенева на обороте листа, назван А. Жемчужников. В отеле «Zähringer Hof» в Баден-Бадене А. М. Жемчужников жил в 1866—1868 гг. (см.: *Лит Насл*, т. 51-52, с. 274, ср. письмо 1896).

В комментируемом письме Тургенев обращается не к одному лицу, а к нескольким. По сопоставлению с другими письмами Тургенева можно предположить, что записка адресована А. М. Жемчужникову, М. В. Авдееву и Ег. П. Ковалевскому в период, когда все они находились в Баден-Бадене, т. е. в апреле 1866 г. (ср. записки 1829 и 1830).

Сохранилась также записка Авдеева к Жемчужникову, которая сходна с комментируемой по упоминанию о тех же событиях: «Я Вас так же предательски обману, как и Тургенев — любезнейший Алексей Михайлович: дело в том, что я второпях пробежал еще лишнюю улицу и так устал и голова так разболелась, что не только читать, но и говорить не способен и в эдаком виде к Вам явиться не могу. Отложите вечер до завтра? Весь Ваш М. Авдеев» (*ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 34, л. 4). В том же фонде хранится записка Ковалевского, связанная с предыдущими по смыслу: «Тургенев, как обыкновенно, оказался несостоятельным; он просит отложить обед до завтрашнего дня, по случаю какого-то концерта, и потому простите, пожалуйста, любезный Алексей Михайлович, за отсрочку и не откажите прийти завтра. Искренно преданный Е. Ковалевский». На обороте листа надпись на французском языке: «Monsieur Al. Jemschougnikoff»,— свидетельствующая о том, что записка написана за границей. В письме Тургенева к Авдееву от 1 (13) мая 1866 г. (№ 1832) имеется подтверждение этого факта. «С Ковалевским и Жемчужниковым я обедаю сегодня»,— сообщал писатель своему корреспонденту, продолжая этой фразой длительную переписку между всеми названными лицами о какой-то намечавшейся, но не состоявшейся встрече в Баден-Бадене.

В данной записке Тургенева речь идет, по всей вероятности, о литературном вечере, задуманном в связи с приездом в Баден-Баден Ег. П. Ковалевского, первого председателя Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, вдохновителя многих традиционных для Общества литературных вечеров. По-видимому, этот вечер не состоялся: никаких откликов на чтение Тургеневым в Баден-Бадене «Записок охотника», а Жемчужниковым — своих стихотворений обнаружить не удалось. Возможно, что чтение было отменено в связи с неожиданным отъездом в Россию Авдеева. Об этом, очевидно, и говорится в неопубликованном письме Авдеева к Жемчужникову, находящемся среди писем, написанных весной 1866 г. (без даты): «По зрелом обсуждении я положительно могу сказать, что до пятницы мне оставаться нельзя; если Вы найдете возможным как-нибудь ускорить срок хотя б до среды, то потрудитесь завернуть ко мне или дать знать — дата пугает меня» (*ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 34, л. 3).

1832. М. В. Авдееву (с. 33)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 440, л. 3.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1902, № 8, с. 282—283, с неверной датировкой: март вместо мая.

[1] Это письмо Авдеева неизвестно.

[2] Речь идет о комиссии по расследованию покушения Д. В. Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.), созданной под председ-

дательством М. Н. Муравьева-Виленского. Результаты следствия были опубликованы только 2 (14) августа 1866 г. в газете Министерства внутренних дел «Северная почта» (№ 166).

[3] Тургенев имеет в виду стихотворное послание Некрасова М. Н. Муравьеву. Стихи были прочитаны поэтом в Английском клубе 16 (28) апреля 1866 г. после торжественного обеда, данного в честь Муравьева. Текст этого послания неизвестен (см.: Бухштаб Б. Я. О «Муравьевской оде» Некрасова // Каторга и ссылка, 1933, № 12, с. 138).

[4] В № 4 «Современника», который появился в Петербурге 2 (14) мая 1866 г., были напечатаны стихотворение Некрасова «Осипу Ивановичу Комиссарову» и верноподданническая статья Л. И. Розанова в «Современном обозрении» (с. 225—247). Помещение в журнале этих материалов (так же как и «Муравьевская ода») было связано с попыткой Некрасова спасти «Современник»; попытка, эта, однако, не увенчалась успехом, 3 июня ст. ст. 1866 г. официально было объявлено о запрещении журнала (см.: Северная почта, 1866, № 118, 3 (15) июня).

[5] См. примеч. 3 к письму 1842.

[6] Тургенев имеет в виду № 3 «Русского вестника» за 1866 г., в котором были напечатаны X—XIV главы из второй части романа Л. Н. Толстого «Тысяча восемьсот пятый год» («Война и мир»).

[7] Ответное письмо Авдеева от 9 (21) мая 1866 г. из Содена см.: *Т сб*, вып. 1, с. 410—411.

[8] Тургенев жил в Содене с 25 мая (6 июня) до 6 (18) июля 1860 г. (см. наст. изд., Письма, т. 4, с. 683).

1833. Я. П. Полонскому (с. 34)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание ОЛДП, № Q 250, л. 11—12.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 123—124.

[1] «Оттиски» — сборник стихотворений Я. П. Полонского, изданный в 1866 г. в Петербурге (о нем см.: «Памятная книжка» Я. П. Полонского на 1866 г., запись от 3 (15) февраля — *ИРЛИ*, № 11700). В сборник вошло 25 стихотворений, в том числе «Жалобы музы», особенно понравившееся Тургеневу. Какие «молодые приятели» Полонского доставили Тургеневу сборник в Баден-Баден — не установлено. Одновременно с книгой Тургенев получил письмо от Полонского, текст которого до нас не дошел.

[2] Рецензия на «Оттиски» Полонского, написанная П. М. Ковалевским, была напечатана в «Современнике» (1866, № 3, с. 127). В рецензии отмечалось, что наряду с удачными стихотворениями в сборнике «попадаются пьесы вовсе не поэтические», уподобляющиеся «карканью вороны». В «Памятной книжке» Я. П. Полонского на 1866 г., в записи от 15 (27) апреля, говорится по этому поводу: «Узнал от Пав. М. Ковалевского, что Некрасов вычеркнул из статьи его обо мне в „Современнике“ — все места, где он серьезно хвалит меня» (*ИРЛИ*, № 11700).

[3] См. примеч. 3 к письму 1832.

[4] См. письмо 1814, примеч. 4.

[5] В 1866 г. Полонский и Фет не встречались и не переписывались. В письме В. П. Боткина к Фету от 15 декабря ст. ст. 1866 г.

по этому поводу сообщается: «Вчера Полонский принес мне две главы своей новой поэмы ⟨. . .⟩ Я записал его адрес, зная, что ты любишь его» (*Фет*, ч. 2, с. 112).

1834. Людвигу Пичу (с. 35 и 233)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 208, 22. März; в русском переводе — *BE*, 1909, № 4, с. 669—670, с сокращениями. Вновь опубликовано: в оригинале — *Pietsch*, S. 33—34; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 44—47.

[1] Письмо Пича неизвестно.

[2] См. примеч. 3 к письму 1842.

[3] Семья Виардо и Тургенев собирались провести зимний сезон в Берлине, но в связи с тревожной политической обстановкой от этого намерения пришлось отказаться.

[4] В 1860 г. доходы Тургенева уменьшились в связи с расстройством денежного обращения в России. Выпуск большого количества кредитных билетов после Крымской кампании и утечка звонкой монеты за границу создали в 1850—1860 гг. кризис монетной системы в России (см.: К а у ф м а н И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910, с. 215 и сл.).

[5] О многочисленных арестах в России в начале мая 1866 г. писала аугсбургская «Allgemeine Zeitung» (1866, № 102, 12. Mai). Имена арестованных литераторов, с большинством которых Тургенев был знаком, перечислены в «Колоколе» (1866, л. 221, 1 июня).

[6] В связи с прусско-австрийской войной Пич приехал в Баден-Баден в 1866 г. только в сентябре н. ст.

[7] См. письмо 1825, примеч. 10, 11.

[8] Пич в этот период писал свою книгу «Aus Welt und Kunst», в которую он включил свои журнальные и газетные статьи. Книга вышла в свет в 1867 г.

[9] См. письмо 1825, примеч. 7.

[10] См. письмо 1809.

1835. Э. Ф. Раден (с. 36 и 234)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 698, оп. 1, № 206, л. 1—3.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 76—77.

[1] В салоне Е. В. Львовой вел. кн. Елена Павловна устраивала свои приемные вечера, на которых обычно присутствовал А. Г. Рубинштейн. Вечера назывались «les soirées de la princesse Lwoff» (см.: Т е р н е р Ф. Г. Воспоминания жизни. СПб., 1910. Т. I, с. 181—182).

[2] Тургенев познакомился с Э. Ф. Раден в Риме в 1858 г., встречался и переписывался с ней в 1860—1866 гг. (см. наст. изд., Письма, т. 4, указатель имен).

[3] Русский православный календарь издавался в 1865 и 1866 гг. Крестовоздвиженской общиной сестер милосердия, основанной вел. кн. Еленой Павловной при содействии Н. И. Пирогова. В вышедших двух книжках помещены очерки по истории церкви, русской истории, литературе, земледелию и т. д., а также стихи,

написанные в религиозно-патриотическом духе. В письме к Ю. Ф. Самарину 26 апреля ст. ст. 1866 г. Раден, обращаясь с просьбой о сотрудничестве в календаре, писала, что «трепещет» при мысли о том, что не получит от Тургенева «ожидаемого сокровища» (Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден. М., 1893, с. 37).

[4] Тургенев ничего не написал для «Русского православного календаря», так как не желал принимать участия в официозных религиозных изданиях. В письме к Е. Е. Ламберт от 27 апреля (9 мая) 1863 г. Тургенев объяснял это своим неумением написать «простую и нравственную повесть для народа» (см. наст. изд., Письма, т. 5, № 1465). Подробнее об отношении Тургенева к литературе для народа и к народному образованию см. в публикации В. В. Данилова письма С. А. Рачинского к Тургеневу (*Лит Арх*, т. 3, с. 251—253).

[5] После резкой критики, которой подвергся роман «Отцы и дети» справа и слева, Тургенев до ноября 1865 г. писал только небольшие произведения («Призраки», «Довольно», «Речь о Шекспире», «Собака»).

[6] Письма М. Севинье к дочери (Lettres de Marie Rabutin-Chantal, marquise de Sévigné, à M-me la comtesse de Grignan, sa fille, qui contiennent beaucoup de particularités de l'histoire de Louis XIV. 1725; полнее — 1726) являются шедеврами французского эпистолярного стиля XVII в. В 1860-х годах письма Севинье были изданы в 15 томах в серии «Великие французские писатели», под редакцией А. Ренье.

1836. Полине Виардо (с. 38 и 235)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 137—139.

[1] Ружмон — местечко в департаменте Эр-и-Луара в 120 км от Парижа, где находилась стекольная фабрика, управляющим которой был муж П. Тургеневой Гастон Брюэр. После свадьбы, состоявшейся в феврале 1865 г., супруги Брюэр жили в Ружмоне.

[2] Зять Тургенева — Гастон Брюэр.

[3] Дочь Тургенева была в это время на четвертом месяце беременности, которая снова оказалась неудачной, завершившись преждевременными родами и смертью ребенка.

[4] По свидетельству Е. Семенова, дочь Тургенева говорила ему: «Я вышла замуж за промышленника из прекрасной семьи и имеющего блестящее положение, однако совершенно лишенного интереса к искусству» (*Séménoff*, p. 251). Опасения Тургенева оправдались — брак с Г. Брюэром оказался неудачным.

[5] Очевидно, Тургенев присутствовал на утреннике П. Виардо, так как 3 июня был уже в Баден-Бадене (см. письмо 1838).

[6] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[7] «Долина» — мелодия Ш. Гуно на слова А. Ламартина.

[8] Речь идет о картине Л. Поме «Отдых артиста» («Le Repos de l'Artiste»), выставленной в 1866 г. М. Дюкан в своем отчете о Салоне 1866 г. не упомянул ни одной работы Поме; через год, в статье, посвященной Салону 1867 г., он отметил «очень хороший портрет работы Поме» (Revue des Deux Mondes, 1867, 1 juin, p. 654).

[9] Свидетельств о том, что Флобер в 1866 г. посетил Баден-Баден, не сохранилось.

[10] Поручения для Жерара, вероятно, были связаны с изданием музыкальных произведений П. Виардо (см. письмо 1780, примеч. 4 и 5 — наст. изд., Письма, т. 6).

1837. **Кларе Тургеневой** (с. 39 и 236)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708, п. 12.
Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 226—227.

[1] Тургенев находился в это время в гостях у дочери, инициалы которой «Р. В.» (Pauline Bruère) вытиснены монограммой на бумаге письма.

1838. **Н. Н. Рашет** (с. 40)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 13—14.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 690—691.

Стр. 40. свой смысл существования *(франц.)*.

[1] Об отношениях Рашет и К. К. Случевского и о значении имени «Амадис Галльский» см.: наст. изд., Письма, т. 6, № 1694, примеч. 2.
[2] Вероятно, близкое соседство Рашет было нежелательно для Полины Виардо.
[3] См. примеч. 3 к письму 1842.
[4] В новый дом в Баден-Бадене Тургенев переехал лишь в апреле 1868 г.

1839. **И. П. Борисову** (с. 41)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 22.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 374—375.

[1] Письма Борисова, на которые отвечает Тургенев, неизвестны, так же как и письма Тургенева к П. И. Борисову и А. А. Фету, посланные одновременно с данным письмом.
[2] См. письмо 1836, примеч. 3.
[3] См. примеч. 3 к письму 1842.

1840. **Людвигу Пичу** (с. 42 и 236)

Печатается по подлиннику: *DSB*.
Первая публикация в немецком оригинале неизвестна; в русском переводе — *ВЕ*, 1909, № 4, с. 670, с сокращениями. Вновь опубликовано: в оригинале — *Pietsch*, S. 34—37; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 47—48.

[1] Л. Пич приехал в Баден-Баден только 11 (23) августа 1866 г. «Материнские объятья» — цитата из драмы Шиллера «Смерть Валленштейна» (ср.: наст. изд., Письма, т. 6, № 1727).

1841. **Жюлю Этцелю** (с. 42 и 237)

Печатается по фотокопии *ИРЛИ*. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.
Впервые опубликовано: в отрывках — *Parturier*, p. 34 и *Parménie*, p. 475; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 82.

[1] Речь идет о письме Мериме к Тургеневу от 6 июня н. ст. 1866 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, p. 126).

[2] Повесть «Призраки» в переводе П. Мериме действительно была напечатана в номере «Revue des Deux Mondes» от 15 июня за 1866 год (vol. LXIII, p. 853—879).

[3] О переводе Пагонкиным «Аси» см. письмо 1805, примеч. 8.

[4] Сборник вышел в свет лишь в 1869 г. под названием «Nouvelles moscovites». О нем см. выше письмо 1805 к Ж. Этцелю и другие письма к тому же адресату за 1866—1869 гг. (наст. изд., Письма, т. 8 и 9). См. также: Г о р о х о в а Р. М. К истории создания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites» // *Т сб*, вып. 1.

[5] См. примеч. 3 к письму 1842.

1842. **А. М. Жемчужникову** (с. 43)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 1.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1914, № 1, с. 126.

Стр. 43. путь следования *(франц.)*.

[1] Письмо Жемчужникова к Тургеневу от 7 июня н. ст. 1866 г., в котором говорится о предназначенных для Васильчиковых счете и деньгах, сохранилось (*ИРЛИ*, № 5813, л. 1—2).

[2] Тургенев сообщает эти сведения в ответ на просьбу Жемчужникова в письмах от 7 и от 8 июня н. ст. 1866 г. (*ИРЛИ*, № 5813, л. 2 об. и 9 об.).

[3] В письме от 8 июня н. ст. 1866 г. Жемчужников писал Тургеневу: «У меня есть надежда, впрочем ни на чем не основанная, что войны не будет» (там же, л. 9). Манифест о начале прусско-австрийской войны 1866 г. был обнародован 17 июня н. ст., но вооруженные столкновения начались раньше — 7 июня н. ст., когда прусский генерал Мантейфель вступил в Голштинию. 11 июня н. ст. венский кабинет предложил вынести на обсуждение союзного совета вопрос о самоуправстве Пруссии и о мобилизации союзно-германской армии. На союзном совете Австрия имела большинство голосов. Несмотря на это, Пруссия 14 июня н. ст. объявила союзный совет распущенным и предложила новый союзный договор без участия Австрии. Это было равносильно объявлению войны.

[4] Речь идет о газетной шумихе и правительственных репрессиях в России в связи с покушением Д. В. Каракозова на Александра II. Мастеровой О. И. Комиссаров, который, по официальной версии, отвел руку Каракозова в момент выстрела, был объявлен народным героем и возведен в дворянское достоинство. О чествованиях Комиссарова см., например, записки С. М. Сухотина: *Рус Арх*, 1894, № 1, с. 423—424; *Никитенко*, т. 3, с. 81; с возмущением писал об этом Герцен в «Колоколе» — см.: *Герцен*, т. 19, с. 59—60, 65 и др.

1843. **О. А. Новиковой** (с. 44)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 345, оп. 1, № 776, л. 1—3.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 83—84.

[1] Тургенев цитирует стих из сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок».

[2] Тургенев впервые встретился с Б. Ауэрбахом, по-видимому, около 9 (21) сентября 1865 г. (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1779). Новикову познакомила с Ауэрбахом в 1859 г. в Дрездене поэтесса К. К. Павлова. Это знакомство вскоре перешло в дружбу. Некоторые слова Новиковой Ауэрбах вложил впоследствии в уста героини романа «Auf der Höhe» («На высоте»; см.: The M. P. for Russia. Reminiscences, correspondence of madame Olga Novikoff, edited by W. T. Stead, t. 1, London, 1909, p. 11—12. В русском переводе: Депутат от России. Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой. Составлено г. W. T. Stead, t. 1. СПб., 1912, с. 7—8).

[3] По-видимому, речь идет о романе Ауэрбаха «На высоте» (1865), который действительно вскоре был опубликован в русском переводе в иллюстрированном дамском еженедельнике «Новый русский базар» (1867, № 2—35; отдельное издание романа вышло в 1867 г.; следующее издание в 2-х томах, в переводе С. А. Чистяковой — в 1873 г.).

[4] Речь идет о романе «Дым».

[5] Муж Новиковой — И. П. Новиков.

1844. **Фридриху Боденштедту** (с. 45 и 237)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 70.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 84—85.

Адресатом настоящего письма, хранящегося в *ГПБ* как письмо к неизвестному, является Фр. Боденштедт, так как еще в 1862 г. Тургенев начал выплачивать ему долг за перевод рассказов, издаваемых в мюнхенском издательстве М. Ригера (см. наст, изд., Письма, т. 5, № 1407; т. 6, № 1721). К 1866 г. Тургенев остался должен именно 250 талеров, которые Боденштедт в письме от 21 мая (2 июня) 1866 г. просил ему прислать (см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 332).

[1] Когда был выплачен остаток гонорара Боденштедту — неизвестно.

[2] «Первое» письмо Боденштедта Тургеневу было написано 21 мая (2 июня) 1866 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 330—331); второе письмо, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

[3] Дальнейшие письма Тургенева к Боденштедту неизвестны.

1845. **А. А. Фету** (с. 45)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20293, л. 13—14.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 94—95, с датой «27 июня 1866 г.», отсутствующей в автографе и представляющей собой, вероятно, дату почтового штемпеля. Содержание письма не противоречит этой дате, и ее следует принять, считая притом датой нового стиля (которая только и могла быть на штемпеле).

Стр. 46. «Мы знаем это лучше; это старая волынка» *(нем.)*.

[1] Мнение Фета о рассказе «Собака» было изложено, очевидно, в не дошедшем до нас письме. Тургенев сам считал рассказ незначительным и, прислушиваясь к отрицательным суждениям о нем своих друзей, не включил его в собрание сочинений, изданное в Карлсруэ в пяти томах в 1865 г.

[2] Речь идет о «спиче», произнесенном Фетом на обеде 3 (15) мар-

та 1866 г. в честь мирового посредника А. А. Тимирязева. Фет ошибся в датировке этого события на месяц (см.: *Фет*, ч. 2. с. 100).

[3] Тургенев перефразирует строку из стихотворения Пушкина «Клеветникам России»:

Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою...

Речь идет о давних спорах между Тургеневым и Фетом о сущности и назначении искусства: романтическое утверждение Фетом интуитивности творчества было неприемлемо для Тургенева. Об эстетических спорах Фета с Тургеневым см.: Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974, с. 60—66. См. также письмо 1823, примеч. 6.

[4] Источник цитаты не установлен.

[5] О романе Л. Н. Толстого «Тысяча восемьсот пятый год» см. письмо 1822, примеч. 5.

[6] Называя Некрасова «умершим поэтом», т. е. поэтом, от которого нечего ждать, Тургенев намекает здесь на его недавнее выступление — стихотворение в честь М. Н. Муравьева, произнесенное на обеде 16 апреля ст. ст. 1866 г. (см. письмо 1832, примеч. 3).

[7] «Афинами вольнонаемного труда», или «Афинами земледелия» (ср. в письме 1858) Фет иронически называл Спасское. Оно и приносило, по уверению Тургенева, убыток в 1000 руб.

1846. **Максимилиану Фредро** (с. 47 и 238)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 694, оп. 1, № 947.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 87.

Датируется по содержанию. В данной записке Тургенев просит Фредро прислать ему адрес М. Ф. Мухановой (Калержи). Очевидно, Фредро ответил ему, потому что в письме к О. А. Новиковой от 28 июня (10 июля) 1866 г. Тургенев уже сообщает ей этот адрес (см. письмо 1848). Ближайший перед 28 июня (10 июля) вторник приходился на 21 июня (3 июля) 1866 г., этим числом и следует датировать данное письмо.

[1] Речь идет, вероятно, об О. А. Новиковой (см. письмо 1848).

1847. **Людвигу Пичу** (с. 47 и 238)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 108, 22. März; в русском переводе — *BE*, 1909, № 4, с. 670—671. Вновь опубликовано: в оригинале — *Pietsch*. S. 37; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 48—49.

[1] Под «последними событиями» Тургенев разумеет завершающий этап прусско-австрийской войны — победу Пруссии 3 июля н. ст. 1866 г. при Кениггреце. Общественное мнение Южной Германии было на стороне Австрии, в связи с чем Тургенев опасался, что Пич, будучи пруссаком, подвергнется в Баден-Бадене каким-либо оскорблениям.

[2] В письме 3 (15) августа 1866 г. Тургенев сообщил Пичу, что ожидает его во вторник 9 (21) августа 1866 г.; Пич приехал 11 (23) августа 1866 г. (см. письма 1854 и 1856).

1848. О. А. Новиковой (с. 48)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 126, М. 3323, № 38.
Впервые опубликовано: *Центрархив, Документы*, с. 56—57.

[1] По-видимому, Новикова вскоре действительно приехала в Баден-Баден для встречи с М. Ф. Мухановой (см. письмо 1855 и примеч. к нему).

[2] В Богемии (Чехии) происходит значительная часть действия «Зимней сказки» Шекспира (1611). Ремарка третьей сцены 2-го действия гласит: «Богемия. Пустынная местность на берегу моря» («Bohemia. A desert country near sea»). О море речь идет неоднократно.

1849. Жюлю Этцелю (с. 48 и 238)

Печатается по фотокопии *ИРЛИ*. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в отрывке — *Parménie*, p. 475—476; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 88—89.

[1] Сборник вышел в свет под названием «Nouvelles moscovites» в 1869 году (см. письмо 1841).

[2] Письмо написано незадолго до заключения между Австрией и Пруссией Пражского мира (23 августа 1866 г.), по которому к Пруссии был присоединен целый ряд немецких земель — королевство Ганноверское, курфюршество Гессен-Кассельское, вел. герцогство Нассауское и др. В то же время при содействии Франции побежденная Австрия уступила Италии Венецианскую область. Таким образом, Франция своей политикой способствовала усилению Пруссии. Над этим и иронизирует Тургенев.

[3] В 1865 г. в Европе свирепствовала эпидемия холеры.

1850. Н. Н. Рашет (с. 49)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 15—16.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 691—692.

Стр. 49. смысл существования *(франц.)*.

[1] Об Амадисе Галльском — К. К. Случевском — см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1694, примеч. 2, а также выше письмо 1838.

[2] Австро-прусские переговоры при посредничестве Наполеона III привели 26 июля 1866 г. к заключению предварительного мира в Никольсбурге. 23 августа был заключен Пражский мир (см. примеч. 2 к письму 1849).

[3] Сомнения Рашет были вызваны тем, что Дрезден с 22 июня н. ст. 1866 г. был занят прусскими войсками.

[4] См. письмо 1838, примеч. 2.

[5] Тургенев в это время работал над романом «Дым».

1851. М. Н. Каткову (с. 50 и 239)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/22.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 47.

[1] Б. Коссман в 1866—1870 гг.— профессор Московской консерватории, приглашенный Н. Г. Рубинштейном.

1852. Полине Брюэр (с. 51 и 239)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 124—125.

Впервые опубликовано: *Sémenoff*, p. 169—170.

[1] Тургенев имеет в виду австро-прусскую войну, не коснувшуюся самого Баден-Бадена, несмотря на включение баденских подразделений в состав «союзной» (австрийской) армии.

[2] Тургенев, приехав 3 (15) июня 1867 г. в Париж на Всемирную выставку, большую часть времени проводил с дочерью.

[3] Под «шварцвальдской кукушкой» Тургенев подразумевает часы с кукушкой, которыми славился Шварцвальд.

1853. М. Н. Каткову (с. 51)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/23.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 48.

[1] См. письмо 1816, примеч. 2.

[2] Речь идет о романе «Дым», работу над которым Тургенев закончил 17 (29) января 1867 г.

[3] Летом 1866 г. В. П. Боткин жил в Баден-Бадене, где и слушал чтение Тургеневым «Дыма». 9 (21) июня этого года он сообщал Фету свои первые впечатления: «Это будет повесть характеров, а не тенденций, но выйдет ли что-нибудь из нее, сказать не могу. Он ⟨Тургенев⟩ по-прежнему не пришел еще ни к какому определенному мировоззрению и никак не может примириться с тем, что в молодом поколении он потерял всякое значение» (*Фет*, ч. 2, с. 91). Тем не менее позже Боткин в письме от 13 (25) августа 1866 г. спрашивал писателя: «Подвинулась ли повесть?» — и просил: «Ради бога, не охладевай к ней» (*Боткин и Т*, с. 238). Отзыв о «Дыме» Ег. П. Ковалевского, также жившего летом 1866 г. в Баден-Бадене, неизвестен.

1854. Людвигу Пичу (с. 52 и 240)

Печатается по копии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 101. Подлинник продавался на аукционе в Лондоне (Sotheby's Sale, of 27 June 1956. Lot 672) и теперь находится в частном собрании в Англии.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 93.

[1] У Тургенева в это время гостил Н. В. Ханыков (см. письмо 1856).

[2] Пич приехал к Тургеневу 11 (23) августа (см. письмо 1856).

1855. О. А. Новиковой (с. 53)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 345, оп. 1, № 776, л. 26.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 94.

Стр. 53. Циммерман, цирюльник хирург и фельдшер, Розенталерштрассе, 20, Берлин *(нем.)*.

Записка написана в период одновременного пребывания Тургенева и Новиковой в Баден-Бадене. Это могло быть в июле или начале августа ст. ст. 1866 г., так как из письма Тургенева к Новиковой от 28 июня (10 июля) 1866 г. (№ 1848) следует, что она собиралась в ближайшее время посетить Баден-Баден, а из письма его к В. П. Боткину от 10 (22) августа 1866 г. (№ 1856) — что она недавно

уехала из Баден-Бадена в Эмс. Записка не могла быть написана позднее 7 (19) августа 1866 г.— последнего воскресенья перед ее отъездом.

1856. В. П. Боткину (с. 53)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60962.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 234—235.

Стр. 54. (Музыкальные) утра *(франц.)*.

[1] Письмо Боткина Тургеневу от 4 (16) августа 1866 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 231—233).

[2] Егор Петрович Ковалевский.

[3] Лишь часть герцогства Баденского была затронута австро-прусской войной 1866 г., незадолго до того закончившейся перемирием, а затем Пражским миром.

[4] Письмо Мериме к Тургеневу от 9 (21) августа 1866 г. (*Mérimée*, II, 7, p. 187—190).

[5] В ответном письме от 13 (25) августа 1866 г. Боткин писал Тургеневу, что порученный ему пакет он вручил портье для передачи Мериме (см.: *Боткин и Т*, с. 235—236). В пакете содержались переводы на французский язык рассказов Тургенева «Петушков» и «Жид» (см. письмо 1849). 13 (25) сентября 1866 г. Мериме известил Тургенева, что пакет отыскался (*Mérimée*, II, 7, p. 228). Тургенев посылал Мериме переводы своих произведений в связи с изданием сборника «Nouvelles moscovites». См. письма 1805 и 1841, а также письма к Этцелю 1867—1869 гг. в т. 8 и 9 Писем наст. изд.; см. также: Клеман М. К. И. С. Тургенев и Проспер Мериме // *Лит Насл*, т. 31-32, с. 723—727; Горохова Р. М. К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites» // *Т сб*, вып. 1, с. 257—269.

[6] Тургенев имеет в виду письмо И. А. Гончарова от 30 июля (12 августа) 1866 г. (см.: *Гончаров и Т*, с. 52—54).

1857. Н. Н. Рашет (с. 54)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 17—18.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 692—693.

[1] «Katherinenstift» — известная в Штуттгарте школа для девочек.

[2] Точное название см. в примеч. 16 к письму 1810. Перевод сказок Перро на русский язык с предисловием Тургенева вышел из печати в Лейпциге, в феврале 1866 г. Значительная часть перевода принадлежала не Тургеневу, а Н. В. Щербаню и Н. Н. Рашет (см.: наст. изд., Письма, т. 6, № 1699, 1711; ср. письмо 1974; Сочинения, т. 10, с. 344—345, 586).

1858. А. А. Фету (с. 55)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 19—20.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 98—99.

[1] Это письмо Фета до нас не дошло.

[2] Речь идет о романе «Дым».
[3] См. письмо 1845, примеч. 7.
[4] Из-за болезни Тургенев не смог приехать в Спасское (см. письмо 1952).
[5] Письмо Боткина Тургеневу от 4 (16) августа 1866 г. (см.: *Боткин и Т*. с. 231—233).

1859. И. П. Борисову (с. 56)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 23—24.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 375—376.

[1] Эти письма Борисова неизвестны.
[2] В 1867 г. после победы Пруссии в австро-прусской войне был создан Северо-Германский союз, в который вошли все германские государства, за исключением Баварии, Бадена, Вюртемберга и Гессен-Дармштадта. Этот союз явился прообразом будущей Германской империи. «Соседом» Тургенев называет Францию; «восточные дела» — по-видимому, строительство Суэцкого канала.
[3] Имеется в виду сын Борисова — Петя.
[4] Письмо 1858.
[5] В первую половину 1866 г. в «Русском вестнике» были помещены стихотворения Фета: «Когда от хмелю преступлений» (№ 1), «Ф. И. Тютчеву» (№ 2), «Блеском вечерним овеяны горы» (№ 5), «Весна» (№ 6).
[6] «Труженики моря» В. Гюго печатались в «Отечественных записках» за 1866 г. с № 4; о «Петербургских трущобах» В. В. Крестовского см. примеч. 13 к письму 1813.
[7] Речь идет о дочерях В. А. Шеншина. Младшая — Варвара вышла замуж за П. И. Рюти, а старшая — Марианна была замужем за С. С. Сологубом.

1860. Н. Н. Рашет (с. 57)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, он. 1, № 76, л. 19—20.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 693—694.

[1] О выражении «службишка» см. письмо 1843, примеч. 1.
[2] См. примеч. 2 к письму 1838.

1861. Полине Брюэр (с. 58 и 240)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, он. 1, № 44, л. 126—127.
Впервые опубликовано: *Sêmênoff*, p. 170—171.

[1] Коммерческие предприятия Гастона Брюэра привели его не к обогащению, а к разорению.

1862. Валентине Делессер (с. 59 и 241)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании г-жи Жирар (Париж).
Впервые опубликовано: в отрывке — *Parturier*, p. 139; полностью — *Т*, *ПСС*, *и П*, *Письма*, т. VI, с. 101—102.

[1] Имеются в виду преждевременные роды П. Брюэр и смерть ребенка (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1783).
[2] Роман «Дым» был опубликован в № 3 «Русского вестника» за 1867 г.

1863. М. Н. Каткову (с. 60)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/24. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 48—49.

[1] Это письмо Каткова к Тургеневу неизвестно. О своей болезни писатель сообщал также Фету 24 августа (5 сентября) 1866 г. (см. письмо 1858).

[2] Речь идет о печатании «Дыма», который появился в третьей книжке «Русского вестника» за 1867 г. (см. письмо 1936).

[3] Говоря о «переменах» и «прибавлениях», Тургенев намекает на обстоятельства публикации «Отцов и детей» в том же «Русском вестнике» (см. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 424—428).

1864. Н. В. Ханыкову (с. 61)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64, л. 20—21.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 298—299, с искажением: вместо «Полонскому» было напечатано «Каменскому».

Стр. 61. «в вашем кружке пятым» *(нем.).*
Стр. 61. «квадрата бумаги» *(франц.).*

[1] В письме от 14 (26) сентября 1866 г. Ханыков желал Тургеневу скорейшего выздоровления и сообщал о предстоящем обеде у В. П. Боткина, в котором должны были участвовать, кроме хозяина, Гончаров, Григорович и Ханыков (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 147, л. 1).

[2] Гончаров читал в рукописи еще не законченный «Обрыв». Об этом в письме от 14 (26) сентября Ханыков писал: «Боткин в восторге от новой повести Гончарова, завязка как всегда слаба, но отделка мастерская и все подробности очень удались» (ср. примеч. 4 к письму 1865).

[3] Речь идет о драматической поэме Я. П. Полонского «Разлад. Сцены из последнего польского восстания», чтение которой состоялось 9 (21) февраля 1864 г. во время пребывания Тургенева в Петербурге (см. наст. изд., Письма, т. 5, № 1570).

[4] Редактор «С.-Петербургских ведомостей» В. Ф. Корш 2 (14) сентября 1866 г. получил третье предупреждение и приказ о приостановлении «С.-Петербургских ведомостей» на три месяца за передовые статьи № 211 и 228 и за статью под названием «Земское дело» в № 225. По особому ходатайству Академии наук (изданием которой считалась газета) министр внутренних дел разрешил продолжать издание «С.-Петербургских ведомостей» с 10 (22) сентября 1866 г. под временным редакторством А. И. Сомова.

[5] Речь идет о судебном процессе по поводу хищения денег из кассы акционерного общества железных дорог в пользу Круи-Шанеля, потомка венгерского короля Андрея II (1205—1235) из династии Арпадовичей, друга папы Пия IX. Ханыков, сообщивший Тургеневу об этом процессе, больше всего был потрясен тем обстоятельством, что кассир, похищавший деньги для Круи-Шанеля, не претендовал ни на какое вознаграждение (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 147, л. 1).

[6] Тургенев имеет в виду следующие строки из стихотворения К. Н. Батюшкова «Счастливец» (1810):

Сердце наше кладезь мрачной;
Тих, покоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит.

Сравнение сердца человеческого с колодцем, на дне которого лежит крокодил, заимствовано Батюшковым из повести Шатобриана «Атала». Возможно, Тургенев помнил и о «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова, где в одной из строф (35) выведен Батюшков и иронически процитированы три строки упомянутого стихотворения.

[7] Тургенев имеет в виду обмен письмами между архиепископом черниговским Филаретом и товарищем министра народного просвещения И. Д. Деляновым. Архиепископ Филарет доказывал, что присланная министерством народного просвещения для раздачи сельским училищам книга А. С. Суворина «Боярин Артамон Сергеевич Матвеев» (1864) вредна, так как она «гасит в народе» любовь к православию, верноподданнические чувства и проповедует женскую эмансипацию. В ответ на это Делянов заверил, что впредь предназначаемые для народных училищ книги будут высылать непосредственно в распоряжение Филарета. Переписка между Филаретом и Деляновым первоначально была опубликована в «Черниговских епархиальных известиях» (1866, № 14, 15 (27) июля), а затем перепечатана в «Северной почте» (1866, № 186, 28 августа (9 сентября)).

[8] В письме от 14 (26) сентября Ханыков сообщил Тургеневу, что Н. И. Тургенев со всем своим семейством собирался ехать в Баден-Баден, но приступ ревматизма помешал осуществлению этого намерения.

[9] См. письмо 1856, примеч. 5.

1865. В. П. Боткину (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60963.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 241—243.

Стр. 63. «Немецкая культура и история нравов» *(нем.)*.

[1] Письмо Боткина от 22 сентября (8 октября) 1866 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 238—241).

[2] Речь идет о романе «Дым», законченном 17 (29) января 1867 г.

[3] С. С. Дудышкин умер 16 (28) сентября 1866 г. (см. примеч. 4 к письму 1874).

[4] Тургенев имеет в виду отзыв Боткина о новом, еще не законченном романе Гончарова «Обрыв». «С основной идеей его он еще не справился,— писал Боткин.— Вся прелесть заключается в подробностях, в деревенских разных барынях, в дворовых, в картинах уездного города: всё это написано рукою тонкого и ловкого мастера» *(Боткин и Т*, с. 238—239). См. также в письме 1864, примеч. 2.

[5] См. письмо Боткина к Тургеневу от 26 сентября (8 октября) 1866 г. (*Боткин и Т*, с. 240).

[6] Книга И. Шерра была издана в Лейпциге в 1852—1853 гг. Пользовалась большой популярностью в России, была переведена на русский язык Д. М. Писаревым и В. Н. Неведомским под названием «История немецкой цивилизации» (СПб., 1898).

1866. А. А. Фету (с. 63)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 21—22.
Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 103—105.

[1] Это письмо было выслано Фету через И. П. Борисова (см. письмо 1867).
[2] Письмо Фета неизвестно.
[3] Письмо Н. Н. Тургенева неизвестно. Сохранилось, однако, другое его письмо (от 21 сентября ст. ст. 1866 г.), в котором он сообщал писателю: «Согласно твоего требования, все меры употреблю к скорейшему исполнению, то есть выслать к тебе 4000 р. серебром» (*ИРЛИ*, ф. 123, оп. 3, № 147).
[4] Фамилия банкира.
[5] Это письмо Н. Н. Тургенева также неизвестно. О посещении Н. Н. Тургенева Фетом — в этот период — в мемуарах Фета не упоминается.
[6] Это письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно; о впечатлении, которое оно произвело, писал Тургеневу, очевидно, Фет.
[7] См. письмо 1845, примеч. 7.
[8] Намек на чайную торговлю братьев Боткиных, через которых Н. Н. Тургенев переводил И. С. Тургеневу выкупные деньги (см. наст. изд., Письма, т. 5, № 1513, 1522).

1867. И. П. Борисову (с. 65)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 25—26.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 376—377.

[1] Это письмо Борисова неизвестно.
[2] Речь идет о работе над романом «Дым» (см. письмо 1936).
[3] См. письмо 1866.
[4] Тургенев пишет о переговорах с М. Сердечным (см. письмо 1874).
[5] Речь идет о статьях П. М. Красовского (за подписью «К.») «Кузька, мордовский бог» (*Отеч Зап*, 1866, № 8, кн. 2, с. 652—672 и № 9, кн. 1, с. 1—34).
[6] Отзывы Тургенева о «Преступлении и наказании» см. в письмах 1816, 1817, 1822, 1823.

1868. Жюлю Этцелю (с. 66 и 241)

Печатается по фотокопии *ИРЛИ*. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.
Впервые опубликовано: в отрывках — *Parménie*, p. 476; полностью — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 110.
Дата письма указана ошибочно; воскресенье приходилось на 2 (14) октября 1866 г.

[1] Увлекшись М. А. Маркович, А. В. Пассек в 1859 г. последовал за ней, вопреки воле матери, за границу, где оставался, с небольшим перерывом, до конца жизни. Умер А. В. Пассек во Фран-

ции осенью 1866 г.; тело его было перевезено в Россию. См. письма М. А. Маркович к Т. П. и В. В. Пассекам из Нейи от декабря н. ст. 1866 г. (Листи Марка Вовчка. Київ, 1984. Т. 1, с. 177—185).

1869. А. М. Жемчужникову (с. 67)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 2. Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1914, № 1, с. 126—127.

[1] Письмо Жемчужникова неизвестно.

1870. Вильяму Рольстону (с. 67 и 242)

Печатается по копии с подлинника из собрания А. Ф. Отто-Онегина: *ИРЛИ*, № 28632, л. 1—2.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Le Monde Slave, Nouvelle série, deuxième année, 1925, № 5; в русском переводе — Недра, 1924, № 3, с. 179—180, с неточностями.

[1] Это письмо Рольстона, положившее начало долголетней переписке его с Тургеневым, неизвестно. Статья Рольстона о Кольцове «The Russian Poet» была напечатана в «Fortnightly Review», 1866, vol. 6, p. 272—288, в следующем году статья появилась во французском переводе (Koltsof (le poète marchand de bestiaux) // Revue britannique, 1867, octobre, t. 4, № 8, p. 361—378) и стала одной из первых попыток познакомить с Кольцовым западноевропейских читателей. См. о ней: *Лит Арх*, т. 3, с. 367; Тонков В. А. А. В. Кольцов в зарубежной печати и критике (1838—1959) // А. В. Кольцов. Статьи и материалы. Воронеж, 1960, с. 171 (Изв. Воронежского гос. педагог. ин-та, т. 30).

[2] О своей мимолетной встрече с Кольцовым весною 1838 г. Тургенев рассказал впоследствии в очерке 1869 года «Литературный вечер у П. А. Плетнева» (см. наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 14, 16, 17); ср. также: Сабик Э. В. К вопросу о преемственности литературных традиций в «Записках охотника» (И. С. Тургенев и А. В. Кольцов) // Научные доклады высшей школы. Филол. науки, 1961, № 2, с. 110—115.

[3] В 1860 г. Тургенев предполагал написать статью «Кольцов и Бернс», о чем было оповещено в мартовской книжке «Русского слова» за этот год. Он отказался от этого намерения, после того как Н. А. Добролюбов в «Современнике» накануне разрыва Тургенева с этим журналом осмеял будущую «знаменитую» статью Тургенева «Бернс и Кольцов» (см.: наст. изд., Письма, т. 4, примеч. 5 к письму 1055 и примеч. 4 к письму 1121). Сопоставления шотландского и русского народных поэтов, к которым прибегал и Рольстон в указанной статье, были традиционными и уже ранее встречались в русской печати (см., например, Миллер О. Ф. Английская литература XVIII столетия // Журнал Министерства народного просвещения, 1860, № 11, отд. III, с. 98).

[4] Поездка Рольстона в Россию в 1866 году не состоялась, ему удалось осуществить ее только в 1868 г.

[5] Речь идет о Дж.-Г. Льюисе, авторе книги «The Life of Goethe» («Жизнь Гёте», 1855). Тургенев встретился с ним и его женой Джордж Элиот в доме И.-Г. Беллок-Холла в 1878 г. См. письмо Тургенева к Льюису от 29 октября (1 ноября) 1878 г.

1871. В. П. Боткину (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60964.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 245—247.

Стр. 69. который столь же надежен, как первый — ненадежен *(франц.)*.

[1] Письмо Боткина от 7 (19) октября 1866 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 243—245).

[2] Речь идет о романе «Дым» (см. письма 1929 и 1936).

[3] В. И. Кречетов, преподаватель словесности Благородного пансиона при Петербургском университете, отличался любовью к витиеватым фразам. И. И. Панаев, его ученик по Благородному пансиону, неоднократно повторял цитату из предисловия Кречетова к изданной им повести в стихах А. И. Подолинского «Див и Пери» (СПб., 1827): «... поэма „Див и Пери" в расцветающем вертограде нашей поэзии есть такой цветок, мимо которого нельзя пройти, не полюбовавшись» (Панаев И. И. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1950, с. 7—11).

[4] Тургенев отвечает на следующее место из письма Боткина: «Вчера я соединил за обедом компанию Щербаней, Ханыкова и Григоровича. Я знаю, что ты не гутируешь его. В его желчи и воображении недостает умеряющего органа,— но он недурной человек с известного рода талантом и добродушием» (*Боткин и Т*, с. 243—244).

1872. Н. П. Рашет (с. 70)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 21.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 694—695.

[1] В результате финансового кризиса, последовавшего за австро-прусской войной, ряд издательских предприятий, с которыми был связан Гартман, потерпел крах: ликвидировала дела фирма Эбнера, разорился друг Гартмана и его издатель Ф. Крайс (см.: *Wittner*, S. 566).

[2] Тургенев не осуществил этого намерения (см. письма 1876 и 1882).

[3] Имеется в виду перевод рассказа Тургенева «Петр Петрович Каратаев» (Freya, 1866, № 12, S. 433—440).

[4] Речь идет об издании: Erzählungen von Ivan Turgenjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt. München, 1864—1865. Bd. I und II.

1873. Людвигу Пичу (с. 70 и 243)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 208, 22. März, с сокращениями; в русском переводе — *ВЕ*, 1909, № 5, с. 135—136, с сокращениями. Вновь опубликовано: в оригинале — *Pietsch*, S. 38; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 49—53.

[1] Тургенев в это время заканчивал свой роман «Дым».

[2] Тургенев имеет в виду денежные недоразумения с дядей Н. Н. Тургеневым и необходимость ввести в управление своими имениями новое лицо.

[3] См. примеч. 4 к письму 1809.

[4] П. Виардо выехала в Берлин 25 января (6 февраля) 1867 г. (см. письмо 1898). Она выступала во время своего пребывания в Берлине на вечере у Пича в присутствии представителей артистического мира: А. Менцеля, Р. Бегаса, Г. Рихтера и многих других (см.: P i e t s c h L. Pauline Viardot. Persönliche Erinnerungen // Vossische Zeitung, 1910, № 247, 29. Mai).

[5] Хозяйка Тургенева, Минна Анштетт, враждебно относилась к пруссакам. В неопубликованном письме к Т. Шторму от 16 (28) декабря 1865 г. она писала, что Пич обещал ей давно подарить портрет Тургенева, но «как истый пруссак не сдержал слова» (Библиотека г. Киля, архив Т. Шторма).

[6] 20 и 21 сентября н. ст. 1866 г. в Берлине было организовано торжественное вступление в город прусских полков, одержавших победу в австро-прусской войне. Пич вскоре по возвращении из Баден-Бадена (19 сентября н. ст. 1866 г.) описал это торжество (см.: P i e t s c h L. Vom Berliner Siegesfeste // Vossische Zeitung, 1866, № 222, 23. September, zweite Beilage, S. 1—7).

[7] В своих воспоминаниях, перечисляя немецких знакомых Тургенева, художник писал: «Я получил большое удовлетворение в том, что я способствовал некоторым знакомствам, которые вылились в длительные дружеские отношения. К этим знакомствам я прежде всего причисляю Юлиана Шмидта, Адольфа Менцеля, Рейнгольда Бегаса» (P i e t s c h L. Erinnerungen an Iwan Turgenjew // Vossische Zeitung, 1883, № 429, 4. September).

1874. П. В. Анненкову (с. 71)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 2, с. 476—477.

Подлинник неизвестен.

Стр. 71. «Связь» *(нем.).*
Стр. 72. на манер Гюго — «леность» мне вернула девственность *(франц.)*
Стр. 72. собственной персоной *(лат.).*
Стр. 72. ни в ком не нуждается *(франц.).*

[1] Во время австро-прусской войны 1866 г. Бавария, бывшая в союзе с Австрией, занимала резко антипрусскую позицию, но в военных действиях участия не приняла и 22 августа заключила с Пруссией втайне от Австрии оборонительно-наступательный союз.

[2] Речь идет о романе «Дым» (см. письма 1929 и 1931).

[3] Имеется в виду письмо М. Сердечного к Тургеневу от 30 августа (11 сентября) 1866 г. (*ИРЛИ*, № 5811). Брат его управляющим в Спасском-Лутовинове не стал. Эту должность с января 1867 г. занял Н. А. Кишинский.

[4] См. примеч. 3 к письму 1865. Краткое известие о смерти С. С. Дудышкина было помещено в «Голосе», где говорилось о внезапности кончины критика и ударе, постигшем «всех любивших его и ценивших в нем литератора и человека» (1866, № 257, 17(29) сентября). См. о Дудышкине статью Б. Ф. Егорова «С. С. Дудышкин — критик» в «Трудах по русской и славянской филологии» (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 119, 1962, с. 195—231).

1875. Н. Н. Рашет (с. 72)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 22—23.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 695—696.

[1] День рождения Тургенева был накануне — 28 октября (9 ноября).

[2] Тургенев в это время кончал работу над романом «Дым». По ходу работы он читал близким друзьям отрывки из написанного (см., например, письмо 1897, примеч. 4).

[3] Речь идет об издании: Erzählungen von Iwan Turgenjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt. München, 1864—1865. Bd. I und II.

1876. **Полине Брюэр** (с. 73 и 244)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 128.
Впервые опубликовано: *Sémènoff*, p. 171—172.

1877. **Людвигу Пичу** (с. 74 и 244)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 208, 22. März; в русском переводе — *BE*, 1909, № 5, с. 136, с сокращениями. Вновь опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 41; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 53—54.

[1] Речь идет о фотографиях, присланных Пичем к дню рождения Тургенева. В настоящее время они неизвестны.

[2] Тургенев послал Р. Бегасу два тома издания *Erzählungen*. Подробно об этом издании см.: наст. изд., Письма, т. 5, № 1397, примеч. 2.

[3] Пич, по-видимому, выражал уверенность, что скульптор Р. Бегас будет рад получить лично от Тургенева переводы его новелл на немецкий язык.

[4] Тургенев видел в мастерской Р. Бегаса памятник Шиллеру в еще неоконченном виде. На ступенях этого монумента были изваяны 4 аллегорические фигуры — драмы, лирики, философии и истории. Жена Пича, Мария Пич, позировала для статуи, олицетворяющей драму. В связи с конкурсом по созданию памятника Шиллеру Пич написал статью о памятнике (см.: P i e t s c h L. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Berlin, 1894. Bd. II, S. 187—190). Памятник был открыт в Берлине перед драматическим театром 10 ноября н. ст. 1871 г.

[5] Клоди и Марианна Виардо.

1878. **А. М. Жемчужникову** (с. 75)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 36.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 121—122.

Записка датируется по сопоставлению указанных в ней числа месяца и дня недели.

1879. **М. Н. Каткову** (с. 75)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/25.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 49.

[1] Роман в автографе имеет два названия: «Две жизни» и «Дым». По-видимому, Тургенев колебался в выборе — оба заголовка зачеркнуты, а затем восстановлено название «Дым» (см.: *Mazon*, p. 69). Окончательный выбор был предоставлен Каткову,

и он остановился на названии «Дым», что оттеняло памфлетную сторону романа (заголовок «Две жизни» выдвигал на первый план философскую и психологическую темы). См.: Муратов А. Б. О заглавии романа И. С. Тургенева «Дым» // Вест. Ленингр. ун-та, 1962, № 2, серия ист., яз. и лит-ры, вып. 1, с. 159—161; см. также: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 524.

[2] Отвечая Тургеневу на это письмо лишь 7 (19) декабря 1866 г., Катков писал ему: «Прилагая при сем вексель на требуемую Вами сумму (1200 р. с.), я от всей души благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за доставленный мне случай оказать Вам эту маленькую услугу...» (*ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 79).

[3] Речь идет о вилле Тургенева в Баден-Бадене на Тиргартенштрассе, 3.

1880. А. М. Жемчужникову (с. 76)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 35.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 123.
Записка датируется предположительно. В ноябре 1866 г. Жемчужников вернулся из Швейцарии в Баден-Баден и часто встречался с Тургеневым и семьей Виардо. Кроме того, записка написана на той же почтовой бумаге, что и письмо 1878, от 7 (19) ноября 1866 г.

[1] По всей вероятности, речь идет о какой-то несостоявшейся встрече писателей, а также о намерении Тургенева пригласить Жемчужникова на один из концертов в доме Виардо.

1881. Полине Брюэр (с. 76 и 245)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 129
Впервые опубликовано: *Séménoff*, p. 172—173.

[1] Тургенев пишет о романе «Дым», который был закончен 17(29) января 1867 г.

1882. Н. Н. Рашет (с. 77)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 24—25.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 696—697.

Стр. 77. устно *(франц.).*

[1] Рашет навестила Тургенева в Баден-Бадене 29 января (10 февраля) 1867 г. (см. письма 1898 и 1900).
[2] Речь идет о романе «Дым».
[3] Рашет, близко знакомая и с Гартманом и с Тургеневым, выступала посредницей между ними в связи с работой Гартмана над переводом романа «Дым» на немецкий язык. Перевод был напечатан в «Allgemeine Zeitung» 10 апреля — 10 июля 1868 г. См. письма Тургенева 1867—1868 гг. к Гартману, а также: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 546—547.
[4] Имеются в виду три статьи К. К. Случевского — «Явления русской жизни под критикою эстетики», напечатанные отдельными брошюрами. В данном случае Тургенев говорит о первой из этих статей — «I. Прудон об искусстве, его переводчики и критик» (СПб., 1866). Вторая статья — «II. Эстетические отношения искусства к действительности, господина Чернышевского» — появи-

лась вскоре после первой, в том же 1866 г. Третья статья — «III. О том, как Писарев эстетику разрушал» — была напечатана в 1867 г. Статьи эти, отличавшиеся грубостью нападок на Чернышевского, Писарева и других критиков-демократов, вызвали недовольство не только со стороны Тургенева. Они были осуждены даже А. Н. Майковым в письме к самому Случевскому (см.: *Щукинский сб*, вып. 7, с. 343—344), а также в книге А. Немировского «Наши идеалисты и реалисты» (СПб., 1867, с. 295—339). Тургенев высмеял Случевского в романе «Дым», изобразив его в лице Ворошилова.

[5] См. примеч. 1 к письму 1871.

1883. **Луи Депре** (с. 78 и 245)

Печатается по тексту первой публикации: *Halp.-Kam.*, *Corr.*, p. 286.

Подлинник неизвестен.

[1] Имеется в виду только что вышедшая книга Луи Депре «Le Va-et-vient. 1-ère série. Notices littéraires, impressions philosophiques, voyage» (Paris, 1866). В этой книге (p. 60—61) содержится восторженный отзыв о творчестве Тургенева, «одного из четырех лучших рассказчиков (conteurs) нашего века», произведения которого исполнены «поэзии, очарования, чувства» и «уважения к достоинству человеческой души». Вместе с тем Депре с восхищением говорит там о Гоголе, Пушкине, Лермонтове и Льве Толстом.

1884. **А. М. Жемчужникову** (с. 78)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 40.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 126.

Дата устанавливается по содержанию. Жемчужников жил в Баден-Бадене одновременно с Тургеневым с ноября 1866 до начала 1868 г. Сочельник (24 декабря), когда обычно зажигались елки, совпадал с понедельником в 1866 г. Записка помечена субботой, т. е. речь идет о 22 декабря н. ст. 1866 г.

1885. **Луи Поме** (с. 79 и 246)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж).

Впервые опубликовано: *Cahiers*, № 7, p. 155—156.

[1] См. письмо 1542, примеч. 1 (наст. изд., Письма, т. 5).

[2] Аврикур — местечко в департаменте Мерт-и-Мозель близ Нанси, где жили родственники жены Поме Жанны. Письмо Поме неизвестно.

[3] Очевидно, Тургенев имеет в виду волнения П. Виардо по поводу слухов о ее отношениях с Ю. Рицем (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1800).

[4] П. Виардо, к тому времени окончательно расставшаяся с большой сценой, активно занялась композицией и сочинила много романсов на стихи разных поэтов (Пушкина, Фета, Тютчева, Мерике и др.). В этой деятельности певицы принимали участие Тургенев и Л. Поме (см. примеч. 4 к письму 1680 — наст. изд., Письма, т. 6). В это же время Тургенев и П. Виардо приступили к работе над созданием оперетт «Последний колдун» и «Слишком много жен» (см.: *Розанов*, с. 129—133). См. также примеч. 4 к письму 1809.

[5] Живя в Баден-Бадене, П. Виардо организовала музыкальные утренники, в которых принимали участие многие известные композиторы и музыканты. Здесь ставились на домашнем театре оперетты, музыку к которым писала сама П. Виардо, а либретто — Тургенев. В постановках принимали участие, помимо П. Виардо и Тургенева, дети: Клоди, Марианна, Луиза и даже маленький Поль Виардо, а также гости. См.: Пич Людвиг. Из «Воспоминаний» // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2, с. 246—253; письмо Л. Пича к Т. Шторму от 12 августа н. ст. 1864 г.— *Лит Насл*, т. 76, с. 584; *Розанов*, с. 123—124; *Dulong. Pauline Viardot*, p. 154—156.

[6] В начале 1867 г. П. Виардо совершила концертное турне по Германии (Карлсруэ, Берлин, Бреслау) в сопровождении своей дочери Клоди. Во время гастролей в Берлине она была приглашена выступить в партии Дездемоны в опере Россини «Отелло» (см. № 1901).

[7] Тургенев приехал в Петербург около 26 февраля (10 марта) 1867 г. Поездка в Россию была связана с необходимостью упорядочения дел по управлению имением в Спасском, а также в связи с печатанием в «Русском вестнике» романа «Дым». В Баден-Баден Тургенев вернулся 7 (19) апреля 1867 г.

[8] Тургенев, очевидно, имеет в виду участие Л. Поме в Салоне 1867 г. в Париже (см. письмо 1836, примеч. 8).

[9] Жанна — жена Луи Поме, которая ожидала рождения ребенка. Дочь Ж. и Л. Поме Тереза появилась на свет 26 января 1867 г. (н. ст.).

[10] В 1866 г. Луи Поме сделал два портрета своей жены, Жанны. Один из них, выполненный пастелью и углем, был подарен им П. Виардо, а другой, писанный маслом, очевидно, был представлен в Салоне 1867 г. (см.: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 159).

[11] Поездка в Париж, о которой пишет Тургенев, не состоялась. В Россию он поехал через Берлин, где провел несколько дней, и Кёнигсберг.

[12] Под третьим лицом Тургенев мог иметь в виду мать Жанны Поме или ребенка, который должен был вскоре появиться на свет.

1886. В. П. Боткину (с. 80)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60965.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 248—250.

Стр. 80. если бог даст *(исп.)*.

[1] См.: *Боткин и Т*, с. 247—248.

[2] Речь идет о романе «Дым». Тургенев пародийно применяет к М. Н. Каткову цитату из Евангелия («Отче, в руце твоя предаю дух мой» — слова умирающего Христа). О денежных расчетах с Катковым см. письмо 1879, примеч. 2.

[3] В декабре 1866 г. Н. А. Милютин, по возвращении с совещания, посвященного конкордату с Римом, был поражен нервным ударом.

[4] Тургенев имеет в виду вечер Литературного фонда по поводу столетия со дня рождения Н. М. Карамзина, состоявшийся в Петербурге 4 (16) декабря 1866 г. (см. отчет: *СПб Вед*, 1866, № 326, 7 (19) декабря).

[5] Это письмо Тургенева к Гончарову неизвестно.

1887. М. Н. Каткову (с. 81)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/26.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 49—50.

[1] Речь идет о письме Каткова к Тургеневу от 7 (19) декабря 1866 г. с просьбой выслать хоть часть рукописи «Дыма»: «Очень нам важно, чтобы хоть несколько листов его появилось в 1-й книжке ⟨. . .⟩ Если Вы пришлете по крайней мере листа три к первой книжке. то Вам для обработки остального останется много времени...» (*ГПБ*, ф. 795, № 79).

[2] Приехав в Петербург, писатель устроил чтение романа «Дым» в дружеском кругу в присутствии П. В. Анненкова, В. П. Боткина, В. А. Соллогуба и др. Чтение происходило на квартире у В. П. Боткина 26 февраля (10 марта) и 27 февраля (11 марта) 1867 г. (см. письма 1929 и 1931).

[3] В Москву Тургенев приехал 8 (20) марта 1867 г. и тотчас передал рукопись «Дыма» Каткову (см. письмо 1938). Роман появился в третьей (мартовской) книжке «Русского вестника» за 1867 г.

1888. Полине Брюэр (с. 82 и 246)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 130.
Впервые опубликовано: *Sémenoff*, p. 173—174.

[1] Денежные затруднения Тургенева были вызваны плохим управлением Н. Н. Тургенева в Спасском-Лутовинове и других имениях писателя, расходами на постройку виллы в Баден-Бадене, а также выплатой приданого дочери.

1889. Н. А. Кишинскому (с. 83)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 1. На подлиннике пометы Кишинского: «Полу⟨чено⟩ 30 декабря 1866 г.», «Отвечал 11 января 1867 года».
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 130.

[1] Еще в 1864 г. Тургенев обращался к П. В. Анненкову и И. И. Маслову с просьбой подыскать ему управляющего имениями. В конце 1866 г. Анненков рекомендовал ему Н. А. Кишинского, перед этим управлявшего тверскими имениями генерал-адъютанта П. Н. Игнатьева. Так как Тургенев находился тогда за границей, то переговоры его с Кишинским происходили заочно, при посредничестве Анненкова.

[2] Это письмо Тургенева к Кишинскому неизвестно.

[3] Тургенев познакомился со своим новым управляющим 27 февраля ст. ст. 1867 г. в Петербурге, куда Кишинский приезжал по вызову Тургенева с отчетом о положении дел в Спасском и других имениях писателя.

[4] Далее, на л. 2, следует черновик ответного письма Кишинского: «М⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩ Иван Сергеевич! Письмо Ваше от 25 декаб. 66 г. (6 янв. 67 г.) я имел удовольствие получить 30-го декабря, затем, побывав у Пав. Вас. Анненкова 2 января и получив от него по условию 150 р., 3 января я отправился в Спасское, куда прибыл 8 чи⟨сла⟩. Находясь ныне в Спасском 4⟨-й⟩ день, по возможности стараюсь ознакомляться с Вашим имением и ведением в нем хозяйства, всё нужное для этого, равно и для удобства моего пребывания, благодаря Вашему предупредительному вниманию, также и

Николая Николаевича, я имею. По Вашему назначению надеюсь завтра отправиться в прочие усадьбы и, по собранию нужных к делу сведений, постараюсь к определенным срокам возвратиться в Москву или С.-Петербург, где буду иметь удовольствие видеть Вас и представить отчет о своей поездке для определения по нем о дальнейших действиях. С искренним почт⟨ением⟩ и проч. 11/23 января 1867».

1867

1890. А. М. Жемчужникову (с. 84)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 43.

Впервые опубликовано: *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 171.

Датируется предположительно. Жемчужников с ноября 1866 до начала 1868 г. жил в Баден-Бадене, где часто встречался с Тургеневым и с семьей Виардо. Упоминание о первом припадке подагры позволяет отнести письмо к началу января 1867 г. (см. письма 1891, 1892). Письмо помечено средой. Первая среда в начале января приходилась на 4-е число ст. ст.

[1] Ответное письмо Жемчужникова неизвестно.

1891. Теодору Шторму (с. 84 и 247)

Печатается по подлиннику: Библиотека в г. Киле (Schleswig-Holsteinische Landesbibliothek, Kiel), архив Т. Шторма.

Впервые опубликовано: Ostdeutsche Monatshefte, 3. Jhg. 1923, № 10, S. 467.

На подлиннике указан 1866 г., но книга, о которой идет речь в письме, была издана лишь в конце 1866 г. (на титульном листе указан 1867 г.) и послана Штормом Тургеневу 28 ноября (10 декабря) того же года, о чем свидетельствует письмо Шторма Пичу, написанное в этот день (*Лит Насл*, т. 76, с. 589). Публикуемый ответ Тургенева относится поэтому бесспорно к 1867 г.

[1] Отдельно изданная новелла Шторма «Из-за моря» (Von jenseits des Meeres, Novelle von Th. Storm. C. Fr. Heiberg, Schleswig, 1867).

[2] Героиня новеллы «Из-за моря» — внебрачная дочь плантатора и креолки. Воспитанная теткой, она тяжело переживает отношение к ней отца, который любит ее, но силой разлучил с матерью. Дженни своей напряженной внутренней жизнью напоминает тургеневских героинь.

[3] Об автобиографичности повести «Первая любовь» и восприятии ее критиками и друзьями писателя см.: наст. изд., Сочинения, т. 6, с. 480, 485—489; Чернов Н. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // Вопр. лит., 1973, № 9, с. 225—241. Шторм прочел повесть Тургенева «Первая любовь» во втором томе издания Ф. Боденштедта (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1794, примеч. 5).

[4] По договору Ф. Боденштедта с мюнхенским издателем М. Ригером переводы повестей Тургенева должны были выйти в трех то

мах, но третий том не появился. Об этом см. в письме Шторма к Пичу от 5 (17) августа 1867 г.: «⟨. . .⟩ боденштедтовское издание повестей, к сожалению, приостановилось из-за недостаточного интереса к нему» (*Лит Насл*, т. 76, с. 589).

[5] Роман «Дым» (см. письмо 1933, примеч. 4).

[6] Переезд Тургенева в виллу на Тиргартенштрассе, № 3, состоялся на год позднее, 5 (17) апреля 1868 г.

[7] Подразумевается состоявшаяся в июне 1866 г. женитьба Шторма (вторым браком) на Доротее Йенсен.

[8] Новелла «Из-за моря» заканчивается примирением Дженни с отцом и ее свадьбой с другом детства архитектором Альфредом. Благополучный конец значительно смягчает выраженный в новелле протест против общественного и расового неравенства. Шторм и сам думал об изменении конца новеллы. «Ты прав,— писал он Пичу 28 ноября (10 декабря) 1866 г.,— конец должен быть трагическим, да ведь он сначала и был таким, но не годился в том виде, как был написан ...» (*Лит Насл*, т. 76, с. 589).

[9] Слова из стихотворения Шторма «Die Stadt» (1852) (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1794, примеч. 2).

1892. В. П. Боткину (с. 86)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60966.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 254—255.

[1] Речь идет о письме Боткина от 23 декабря ст. ст. 1866 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 250—254).

[2] См. примеч. 2 к письму 1863.

[3] Боткин писал Тургеневу 10 февраля 1867 г.: «... я тотчас же написал Каткову — что ты ранее конца февраля быть не можешь. Я сам недавно был в Москве и был свидетелем его тревоги по поводу твоего романа. У них на январскую — февральскую книжки не заготовлено никакой повести и все надежды сосредоточились на одном тебе» (см.: *Боткин и Т*, с. 256—257).

[4] Тургенев приехал в Москву 8 (20) марта 1867 г. (см. письмо 1935).

[5] Тургенев имеет в виду свою полемику с Катковым на страницах «Московских ведомостей» 1856—1857 гг. (см. наст. изд., Письма, т. 3, № 551, 552, 554, 564, 565).

1893. Н. Н. Рашет (с. 87)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 26.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 698.

[1] Речь идет о романе «Дым».

[2] Чтение романа в присутствии Рашет и А. М. Жемчужникова состоялось в Баден-Бадене 29 января (10 февраля) 1867 г. (см. письма 1900 и 1902).

1894. П. В. Анненкову (с. 88)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 8—9.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о письме 1892.
[2] См. примеч. 2 к письму 1896.
[3] Это письмо Н. Н. Тургенева к И. С. Тургеневу неизвестно.

1895. Н. Н. Рашет (с. 88)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 27. Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 699.

[1] См. письмо 1893, примеч. 2.

1896. М. В. Авдееву (с. 89)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 440, л. 5—6. Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1902, № 8, с. 283—284.

[1] В письме из Уфы от 22 декабря 1866 г. (3 января 1867 г.) Авдеев просил Тургенева узнать у Жемчужникова, не отказался ли тот от своего намерения издавать русский журнал. «Если он не передумал,— писал Авдеев,— то хорошо бы было основать хоть в Москве большую ежедневную политическую и литературную газету, которая заменила бы и толстый журнал, выходя листов в 5—6, а в политике наполняясь корреспонденциями. Если эта мысль ему понравится, то пусть он обдумает ее, запасается с Вашего совета хорошими корреспондентами — а я, если получу возможность — то буду ему помогать. Надеюсь, Вы не откажетесь помогать нам и советом и статьями» (*Т сб*, вып. 1, с. 414).

[2] Роман «Дым» был напечатан в мартовском номере «Русского вестника» за 1867 г.

[3] В этом названии в шутку объединены два различных петербургских издания: «Всемирный труд» (ежемесячный журнал (1867—1872), редактор-издатель М. А. Хан) и «Женский вестник» (ежемесячный журнал (1866—1868), издательница А. Б. Мессарош, редактор Н. И. Мессарош).

[4] В это время Авдеев работал над романом «Меж двух огней» (напечатан: *Совр Обозр*, 1868, № 1—3).

1897. Полине Виардо (с. 90 и 248)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 104—105; полностью во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 139—140.

[1] П. Виардо в начале 1867 г. совершила концертное турне по Германии (Карлсруэ, Берлин, Бреслау) в сопровождении своей дочери Клоди. Из Карлсруэ П. Виардо приехала в Берлин.

[2] Возможно, по дороге в Россию Тургенев хотел задержаться в Берлине, чтобы присутствовать на концертах П. Виардо, однако из-за повторного приступа подагры вынужден был отложить свой отъезд.

[3] Тургенев выехал из Баден-Бадена через Берлин и Кёнигсберг в Россию 29 февраля (13 марта) 1867 г.

[4] Речь идет о романе «Дым», законченном — согласно авторской помете в черновом автографе — 17 (29) января 1867 г. Из более

позднего письма (см. № 1971) известно, что в числе отрывков из романа Тургенев читал П. Виардо главу «У Губарева», т. е. главу IV. По сообщению П. Уоддингтона, в архиве департамента Сены-и-Марны хранится письмо П. Виардо к княгине А. А. Трубецкой от 18 (30) марта 1867 г., где она называет «Дым» «самым замечательным произведением» Тургенева (см.: *New Z Sl J*, 1983, p. 231). Скорее всего Тургенев переводил русский текст для П. Виардо с листа. См. также письмо 1901.

[5] Лулу — так звали дома сына Луизы Эритт-Виардо Луи, которому в это время не было еще трех лет.

[6] Тон писем дяди, Н. Н. Тургенева, был вызван намерением И. С. Тургенева отстранить его от должности управляющего имением в Спасском и передать управление имением Н. А. Кишинскому (см. письма 1941, 1949).

[7] Речь идет о рассказе «История лейтенанта Ергунова» (см. письмо 1904, примеч. 4).

[8] Марианна Виардо, которой исполнилось в это время 12 лет, была слишком мала, чтобы сопровождать свою мать в этой поездке, и находилась в Баден-Бадене с отцом.

1898. **Н. Н. Рашет** (с. 91)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 28.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 699—700.

[1] Имеется в виду вторая из трех брошюр К. К. Случевского (см. примеч. 4 к письму 1882).

[2] Письмо к Морицу Гартману было написано Тургеневым только 13 (25) февраля 1867 г. (см. письмо 1914).

1899. **Полине Виардо** (с. 92 и 249)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 105—106; полностью во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 125—127.

[1] См. письмо 1897, примеч. 1.

[2] Речь идет о рассказе «История лейтенанта Ергунова» (см. письмо 1904, примеч. 4, а также: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 425—426).

[3] См. письмо 1897, примеч. 3.

[4] Луиза Эритт-Виардо, расставшись с мужем, поселилась в 1866 г. в Баден-Бадене с маленьким сыном. Ее образ жизни и поведение доставляли много огорчений супругам Виардо. Тургенев пытался примирить Луизу с мужем и родителями. Многочисленные упоминания Л. Эритт-Виардо в последующих письмах см. по указателю имен.

[5] В Берлине Тургенев остановился на 5 дней — с 18 февраля (2 марта) по 23 февраля (7 марта), после чего отправился в Россию через Кёнигсберг.

[6] Речь идет о состоявшихся 12 февраля выборах в учредительный рейхстаг (см. письмо 1914, примеч. 7).

[7] В это время Тургенев, уже окончивший работу над романом «Дым», пишет рассказ «История лейтенанта Ергунова», после кото-

рого приступает к работе над рассказом «Бригадир». Возможно также, что к «рою замыслов», о котором идет речь в письме, относится цикл «Литературных и житейских воспоминаний», которые должны были составить предисловие к новому изданию собрания сочинений, вышедшему в 1868—1871 гг. В то же время писатель мог иметь в виду и замыслы оперетт, над которыми он с П. Виардо работал особенно интенсивно летом и осенью 1867 года.

[8] «История лейтенанта Ергунова».

[9] Расшифровка этой аббревиатуры Тургенева впервые была предложена А. Мазоном (см.: *Mazon*, p. 68). Контекст письма подтверждает предположение А. Мазона.

[10] Это письмо П. Виардо к Тургеневу неизвестно.

1900. **Н. Н. Рашет** (с. 93)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 29.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 700.

[1] О чтении романа «Дым» Тургенев сообщил П. В. Анненкову 31 января (12 февраля) 1867 г. (см. письмо 1902).

1901. **Полине Виардо** (с. 94 и 250)

Печатается по копии из собрания А. Звигильского (Париж), снятой с копии, сделанной И. Д. Гальпериным-Каминским. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 106—107; во французском оригинале (по копии Гальперина-Каминского) опубликовано П. Уоддингтоном — *New Z Sl J*, 1983, p. 229—230.

[1] См. письмо 1897, примеч. 3.

[2] См. письмо 1897 и примеч. 4 к нему.

[3] «Дым» вызвал оживленную полемику в русской печати (см. об этом в комментариях Е. И. Кийко к роману: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 531—544. Обзор критических статей о «Дыме» см.: Кузнецова В. Критическая борьба вокруг романа И. С. Тургенева «Дым» // Уч. зап. Калинингр. пед. ин-та, 1961, вып. 9, с. 10—33; см. также: Батюто А. И. Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (статья первая) // Рус. лит., 1987, № 3, с. 84—104). В письме к Герцену от 23 мая (4 июня) 1867 г. сам Тургенев писал: «...знаю, что меня ругают все — и красные, и белые, и сверху, и снизу, и сбоку — особенно сбоку» (см. письмо 2015, а также письма 2007, 2011 и примеч. к ним).

[4] Речь идет об отзыве Р. Бегаса, которому Тургенев в ноябре 1866 г. выслал 2 тома своих рассказов, переведенных на немецкий язык (см. письмо 1877, примеч. 2). Это предположение гораздо более вероятно, чем то, которое было высказано П. Уоддингтоном, считающим, что Р. Бегас познакомился с романом «Дым» по рукописному переводу, который П. Виардо взяла с собою в Берлин (см.: *New Z Sl J*, 1983, p. 230). Сведений о существовании такого перевода у нас нет, к тому же Тургенев, вспоминая о том, как он читал П. Виардо отрывки из романа, обещал ей прочитать весь роман «до последней строчки» (см. письмо 1897). Из письма к М. Гартману от 13 (25) февраля (см. № 1914) явствует, что к этому времени еще не существовало переводов «Дыма». Первый французский перевод романа, к которому лишь в июле приступил А. П. Голицын, появился

в период с 25 июля по 25 ноября в «Le Correspondant» (см. письма к А. Голицыну — наст. изд., Письма, т. 8). Первый немецкий перевод «Дыма», выполненный Ф. Чишем, печатался с 7 октября по 15 ноября 1867 г. в «Rigasche Zeitung». О переводах «Дыма» см.: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 544—546.

[5] Очевидно, дирижер и друг П. Виардо Г. Леви предложил певице выступить в опере Россини «Отелло» (1816 г.) в партии Дездемоны. Беспокойство Тургенева и Л. Виардо было вызвано, как справедливо предполагает П. Уоддингтон, тем, что эта партия, в которой П. Виардо дебютировала в 1839 г. с большим успехом в Лондоне и Париже (см. об этом: *Розанов*, с. 15—17), теперь была не под силу сорокапятилетней певице (см.: *New Z Sl J*, 1983, p. 230). Выступление П. Виардо в «Отелло» не состоялось (см. письмо 1906).

[6] См. письмо 1904.

[7] См. письмо 1897, примеч. 6.

[8] Тургенев вынужден был заменить французского архитектора Олива, строившего его виллу в Баден-Бадене, на более компетентного Амбрустера, что ввело его в весьма значительные расходы (см. письмо 1907).

1902. **П. В. Анненкову** (с. 96)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 9—10.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о «Дыме».

1903. **А. М. Жемчужникову** (с. 96)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 39.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 144.

Датируется по содержанию. Упоминаемая в письме газета «Москва» выходила в 1867 и в 1868 гг. Записка написана на той же бумаге, что и письма Тургенева к Жемчужникову конца 1866 — начала 1867 г. Таким образом, есть основание предполагать, что речь идет о январе 1867 г., так как упоминаются второй и третий номера ежедневной газеты (почта из Москвы в Баден-Баден доставлялась приблизительно за неделю). Газета «Москва», подписчиком которой был Жемчужников, являлась органом славянофилов (редактор-издатель И. С. Аксаков).

1904. **Полине Виардо** (с. 97 и 251)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 107; во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 127—128.

[1] В действительности Тургенев выехал из Баден-Бадена в Берлин 17 февраля (1 марта), то есть через две недели.

[2] Ирония Тургенева заключается в том, что сестра Луи Виардо Берта, о которой идет речь, была старой девой.

[3] См. письмо 1899, примеч. 4.

[4] Речь идет о рассказе «История лейтенанта Ергунова», который был закончен в день написания этого письма. Творческое на-

пряжение, которым была отмечена работа над этим рассказом, о чем пишет Тургенев, отразилось и в пометах на рукописи: «Кончен в Баден-Бадене, Schillerstraße, в четверг 2/14 фев⟨раля⟩ 1867 г. (NB. Последние 22 страницы написаны в один день)». Замысел произведения все время расширялся, Тургеневу пришлось три раза переписать рассказ (см. письмо к Я. П. Полонскому от 6 (18) марта 1868 г.— наст. изд., Письма, т. 8). Об истории создания рассказа см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 425—427.

[5] После окончания работы над рассказом «История лейтенанта Ергунова» Тургенев приступил, согласно помете на рукописи, «около 7/18 февраля 1867 г.» к рассказу «Бригадир», который был закончен «вскоре потом» (см. наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 431—433).

[6] Тургенев имеет в виду приступ подагры, который задержал его отъезд из Баден-Бадена.

[7] В это время П. Виардо выступала с концертами в Бреслау.

[8] Беспокойство Тургенева было вызвано ожиданием известий о Жанне Поме. 26 января 1867 г. у нее родилась дочь Тереза. Письмо Л. Поме к Тургеневу неизвестно.

1905. **И. П. Борисову** (с. 98)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 27—28.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 377—378.

Дата второй части письма не соответствует дню недели: 3 (15) февраля 1867 г. приходилось не на четверг, а на пятницу.

[1] Это письмо Борисова неизвестно.

[2] Тургенев вручил Каткову рукопись романа «Дым» в Москве, куда он прибыл 8 (20) марта 1867 г. (см. письмо 1935). С Борисовым писатель не повидался, так как не смог приехать в Спасское (см. письмо 1952).

[3] См. об этом письма 1941, 1949.

[4] Письмо П. И. Борисова и ответ Тургенева неизвестны.

1906. **Полине Виардо** (с. 100 и 253)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*). Номер письма зачеркнут.

Впервые опубликовано: в русском переводе (отрывок) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 107; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 129—130.

[1] Это письмо неизвестно. В Бреслау П. Виардо находилась на гастролях.

[2] Ученица П. Виардо Аглая Оргени была ангажирована в придворную оперу в Берлине на сезон 1865/66 г. В 1867 г. участвовала в поездке и выступлениях П. Виардо в Бреслау.

[3] Неточная цитата из 1-го действия драматической поэмы Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1783—1787). Этими словами Доминго, духовника Филиппа II, начинается поэма:

«Die schönen Tage in Aranjuez
Sind nun zu Ende».
(«Прекрасные дни в Аранхуэце
Пришли к концу».)

[4] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[5] См. письмо 1901, примеч. 5.

[6] В это время Л. Дамрош был дирижером филармонического оркестра в Берлине. Очевидно, Тургенев советовал П. Виардо показать ему свои музыкальные сочинения (прежде всего романсы на стихи русских и других поэтов), чтобы посоветоваться по поводу их возможной публикации.

[7] Брат — Рейнхольд Бегас, скульптор, с которым был знаком Тургенев.

[8] Клоди Виардо сопровождала свою мать в поездке по Германии, она должна была взять несколько уроков у О. Бегаса, довольно известного художника-пейзажиста, но этого не произошло, так как О. Бегас был в отъезде (см. письма 1911 и 1913).

[9] Тургенев имеет в виду предполагаемый приезд Э. Эритта, мужа Луизы Виардо, в Баден-Баден. Э. Эритт служил в это время в Южной Африке.

[10] По-видимому, мисс Стефенс послужила причиной разрыва Луизы Виардо с мужем. Кап (современное название — Кейптаун) — город на юге Африки в Капской провинции, где жили Луиза и Эрнест Эритт.

[11] Имеется в виду рассказ «История лейтенанта Ергунова» (см. письмо 1904, примеч. 4).

[12] Под «другим» рассказом Тургенев имеет в виду роман «Дым».

[13] Третий рассказ — «Бригадир» (см. письмо 1904, примеч. 5).

[14] Это письмо П. Виардо неизвестно.

1907. Полине Виардо (с. 102 и 254)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (первый абзац и отрывок со слов: «Moi, j'ai travaillé tous ces temps-ci...» до слов: «Das ist buchstäblich wahr», вместе с отрывком из письма от 12, 13 (24, 25) февраля 1867 г. (см. № 1912) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 107—108; во французском оригинале полностью — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 141—143.

[1] Тургенев выехал из Баден-Бадена 17 февраля (1 марта) 1867 г.

[2] Речь идет о Н. А. Кишинском. Письмо Кишинского к Тургеневу неизвестно.

[3] Муж П. Тургеневой Г. Брюэр был сначала управляющим, а затем владельцем стекольной фабрики в Ружмоне. Тургенев вложил много средств в предприятие своего зятя, однако это не избавило его от разорения.

[4] Тургенев имеет в виду семейные неурядицы Луизы Виардо-Эритт (см. письмо 1899, примеч. 4).

[5] Парафраз слов Мефистофеля из первой части «Фауста» Гёте (сцена вторая — «Рабочая комната Фауста»):

«Du bleibst doch immer was du bist»
«Ты — то, что представляешь ты собою»
(перевод Б. Пастернака).

[6] Об этом Тургенев писал П. Виардо в письме от 29, 30 января (10, 11 февраля) 1867 г. (см. № 1901, примеч. 8).

[7] Тургенев хотел прочитать П. Виардо законченный недавно роман «Дым» (см. письмо 1887), а также рассказы «История лейтенанта Ергунова» и «Бригадир» (см. письмо 1905).

[8] Письмо от Л. Дамроша, в котором содержался хвалебный отзыв о выступлении П. Виардо в Берлине или Бреслау, было переслано Тургеневу П. Виардо (см. письмо 1920).

[9] Тургенев называет дату своего предполагаемого отъезда из Баден-Бадена в Берлин, куда он выехал 17 февраля (1 марта) 1867 г.

[10] Шутливо называя Л. Пича именем одного из персонажей романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд» (1848), Тургенев имел в виду способность Микобера жить постоянно в долгах и одновременно сохранять веселое расположение духа.

1908. **П. В. Анненкову** (с. 104)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 10.

Подлинник неизвестен.

[1] Эти письма Тургенева к М. Н. Каткову и Н. Н. Тургеневу, а также письмо Н. А. Кишинского к Тургеневу неизвестны.

[2] Речь идет о «Дыме» и «Истории лейтенанта Ергунова».

1909. **Н. Н. Рашет** (с. 104)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 30—31.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 700—701.

[1] «История лейтенанта Ергунова».

[2] Опубликование цикла статей (см. примеч. 4 к письму 1882) способствовало служебной карьере Случевского. В 1867 г. он был приглашен на службу при Главном управлении по делам печати и позднее достиг чина тайного советника.

[3] О каком судебном процессе идет речь, не установлено.

1910. **Е. Т. Сливицкой** (с. 105)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2567.

Впервые опубликовано: *Т сб (Бродский)*, с. 29.

[1] О долге Тургенева Сливицкой см. письмо 1821, примеч. 1.

[2] Предполагавшаяся поездка Тургенева в Спасское не состоялась (см. письмо 1952).

1911. **Полине Виардо** (с. 106 и 256)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 131—133.

Дата, проставленная Тургеневым, неверна. Пятница в 1867 г. в феврале приходилась на 22 число. Во французской публикации предположительно датируется 10 (22) февраля (см. *Т*, *Lettres inéd*, p. 131—133). Так же датирует это письмо и П. Уоддингтон (см.: *New Z Sl J*, 1983, p. 270).

[1] См. письмо 1907, примеч. 1.
[2] Письмо К. Виардо к Тургеневу и его ответ, о котором идет речь, неизвестны.
[3] См. письмо 1907, примеч. 8.
[4] См. письмо 1906, примеч. 8.
[5] Речь идет о Рейнхольде Бегасе.
[6] Имеется в виду рассказ «Бригадир».

1912. С. Н. Чичерину (с. 108)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 1154, он. 2, № 994.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 149—150.
Датируется на основании адреса временем до отъезда Тургенева в Россию. В Баден-Бадене, на Шиллерштрассе, 277, Тургенев жил с апреля 1863 г.; последняя суббота до отъезда писателя в Россию в 1867 г. приходилась на 11 (23) февраля.

1913. Полине Виардо (с. 108 и 257)

Печатается по копии из собрания А. Звигильского (Париж), снятой с копии, сделанной И. Д. Гальпериным-Каминским. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано: в русском переводе отрывок из этого письма от слов «Mon pied va mieux» до слов «alle übrigen wie Schnee» ошибочно присоединен к письму от 6, 7 (18, 19) февраля 1867 г., которое тоже было опубликовано не полностью — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 107—108; во французском оригинале (по копии Гальперина-Каминского) опубликовано впервые полностью П. Уоддингтоном — *New Z Sl J*, 1983, p. 231—232.

[1] Вероятно, г-н Графф был рекомендован П. Виардо для занятий живописью с ее дочерью Клоди вместо находившегося в отъезде О. Бегаса (ср. письмо 1906, примеч. 8).
[2] Тургенев действительно выехал в пятницу, 17 (29) февраля, из Баден-Бадена.
[3] См. письмо 1918.
[4] Сюзанна — героиня оперы В.-А. Моцарта «Свадьба Фигаро» (1786).
[5] См. письмо 1885, примеч. 5.
[6] Луиза Эритт-Виардо действительно в следующем году уехала из Баден-Бадена в Россию, где состояла в должности преподавателя пения в Петербургской консерватории до 1871 г. (см. *Розанов*, с. 139).
[7] См. письмо 1907, примеч. 8.
[8] В копии Гальперина-Каминского это имя было ошибочно прочитано как «Menkhanoff».
[9] См. письмо-записку Тургенева (№ 1921).
[10] Это письмо Л. Пичу неизвестно.

1914. Морицу Гартману (с. 110 и 259)

Печатается по подлиннику: Венская городская библиотека (Wiener Stadtbibliothek), № 48760. Фотокопия — в *ИРЛИ*.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 151—152.

[1] Тургенев имеет в виду тяжелое нравственное состояние Гартмана в период австро-прусской войны. Настроения Гартмана от-

ражены в его стихотворении «1866. Leicht gesagt...» («1866. Легко сказано...»), в котором он, называя инициатором войны канцлера Бисмарка и его клику, заявляет, что реакционная братоубийственная война имела целью «подавление народов».

[2] В начале 1867 г. Гартман вместе с Вильгельмом Фольмером начал редактировать еженедельник «Wochenausgabe der Augsburger Allgemeinen Zeitung», выходивший в Штутгарте в издательстве Котта и ставший вскоре очень популярным. В начале ноября 1867 г. Гартман вышел из редакции. В 1868 г. он напечатал в № 1, 3—6 этого издания свою новеллу «Johannisberg» («Йоханнисберг»).

[3] Гартман с 1861 г. был сотрудником штутгартского журнала «Freya», а с октября 1864 г. стал его редактором; в числе сотрудников журнала числился и Тургенев. В этом журнале Гартман печатал переводы рассказов Тургенева («Муму» и «Уездный лекарь») и его биографию (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1632, примеч. 1, 2). Здесь в 1867 г. он опубликовал и свой роман «Adelig und Bürgerlich» («По-дворянски и по-мещански»). В «Freya» сотрудничали многие немецкие знакомые Тургенева — П. Гейзе, Э. Мёрике, Ф. Гиллер, Л. Валесроде и др.

[4] Ср. в письме 1857.

[5] Поездка Тургенева в Россию была связана с необходимостью упорядочить управление его имениями.

[6] Задержка с печатанием «Дыма» и «Истории лейтенанта Ергунова» произошла из-за болезни Тургенева.

[7] Выборы в учредительный рейхстаг после объединения Германии под эгидой Пруссии происходили согласно всеобщему избирательному праву, введенному Бисмарком вынужденно. Они состоялись 12 февраля н. ст. 1867 г. Европейская и русская печать констатировала солидарность народных представителей и правительства; большинство голосов получили либералы-унитаристы — представители, главным образом, буржуазии (см.: Голос, 1867, № 46 и 80; *Отеч Зап*, 1867, № 1—2 и др.). Тургенев, отмечавший с негодованием пассивность немецкого народа при выборах, был солидарен с А. И. Герценом, который в статье «Порядок торжествует» писал, что Бисмарк «понял, что немцам политическая свобода... нужна только der Theorie nach... ⟨в теории⟩» (*Герцен*, т. 19, с. 175).

[8] Тургенев предпочитает французскую политическую фразеологию, так как в этот период она была общепринятой.

[9] Не зная русского языка, Гартман пользовался для перевода произведений Тургенева на немецкий язык их французскими переводами.

[10] См. письмо 2003.

1915. Е. Е. Ламберт (с. 111)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон № 2, № 138.
Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 181—182.

[1] Речь идет о войне Пруссии с Австрией, закончившейся исключением Австрии из состава Германского союза и образованием Северо-Германского союза во главе с Пруссией в 1867 г.

[2] Роман «Дым».

1916. Н. И. Тургеневу (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4711, п. 14.
Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 227—228.

[1] По всей вероятности — «О разноплеменности населения в русском государстве» (Русский заграничный сборник, ч. V, тетрадь III. Париж, 1866). Эта брошюра упоминается в библиографии, составленной И. С. Тургеневым для некролога «Николай Иванович Тургенев».

[2] См. примеч. 4 к письму 1814.

[3] Роман «Дым».

[4] Всемирную выставку в Париже Тургенев посетил 6 (18) июня 1867 г. (см. письмо 2028).

1917. А. М. Жемчужникову (с. 113)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 37.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 155.
Датируется по содержанию. Пересылая Жемчужникову журналы «Отечественные записки» и «Русский вестник» за 4 месяца, Тургенев в записке от 7 (19) ноября 1866 г. обещает ему по прочтении предоставить другие номера (см. письмо 1878). По всей вероятности, в комментируемом письме и идет речь о следующих номерах «Русского вестника»,— следовательно, и самое письмо написано значительно позднее 7 (19) ноября 1866 г. Упоминание о больной ноге позволяет уточнить это время: первый приступ подагры у писателя был в начале, а второй — в конце января 1867 г. (см. письма 1894 и 1900). 17 февраля (1 марта) 1867 г. Тургенев выехал из Баден-Бадена в Россию. Таким образом, письмо могло быть написано не ранее января и не позднее 14 (26) февраля — последнего вторника перед отъездом писателя.

1918. А. М. Жемчужникову (с. 114)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 34.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 159.
Письмо датируется предположительно. В ноябре 1866 г. Жемчужников приехал на постоянное жительство в Баден-Баден, где он на протяжении всего 1867 г. постоянно встречался с Тургеневым и читал приходившие на его имя русские журналы и газеты. В письме к Тургеневу от 19 июня н. ст. 1867 г. Жемчужников обращается с просьбой прислать для прочтения «С.-Петербургские ведомости» начиная с 15 мая (*ИРЛИ*, № 5813). Очевидно, предшествующие номера были уже им прочтены. В комментируемой записке и упоминается обо всех номерах «С.-Петербургских ведомостей» с начала года, т. е. речь идет о периоде между январем и серединой мая 1867 г. Вероятно, рекомендация врача в этом письме связана с ожидаемым Жемчужниковыми рождением ребенка (см. письмо 1896). 15 (27) февраля он во время визита к Тургеневу сообщил о рождении дочери (см. письмо 1920). Следовательно, данное письмо написано не позднее 15 (27) февраля 1867 г.

1919. В. П. Боткину (с. 114)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60967.
Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 258—259.

[1] Письмо Боткина к Тургеневу от 10 (22) февраля 1867 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 256—258).

[2] В указанном выше письме Боткин высказал предположение, что Тургенев задерживает свой приезд в Россию, предвидя неприятности, которые могла вызвать замена Н. Н. Тургенева другим управляющим.

[3] Тургенев 20 марта (1 апреля) 1867 г. дал письменное распоряжение Н. А. Кишинскому принять от Н. Н. Тургенева управление имением (см. письмо 1949).

[4] Речь идет об «Истории лейтенанта Ергунова», первое чтение которой состоялось в Петербурге 26 февраля (10 марта) 1867 г. Ег. П. Ковалевский на этом чтении не присутствовал (см. письмо 1929).

1920. **Полине Виардо** (с. 115 и 260)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой Полины Виардо: «fragment?» («отрывок?» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе со слов: «Le mieux continue...» до слов: «...qui ne se répétera jamais!» — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 108—109; во французском оригинале полностью — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 143—145.

[1] Эти письма П. Виардо неизвестны.

[2] См. письмо 1906, примеч. 6.

[3] См. письмо 1907, примеч. 8.

[4] В это время П. Виардо гастролировала в Бреслау.

[5] Тургенев, по-видимому, имеет в виду включение в одну из концертных программ певицы романсов ее собственного сочинения.

[6] Тургенев познакомился с П. Виардо в ноябре 1843 г. в первый ее приезд в Петербург (см. наст. изд., Письма, т. 1, с. 478—479). О каком предложении из Петербурга идет речь, установить не удалось. Скорее всего до Тургенева дошли слухи о возможном приглашении П. Виардо в Петербург, где у нее было немало почитателей, либо на гастроли, либо в качестве преподавателя в Петербургскую консерваторию, основанную в 1862 г. другом П. Виардо А. Г. Рубинштейном. В 1868 г. в Петербург была приглашена Луиза Эритт-Виардо, которая преподавала в Петербурге до 1871 г. и выступала как певица.

[7] В это время Луиза Виардо-Эритт жила в Баден-Бадене (см. письмо 1899, примеч. 4).

[8] Речь идет о Жанне Поме (см. письмо 1904, примеч. 8).

1921. **Полине Брюэр** (с. 117 и 261)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 131—132.

Впервые опубликовано: *Séménoff*, p. 174.

[1] Несмотря на предостережения Тургенева, приданое Полины было вложено в предприятия Г. Брюэра.

[2] Это письмо П. Брюэр к Тургеневу неизвестно.

1922. Полине Виардо (с. 117 и 262)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). В левом верхнем углу письма помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 145.

1923. Н. Н. Рашет (с. 118)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 32.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 701—702.

Стр. 118. мать и дитя чувствуют себя хорошо *(франц.)*.

[1] Тургенев собирался прочесть Рашет «Историю лейтенанта Ергунова».

1924. М. Н. Каткову (с. 118)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/27.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 50—51.

[1] Речь идет о «Дыме» (см. письмо 1936).

1925. Полине Виардо (с. 119 и 262)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). Первая часть письма написана карандашом.

Датируется по сопоставлению с письмом 1926, в котором Тургенев упоминал о написанном карандашом письме на пути между Эльбингом и Кёнигсбергом. 8 марта в 1867 г. приходилось на пятницу.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 1, с. 160; во французском оригинале — *New Z Sl J*, 1985, p. 53.

1926. Полине Виардо (с. 119 и 263)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 35.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 1, с. 160—162; во французском оригинале — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 161—162.

[1] См. предыдущее письмо.

[2] Тургенев действительно писал П. Виардо до своего отъезда из России 4 (16) апреля 1867 г. почти каждый день.

[3] Н. А. Кишинский.

[4] Предполагаемая поездка Тургенева в Спасское не состоялась из-за болезни (см. письма 1943, 1952, 1981).

[5] Чтение рассказа «История лейтенанта Ергунова» и начала романа «Дым» (см. письма 1929, 1931).

[6] Романс «Räthsel» (букв.: загадка), судя по этому и другим письмам, где упоминается пьеса с таким названием, был написан П. Виардо. Автором слов скорее всего был Тургенев,— среди текстов романсов, написанных для П. Виардо, есть стихотворение

«Разгадка», которое вошло в очередной альбом романсов П. Виардо на стихи русских поэтов, вышедший в 1868 г. (см. наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 299 и 647),— «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенных на музыку Полиною Виардо-Гарсиа». Не исключено, однако, что Тургенев имел в виду романс Р. Шумана «Räthsel» из цикла «Myrther» (1840, op. 26, № 16). Впоследствии П. Виардо включила романс «Разгадка», под названием «Enigme» («Загадка»), в число «Шести мелодий» («Six mélodies») своих романсов, изданных парижским музыкальным издателем Хейгелем не ранее 80-х годов; французский перевод текста принадлежит Полю Коллэну.

1927. **М. Н. Каткову** (с. 121)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/28.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 51.

[1] Речь идет о «Дыме» (см. письмо 1936).
[2] Первую корректуру «Дыма» Тургенев получил 16 (28) марта 1867 г., о чем в тот же день сообщил И. П. Борисову (см. письмо 1944).

1928. **Н. А. Кишинскому** (с. 121)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 3.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 163.
Датируется на основании письма к М. Н. Каткову от 26 февраля (10 марта) 1867 г. (письмо 1927).

[1] Из письма к Кишинскому от 28 февраля (12 марта) 1867 г. видно, что визит последнего к Тургеневу 27 февраля ст. ст. не состоялся (см. письмо 1930).

1929. **Полине Виардо** (с. 122)

Печатается по тексту первой публикации: *Совр Мир*, 1912, № 1, с. 162—163, в русском переводе. Французский оригинал неизвестен. Часть письма со слов «Вчера вечером я начал свои чтения...» до слов «Я сообщу вам подробности» (с пропусками) опубликована по-французски П. Уоддингтоном, который воспроизвел копии некоторых писем Тургенева к П. Виардо, снятые Додийоном (см.: *Dodillon copies*, p. 34). Часть письма, известная во французском оригинале, приводится под строкой публикуемого русского перевода.

[1] С января 1867 г. Тургенев неоднократно испытывал приступы подагры (см. письма 1892, 1902).
[2] Это письмо свидетельствует о том, что «История лейтенанта Ергунова» была переведена на французский язык самим Тургеневым еще в феврале 1867 г. Позднее перевод был отредактирован Луи Виардо и напечатан в «Revue des Deux Mondes» 1 апреля 1868 г. В 1869 г. с поправками П. Мериме он появился в сборнике рассказов Тургенева «Nouvelles moscovites» (см. об этом в статье Р. М. Гороховой об истории издания сборника: *Т сб*, вып. 1, с. 268—269; см. также наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 429 и Письма, т. 8, № 2173).

[3] Роман «Дым». Чтения продолжались два дня (см. письмо 1931) и происходили у В. П. Боткина, на Караванной ул., д. 14, где остановился в этот свой приезд в Россию Тургенев.

[4] Речь идет о Д. Арто, ученице П. Виардо.

1930. **Н. А. Кишинскому** (с. 124)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 4.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 166.

Датируется по связи с письмом к Кишинскому от 26 февраля (10 марта) 1867 г. (письмо 1928).

[1] Письмо 1928.

1931. **Полине Виардо** (с. 125 и 264)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «non», «avec coupures» («нет», «с купюрами» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 1, с. 163—165; во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 145—147.

[1] Речь идет о чтении романа «Дым» петербургским друзьям (см. письмо 1929, примеч. 3).

[2] Письмо М. Н. Каткова к Тургеневу неизвестно.

[3] Н. А. Кишинский.

[4] Весной 1867 г. А. Г. Рубинштейн, недовольный действиями Русского музыкального общества, покинул пост директора Петербургской консерватории. Директором был назначен Н. И. Заремба.

[5] См. примеч. 3 к письму 1886.

[6] Эта телеграмма неизвестна. Отъезд П. Виардо из Берлина в Баден-Баден был вызван ожиданием приезда туда мужа ее дочери Луизы Эрнеста Эритта де ла Тура (см. письмо 1899, примеч. 4 и письма 1933, 1934).

[7] См. примеч. 6 к настоящему письму.

[8] Речь идет о денежном переводе в адрес банкирской конторы.

[9] Фридрихсдор — монета, бывшая в ходу в Пруссии, равная по тогдашнему курсу 20 франкам 80 сантимам.

1932. **И. И. Маслову** (с. 126)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 24. В дате ошибка: указан февраль вместо марта.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 124—125, с повторением ошибки в дате.

Судя по содержанию (ср. письма 1926 и 1927) и по соответствию числа указанному дню недели, письмо написано 1 (13) марта 1867 г.

[1] Речь идет о романе «Дым».

1933. **Полине Виардо** (с. 127 и 265)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой

П. Виардо: «copiée» («переписано» — *франц.*), на обороте рукой П. Виардо написано: «bon» («хорошо» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (не полностью) — Revue Bleue, 1906, № 1, 7 juillet, p. 3; в русском переводе (не полностью) — *Н Вр*, 1906, № 10886, 5 (18) июля; перепечатано с дополнениями в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 1, с. 165—166; полностью во французском оригинале — *New Z Sl J*, 1985, p. 55—56.

[1] Эта телеграмма Тургенева неизвестна.

[2] См. письмо 1931, примеч. 6.

[3] Библия, Екклезиаст, 1, 2.

[4] Тургенев приехал в Москву 8 (20) марта (см. письмо 1935) и, вероятно, в тот же день передал рукопись романа «Дым» М. Н. Каткову для напечатания в «Русском вестнике».

[5] Тургенев имеет в виду передачу управления своими имениями Н. А. Кишинскому, который должен был заменить Н. Н. Тургенева (см. письма 1941, 1949).

[6] Поездка Тургенева в Спасское не состоялась из-за болезни (см. письма 1951 и 1952).

[7] Речь идет о выступлении П. Виардо при дворе королевы Пруссии Августы, которая высоко ценила искусство певицы и была нередкой гостьей на ее вилле в Баден-Бадене (см.: *Dulong. Pauline Viardot*, p. 154).

[8] Тургенев имеет в виду впечатление, которое произвели на петербургских друзей чтения «Истории лейтенанта Ергунова» и романа «Дым», состоявшиеся 26, 27 февраля (10, 11 марта) 1867 г. на квартире у Боткина (см. письма 1929, 1931).

1934. Полине Виардо (с. 128 и 266)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «autorisée» («разрешено» — *франц.*, зачеркнуто), «copiée» («переписано» — *франц.*), «avec coupure» («с купюрой» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (не полностью) — Revue Bleue, 1906, № 1, 7 juillet, p. 3 и № 16, 20 octobre, p. 481; в русском переводе (не полностью) — *Рус Мысль*, 1906, № 9, с. 184; полностью во французском оригинале (с некоторыми неточностями) — *Т*, *Quelques lettres*, p. 137—139.

[1] Эта телеграмма Виардо, посланная им в ответ на телеграммы Тургенева (см. письмо 1933), неизвестна.

[2] Имеется в виду приезд Э. Эритта де ла Тура.

[3] «Цветок» и «Заклинание» (на слова А. С. Пушкина), «Шёпот, робкое дыханье» (на слова А. А. Фета) — романсы Полины Виардо из серии «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева», изданной А. Иогансеном в Петербурге в 1864 г.

[4] Известное музыкальное издательство в Берлине, основанное в 1838 г. Эдуардом Ботом и Густавом Боком. В 1867 г. во главе его были Г. Бок и сын его компаньона Эдуард Бот. Возможно, П. Виардо встречалась с представителями этой фирмы по поводу издания ее романсов.

[5] Неизвестно, было ли написано Л. Пичу письмо с просьбой сообщить подробности состоявшегося у него музыкального вечера, в котором принимала участие П. Виардо (см. письма 1933 и 1943).

[6] Скобелева — Ольга Николаевна. Ее дочери, Надежда и Зинаида, некоторое время брали уроки пения у Полины Виардо в Баден-Бадене в 1860 г. Забросила музыку, по-видимому, Надежда.

[7] Трио для скрипки, виолончели и фортепиано: Фа мажор, Соль минор, соч. 15 или Си бемоль мажор, соч. 52, сочиненные А. Г. Рубинштейном до 1867 г.

[8] Неизвестно, о котором из трех квартетов Шумана (Ля минор, Фа мажор или Ля мажор, соч. 41) идет речь в данном случае. Два последних квартета Бетховена — быть может, квартеты Си бемоль мажор, соч. 130, и До диез минор, соч. 131.

[9] См. примеч. 4 к письму 1931.

[10] Речь идет о романе «Дым», который в это время готовился для печатания в «Русском вестнике».

[11] Имеется в виду Н. А. Кишинский.

[12] 6 (18) марта 1867 г. в зале Дворянского собрания (ныне Большой зал Государственной филармонии) состоялся ежегодный концерт Бесплатной музыкальной школы.

В концерте исполнялись: увертюра «Римский карнавал» (названная в программе «Римской масленицей») Г. Берлиоза; хор «Веди нас по твоей воле, мы предаемся тебе» И.-С. Баха; «Прощальная песнь Дании» Н. Я. Афанасьева; «Фантазия на русские народные песни» Г. Я. Ломакина; хор «Поражение Сеннахериба» М. П. Мусоргского; «Хор монахинь» Б. А. Фитингоф-Шеля из оперы «Демон». Два произведения М. И. Глинки — хор из оперы «Жизнь за царя» и «Восточные танцы» из оперы «Руслан и Людмила», аранжированные для одного оркестра М. А. Балакиревым, включенные первоначально в программу,— были заменены вследствие протеста издателя сочинений Глинки Ф. Т. Стелловского: он усмотрел «контрфакцию» в факте переложения танцев Балакиревым и запретил исполнение сочинений Глинки в концерте. Они были заменены увертюрой «Король Лир» Балакирева и «женским хором» из неоконченной «волшебно-комической» оперы «Рогдана» Даргомыжского. Концерт «привлек многочисленную публику» (см.: Голос, 1867, № 71, 12 (24) марта).

[13] Тургенев имеет в виду «музыку будущего» Р. Вагнера, к которому он и П. Виардо долго относились скептически. Ироническое замечание Тургенева о «русской музыке будущего» относится к тем произведениям, которые Тургенев слышал на концерте и которые не имели отношения к новой русской музыкальной школе. В 1867 г. Тургенев почти не знал музыки кучкистов за исключением «Короля Лира» М. А. Балакирева и хора М. П. Мусоргского. Впоследствии, после знакомства с фрагментами «Бориса Годунова» и «Хованщины», он высоко оценил творчество Мусоргского, восхищался Серовым, Чайковским.

[14] См. письмо 1937.

1935. И. П. Борисову (с. 130)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 29.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 378.

[1] После текста Тургенева следует приписка Борисова, обращенная к Фету: «Спешу препроводить к тебе сию весть и буду ждать, друг мой, тебя завтра, чтобы во *вторник* вместе кувырнуть в Спасское. Зима, кажется, еще продержится хоть недельку, и

Марье Петровне можно бы рискнуть, бог весть когда опять увидим его. Воскресенье». До Спасского Тургенев не доехал (см. письма 1942, 1952).

1936. П. В. Анненкову (с. 132)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 11.

Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев выехал из Москвы в Спасское не 10 (22) марта 1867 г., а на другой день, т. е. 11 (23) марта. 12 (24) марта 1867 г. из-за внезапного приступа бронхита он принужден был возвратиться в Москву (см. письмо 1943).

[2] Речь идет о чтении отрывка из романа «Дым» в пользу Литературного фонда (оно состоялось в Петербурге 3 (15) апреля 1867 г.— см. письмо 1976, примеч. 1).

1937. Полине Виардо (с. 132 и 268)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с пропусками и неточностями) — Revue Bleue. 1906, № 16, 20 octobre, p. 481—482; в русском переводе (с пропусками и неточностями) — *Н Вр*, 1906, № 10987, 14 (27) октября. Пропуски восстановлены, неточности исправлены П. Уоддингтоном: *New Z Sl J*, 1985, p. 56—57.

Полностью публикуется впервые.

[1] Очевидно, Тургенев ошибся в нумерации писем, так как в предыдущем письме от 5, 6 (17, 18) марта (№ 5) он обещал написать сразу по приезде в Москву.

[2] См. письма 1942, 1951, 1952.

[3] Телеграмма Л. Виардо неизвестна. Как верно отметил П. Уоддингтон, незначительное исправление в тексте («arrivées» вместо «arrivée») свидетельствует о том, что Тургенев здесь имел в виду не только П. Виардо, но и ее дочь Клоди, которая находилась вместе с нею в Берлине и, очевидно, приехала вместе с нею в Баден-Баден (см.: *New Z Sl J*, 1985, p. 57).

[4] Эта телеграмма Тургенева неизвестна.

[5] Имеется в виду рукопись романа «Дым».

[6] Тургенев имеет в виду ожидаемый приезд Э. Эритта в Баден-Баден (см. письмо 1931, примеч. 6) и тяжелое настроение, царившее в связи с этим в доме Виардо. Выделенное Тургеневым слово «Sehnsucht», возможно, является отсылкой к стихотворению Гёте «Миньона»: «Nur wer die Sehnsucht kennt» («Кто знал тоску, поймет...») (Из «Вильгельма Мейстера», 1785. Перевод Б. Пастернака).

[7] Речь идет о романе Писемского «Взбаламученное море» (1863).

[8] Это письмо Тургенева к Л. Виардо неизвестно.

[9] А. Я. Тургенева, урожденная Шварц.

[10] Смысл шутливой отсылки к некоему г. Цепплину, сведений о котором обнаружить не удалось, остается неясным.

[11] Пэгаз — охотничья собака Тургенева, оставшаяся в Баден-Бадене на попечении г-жи Анштет. Пэгазу Тургенев посвятил очерк в «Литературных и житейских воспоминаниях» (см. наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 157—163).

[12] Оос — железнодорожная станция на пути в Баден-Баден.

[13] Имеется в виду предполагавшаяся поездка Тургенева в Спасское (см. письма 1951 и 1952).

[14] Эта записка к Марианне Виардо неизвестна.

1938. В. П. Боткину (с. 134)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина. № 60968.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 259—260.

[1] Рукопись романа «Дым».

[2] В. Ф. Одоевский 9 (21) марта 1867 г. сделал в своем дневнике следующую запись: «Я не принимал по болезни, а приезжал Тургенев — звал его обедать сегодня — он приехал, хотя и пообедавши — и принужден был от подагры держать ногу на стуле.— Прочел ему статью мою — он остался ею очень доволен, хотя и не вполне согласен со мною» (*Лит Насл*, т. 22-24, с. 229). Одоевский читал статью «Недовольно» (Беседы в Обществе любителей российской словесности. 1867, ч. 1, с. 65—84), являвшуюся ответом на рассказ Тургенева «Довольно». В Обществе любителей российской словесности 9 апреля 1867 г. были прочитаны, в отсутствие авторов, оба эти произведения (*Моск Вед*, 1867, № 108, 18 мая).

[3] Д. П. Боткин.

[4] Тургенев имеет в виду собрание своих сочинений, изданное братьями Салаевыми в Карлсруэ (ч. 1—5, 1865). Новое издание начало выходить в 1868 г.

1939. Максиму Дюкану (с. 135 и 269)

Печатается по машинописной копии, предоставленной А. Мазоном: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 173.

Подлинник хранится в Библиотеке Французского Института (Institut de France) в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*, т. 31-32, с. 667—668; во французском оригинале — Revue de Littérature comparée, 1947, № 4, p. 567.

[1] Речь идет о романе М. Дюкана «Утраченные силы» («Les Forces perdues». Paris, 1867). См. письмо 1990, примеч. 1 и 2.

[2] К этому времени были переведены на русский язык повесть Дюкана «Золотой браслет» (СПб., 1861, Библиотека избранных романов и повестей переводных, вып. 23) и рассказ «Галлюцинации профессора Флореаля» (Собрание иностранных романов, 1862, № 2, с. 145—238).

1940. М. Н. Каткову (с. 135)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 4752, л. 5.

Впервые опубликовано: *Т сб (Кони)*, с. 205—206.

[1] До Спасского Тургенев не доехал (см. письма 1951 и 1952).

[2] Г. Ф. Головачев и Н. А. Любимов — ближайшие сотрудники Каткова по «Русскому вестнику».

1941. Н. А. Кишинскому (с. 136)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 5—6.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 177—178.

[1] Это письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[2] Речь идет о письме «бригадира» (см. письма 1978, 1982, 1993 и 1995, примеч. 6).

1942. Н. А. Любимову (с. 136)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1, л. 218.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 178.

[1] См. письмо 1941.

[2] Речь идет о романе «Дым».

1943. Полине Виардо (с. 137 и 270)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «oui» («да» — *франц.*), «copiée» («переписано» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с некоторыми пропусками) — Revue Bleue, 1906, № 16, 20 octobre, p. 482—483; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 10987, 14 (27) октября; полностью во французском оригинале (с некоторыми неточностями) — *Т*, *Quelques lettres*, p. 143—145.

[1] Н. А. Кишинский.

[2] В этот свой приезд в Москву Тургенев остановился у И. И. Маслова.

[3] Тургенев имеет в виду передачу управления своими имениями Н. А. Кишинскому (см. письма 1941, 1949). Упоминаемое письмо к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[4] Эти письма П Виардо и Л. Виардо до нас не дошли.

[5] Изобретателем электрического телеграфа был английский физик Чарлз Уитстоун (Wheatstone; 1802—1875), сконструировавший в 1839 г. один из первых электрических телеграфных аппаратов. Аппарат, созданный им в 1858 г., был назван его именем. *Кадм* — финикиец, который, согласно древнегреческим преданиям, основал город Фивы, а также познакомил греков с финикийским алфавитом и изобрел письменность.

[6] См. примеч. 7 к письму 1933.

[7] См. письмо 1926, примеч. 6.

[8] Речь идет о корректурах романа «Дым».

[9] Приезд в Россию Тургенева был обусловлен, в основном, двумя причинами: улаживанием хозяйственных дел (замена управляющего Спасским-Лутовиновом) и печатанием романа «Дым» в «Русском вестнике».

[10] За годы жизни в Баден-Бадене П. Виардо создала там настоящую школу пения, «нечто вроде международной консерватории», по выражению Г. Дюлона, в которую съезжались ученицы из разных стран, в том числе и из России. Школа пения П. Виардо, продолжавшей традиции своего отца М. Гарсиа, известного певца и педагога, была очень популярна и служила гарантией хорошей подготовки будущих артистов. Многие из учениц П. Ви-

ардо (А. Оргени, Д. Арто, М. Шредер и др.) стали впоследствии знаменитостями и выступали на ведущих сценах европейских театров (см.: *Dulong. Pauline Viardot*, p. 154).

[11] Под штурмом Севастополя (эпизод Крымской войны 1853—1856 гг.) Тургенев подразумевает свои попытки уговорить Н. Н. Тургенева отказаться от управления Спасским. Для этого писатель и хотел направиться в имение (см. письма 1951 и 1952).

1944. И. П. Борисову (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 31—32.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 378—379.

[1] Речь идет о «Дыме».

[2] Н. А. Кишинский.

[3] Это письмо, как и другие письма Фета к В. П. Боткину, неизвестно (см.: *Лит Насл*, т. 22-24, с. 597). Фет в своих «Воспоминаниях» писал, что формально Тургенев был прав в споре с дядей, но тут же прибавлял: «Сам Иван Сергеевич в течение десяти лет приучил меня смотреть на Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩, как на его отца, а не управляющего. Не удивительно ли мое изумление, когда я вдруг увидал такую перемену декорации?» (*Фет*, ч. 2, с. 120). См. статью: З а б о р о в а Р. Б. Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев // *Т сб*, вып. 3, с. 221—234; см. также письмо 1974.

[4] О переводе сказок Перро см. примеч. 2 к письму 1974.

[5] «История лейтенанта Ергунова».

1945. Н. А. Кишинскому (с. 140)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 7. На подлиннике помета Кишинского: «Получено 20 марта».

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 183.

[1] Речь идет о корректуре журнальной публикации романа «Дым».

[2] См. примеч. 1 к письму 1941.

[3] Поездка Тургенева в Спасское не состоялась (см. письма 1951 и 1952).

1946. Полине Виардо (с. 141 и 271)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) надпись рукой П. Виардо: «J'autorise la publication de cette lettre. Pauline Viardot» («Разрешаю публикацию этого письма. Полина Виардо» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (не полностью) — Revue Bleue, 1906, № 16, 20 octobre, p. 483; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 10987, 14 (27) октября. Пропуски восстановлены, неточности исправлены П. Уоддингтоном: *New Z Sl J*, 1985, p. 57—58.

Полностью публикуется впервые.

[1] Тургенев приехал в Баден-Баден 7 (19) апреля.

[2] См. письмо 1943, примеч. 9.

[3] Это путешествие в Спасское не состоялось (см. письма 1951 и 1952).

[4] Имеется в виду муж Луизы Виардо Эрнест Эритт де ла Тур.

[5] В связи с приездом Э. Эритта в Баден-Баден, очевидно, П. и Л. Виардо особенно волновала судьба их первого внука Луи, которого Э. Эритт действительно позднее взял с собой в то время, как Луиза в 1868 г. уехала в Петербург, чтобы вести независимый образ жизни.

[6] Всемирная выставка (Exposition Universelle) в Париже открылась 1 апреля н. ст. 1867 г. Она была организована правительством Наполеона III с целью продемонстрировать блеск и величие империи и укрепить авторитет Франции на международной арене. О впечатлениях Тургенева от посещения выставки см. в письмах 2025 и 2027.

[7] Тургенев намекает на стремление Франции начать войну с Пруссией за расширение границ по Рейну, вследствие чего Россия, будучи союзницей Пруссии, могла бы оказаться втянутой в военные действия.

[8] Середина 1860-х годов в России была отмечена значительным оживлением промышленности и экономики. Особенно интенсивно в 60-е годы развивалось строительство железных дорог.

[9] Это письмо Л. Виардо к Тургеневу, как и упоминаемые выше письма П. Виардо, неизвестны.

[10] См. выше примеч. 2.

1947. М. Н. Каткову (с. 142)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 427, оп. 1, № 986, л. 78.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 185.

Датируется на основании следующих соображений. Тургенев приехал в Москву в связи с печатанием «Дыма» 8 (20) марта 1867 г., а выехал оттуда обратно в Петербург 31 марта (12 апреля). В этот промежуток времени субботы приходились на 11 (23) марта, 18 (30) марта и 25 марта (6 апреля). Первая из них отпадает, так как лишь 16 (28) марта 1867 г. Тургеневу принесли первую корректуру (см. письмо 1944). Суббота 25 марта (6 апреля) 1867 г. также должна быть исключена, так как 23 марта (4 апреля) 1867 г. Тургенев читал «последние корректуры» (см. письмо 1955). Следовательно, письмо могло быть написано только в субботу 18 (30) марта 1867 г.

[1] Речь идет о корректуре журнальной публикации романа «Дым».

1948. Полине Виардо (с. 143 и 272)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «copiée» («переписано» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с небольшими пропусками) — Revue Bleue, 1906, № 16, 20 octobre, p. 484, VII; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 10987, 14 (27) октября, с неверной датой — 18 (31) марта. Пропуски восстановлены, неточности исправлены П. Уоддингтоном: *New Z Sl J*, 1985, p. 59.

Полностью публикуется впервые.

[1] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[2] Письмо Н. Н. Тургенева к писателю неизвестно.

[3] Тургенев задержался в Москве несколько дольше, до 31 марта (12 апреля), из-за разногласий с Катковым по поводу романа «Дым» (см. письмо 1964).

[4] Вероятно, шутливое прозвище, данное Тургеневу детьми Виардо.

[5] Письмо к Н. А. Кишинскому — см. № 1949, письмо к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[6] О каком квартете Моцарта идет речь, сказать трудно. Трио си-бемоль мажор Бетховена — большое трио B-dur, op. 97; октет Мендельсона — струнный октет Es-dur, op. 20.

[7] Тургенев находил исполнительскую манеру А. Г. Рубинштейна несколько излишне театральной (см. письмо 1933).

[8] Тургенев читал у Каткова «Историю лейтенанта Ергунова».

[9] Катков действительно опубликовал «Историю лейтенанта Ергунова» в «Русском вестнике» (1868, № 1).

[10] Речь идет о Ф. И. Салаеве, с которым Тургенев заключил соглашение об отдельном издании «Дыма» еще до опубликования романа в «Русском вестнике», но с условием публикации через три месяца после журнальной (см. письмо 1959). Отдельное издание «Дыма» действительно появилось в начале ноября ст. ст. 1867 г., хотя на обложке обозначен 1868 г.

1949. **Н. А. Кишинскому** (с. 144)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 8—9.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 187—188.

[1] Это письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[2] Кадное — имение Тургенева в Ефремовском уезде Тульской губернии. Покупатель — Селезнев (см. письмо 1954).

[3] Тапки — имение Тургенева в Малоархангельском уезде Орловской губернии.

[4] См. письмо 1995, примеч. 6; ср. письмо 1941, примеч. 2.

1950. **Е. А. Черкасской** (с. 146)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 327, разд. II, п. 14, № 94.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 226.

Письмо датируется на основании сообщения о чтении «Истории лейтенанта Ергунова» у Е. А. Черкасской в письме Тургенева к П. Виардо от 23 марта (4 апреля) 1867 г. (№ 1956).

1951. **П. А. Анненкову** (с. 146)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 11—12.

Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Анненкова неизвестно.

[2] Имеется в виду роман «Дым».

[3] Речь идет о Н. А. Кишинском.

[4] В Петербурге чтение отрывков из «Дыма» в пользу Литературного фонда состоялось 3 (15) апреля 1867 г., т. е. в понедельник (см. письмо 1976, а также отчет в «Голосе» от 9 (21) апреля 1867 г., № 99).

[5] 25 марта ст. ст. 1867 г. Тургенев должен был читать две

главы из «Дыма» в Малом зале Дворянского собрания в Москве (ныне Дом Союзов), па литературном утре «в пользу жителей Восточной Галиции» — украинского населения Галиции, находившегося тогда под двойным гнетом (австрийским и польским). Устроителям литературного утра — П. К. Щебальскому и К. А. Тарновскому — пришлось, однако, перенести чтение на 29 марта из-за припадка подагры у Тургенева (*Моск Вед*, 1867, № 69, 28 марта; см. письмо 1971). После отъезда Тургенева из Москвы там, 2 апреля 1867 г., состоялось еще одно чтение отрывков из «Дыма» (см.: *Моск Вед*, 1867, № 74, 2 апреля). Отчет об этом чтении см.: Голос, 1867, № 94, 4 (16) апреля.

[6] Чтение Тургеневым Каткову «Истории лейтенанта Ергунова» состоялось 19 (31) марта 1867 г. (см. письмо 1948). Рассказ был впервые опубликован в «Русском вестнике» в январском номере за 1868 г.

[7] П. М. Леонтьев был ближайшим помощником Каткова по изданию «Русского вестника».

[8] Историческая трагедия А. Ф. Писемского «Поручик Гладков» впервые была опубликована в журнале «Всемирный труд» (1867, № 3). В печати также появились отрицательные отзывы об этом произведении, изображающем времена Бирона (см.: *Рус Инвалид*, 1867, № 110, 22 апреля (4 мая)).

1952. И. П. Борисову (с. 147)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 33—34.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 380.

[1] Фет и Боткин не поверили Тургеневу и сочли, что он намеренно не приехал в Спасское, избегая объяснений с Н. Н. Тургеневым (см.: *Фет*, ч. 2, с. 119—120).

[2] Очевидно, Тургенев имеет в виду неурядицы в семье П. Виардо, связанные с ее дочерью Луизой (см. письмо 1899, примеч. 4 и письма 1931, 1933, 1934), а также необходимость своего присутствия в Баден-Бадене, о которой он писал П. Виардо 17 (29) марта 1867 г. (№ 1946).

[3] Это письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[4] «Дым».

1953. Полине Виардо (с. 148 и 274)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 1, с. 166—167; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 133—134.

[1] Эти письма Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестны.

[2] Н. А. Кишинский.

[3] Правка корректуры и получение денег у Каткова связаны с печатанием в «Русском вестнике» романа «Дым».

[4] Чтение в пользу «галицких русинов» состоялось не в субботу 25 марта ст. ст., а в среду 29 марта ст. ст. (см. примеч. 5 к письму 1951 и письмо 1971).

[5] Об этом несостоявшемся чтении Тургенев упоминал и в письме к Анненкову от 25 марта ст. ст. 1867 г. (письмо 1962).

[6] Тургенев дал согласие прочесть первые пять глав из романа «Дым» на вечере в пользу Литературного фонда в Петербурге 30 марта ст. ст. 1867 г. Но в связи со своей болезнью Тургенев просил П. В. Анненкова отменить намеченное чтение (см. письмо 1962).

[7] Tremolo — музыкальный термин, означающий быстрое и многократное повторение одной и той же ноты или быстрое чередование двух не соседних звуков, производящее впечатление дрожания.

[8] Луиза Эритт-Виардо уехала из Баден-Бадена в Петербург только в 1868 г., получив приглашение преподавать пение в Петербургской консерватории.

[9] Музыкальным издателем Э. Жераром были выпущены в свет «Шесть мелодий» для скрипки с аккомпанементом фортепиано и другие сочинения Полины Виардо.

[10] Неизвестно, о каком стихотворении Н. Ленау пишет Тургенев, как неизвестен и романс П. Виардо на слова этого поэта.

1954. **Н. А. Кишинскому** (с. 151)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 10—11. На подлиннике пометы Кишинского: «Полу‹ч›. 26», «Отвеч. 28 ч‹исла›».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 193—195.

[1] Эти письма Кишинского неизвестны.

[2] Это письмо Н. Н. Тургенева неизвестно.

[3] Речь идет о прошении в Мценский уездный суд об уничтожении доверенности на управление имениями Тургенева, выданной им Н. Н. Тургеневу.

[4] Продажа Кадного Селезневу не состоялась.

1955. **И. П. Борисову** (с. 152)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 35—36.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 381.

[1] Это письмо Борисова неизвестно.

[2] См. письмо 1954, примеч. 2.

[3] Сохранились два письма Н. Н. Тургенева к Тургеневу, от 16 (28) и 18 (30) марта 1867 г., в которых он высказывает свое огорчение по поводу неприезда Тургенева в Спасское и жалуется на действия против него нового управляющего Кишинского (см. рукописный отдел музея «Абрамцево»).

[4] «Дым».

1956. **Полине Виардо** (с. 153 и 275)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «autorisée» («разрешено» — *франц.*), «à prendre» («взять» — *франц.*), «non» («нет» — *франц.*), «autorisée» («разрешено» — *франц.*), «copiée» («переписано» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с небольшими пропусками и неточностями) — Revue Bleue, 1906, № 17, 27 octobre, p. 516, VIII; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 11005,

1(14) ноября. Пропуски восстановлены, неточности исправлены П. Уоддингтоном: *New Z Sl J*, 1985, p. 59—60.

[1] Имеется в виду приезд из Капа (Южная Африка) Эрнеста Эритта.

[2] О чтении рассказа «История лейтенанта Ергунова» у Каткова см. письмо 1948.

[3] О болезни Н. А. Милютина см. письмо 1933 (к Полине Виардо) в наст. томе.

[4] Речь идет о чтении в пользу галицких русинов (см. об этом письмо 1951, примеч. 5).

1957. **М. Н. Каткову** (с. 155)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/29.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 51.

Датируется по содержанию — в письме идет речь о корректуре «Дыма» и десяти оттисках из «Русского вестника» (см. письмо 1953). Вряд ли письмо могло быть написано в следующий четверг — 30 марта (11 апреля) 1867 г., так как на другой день Тургенев уже выехал в Петербург.

1958. **П. В. Анненкову** (с. 155)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 12.

Подлинник неизвестен.

[1] Телеграмма Анненкова неизвестна.

[2] Речь идет о чтении отрывков из «Дыма» в Петербурге в пользу Литературного фонда (см. примеч. 4 к письму 1951).

[3] См. примеч. 5 к письму 1951.

1959. **Н. А. Любимову** (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1, л. 216.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 199—200.

Датируется по содержанию. Тургенев должен был читать отрывки из «Дыма» в пользу Литературного фонда в четверг, 30 марта (11 апреля) 1867 г. Предшествующая пятница приходилась на 24 марта (5 апреля). Письмо было написано утром и с нарочным доставлено адресату, который, по-видимому, сразу же ответил, так как в тот же вечер Тургенев посылает Любимову еще две записки, помеченные словами: «пятница, вечер» (см. письма 1960, 1961).

[1] Чтение, назначенное на 30 марта ст. ст., не состоялось в связи с болезнью Тургенева и было перенесено на 3 (15) апреля 1867 г.

[2] См. письмо 1958, примеч. 1.

[3] См. письмо 1960.

[4] «Отцы и дети» появились в февральском номере «Русского вестника» за 1862 г. Цензурное разрешение на отдельное издание романа было дано 27 июня (9 июля) 1862 г., но в свет он вышел только в начале сентября ст. ст. 1862 г.

1960. Н. А. Любимову (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 65.
Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*. с. 57.
Датируется по содержанию: 25 марта (6 апреля) 1867 г. должно было состояться публичное выступление Тургенева в пользу галичан в Москве (см. примеч. 5 к письму 1951).

¹ 24 марта (5 апреля 1867 г. Тургенев выслал по просьбе Анненкова рукопись первых пяти глав «Дыма», намеченных к чтению 30 марта (11 апреля) на вечере в пользу Литературного фонда в Петербурге. Этот вечер состоялся 3 (15) апреля 1867 г. (см. примеч. 4 к письму 1951).

1961. Н. А. Любимову (с. 157)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1, л. 218.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 200—201.
Датируется по содержанию. Обоснование датировки см. в примеч. к письму 1959.

¹ Речь идет об отдельном издании романа «Дым». Письмо Любимова к Тургеневу, в котором, по-видимому, разъяснялось, что желательный срок для выхода отдельного издания романа после появления его в журнале не 3, а 6 месяцев, неизвестно. Отдельное издание романа вышло в начале ноября ст. ст. 1867 г. (см. примеч. 10 к письму 1948).
² См. письмо 1964 и примеч. 7 к нему.
³ Возможно, речь идет о последовавшей 9 (21) марта 1867 г. смерти Г. Н. Любимова.
⁴ Речь идет о первой корректуре окончания романа. О какой ошибке пишет Тургенев — неясно.

1962. П. В. Анненкову (с. 157)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 13.
Подлинник неизвестен.

¹ См. примеч. 4 к письму 1951 и примеч. 1 к письму 1976.

1963. Н. А. Любимову (с. 158)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1, л. 219.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 201—202.
Датируется по содержанию. Суббота, в которую Тургенев должен был выступать с чтением глав из «Дыма», приходилась на 25 марта (6 апреля) 1867 г.

¹ Выступление Тургенева в пользу галичан (см. примеч. 5 к письму 1951).
² Катков посетил Тургенева 26 марта ст. ст. 1867 г. (см. письмо 1964 и примеч. 7 к нему).

1964. Полине Виардо (с. 158 и 276)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой

П. Виардо: «à lire» («прочитать» — *франц.*), «à copier» («переписать» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с некоторыми неточностями) — Revue Bleue, 1906, № 17, 27 octobre, p. IX; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 11005, 1 (14) ноября. На неточности публикации указано П. Уоддингтоном: *New Z Sl J*, 1985, p. 60.

[1] Выражение «климатерический год» образовано от древнегреческого слова «klimacter» — «ступень лестницы». Здесь имеется в виду учение Солона и Аристотеля о значении семилетней периодичности в жизни человека. Каждый седьмой год, утверждали греческие философы, существенно изменяет состояние человека и является ступенью в его восходящей или нисходящей лестнице жизни. Слово «climatérique» в этом значении вошло в словарь Французской Академии (изд. 6, 1835, т. 1, с. 330). О распространении этих воззрений в России и других странах см.: Шляпкин И. А. Возрасты человеческой жизни. (Из литературной истории человеческих понятий). СПб., 1909. Тургеневу в этом году исполнилось 49 лет (7×7). В «климатерические» годы верил герой рассказа «Стук... стук... стук!..» (1870) подпоручик Теглев: «Он даже верил в какие-то „климатерические“ годы, о которых кто-то упомянул при нем и значение которых он сам не понимал хорошенько» (наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 232).

[2] См. примеч. 5 к письму 1951.

[3] Клоди Виардо занималась рисованием и живописью.

[4] Чтение глав из романа «Дым» в пользу жителей Восточной Галиции, о котором идет речь, состоялось 29 марта (10 апреля) 1867 г. (см. письмо 1951, примеч. 5).

[5] По преданию, Иоанн Креститель большую часть своей жизни провел в пустыне отшельником, питаясь саранчой и диким медом.

[6] Из Москвы в Петербург Тургенев выехал 31 марта (12 апреля).

[7] При посещении Тургенева 26 марта ст. ст. 1867 г. Катков просил исключить из романа «Дым» главы об Ирине, опасаясь, что в них усмотрят сходство с историей фаворитки Александра II княжны А. С. Долгорукой (в замужестве — Альбединской). В следующем письме к П. Виардо Тургенев сообщил о пожелании Каткова смягчить «генеральские сцены» — сделать из генералов и «прочих господ — примерных граждан» (см. письмо 1968). Об изменениях в тексте романа вследствие «катковской цензуры» см.: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 524—527. Ряд купюр, сделанных в «Русском вестнике» по настоянию Каткова, Тургенев восстановил в отдельном издании романа в 1867 г. См. также письмо 1995, примеч. 8.

[8] См. письмо 1948, примеч. 4.

[9] Речь идет о строительстве виллы Тургенева в Баден-Бадене.

1965. М. Н. Каткову (с. 160)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 427, оп. 1, № 986, л. 76.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 204.

Датируется по следующим соображениям. Тургенев приехал в Москву в связи с печатанием «Дыма» 8 (20) марта 1867 г., а выехал оттуда обратно в Петербург 31 марта (12 апреля). В этом промежутке времени было три воскресения: 12 (24), 19 (31) и 26 мар-

та (7 апреля). Первое из них отпадает ввиду того, что чтение корректур «Дыма» началось лишь 16 (28) марта 1867 г. (см. письмо 1944). 19 (31) марта также приходится исключить, так как именно вечером в это воскресенье Тургенев был у Каткова — см. в письме 1947. Следовательно, письмо могло быть написано в воскресенье 26 марта (7 апреля) 1867 г.

[1] Тургенев просил прислать ему десять оттисков из «Русского вестника» с текстом романа «Дым» (см. также письмо 1957).

1966. **П. В. Анненкову** (с. 160)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 13.

Подлинник неизвестен.

[1] Чтение отрывков из «Дыма» в Петербурге состоялось 3 (15) апреля 1867 г., т. е. в понедельник (см. примеч. 4 к письму 1951).

[2] Имеется в виду тяжело протекавшая беременность Г. А. Анненковой.

[3] Это письмо Анненкова неизвестно.

1967. **С. В. Энгельгардт** (с. 161)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 574, оп. 1, № 59, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 205.

[1] Пелан д'Анжер был известен как переводчик Лермонтова. В 1858 г. он издал перевод «Демона» (Le Démon, poëme par Lermontoff, traduit en vers Français, par P. Pelan d'Angers, Dentu. Paris, 1858), а в 1866 г. выпустил сборник переводов из Лермонтова (Chefs-d'œuvres poétiques de Lermontoff, le poète du Caucase, traduits du Russe, en vers Français, par P. Pelan d'Angers. Paris, 1866), в который вошли поэмы: «Демон», «Хаджи Абрек». «Мцыри», «Ангел смерти» и десять стихотворений. Переводы Пелана были положительно оценены в русской и французской критике (см.: Шульц В. К. Лермонтов в переводе французских писателей. 1842—1875. СПб., 1882, с. 28—47).

[2] Речь идет о чтении в пользу галичан (см. примеч. 5 к письму 1951).

1968. **Полине Виардо** (с. 161 и 277)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «à lire» («прочитать» — *франц.*, зачеркнуто), «à copier» («переписать» — *франц.*), «copiée» («переписано» — *франц.*, подчеркнуто двумя чертами). Со слов «Cela ce gâte aussi...» до «...de plus ou de moins» и со слов «Je sais bien...» до «vous encouragera de continuer» в подлиннике отчеркнуто на полях, возможно, рукой П. Виардо.

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с небольшими пропусками и неточностями) — Revue Bleue, 1906, № 17, 27 octobre, p. 517—518, X; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 11005, 1 (14) ноября. Полностью (с некоторыми неточностями) опубликовано во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 147—148.

[1] См. примеч. 1 к письму 1964.
[2] См. примеч. 4 к письму 1953.
[3] См. письмо 1964, примеч. 7.
[4] См. письма 1941, 1944, 1949, 1974 и примеч. к ним.
[5] См. письмо 1933, примеч. 7.
[6] Речь идет о Всемирной выставке в Париже (см. письмо 1946, примеч. 6).
[7] Имеется в виду русско-прусский союз, заключенный Фридрихом-Вильгельмом и Александром I в 1813 году, когда, после разгрома французской армии в России, Наполеон готовился к новым захватническим войнам. В марте 1813 г. русские войска вошли в Берлин, а в апреле в Дрезден, однако уже в мае Наполеон открыл военные действия против Пруссии, которые завершились окончательным поражением Наполеона под Лейпцигом в октябре 1813 г., где против него, наряду с пруссаками, австрийцами и шведами, сражалась 180-тысячная русская армия.
[8] Тургенев имеет в виду июльскую революцию 1830 г. во Франции, укрепившую победу буржуазии. Бурбоны были свергнуты и королем был провозглашен Луи-Филипп.
[9] Тургенев, с большой антипатией относившийся к режиму Второй империи и Наполеону III, считал, что во франко-прусском конфликте Пруссия играет более прогрессивную роль, чем знаменитая своим революционным прошлым Франция. Начавшуюся в 1870 г. войну между ними Тургенев весьма преувеличенно трактовал как «войну цивилизации с варварами» (см. письмо к А. М. Жемчужникову от 17 (29) июля 1870 г.), однако вскоре после начала войны он, убедившись в не меньшей, чем французская, реакционности прусской политики, вместе с семьей Виардо покинул Баден-Баден и поселился на некоторое время в Англии. Об особом интересе Тургенева к этим событиям свидетельствуют его корреспонденции, появившиеся в русской прессе (см. наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 307—325, 564—574). Россия во время этой войны сохраняла нейтралитет.
[10] Очевидно, речь идет об издании французским музыкальным издателем Э. Жераром нового сборника романсов П. Виардо. Берлинский издатель, возможно Густав Бок, возглавлявший музыкальное издательство «Бот и Бок» (см. письмо 1934, примеч. 4).
[11] Тургенев имеет в виду постройку в Баден-Бадене собственной виллы, в которой он поселился в начале 1868 г.
[12] Тургенев выехал из Петербурга в Баден-Баден через Берлин 4 (16) апреля 1867 г.
[13] См. письмо 1971.
[14] См. примеч. 3 к наст. письму.

1969. Н. А. Кишинскому (с. 163)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 12—13. На подлиннике пометы Кишинского: «Полу⟨чил⟩ 7 апреля», «От⟨ветил⟩ 8 апре⟨ля⟩».

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 207—209.

[1] Указанные письма Кишинского неизвестны.
[2] См. письма 1941 и 1949. Упоминаемые в них письма к Н. Н. Тургеневу неизвестны.
[3] Опека не была допущена.
[4] Это письмо Тургенева неизвестно.

1970. Н. А. Любимову (с. 164)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1, л. 218 об.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 209.

Датируется по содержанию. 26 марта ст. ст. 1867 г. состоялась продолжительная беседа Тургенева с М. Н. Катковым по поводу романа «Дым» (см. письмо 1964). Первая среда после этой беседы (и последняя, так как во вторник 31 марта (12 апреля) Тургенев уехал из Москвы) приходилась именно на 29 марта (10 апреля) 1867 г.

[1] Тургенев, по-видимому, имеет в виду пагинацию рукописи. В «Русском вестнике» то место романа, о котором идет речь в письме, помещено на с. 45.

[2] См. примеч. 7 к письму 1964.

1971. Полине Виардо (с. 165 и 279)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «autorisée» («разрешено» — *франц.*), «oui» («да» — *франц.*), «à relire» («перечитать» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с некоторыми неточностями) — Revue Bleue, 1906, № 17, 27 octobre, p. 518—519, XI: в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 11005, 1 (14) ноября

[1] Тургенев пишет о своем выступлении с чтением «Дыма» в пользу галичан (см. примеч. 5 к письму 1951). Он читал главы IV («У Губарева», по его определению) и V (первая беседа Литвинова и Потугина).

[2] О чтении Тургеневым П. Виардо отрывков из романа «Дым» см. письмо 1897 и примеч. 4 к нему.

[3] См. письмо 1968.

[4] Действительно, в пятницу, 29 марта (12 апреля) Тургенев выехал из Москвы в Петербург.

[5] Очевидно, Тургенев имеет в виду изъятие из корректуры романа биографии Ратмирова (см.: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 525).

[6] Право на четвертое издание своих сочинений, вышедшее из печати в 1868—1871 гг., Тургенев продал Ф. И. Салаеву. «Литературные воспоминания», состоявшие тогда из «Вместо вступления» и очерков: «Литературный вечер у П. А. Плетнева» (впервые: *Рус Арх*, 1869, № 10), «Воспоминания о Белинском» (впервые: *ВЕ*, 1869, № 4), «Гоголь», «По поводу „Отцов и детей“», были опубликованы в виде предисловия к этому изданию. Для нового издания в 1874 г. Тургенев добавил к «Литературным воспоминаниям» еще два очерка: «Поездка в Альбано и Фраскати» и «Наши послали!», а весь цикл назвал «Литературными и житейскими воспоминаниями»; в издание сочинений 1880 г. ввел еще четыре: «Человек в серых очках», «Казнь Тропмана», «О соловьях» и «Пэгаз».

[7] Очевидно, Тургенев намекает на свои мнимые долги, о которых заявил ему Н. Н. Тургенев (см. письмо 2019).

[8] Речь идет о «Литературных и житейских воспоминаниях» — см. примеч. 6 к наст. письму.

[9] Печатать свои произведения Тургенев начал не в 1843 г., а в 1838 г. В 1843 г. вышла отдельным изданием его поэма «Параша», а в «Отечественных записках» было напечатано несколько стихотворений (см. наст. изд., Сочинения, т. 1).

[10] Знакомство Тургенева с П. Виардо состоялось 1 (13) ноября 1843 г.

[11] См. письмо 1964, примеч. 1.

1972. М. В. Авдееву (с. 167)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 440, л. 7—8.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1902, № 8, с. 284—285.

Стр. 168. он выглядит человеком из хорошей семьи *(франц.)*.

[1] Это письмо Авдеева неизвестно.

[2] См. примеч. 5 к письму 1951.

[3] См. письмо 1896 и примеч. 1 к нему.

[4] В ответном письме из Стерлитамака от 6 (18) мая 1867 г. Авдеев писал: «...жалею об одном, не попросил Вас прислать мне корректуру Вашего романа». Авдеев 19 июня (1 июля) 1867 г. писал, что в «Дыме» — «выполнение осталось прежнее и об ослаблении таланта нечего и думать, а сатирич⟨еская⟩ сторона его даже сильнее. Ирина, любовные сцены — Ваш конек — прелестны как всегда. Ирина — одна из счастливейше задуманных и выполненных Ваших женщин. Но интерес повести слабее предыдущих: в этом, впрочем, виновата ее эпоха: продолжая Ваш ряд романов, Вы должны были взять в герои политич⟨еского⟩ преступника или не брать никого и хорошо сделали, предпочтя последнее. Совершенно верно, что у Литвинова нет полит⟨ических⟩ убеждений — но от этого он и мало интересен, как и вся мужская половина. Но общий очерк эпохи совершенно верен и хорошо обрисован» (*Т сб*, вып. 1, с. 418—419).

[5] О разногласиях Тургенева с Катковым по поводу текста «Дыма» см. в письме 1976 и примеч. 7 к письму 1964.

[6] В ответном письме от 6 (18) мая 1867 г. Авдеев писал, имея в виду свой роман «Меж двух огней»: «Я первую часть романа совсем пересмотрел и мог бы печатать даже, так как она составляет нечто целое, но думаю отложить до конца 2-й части, за которую на досуге принимаюсь» (*Т сб*, вып. 1, с. 416).

[7] О встрече с Д. И. Писаревым Тургенев писал в «Литературных и житейских воспоминаниях», в главе «Воспоминания о Белинском» (см. наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 32—33). Подробности своего разговора с Писаревым, происходившего на квартире В. П. Боткина и в его присутствии, Тургенев рассказал Н. А. Островской (см.: *Т сб (Пиксанов)*, с. 94—95). В мемуарах П. П. Суворова (Записки о прошлом, ч. 1. М., 1898, с. 99—104) и П. К. Мартьянова (Встреча И. С. Тургенева с Д. И. Писаревым // *ИВ*, 1885, № 11, с. 415—419) обстоятельства встречи писателя с критиком освещены с явным стремлением выставить Тургенева в неприглядном виде.

1973. Н. А. Кишинскому (с. 168)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 14—15. На подлиннике пометы Кишинского: «Получ. 4 апреля», «От⟨в⟩. 8 апр.».

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 214—215.

[1] Указанные письма Кишинского неизвестны.

[2] Речь идет о продаже принадлежавшей Тургеневу земли в Елатомском уезде Тамбовской губернии.

[3] См. примеч. 3 к письму 1954.

1974. А. А. Фету (с. 170)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 23—24.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 116—117.

Стр. 170. лапидарным слогом (т. е. кратко и четко) *(нем.).*
Стр. 171. Мудрому довольно! *(лат.).*

[1] Тургенев неоднократно приглашал Фета погостить у него в Баден-Бадене, но Фет ни в этом, ни в последующие годы туда не приезжал.

[2] Стилистическая погрешность: следовало сказать «в яблоках». Об этом же он писал И. П. Борисову (см. письмо 1944).

[3] В мартовской книжке был напечатан «Дым», который Фету действительно не понравился (см. письмо 2053, примеч. 6).

[4] Речь идет об издании: Сочинения И. С. Тургенева (1844—1868), изд. братьев Салаевых. М., 1868—1871.

[5] Тургенев пишет о чтении отрывков из «Дыма» и «Истории лейтенанта Ергунова» (см. письма 1948, 1951, 1956).

[6] Н. А. Кишинского.

[7] Ср. письмо 1944, примеч. 3.

[8] 16 (28) марта 1867 г. В. П. Боткин писал Фету: «Иван Сер⟨еевич⟩ дает Ник⟨олаю⟩ Ник⟨олаевичу⟩ пенсию 1000 р. в год и кроме того дал ему еще прежде заемное письмо в 10 тысяч. И всем этим они еще недовольны!» (*Фет*, ч. 2, с. 115). Несмотря на то что Н. Н. Тургенев управлял имениями небескорыстно и нанес писателю большой материальный ущерб, И. С. Тургенев дал новому управляющему, Н. А. Кишинскому, инструкцию: принять «имения *так, как* захочет их сдать ему Ник⟨олай⟩ Ник⟨олаевич⟩» (там же, с. 119).

[9] В июне 1866 г. Я. П. Полонский женился вторым браком на Ж. А. Рюльман.

1975. Полине Виардо (с. 171 и 280)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 135—137; в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1. с. 186—187.

[1] В этот свой приезд в Петербург Тургенев остановился у В. П. Боткина.

[2] См. письмо 1976, примеч. 1.

[3] Тургенев действительно приехал в Баден-Баден в этот день. В Баден-Баден приезжие попадали с вокзала на речном трамвае, шедшем по реке Оос.

[4] Эта телеграмма Тургенева из Берлина неизвестна.

[5] После ликвидации в 1866 г. Германского союза Наполеон III начал в 1867 г. переговоры с нидерландским герцогом Вильгельмом III о приобретении герцогства Люксембург, входившего прежде в состав этого союза и оккупированного пруссаками. Возникла угроза войны между Пруссией и Францией. О разрешении этого конфликта см. примеч. 4 к письму 1990, примеч. 11 к письму 1995 и примеч. 2 к письму 2001.

[6] Тургенев предполагал, что Австрия, потерпевшая в 1866 г.

разгром в войне с Пруссией, может быть втянута в новую европейскую войну.

[7] Имеется в виду Всемирная выставка (см. примеч. 6 к письму 1946).

[8] Речь идет о романе «Дым» (см. примеч. 7 к письму 1964).

[9] Отдельное издание «Дыма» вышло в ноябре 1867 г. в издательстве бр. Салаевых. Значительная часть купюр, сделанных по требованию Каткова, в нем была восстановлена.

[10] Тургенев имеет в виду драмы «Дмитрий Самозванец» и «Грозный царь Иван Васильевич» Н. А. Чаева.

[11] См. письмо 1964, примеч. 1 и № 1968.

[12] Тургенев, очевидно, имеет в виду горячий прием, который устроила ему московская публика 29 марта и 2 апреля 1867 г. на публичных чтениях глав романа «Дым».

[13] См. письмо 1926, примеч. 6.

[14] Это письмо, возможно, не было написано.

[15] Письмо к Л. Виардо неизвестно.

1976. **И. И. Маслову** (с. 172)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 26.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 125—126.

[1] 3 (15) апреля 1867 г. Тургенев читал в Петербурге отрывки из романа «Дым» в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Отчет об этом чтении, происходившем в зале Бенардаки, появился в газете «Голос» в обзоре «Вседневная жизнь» (Голос, 1867, № 99, 9 (21) апреля). В корреспонденции сообщалось о большом успехе чтения: «Гром рукоплесканий встречал и провожал автора оба раза, когда он появлялся на эстраде и сходил с нее (чтение было разделено на две части). Читает г. Тургенев отлично».

1977. **Людвигу Пичу** (с. 173 и 281)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 208, 22. März; в русском переводе — *BE*, 1909, № 5, с. 136. Вновь опубликовано: в оригинале — *Pietsch*, S. 41—42; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 54—55.

1978. **Н. А. Кишинскому** (с. 174)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 16—17. На подлиннике пометы Кишинского: «Пол. 10 апр.», «От⟨в⟩. 16 апр.».

Впервые опубликовано: отрывок — *Рус Мысль*, 1913, № 11, с. 117 (с неверной датой); полностью — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 218—220.

[1] Это письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[2] Письмо это понадобилось Тургеневу как материал для рассказа «Бригадир», над которым он работал в то время (см. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 432—433). О находке интересовавшего писателя письма см. письмо 1995, примеч. 6. Ныне местонахождение письма неизвестно.

[3] Письма Е. Т. Сливицкой к Тургеневу не сохранились.

1979. К. К. Случевскому (с. 175)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ. 151.1326.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 7, с. 324, с ошибочной датой — 8 апреля и без указания года.

Датируется 3 (15) апреля 1867 г. Год написания устанавливается по содержанию и по сопоставлению указанных Тургеневым числа и дня недели: в период, когда местом постоянного жительства Тургенева был Баден-Баден, 3 апреля ст. ст. приходилось на понедельник только в 1867 г.

[1] См. примеч. 1 к письму 1976.

[2] Встреча Тургенева со Случевским состоялась (см. письмо 1985).

1980. В. П. Боткину (с. 175)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60969.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 260—261.

Стр. 176. репортера *(нем.)*.

[1] Речь идет о Людвиге Пиче.

[2] См. примеч. 5 к письму 1975.

[3] Тургенев имеет в виду речь прусского короля, произнесенную им 5 (17) апреля 1867 г. в Берлине при закрытии северогерманского парламента.

1981. В. П. Боткину (с. 176)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60970.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 261—262.

[1] См. письмо 1975, примеч. 5.

[2] Палатинат (Пфальц) — княжество. По решениям Венского конгресса 1814—1815 гг. большая часть Рейнского Палатината отошла к Баварии, а меньшая была разделена между Пруссией, Баденом и Гессеном.

1982. Н. А. Кишинскому (с. 177)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 18. На подлиннике пометы Кишинского: «Полу⟨ч⟩. 20 апре⟨ля⟩», «Отве⟨ч⟩. 25 апреля».

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 222—223.

[1] См. письмо 1995, примеч. 6.

1983. Людвигу Пичу (с. 177 и 281)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 208, 22. März; в русском переводе — *ВЕ*, 1909, № 5, с. 137, с сокращениями. Вновь опубликовано: в оригинале — *Pietsch*, S. 42; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 55.

[1] См. письмо 1975, примеч. 5.

[2] В июне 1866 г. Баденское герцогство участвовало в прусско-австрийской войне на стороне Австрии, но после побед Пруссии в Богемии и на Майне 22 июля н. ст. 1866 г. 39 депутатов баденского ландтага обратились с адресом к баденскому герцогу, настаивая на прекращении войны и присоединении к Пруссии (см. письмо 1847).

1984. **П. В. Анненкову** (с. 178)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 13—14.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1980.

[2] См. примеч. 5 к письму 1975.

[3] В письме к Боткину от 6 (18) апреля 1867 г. Тургенев отмечал, что общественное мнение в Пруссии было «очень настроено против французов и Наполеона» (письмо 1980).

[4] Об откликах на чтение см. примеч. 1 к письму 1976.

[5] Речь идет о рассказе «Бригадир».

1985. **Н. Н. Рашет** (с. 179)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 33—34.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 702—703.

[1] Имеется в виду возвращение Тургенева из России.

[2] См. примеч. 5 к письму 1975.

[3] Об этой встрече см. записку Тургенева к К. К. Случевскому от 3 (15) апреля 1867 г. (№ 1979).

[4] М. Н. Похвиснев возглавлял Главное управление по делам печати.

[5] Брак К. К. Случевского с Рашет не состоялся.

[6] Это письмо Рашет неизвестно.

1986. **П. В. Анненкову** (с. 180)

Печатается по тексту первой публикации: *Боткин и Т*, с. 317—318.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1984.

[2] Боткин писал Тургеневу 23 апреля (5 мая) 1867 г.: «Анненков сообщил мне твое письмо к нему для выполнения поручения» (*Боткин и Т*, с. 262).

[3] В том же письме Боткин указывал: «Я справлялся у Краевского о повести, написанной молодой и хорошенькой дамой ⟨О. Д. Нелидовой⟩,— и узнал, что „Русалка“ отвергнута. Краевский предлагал мне получить обратно рукопись,— но я не взял ее, не имея на то твоего предписания» (*Боткин и Т*, с. 262).

[4] См. письмо 1988.

[5] «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева (тома XI и XII вышли в свет в 1861 и 1862 гг.).

1987. Н. А. Кишинскому (с. 181)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 19—20. На подлиннике пометы Кишинского: «Полу⟨ч⟩. 25 а⟨пр⟩.», «Отв. 29 апр.».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 227—228.

[1] Письмо Кишинского неизвестно.

[2] Речь идет о письмах, полученных Кишинским позднее (см. письмо 1993).

[3] Это письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[4] Доверенность на имя Кишинского, см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 31 (с. 224).

[5] Мценским уездным предводителем дворянства в то время действительно был В. А. Шеншин.

1988. В. П. Боткину (с. 182)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60971.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 264—265.

[1] Николай Алексеевич — Милютин.

[2] Заседание Палат 17 (29) апреля 1867 г. было открыто лично прусским королем, который произнес тронную речь, содержавшую уверение, что прусское правительство будет стремиться всеми средствами «избегать всякого нарушения мира в Европе» (Голос, 1867, 19 апреля (1 мая), № 107).

[3] В письме от 23 апреля (5 мая) 1867 г. Боткин сообщал Тургеневу, что по его поручению подписался для него на газету «Голос», а «на „Петербургские ведом.“ подписаться не решился, по крайней ничтожности, в которую они превратились» (*Боткин и Т*, с. 263). В. Ф. Корш в это время был редактором «С.-Петербургских ведомостей».

1989. Полине Брюэр (с. 183 и 282)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 133.

Впервые опубликовано: *Séménoff*, p. 175.

[1] Тургенев имеет в виду назревавший конфликт между Пруссией и Францией (см. примеч. 5 к письму 1975).

[2] 2 (14) июня 1867 г. Тургенев выехал из Баден-Бадена в Париж на Всемирную выставку, где собирался пробыть не более 3 дней, а затем навестить дочь в Ружмоне. Узнав о предполагавшейся поездке Полинетты в Париж, Тургенев изменил свой первоначальный план и встретился с ней в Париже.

[3] Тургенев имеет в виду французского архитектора Олива.

1990. Максиму Дюкану (с. 183 и 282)

Печатается по машинописной копии, предоставленной А. Мазоном: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 173.

Подлинник хранится в Библиотеке Французского Института (Institut de France) в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*,

т. 31-32, с. 668; во французском оригинале — Revue de Littérature comparée, 1947, № 4, p. 568—569.

[1] Перевод романа Дюкана «Утраченные силы» с предисловием Тургенева опубликован: Собрание иностранных романов и рассказов в переводе на русский язык, издаваемое Е. Н. Ахматовой. СПб., 1868, т. 1. Тургенев договорился об этом с издательницей во время приезда в Петербург в марте 1867 г. (см. письмо к П. В. Анненкову от 7 (19) октября 1867 г.— наст. изд., Письма, т. 8).

[2] Тургенев закончил предисловие к роману Дюкана лишь в октябре 1867 г. и с письмом от 7 (19) октября переслал Анненкову с просьбой передать его Е. Н. Ахматовой. См. наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 346—350, 586—589.

[3] Намерение относительно своего лечения в Вильдбаде Тургенев не осуществил.

[4] В урегулирование конфликта между Пруссией и Францией вмешались почти все европейские страны. Правительства Пруссии и Франции согласились на предложение Австрии, Англии и России созвать Лондонскую конференцию по Люксембургскому вопросу (см. примеч. 5 к письму 1975 и примеч. 11 к письму 1995).

1991. Ег. П. Ковалевскому (с. 184)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 438 (Литературного фонда), т. 16, л. 326.

Впервые опубликовано: Голос, 1867, № 160, 12 июня, с. 1—2.

[1] 3 (15) апреля 1867 г. Тургенев читал в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым отрывки из романа «Дым» (см. примеч. 1 к письму 1976). Ег. П. Ковалевский обратился к Тургеневу с письмом, текст которого сохранился в архиве Комитета Литфонда.

«М. Г. Иван Сергеевич!

Комитет искренне, от души благодарит Вас именем Общества за вечер 3 (15) апреля. Ваш симпатический голос живо перенес нас в другое время когда Вы, будучи членом Комитета, принимали деятельное участие в его занятиях. Публика была видимо тоже под обаянием Вашего чтения, воспроизводившего с таким неподражаемым мастерством все даже едва уловимые черты Вашего художественного рассказа. Не избалованная благородным стилем современного художественного творчества, тонкою, изящною отделкою литературных произведений, она тоже вспоминала другое время, которого Вы теперь единственный и достойнейший представитель.

Вечер 3 (15) апреля принес Обществу 750 руб. Но для его значения несравненно важнее, что блистательный успех Вашего чтения связан с именем Общества.— Этим Вы оказали ему услугу, которую оно вполне оценит и не забудет долго.

Примите выражение чувств моего глубокого к Вам уважения и душевной преданности и признательности» (*ГПБ*, ф. 438, т. 16, л. 311).

[2] В состав Комитета Литературного фонда в 1867 г. входили частично те же лица, что и в 1859—1860 гг., когда Тургенев принимал деятельное участие в работе первого Комитета: Ег. П. Ковалевский, К. Д. Кавелин, А. Д. Галахов, П. В. Анненков, Е. И. Ламанский. Тургенев состоял членом Комитета Литературного фонда с ноября 1859 по февраль 1863 г., с февраля 1864 по февраль 1866 г. и с февраля 1880 по февраль 1883 г.

1992. Морицу Гартману (с. 185 и 283)

Печатается по подлиннику: Венская городская библиотека (Wiener Stadtbibliothek), № 48762. Фотокопия — в *ИРЛИ.*

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 232—233.

[1] Поездка Тургенева в Россию в начале 1867 г. была связана с передачей управления его имениями от Н. Н. Тургенева Н. А. Кишинскому.

[2] См. примеч. 5 к письму 1975 и примеч. 4 к письму 1990.

[3] В переводе на французский язык роман появился в журнале «Le Correspondant» в июле — ноябре 1867 г. (см.: Горохова Р. М. «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа // *Т сб*, вып. 5, с. 250—261. См. также письма Тургенева к А. П. Голицыну и Ж. Этцелю — наст. изд., Письма, т. 8).

[4] См. письмо 1914, примеч. 9.

[5] «История лейтенанта Ергунова» была опубликована: *Рус Вестн*, 1868, № 1.

[6] С января 1867 г. «Allgemeine Zeitung» (Аугсбург) начала издавать для иностранных читателей еженедельник — «Wochenausgabe» (у Тургенева ошибочно «A. A. Wochenschrift»), который редактировал М. Гартман (см. примеч. 2 к письму 1914); в № 12 (21 марта) и № 13 (28 марта) были напечатаны «Erinnerungen an Alt-München» («Воспоминания о старом Мюнхене») Людвига Валесроде.

1993. Н. А. Кишинскому (с. 186)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 22—23. На подлиннике пометы Кишинского: «Полу⟨ч⟩. 27», «Отве⟨ч⟩. 1 мая».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 233—234.

[1] См. письмо 1987, примеч. 2.

[2] Речь идет о письме 1987 и о не дошедших до нас письмах Кишинского к Тургеневу и Тургенева к Н. Н. Тургеневу.

[3] См. письмо 1995, примеч. 6.

1994. П. В. Анненкову (с. 187)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 14—15.

Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Тургенева к М. Н. Каткову неизвестно.

[2] О высылке десяти оттисков романа «Дым» Тургенев просил Каткова в письмах 1957 и 1965.

[3] В. П. Боткина.

[4] Речь идет о кабинете для чтения в Баден-Бадене.

[5] «Глухая нетовщина» — та часть старообрядческого «спасова согласия», последователи которой за совершением таинств — крещения и венчания обращались в православную церковь, считая ее все же «еретической». Тургенев использует термин «глухая нетовщина» для характеристики неопределенности получаемой им информации из России.

[6] Франко-прусская война началась значительно позже — 19 июля 1870 г.

1995. П. В. Анненкову (с. 188)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 15—16.

Подлинник неизвестен.

Стр. 188. свободу действий (*франц.* Буквально: белая карта).

[1] Письмо Анненкова к Тургеневу от 19 апреля 1867 г. неизвестно.

[2] Речь идет о В. П. Боткине (см. письмо 1988, примеч. 3).

[3] Н. А. Кишинский с января 1867 г. стал управляющим имениями писателя сменив Н. Н. Тургенева, в ответ на это подавшего к взысканию безденежные векселя. Это письмо Кишинского к Тургеневу неизвестно.

[4] Это письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[5] См. письмо 987.

[6] Имеется в виду подлинное письмо к матери писателя (В. П. Тургеневой) «бригадира» — П. Н. Козлова, одного из поклонников ее близкой родственницы (см. письмо 1978, примеч. 2). О том, как Тургенев воспользовался им при работе над рассказом «Бригадир», Н М. Гутьяр писал: «В этом документе изменены только имена; но необычайные факты, сообщаемые рассказом, и жестокие характеры лиц ломовского (лутовиновского) семейства являются ⟨. . .⟩ не вымышленными и не прикрашенными» (Г у т ь я р Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907, с. 15—16).

[7] «Бригадир» впервые опубликован: *ВЕ*, 1868, № 1.

[8] Так, например, в отдельном издании «Дыма» в главу V Тургенев сделал большую вставку, в которой содержится мысль о сближении России с Западной Европой; в главе XXV появился абзац, начинающийся словами: «Прощайте, Григорий Михайлович...»

[9] Письма Анненкова с отзывами о романе «Дым» неизвестны. Статья Анненкова «Русская современная история в романе И. С. Тургенева „Дым“» появилась в «Вестнике Европы» (1867, № 6).

[10] Писарев высказал свои суждения о романе «Дым» в письме к Тургеневу от 18 (30) мая 1867 г. (см.: П и с а р е в, т. 4, с. 423—425).

[11] По-видимому, Тургенев имеет в виду конференцию в Лондоне, первое заседание которой происходило 25 апреля (7 мая) 1867 г. В результате ее 11 (23) мая 1867 г. был подписан договор восьми держав (России, Австрии, Бельгии, Англии, Италии, Нидерландов, Пруссии и Франции) о нейтралитете великого герцогства Люксембург. Он положил конец политическому кризису, угрожавшему войной между Пруссией и Францией.

[12] Письмо 1991.

1996. Н. А. Кишинскому (с. 189)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 24—25. На подлиннике помета Кишинского: «Отв. 16 мая».

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Отчет ПБ за 1894 год*, с. 35—36; полностью — *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 237.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] См. письмо 2019.

1997. **Максиму Дюкану** (с. 191 и 284)

Печатается по машинописной копии, предоставленной А. Мазоном: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 173.

Подлинник хранится в Библиотеке Французского Института (Institut de France) в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*, т. 31-32, с. 669; во французском оригинале — Revue de Littérature comparée, 1947, № 4, p. 569—570.

[1] Речь идет о портрете Mme J. P.— Жанны Поме, жены художника, который находился на выставке 1867 г. в Париже (см.: *Лит Насл*, т. 31-32, с. 669).

[2] Дюкан кратко упомянул о Л. Поме в своей статье «Le Salon de 1867»: «Между тем, надо сказать, что гг. Родаковский, Каплинский, Поме и Кабанель выставили превосходные портреты» (Revue des Deux Mondes, 1867, 1 juin, p. 654).

1998. **Н. А. Кишинскому** (с. 191)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 26—27. На подлиннике помета Кишинского: «Отвечал 16 мая».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 240—241.

[1] В Жиздринском уезде Калужской губернии И. С. Тургеневу принадлежали семь имений в деревнях: Грибовка — Погорельцы тож, Милеево, Новики — Долотово тож, Белый Холм — Казаки тож, Верхний Студенец, Березовка, Красниково.

[2] См. письмо 2019.

[3] См. письмо 1995, примеч. 6.

[4] Имеется в виду только что вышедший роман «Дым».

1999. **П. В. Анненкову** (с. 192)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 16—17.

Подлинник неизвестен.

[1] Об обстоятельствах, в которых находился К. К. Ахенбах, см. письмо 2000.

2000. **Е. Е. Ламберт** (с. 193)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 139.

Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 183—184.

[1] Письмо К. К. Ахенбаха к Тургеневу неизвестно. Позднее Ахенбах вновь писал Тургеневу о своих затруднениях, и писатель помог ему (см. наст. изд., Письма, т. 8, № 2034).

[2] Речь идет о романе «Дым».

2001. **И. И. Маслову** (с. 194)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 54.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 126 (с неточностями); полностью с исправлением неточностей — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 243—244.

[1] В «Московских ведомостях» за 1867 г. (№ 121, 3 июня) было опубликовано «Заявление благодарности» следующего содержания: «По случаю оставления моим дядей, отставным гвардии штаб-ротмистром Николаем Николаевичем Тургеневым, управления моими имениями, вменяю себе в приятный долг публично заявить ему мою совершенную признательность и благодарность за его вполне бескорыстную одиннадцатилетнюю деятельность и примерные труды, понесенные им в течение этого времени. Коллежский секретарь Иван Тургенев».

[2] Имеется в виду вывод прусских войск с территории Люксембурга, снявший угрозу войны между Пруссией и Францией (см. письмо 1975, примеч. 5).

2002. Максиму Дюкану (с. 195 и 284)

Печатается по машинописной копии, предоставленной А. Мазоном: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 173.

Подлинник хранится в Библиотеке Французского Института (Institut de France) в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*, т. 31-32, с. 670; во французском оригинале — Revue de Littérature comparée, 1947, № 4, p. 571.

[1] По-видимому, Дюкан выслал необходимые материалы, так как в предисловии к роману «Утраченные силы» Тургенев касается разных сторон творческой деятельности Дюкана: упоминает его ранние поэтические произведения, романы, ежегодные отчеты о парижских художественных выставках (см. наст. изд., Сочинения, т. 10, с 346—350). Предисловие было закончено и отослано 7 (19) октября 1867 г. (см. примеч. 1 и 2 к письму 1990).

2003. Морицу Гартману (с. 195 и 284)

Печатается по подлиннику: Венская городская библиотека (Wiener Stadtbibliothek), № 48763. Фотокопия — в *ИРЛИ*.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 245—246.

[1] См. примеч. 2 к письму 2001.

[2] Весной 1867 г. у Тургенева некоторое время жила со своим ребенком старшая дочь П. Виардо — Луиза Эритт.

[3] Статья Гартмана «Ivan Tourgenew» была опубликована в «Ergänzungsblätter zur Kenntniss der Gegenwart», Hildburghausen, 1868, 3. August, 6. Heft, S. 341—343.

[4] В русских газетах и журналах в середине 1860-х годов печаталось немало статей о Тургеневе. Ко времени написания данного письма вышли следующие: М. А. Антоновича — «Лжереалисты» и «Современные романы» (*Совр*, 1864, № 1 и 4), Г. Е. Благосветлова — «Ответ „Современнику"» (*Рус Сл*, 1864, № 10), Д. И. Писарева — «Нерешенный вопрос» (там же, 1866, № 9—12). Биографические статьи о Тургеневе печатались ранее: «Портрет и биография И. С. Тургенева» (Русский художественный листок, 1857, № 34), А. Н. Бекетова — «И. С. Тургенев. Биографический очерк» (Вестник естественных наук, 1860, № 18).

[5] Статья Ламартина «Iwan Turguéneff» была напечатана в 1866 г. в томе 22 его «Cours familier de littérature», в двух «беседах» (entretiens) — CXXXI—CXXXII (p. 237—378), и в 1867 г. в томе

23, в беседе CXXXIII (p. 5—79). В 1872 г. после смерти писателя статья была переиздана со значительными сокращениями в томе III его «Souvenirs et potraits» (p. 339—345). Из 12 параграфов беседы CXXXI в этой статье сохранились только 7; две остальные беседы были исключены, так же как и пересказы и переводы «Двух приятелей», «Муму», «Постоялого двора», «Бурмистра», «Дворянского гнезда», «Поездки в Полесье» и других произведений Тургенева.

Оценка статьи издания 1866 г. в настоящем письме совпадает с оценкой статьи издания 1872 г. В письме от 5 (17) октября 1872 г. к Анненкову, который был возмущен фактическими ошибками, допущенными французским писателем, Тургенев называл статью «ламартиновской нелепостью». В то же время М. М. Ковалевский в своих воспоминаниях о Тургеневе утверждал, что Тургенев считал, что во Франции его литературной репутации «более всего содействовал ⟨. . .⟩ Мериме, а за ним Ламартин» (*Мин Г*, 1908, № 8, с. 14). Эти противоречивые на первый взгляд высказывания на самом деле согласуются друг с другом. Статья Ламартина многочисленными фактическими ошибками производила неприятное впечатление; однако высокие похвалы таланту Тургенева и целый ряд верных суждений об особенностях его творчества несомненно были ему приятны. Эта статья, содержавшая первую биографию Тургенева на французском языке, способствовала популяризации писателя на Западе в конце 1860-х и в начале 1870-х годов (см.: А л е к с е е в М. П. Мировое значение «Записок охотника» // *Орл сб*, 1955, с. 68—73).

[6] Тургенев имеет в виду написанные им в период 1864—1867 гг. рассказы: «Довольно», «Собака», «История лейтенанта Ергунова» и роман «Дым».

[7] T o u r g u é n e v I. Pères et enfants. Avec une préface de P. Mérimée. Charpentier, Paris, 1863.

[8] Речь идет о рождении у Е. Н. Орловой ребенка.

2004. А. И. Герцену (с. 196)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 90—91.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 190—191.

Стр. 196. «жребий брошен» *(лат.)*.

[1] «Alea jacta est» («жребий брошен») — слова, произнесенные Юлием Цезарем при переходе через Рубикон. В письме к О. А. Тургеневой от 20 мая, 3 июня ст. ст. 1856 г. Тургенев, приведя это выражение, писал: «...как говаривал Ламартин перед каждою своею глупостью в 1848-м году...» (см. наст. изд., Письма, т. 3, с. 102, 478; см. также о Ламартине по указателю имен в т. 3 Писем). Писатель имел в виду частые выступления Ламартина с пышными речами в Национальном собрании.

[2] Роман «Дым».

[3] В письме от 10 апреля н. ст. 1864 г. Герцен писал Тургеневу: «В твой последний приезд я видел, что мы разошлись (хотя в самом деле особенной близости между нами никогда и не было)...» (*Герцен*, т. 27, кн. 2, с. 454). После этого письма дружеские отношения между ними были прерваны и возобновились только в середине 1867 г.

[4] Речь идет о лицах, внесших деньги в фонд помощи русским

солдатам, раненным во время польского восстания (1863 г.). За этот поступок Герцен упрекал Тургенева в письме от 10 апреля н. ст. 1864 г.: «Вскоре твое имя явилось в числе подписчиков на раненых. Не только дать два золотых, но двести не грех — но дать *свое имя* на демонстрацию, в то время когда ясно обозначился период Каткова и Муравьева — не из самых цивических поступков, особенно когда он идет от человека, который никогда (кроме двух недель на Isle of Wight) не мешался в политику» (*Герцен*, т. 27, кн. 2, с. 454).

[5] Вероятно, имеется в виду жалоба Герцена на то, что Тургенев, встретившись с ним в парижском музее — Лувре, якобы «отвернулся от него» (*Т сб (Пиксанов)*, с. 76).

[6] Речь идет о заметке, посвященной литературному чтению, в котором Тургенев должен был принять участие (см.: *Моск Вед*, 1867, № 64, 21 марта). В связи с этой заметкой Герцен писал в «Колоколе»: «„*Наш* дорогой гость *И. С. Тургенев*“, говорят „Моск⟨овские⟩ ведомости“, будет читать в пользу галичан отрывок из своего „Дыма“. Мы уверены, что И. С. Тургенев будет протестовать против титула „дорогого гостя“ „Моск⟨овских⟩ ведомостей“. Его благородная и энергичная оценка полицейской редакции этого органа служит нам залогом» (*Герцен*, т. 19, с. 242).

[7] Об этом, упрекая Тургенева в отсутствии гражданского мужества, писал П. В. Долгоруков в своей книге «Mémoires du prince Pierre Dolgoroukov» (Gèneve, 1867, t. 1, p. 336). Позже выпады против Тургенева из запрещенной в России книги Долгорукова повторил в одном из своих фельетонов А. С. Суворин (*СПб Вед*, 1868, № 183, 7 июля). 9 июля 1868 г. Тургенев направил редактору газеты возмущенное письмо, которое и было 10 июля напечатано (см.: *Т, ПСС и П*, Сочинения, т. XV, с. 147—148, 368—369; наст. изд., Письма, т. 9; см. также примеч. 11 к письму 2015).

[8] Тургенев иронически называл Герцена «славянофилом» и «патриотом» за его веру в сельскую общину, сказавшуюся в «Концах и началах» и во многих других произведениях. Спор Тургенева с Герценом по этому вопросу (см. письма Тургенева к Герцену за 1862—1863 гг.: наст. изд., Письма, т. 5) нашел художественное воплощение в романе «Дым». См. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 510; примечания Л. А. Ивановой к статье Герцена «Концы и начала».— *Герцен*, т. 16, с. 403—407. См. также: Винникова И. И. С. Тургенев в шестидесятые годы. Саратов, 1965, с. 31—52; Муратов А. Б. И. С. Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы). Л., 1972, с. 37—107; Радек Л. С. Герцен и Тургенев. Литературно-эстетическая полемика. Кишинев, 1984, с. 97—163; Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев. Творческий диалог. Л.: «Наука», 1987, с. 108—119.

[9] «Гейдельбергскими арабесками» Тургенев называл главы «Дыма», посвященные изображению Губарева и его кружка. По мнению некоторых исследователей, замысел этих глав был тесно связан с отрицательным отношением Тургенева к Огареву и его социалистической пропаганде в «Колоколе», что привело к памфлетному отождествлению Губарева и Огарева (см., например: *Мазон*, с. 89; см. также комментарий Ю. Г. Оксмана в издании: *Т, Соч*, т. 9, с. 419, 421). С 1947 г. известна иная точка зрения на этот вопрос, выдвинутая Г. А. Бялым, который, не отрицая «памфлетных намерений» Тургенева в пору создания списка действующих лиц романа (1862 г.), в то же время настаивает на том, что, в конечном итоге, «в губаревских эпизодах речь идет не о лондонской, а о

гейдельбергской эмиграции», для большинства которой был характерен «показной», в сущности говоря, мнимый «герценизм» (см.: Бялый Г. А. «Дым» в ряду романов Тургенева // Вестн. Ленингр. ун-та, 1947, № 9, с. 88—102; Муратов А. О «гейдельбергских арабесках» в «Дыме» И. С. Тургенева // Рус. лит., 1959, № 4, с. 199—202; Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962, с. 185, 186; Муратов А. Б. И. С. Тургенев после «Отцов и детей» Л., 1972, с. 124—144; Винникова И. А. Вновь о «гейдельбергских арабесках» // Проблемы формирования реализма в русской и зарубежной литературе XIX—XX веков. Саратов, 1975, с. 17—36). Герцен ответил Тургеневу 19 мая н. ст. 1867 г.: «Гейдельбергские арабески не знаю» (*Герцен*, т. XXIX, кн. 1, с. 102). Ознакомившись с «Дымом», Огарев написал эпиграмму:

Я прочел ваш вялый «Дым»
И скажу вам не в обиду —
Я скучал за чтеньем сим
И пропел вам панихиду.

«Судя по характеру эпиграммы,— отмечается в комментариях к ней,— Огарев не усмотрел себя в образе Губарева, рассматривавшемся исследователями как карикатура на Огарева» (*Лит Насл*, т. 61, с. 594, 601).

[10] Речь идет о конфликте между Герценом и частью молодых представителей русской революционной эмиграции (А. А. Серно-Соловьевичем, М. К. Элпидиным, Н. И. Утиным и др.), которых Тургенев называл здесь «рефюжиэ» (от франц. «réfugier»). Наиболее яркое выражение конфликт получил в брошюре А. А. Серно-Соловьевича «Unsere Russischen Angelegenheiten» (1867), в отказе Герцена выдать молодым эмигрантам «бахметевский фонд» и тому подобных фактах. Наряду с так называемым расколом в нигилистах (полемикой между «Современником» и «Русским словом» в 1865 г.) это наиболее острый конфликт внутри русского демократического лагеря этой эпохи. Герцен посвятил ему большой раздел в последнем томе «Былого и дум». См. исследование Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и молодая эмиграция» (Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, с. 483—577, 534—554).

[11] Поперсифлируй — от франц. «persifler» (насмехаться, осмеивать). В ответном письме от 19 мая н. ст. 1867 г. Герцен сообщал: «Семья моя так себе. Я недавно из Италии. Мой сын адъюнктом у Шиффа, Тата и Ольга во Флоренции — они цветут, и я всеми очень доволен» (*Герцен*, т. 29, кн. 1, с. 103).

[12] Неточная цитата из «Евгения Онегина». У Пушкина:

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!
(Глава вторая, строфа XXXIX).

2005. Н. А. Кишинскому (с. 197)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 28—29. На подлиннике помета Кишинского: «Отве⟨ч⟩. 21 мая».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 247—248.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] См. примеч. 1 к письму 2001.

[3] Речь идет, вероятно, о мировом посреднике по Малоархангельскому уезду Орловской губернии, штабс-капитане Николае Языкове.

[4] Речь идет о книге, присланной автором в Спасское: Пинто М. Исторические очерки итальянской литературы, извлеченные из лекций, читанных в имп. Санктпетербургском университете. Данте и его век. СПб., 1866. Книга эта сохранилась в библиотеке Тургенева и в настоящее время находится в Гос. музее И. С. Тургенева в Орле. См.: Алексеев М. П. Микельанджело Пинто. Несколько данных к его характеристике по русским источникам // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983, с. 396—413.

[5] Это письмо неизвестно. О «детских деньгах» см. в письме 2019.

2006. **Н. А. Кишинскому** (с. 199)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 30—31. На подлиннике помета Кишинского: «Отв. 21 мая».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 249—250.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] Вероятно, помещик Кромского уезда Орловской губернии Николай Римский-Корсаков. Холодово — имение Тургенева в Кромском уезде Орловской губернии.

[3] Речь идет об имениях Тургенева в деревнях Почково, Истлеево и Сасово Елатомского уезда Тамбовской губернии.

2007. **П. В. Анненкову** (с. 200)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 17—18.

Подлинник неизвестен.

Стр. 200. я обладаю покладистым нравом *(франц.)*.
Стр. 200. вестей нет — хорошие вести *(франц.)*.
Стр. 201. образцовое произведение *(франц.)*.

[1] Письмо Анненкова, о котором идет здесь речь, неизвестно. Тургеневу был послан фельетон «Недельные очерки и картинки» Незнакомца (А. С. Суворина), в основном посвященный разбору «Дыма». Суворин находил, что «роман этот крупное общественное событие». Далее он писал о том, что «немногословные, но резкие характеристики разных представителей fine fleur'a принадлежат к прекрасным страницам русской художественной сатиры», а «губаревская демократия, подобно аристократии, говорит, спорит, кричит „о значении, о будущности России“... бездоказательно, безвыходно». В заключение Суворин задавал вопрос: «... где идеалы, в чем пафос романа?» Отвечая самому себе, он писал о том, что настоящий герой романа Тургенева — не Литвинов, а «европейская цивилизация» (*СПб Вед*, 1867, 30 апреля (12 мая), № 117).

[2] См. примеч. 3 к письму 1988.

[3] Речь идет об анонимной рецензии, появившейся в газете «Голос» (1867, № 124, 6 (18) мая). Автор ее упрекал Тургенева за то, что в «Дыме», изобразив пустоту как высшего общества, так и гу-

баревского кружка, писатель не показал, в чем же «спасительный исход». В заключение он писал: «Не с любовью глядит г. Тургенев на Россию „из своего прекрасного далека“, презрением мещет он в нее оттуда!.. Россия еще не так дурна, как изображает ее теперь г. Тургенев...»

[4] Так как Краевский был редактором не только «Отечественных записок», но и «Голоса», Тургенев, естественно, сомневался в возможности публикации в его журнале своего рассказа «Бригадир» после появления в газете весьма критической рецензии на «Дым» (см. выше, примеч. 3). «Бригадир» был напечатан в первой книжке «Вестника Европы» за 1868 г.

[5] «Отец Ирины» — «вялый и глуповатый» князь Осинин, с которым Тургенев шутливо сравнивает себя (см. «Дым», гл. VII).

[6] Д. И Писарев дважды навестил Тургенева в Петербурге в начале марта 1867 г. (см. примеч. 7 к письму 1972).

[7] Н. А. Милютин с женой жил в то время, в связи с необходимостью лечения своей тяжелой болезни, большей частью за границей (см. примеч. 3 к письму 1886).

[8] По-видимому, речь идет о деятельности М. Н. Каткова в качестве учредителя Лицея памяти цесаревича Николая Александровича в Москве. В июле 1867 г. проект устава Лицея был представлен М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым министру народного просвещения, а в августе того же года император Александр II дал согласие на присвоение Лицею наименования «памяти цесаревича Николая Александровича».

[9] Мнение Анненкова о «Бригадире» неизвестно.

[10] См. письмо 1978, примеч. 2, и примеч. 6 к письму 1995.

2008. А. И. Герцену (с. 201)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 92—93.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 191—193, с пропуском отдельных слов; полностью — *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 251—253.

Стр. 201. «Ни одной лишней» *(нем.).*
Стр. 202. «Ни одного слова лишнего» *(нем.).*
Стр. 202. «поклонов славянофилам» *(нем.).*
Стр. 202. «с чувством старой дружбы» *(нем.).*

[1] 7 (19) мая 1867 г. Герцен писал Тургеневу: «Я только что немного тебя ужалил за „Дым“ — а ты мне его посылаешь 〈. . .〉 Шуточная заметка моя идет не из злобы — я никогда не сержусь больше одной недели и даю слово, что мои зубы против тебя давно выпали» (*Герцен*, т. 29, кн. 1, с. 102). Герцен имел в виду свою заметку «Отцы сделались дедами», напечатанную в л. 241 «Колокола» (1867, 15 мая). В момент отправки романа к Герцену Тургенев еще не мог прочесть этой его заметки. В настоящем письме Тургенева речь идет, по-видимому, об одной из более ранних заметок Герцена о «Дыме» — «Omne exit in fumo» или «Новый роман Тургенева „Дым“» (*Герцен*, т. 19, с. 242 и 258).

[2] В письме Герцена «Ответ И. С. Аксакову» есть такие строки: «...я принялся за ответ вам на другой день, т. е. по старому календарю 25 марта. В этот день мне стукнуло *пятьдесят пять лет*» (Колокол, 1867, л. 240, 1 мая; *Герцен*, т. 19, с. 244).

[3] Под «разногодниками» Тургенев подразумевает младших

представителей демократического лагеря от Н. В. Шелгунова (род. в 1824 г.) и Н. Г. Чернышевского (род. в 1828 г.) до Н. А. Добролюбова (род. в 1836 г.), А. А. Серно-Соловьевича (род. в 1838 г.) и Н. И. Утина (род. в 1845 г.). В этой части письма Тургенев говорит не только о текущем моменте, но и о прошлом, в связи с чем в словах «благодаря нашему прошедшему» имеются в виду факты, сближавшие Герцена с Тургеневым и разъединявшие его с революционными демократами «Современника» (статьи 1859—1860 гг. «Very dangerous!!» и «Лишние люди и желчевики»). Сближал Герцена с Тургеневым и факт выступления молодых эмигрантов против издателя «Колокола» (см. письмо 2004, примеч. 10).

[4] Здесь Тургенев отвечает на упреки Герцена, выраженные в письме от 7 (19) мая 1867 г.: «Но что ты поддерживаешь Каткова — это больно видеть ⟨. . .⟩ Итак, сделаем счет и, если ты не очень осерчал — а сам захохотал над моей заметкой — напиши» (*Герцен*, т. 29, кн. 1, с. 102).

[5] В том же письме Герцен писал Тургеневу: «Я искренно признаюсь, что твой Потугин — мне надоел. Зачем ты не забыл половину его болтанья?» (*Герцен*, т. 29, кн. 1, с. 102).

[6] За исключением П. В. Анненкова, все критики романа «Дым» отнеслись к Потугину отрицательно.

[7] Первый биограф великого композитора чешский музыкальный писатель Ф.-К. Немечек сообщил о следующем разговоре Моцарта с австрийским императором после первого представления оперы «Похищение из сераля» (16 июня 1782, Вена). Иозеф II сказал: «Слишком прекрасно для наших ушей и ужасно много нот, мой милый Моцарт». Тот возразил: «Как раз столько нот, ваше величество, сколько необходимо». Этот эпизод вошел во все позднейшие биографии Моцарта (книга Немечека вышла в Праге в 1798 г.). Тургенев цитирует слова Моцарта по памяти. Тот сказал императору: «Grade soviel Noten... als nötig sind» (см.: Abert Hermann. W. A. Mozart. Erster teil. Leipzig, 1955, S. 736).

[8] В самом начале своего «Ответа И. С. Аксакову» Герцен писал: «Не разделяя большей части ваших мнений, я всегда уважал вас. Уважение между противниками, рознь, их делящая, естественно подымается в ту сферу, в которой можно высказываться без личностей и желчи, с грустью и сожалением в невозможности убедить — но без колкого, злого слова, укрепляющего еще сильнее спор . . .» и закончил следующим образом: «В прошлом письме я сказал вам, что одолжать противников случается не часто, но не часто случается нам уважать их так искренне, как я уважаю вас» (*Герцен*, т. 19, с. 244, 255). И. С. Аксаков был женат на дочери поэта Ф. И. Тютчева А. Ф. Тютчевой, которая была фрейлиной императрицы и отличалась большой набожностью.

[9] См. примеч. 11 к письму 2004.

2009. Н. А. Кишинскому (с. 202)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 И. С. Тургенева, № 45, л. 32—33. На подлиннике помета Кишинского: «Отв. 21 мая».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 253—254.

[1] Эти письма Н. Н. Тургенева и Кишинского неизвестны.

[2] См. письмо 1995, примеч. 6.

2010. Д. И. Писареву (с. 203)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9569.
Впервые опубликовано: *Радуга*, с. 211—214.

Стр. 204. «Никакой работой я не хвалился,
А что я изобразил — то я изобразил» *(нем.)*.

[1] В ответ на это Писарев писал 18 (30) мая 1867 г.: «Сцены у Губарева меня нисколько не огорчают и не раздражают. Есть русская пословица: дураков в алтаре бьют ⟨. . .⟩ Я сам глубоко ненавижу всех дураков вообще, и особенно глубоко ненавижу тех дураков, которые прикидываются моими друзьями, единомышленниками и союзниками. Далее, я вижу и понимаю, что сцены у Губарева составляют эпизод, пришитый к повести на живую нитку, вероятно для того, чтобы автор, направивший всю силу своего удара направо, не потерял окончательно равновесия и не очутился в несвойственном ему обществе красных демократов... При всем том „Дым" меня решительно не удовлетворяет. Он представляется мне странным и зловещим комментарием к „Отцам и детям"» (*Писарев*, т. 4, с. 424).

[2] Тургенев, очевидно, имеет в виду статьи о «Дыме», напечатанные в «Голосе» (см. примеч. 3 к письму 2007) и в «С.-Петербургских ведомостях» (1867, № 177 и 124, 30 апреля и 7 мая), т. е. в газетах, которые он получал в Баден-Бадене.

[3] Цитата из стихотворения Гёте «Künstlers Fug und Recht». Заключительный стих представляет собой перефразировку слов Пилата из Евангелия от Иоанна (XIX, 22).

[4] «Дело» — один из наиболее прогрессивных журналов того времени (официальный редактор — И. И. Шульгин, издатель и фактический редактор — Г. Е. Благосветлов), подвергавшийся жестоким преследованиям цензуры. В вышедших номерах были напечатаны статьи: Н. Щукина — «Сибирские воеводы» (в статье обличался произвол властей), Д. И. Писарева — «Взгляды английских мыслителей на умственные потребности современного общества» и «Образованная толпа», П. Н. Ткачева — «Производительные силы России», и др.

2011. П. В. Анненкову (с. 204)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 18—19.
Подлинник неизвестен.

Стр. 205. «всё ложно» *(франц.)*.

[1] «Невский сборник» (имеется в виду первый его том, вышедший в 1867 г.) включал: «Очерки обозной жизни» Ф. М. Решетникова, «Весною» Г. И. Успенского, а также оригинальные стихотворения и переводы В. С. и Н. С. Курочкиных, Д. Д. Минаева и др. Кроме того, в «Невском сборнике» был напечатан критический очерк Алкандрова (псевдоним А. М. Скабичевского) «О воспитательном значении произведений г.г. Тургенева и Гончарова». Второй том «Невского сборника» был запрещен цензурой. В письме к Анненкову от 16 (28) июня 1867 г. Тургенев резко отрицательно отозвался об этом сборнике (см. наст. изд., Письма, т. 8, № 2034. Там же в письмах 2089, 2145 и примеч. к ним см. об интересе Тургенева в последующем к творчеству писателей-демократов).

[2] Несколько ранее, 22 апреля (4 мая) 1867 г., Анненков сооб-

щал Писемскому: «Петербург в эту минуту читает „Дым“ и не без волнения. ⟨. . .⟩ Большинство испугано романом, который приглашает верить, что вся русская аристократия... есть мерзость» (Новь, 1888, № 20, с. 201).

[3] Имеется в виду А. С. Суворин, печатавшийся под псевдонимом Незнакомец. О романе «Дым» он писал в «Недельных очерках и картинках» дважды (см.: *СПб Вед*, 1867, № 117, 30 апреля (12 мая) и № 124, 7 (19) мая). О первом фельетоне см. примеч. 1 к письму 2007. Во втором из этих фельетонов А. С. Суворин писал: «Разве Литвинов — герой романа, тип? Тургенев сочувствует этому господину, желает выставить его с привлекательной стороны как образец для подражания...» Между тем, по мнению рецензента, Литвинов — «человек самый серединный из всех серединных. Смелости у него достает только на то, чтобы сказать, что у него нет „политических убеждений“».

[4] По-видимому, имеется в виду А. Н. Пыпин, в прошлом член редакции «Современника». С 1867 г. он начал печататься в «Вестнике Европы».

[5] Никаких стихотворных откликов на роман «Дым» в «Искре» не появилось. В статье без подписи «Тургенев и его критики» автор утверждал, что «Дым» «при сомнительном литературном достоинстве не имеет ровно никакого общественного социального значения» (Искра, 1867, № 22, 18 июня, с. 275).

[6] Речь идет о Славянском съезде в Москве в связи с открытием этнографической выставки (см. письмо 2014, примеч. 4 и письмо 2023, примеч. 3, 4; Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960, с. 156—259).

[7] Тургенев имеет в виду Всемирную выставку в Париже, которая открылась 20 марта (1 апреля) 1867 г. Из картин А. Е. Коцебу была экспонирована на этой выставке одна, а именно «Полтавское сражение 27 июня 1709 года» (иное название — «Победа под Полтавой»), за которую он и получил медаль (см.: Садовень В. В. Русские художники-баталисты XVIII—XIX веков. М.: Искусство, 1955, с. 109—111).

[8] Об этом Боткин писал Тургеневу 8 (20) мая 1867 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 265—266).

[9] Боткин писал Тургеневу 23 апреля (5 мая) 1867 г.: «„Дым“ еще читается, и мнение о нем не успело еще составиться. Вчера я был у Ф. И. Тютчева,— он только что прочел — и очень недоволен. Признавая всё мастерство, с каким нарисована главная фигура — он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всякое отсутствие национального чувства» (*Боткин и Т*, с. 264). Ф. И. Тютчев откликнулся на роман Тургенева стихотворением «Дым» (впервые опубликовано: *Отеч Зап*, 1867, № 5, кн. 1, отд. 1, с. 181—182), вслед за статьей Н. Н. Страхова «Новая повесть Тургенева». Уподобив творчество Тургенева лесу, окутанному дымом после появления романа, поэт закончил стихотворение словами надежды:

> Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
> И дымный призрак унесет с собой...
> И вот опять наш лес зазеленеет,
> Все тот же лес, волшебный и родной.

По этому поводу Тургенев вспоминал в 1880 году: «Сам Ф. И. Тютчев, дружбой которого я гордился и горжусь доныне,— счел нужным написать стихотворение, в котором оплакивал лож-

ную дорогу, избранную мною» (см. наст. изд., Сочинения, т. 9, с. 394). К 1867 году относится эпиграмма Тютчева «И дым отечества нам сладок и приятен!» (Голос, 1867, № 170).

2012. А. М. Жемчужникову (с. 206)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 97, л. 41.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 257.

Письмо датируется по содержанию. С середины мая до осени 1867 г. Жемчужников жил под Баден-Баденом на станции Оттерсвейер, откуда часто приезжал в Баден-Баден (см. неопубликованные письма Жемчужникова к Тургеневу из Оттерсвейера от 19 июня и 3 июля 1867 г.: *ИРЛИ*, № 5813). Об одном из этих приездов, очевидно, и говорится в письме. Упоминание об охоте позволяет предположить, что речь идет о той единственной охоте в летний период, о которой Тургенев сообщает Н. Н. Рашет 20 мая (1 июня) 1867 г. (см. письмо 2013). Приступы подагры, поездки в Россию, в Берлин, в Париж помешали Тургеневу заняться любимым делом до глубокой осени 1867 г. (см. письмо 2101). Записка помечена средой. Ближайшая среда к дате письма к Рашет от 20 мая (1 июня) 1867 г. приходилась на 17 (29) мая 1867 г. Этим числом и датируется записка.

Стр. 206. Мой дорогой друг, если я не был *(франц.)*.

2013. Н. Н. Рашет (с. 206)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 35.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 703.

[1] Имеются в виду критические отзывы о романе «Дым» (см. примеч. 2 к письму 2010).

2014. П. В. Анненкову (с. 206)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1894, № 1, с. 19—20.
Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Анненкова к Тургеневу неизвестно.
[2] См. примеч. 2 к письму 2010.
[3] См. примеч. 9 к письму 2011.
[4] М. П. Погодин выступил с речью на славянском обеде в Сокольниках 21 мая 1867 г. (см.: Голос, 1867, 25 мая (6 июня), № 143). Кроме того, он произнес речь при встрече славянских гостей в Москве (см. там же, 20 мая (1 июня), № 138). См. письмо 2011, примеч. 6 и письмо 2023, примеч. 3 и 4.
[5] Это письмо К. Д. Кавелина к Тургеневу неизвестно.
[6] Слова из Евангелия от Матфея, VI, 33.

2015. А. И. Герцену (с. 207)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 94—95.
Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 194—195.

[1] Письмо Герцена к Тургеневу от 25 мая н. ст. 1867 г. (*Герцен*, т. 29, кн. 1, с. 105—106; Колокол, 1867, л. 242, 1 июня).
[2] Второй отрывок из произведения Герцена «Без связи», под

названием «С того света», напечатанный в «Колоколе» (1867, л. 242, 1 июня) и впоследствии вошедший в состав восьмой части «Былого и дум» (см.: *Герцен*, т. 11, с. 447—452, 728).

[3] В отрывке «С того света» Герцен в шутливо-грустной форме писал об «умолкших тенорах» прошлого — людях, игравших в 30—40-е годы XIX в. заметную роль в искусстве или общественно-политической жизни своих стран, а теперь почти забытых, доживающих свои дни в бездеятельном одиночестве. Имя Тургенева в этом отрывке не упоминается. Но под впечатлением возобновления дружеских отношений с Герценом, вызвавших общие воспоминания об эпохе 40-х и 50-х годов, грустно-благожелательные и печально-насмешливые суждения Герцена об «умолкших тенорах» могли восприниматься Тургеневым как имеющие отношение и к нему.

Слова Эдипа — цитата из трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах»:

Видала ль на брегу, когда извергнут волны
От грозных бурь морских обломки корабля?

(Д. II, явл. 1).

«Перл созданья» — цитата из «Мертвых душ» Гоголя (т. 1, гл. VII).

[4] В письме от 25 мая н. ст. 1867 г. Герцен обратился к Тургеневу с такой просьбой: «Если ты совсем добр и не очень занят (написанное останется между нами) — напиши несколько слов о русском обществе, старом и молодом, официальном, этнографическом и тайнобрачном. Мы, вероятно, забыты, ну а вообще? Только напиши без иры и студии . . .» (*Герцен*, т. 29, кн. 1, с. 105).

[5] Г. Н. Вырубов с 1867 г. начал издавать в Париже журнал «Revue de philosophie positive» (издание прекращено в 1883 г.). Программа этого журнала была перепечатана Герценом в заметке «Положительная философия» (см.: *Герцен*, т. 19, с. 268). О Вырубове Герцен писал Тургеневу 8 июня н. ст. 1867 г.: «Во-первых, Вырубов очень милый и хороший человек, я его знаю года два. Он думал занять кафедру в Моск⟨овском⟩ унив⟨ерситете⟩ (адъюнктом по минерал⟨огии⟩) — но по доносу Каткова ему отказали. Он имеет состояние, и, вероятно, „Revue“ будет на его счет» (там же, т. 29, кн. 1, с. 117—118).

[6] Письмо 2004.

[7] См. примеч. 3 к письму 2007.

[8] Подразумевается стихотворение Ф. И. Тютчева «Дым» (см. примеч. 9 к письму 2011).

[9] Речь идет о Славянском съезде в Москве (см. примеч. 6 к письму 2011).

[10] Долгорукий — князь П. В. Долгоруков. В письме к Тургеневу от 25 мая н. ст. Герцен писал: «Республиканцу Долгор⟨укову⟩ я съябедничал» (*Герцен*, т. 29, кн. 1, с. 106). В ответе на настоящее письмо Герцен по этому поводу дал такое разъяснение: «Долгор⟨укову⟩ я litсплетничал твой эпиграф: „республиканец Д“» (там же, с. 118).

[11] В своей книге «Mémoires du prince Pierre Dolgoroukov» (Genève, 1867) П. В. Долгоруков писал: «Если князья Трубецкой и Николай Долгоруков и г.г. Тургенев и Головнин затеят со мной процесс, то я заранее предупреждаю их, что опубликую все наши разговоры, *ничего не утаивая*» (t. I, p. 336). В своем ответном письме (8 июня н. ст. 1867 г.) Герцен так охарактеризовал возмутивший Тургенева поступок Долгорукова: «Долг⟨оруков⟩ издавна

не делал таких гадостей. Русский человек слаб и неразборчив» (*Герцен*, т. 19, с. 118).

[12] Речь идет о старшей дочери А. И. Герцена, Н. А. Герцен.

2016. Д. И. Писареву (с. 208)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9569.
Впервые опубликовано: *Радуга*, с. 221—225.

Стр. 210. Если даже все, то я нет *(лат.)*.
Стр. 210. Вы золотых дел мастер, г-н Жосс *(франц.)*.

[1] Тургенев отвечает на письмо Д. И. Писарева от 18 (30) мая 1867 г. (см.: *Писарев*, т. 4, с. 423—425).

[2] Цитата из Библии (Бытие, IV, 9). Писарев писал: «У меня шевелится вопрос вроде знаменитого вопроса: „Каин, где брат твой Авель?“ — Мне хочется спросить у Вас: Иван Сергеевич, куда Вы девали Базарова? — Вы смотрите на явления русской жизни глазами Литвинова, Вы подводите итоги с его точки зрения, Вы его делаете центром и героем романа, а ведь Литвинов — это тот самый Аркадий Николаевич, которого Базаров безуспешно просил не говорить красиво. Чтобы осмотреться и ориентироваться, Вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тем как в Вашем распоряжении находится настоящая каланча, которую Вы же сами открыли и описали». Об отношении Писарева к творчеству Тургенева см.: Четунова Н. В спорах о прекрасном. Статьи. М., 1960, с. 62—101; Плоткин Л. Д. И. Писарев. М.; Л.: Гослитиздат, 1962, с. 177—187.

[3] Как свидетельствует приведенный выше отрывок из письма Писарева Тургеневу, он имел в виду именно Литвинова, а не Потугина. Тургенева, очевидно, смутило то обстоятельство, что Писарев в своем письме ни слова не сказал об образе Потугина в романе «Дым», вызвавшем тогда наибольшие споры среди читателей. В связи с этим, во избежание недоразумений, Тургенев еще раз подчеркнул неизменность своего отношения к этому герою.

[4] Ср. Евангелие от Марка, XIV, 29: «Петр сказал Ему: если и все соблазнятся, но не я».

[5] В своем письме Писарев упрекал Тургенева: «Не скрою также от Вас, что меня удивила и сильно покоробила в самом конце „Дыма“ одна глубоко фальшивая и неожиданно сладкая рулада. Вы, без сомнения, поймете, о чем я говорю». Речь идет о следующей фразе из XXVII главы «Дыма»: «... и только одно великое царское слово: „свобода“ носилось как божий дух над водами». В отдельном издании слово «царское» было исключено (см. наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 400 и 526).

[6] О своем одиночестве Писарев писал в том же письме (см. примеч. 1).

[7] Цитата из комедии Мольера «L'Amour-médecin» («Любовь целительница»): «Vous êtes orfèvre, Monsieur Josse, et votre conseil sent son homme qui a envie de se défaire de sa marchandise» («Вы — золотых дел мастер, г-н Жосс, и ваш совет — это совет человека, которому хочется сбыть свой товар» (1 действие, 1 сцена). См. наст. изд., Письма, т. 5, письмо 1553, примеч. 7.

2017. М. А. Милютиной (с. 210)

Печатается по тексту: *Рус лит архив*, с. 90—91, № 2.

Подлинник хранится в Библиотеке Гарвардского университета (США).

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1884, № 1, с. 176—177, № VI.
Датируется в связи с содержащимся в письме сообщением о предполагавшемся приезде Боткина в Баден-Баден 24 мая (5 июня) 1867 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 266).

Стр. 210. Человек предполагает, а Боткин располагает *(франц.)*

[1] Перефразировка поговорки: «L'homme propose et Dieu dispose» («Человек предполагает, а бог располагает»).
[2] Тургенев неоднократно читал в семье Милютиных свои произведения. По-видимому, в данном случае речь идет о чтении рассказа «Бригадир».
[3] Так Тургенев называл В. П. Боткина.

2018. **Полине Брюэр** (с. 211 и 285)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 134.
Впервые опубликовано: *Séménoff*, p. 175—176.

[1] Ср. письмо 1989, примеч. 2.

2019. **Н. А. Кишинскому** (с. 211)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 34—35. На подлиннике помета Кишинского: «Отв. 7 июня».
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 263—264.

[1] Письмо Кишинского и упоминаемые здесь описи неизвестны.

2020. **Н. А. Кишинскому** (с. 212)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 36—37. На подлиннике помета Кишинского: «Полу⟨ч⟩. 10 июня», «От⟨в⟩. 19 июня».
Впервые опубликовано: в отрывке — *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 50; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. VI, с. 265—266.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.
[2] Катушищи — имение И. С. Семенова (?) в Мценском уезде Орловской губернии, в пяти верстах от Спасского. В 1870 г. оно было куплено А. М. Щепкиным.
[3] О «детских деньгах» см. письмо 2019.
[4] Тургенево — имение Н. С. Тургенева в Чернском уезде Тульской губернии, в восемнадцати верстах от Спасского.

2021. **Людвигу Пичу** (с. 214 и 286)

Печатается по подлиннику: *DSB*.
Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Schlesische Zeitung, 1884, № 208, 22. März. Вторично: в оригинале — *Pietsch*, S. 42—43; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 56.

[1] 25 мая (6 июня) 1867 г. Пич выехал из Берлина в Париж на Всемирную промышленную выставку в качестве корреспондента от «Vossische Zeitung» и приехал туда 27 мая (8 июня) 1867 г. (см.: P i e t s c h L. Pariser Briefe, I. // Vossische Zeitung, 1867, № 137, 138, 15., 16. Juni).

[2] Тургенев встретился с Пичем только 6 (18) июня 1867 г. (см. письмо 2028).

[3] Тургенев, по-видимому, собирался дать Пичу рекомендации к своим французским друзьям — писателям и особенно художникам.

2022. Н. Н. Рашет (с. 214)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 36.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 704, с ошибкой в имени Валесроде.

[1] Валесроде был близким другом М. Гартмана. Очевидно, через последнего Тургенев и познакомился с Валесроде.

[2] Сведения о том же лице имеются в письме В. П. Боткина к Тургеневу от 25 сентября 1867 г. из Парижа: «Mlle Gordon вышла замуж, сделалась Mrs Warter — и живет теперь в Хересе (в Испании)» (*Боткин и Т*, с. 271).

[3] Тургенев намекает на продвижение Случевского по службе (ср. письмо 1985).

2023. А. Ф. Писемскому (с. 215)

Печатается по тексту первой публикации: Новь, 1886, № 23, с. 184.

Подлинник неизвестен.

[1] В письме к Тургеневу от 25 мая (6 июня) 1867 г. Писемский восторженно отзывался о «Дыме», называя его «величайшей и самой едкой сатирой» (*Писемский*, с 218). И продолжает далее: «Это говорю я ⟨. . .⟩ и все более умные, более образованные и более честные люди в Москве, но вся масса и челядь, именуемая читающей публикой, злится до бешенства. Петербургская журналистика тоже начинает урчать, но, по обыкновению, туманно, бездарно, бестолково...»

[2] См. примеч. 9 к письму 2011.

[3] Речь идет о первой этнографической выставке, открывшейся в Москве 23 апреля 1867 г. На выставке были представлены культура и быт шестидесяти народностей, населявших Россию. Славянские народы были выделены в особый отдел. Перечень всех экспонатов выставки содержится в «Указателе русской этнографической выставки, учрежденной Обществом любителей естествознания, состоящим при имп. Московском университете» (М., 1867). Писемский писал Тургеневу, что «глупее, бессмысленнее, пгрушечнее» этой выставки «трудно что-нибудь вообразить себе» (*Писемский*, с. 219). См. письма 2011, 2014.

[4] Тургенев имеет в виду слова из речи М. П. Погодина на Славянском съезде в Москве: «Пожелаем далее, чтоб наше нынешнее собрание было началом постоянных сношений на пользу науки, промышленности, торговли и колонизации и чтоб всеми нами был принят для общих целей один из славянских языков» (Голос, 1867, 25 мая (6 июня), № 143). Ср. примеч. 4 к письму 2014.

[5] 25 мая (6 июня) 1867 г. поляк Березовский совершил покушение на Александра II, находившегося со свитой в Париже по случаю открытия Всемирной выставки (см.: Голос, 1867, 27 мая (8 июня), № 144). 30 мая (11 июня) 1867 г. Александр II выехал из Парижа в Берлин через Баден-Баден.

[6] Тургенев отвечает на следующее место письма Писемского: «Пиэс моих не посылаю, потому что не решил еще вопроса, что их *безвредно* можно напечатать за границей» (*Писемский*, с. 219). Речь шла о пьесах Писемского: «Бойцы и выжидатели», «Бывые соколы» и «Птенцы последнего слета».

[7] Предисловие Тургенева к роману «Дым» впервые было опубликовано в книге: Дым. Соч. Ив. Тургенева. Изд. братьев Салаевых. М., 1868 (см. наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 408). Несмотря на то, что на титульном листе был указан 1868 г., книга поступила в продажу еще в начале ноября 1867 г. (см. письмо 2110). Ни в первой публикации предисловия, ни в несколько дополненном предисловии ко второму отдельному изданию романа Тургенев о славянофилах ничего не писал.

2024. Н. А. Кишинскому (с. 216)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 38—39. На подлиннике пометы Кишинского: «Полу⟨ч⟩. 10 июня», «Отве⟨ч⟩. 19 июня».

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 36—37; полностью — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 270.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

2025. Полине Виардо (с. 217 и 286)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 147—149.

[1] Берта Виардо, незамужняя сестра Л. Виардо, постоянно жаловалась на скверный парижский климат и вообще отличалась неуживчивым и придирчивым характером.

[2] Тургенев имеет в виду посещение Всемирной выставки.

[3] Перечисленные Тургеневым письма не обнаружены.

[4] См. письмо 2030, примеч. 1 и 2.

[5] См. письмо 2027.

[6] Имеется в виду картина Э. Пальяно «Эпизод сражения при Сан-Марино», демонстрировавшаяся на Всемирной выставке и получившая медаль III-й степени.

[7] Тургенев называет Зулуфом Л. Поме, который принимал участие в августе 1867 г. в постановке оперетты П. Виардо и Тургенева «Слишком много жен» в Баден-Бадене, в роли паши Зулуфа.

[8] См. примеч. 14 к письму 2027.

[9] См. примеч. 1 к наст. письму.

[10] Дворец Трокадеро был достроен лишь в 1878 г. ко Всемирной выставке 1878 г.

[11] На Всемирной выставке в Париже 1867 г., в которой участвовали почти все страны мира, были представлены разнообразные предметы быта, новейшие изобретения, произведения искусства и т. д. Всего было выставлено на Марсовом поле около 42 000 экспонатов (на Всемирной выставке в Лондоне 1862 г. было выставлено около 27 000). Ср. письмо 2027.

[12] По сравнению с другими странами Россия на выставке была представлена небольшим числом экспонатов, среди которых обо-

зреватели французской прессы выделяли в основном выставку лошадей (см.: Revue des Deux Mondes, 1867, livr. du 1-er juin, p. 711). См. примеч. 1 к письму 2028.

[13] Очевидно, это воспоминание отразилось в XI главке повести «Довольно», где речь идет о проведенном на берегу «нерусской реки» «ясном сентябрьском утре» с П. Виардо (река — очевидно, Оос, на которой стоит Баден-Баден): «О скамейка, на которой мы сидели молча, с поникшими от избытка чувств головами,— не забыть мне тебя до смертного часа!..» (наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 225).

2026. Максиму Дюкану (с. 218 и 287)

Печатается по машинописной копии, предоставленной А. Мазоном: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 173.

Подлинник хранится в Библиотеке Французского Института (Institut de France) в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*, т. 31-32, с. 670; во французском оригинале — Revue de Littérature comparée, 1947, № 4, p. 572.

[1] См. о Пэгазе письмо 1937, примеч. 11.

[2] Это письмо Полины Брюэр неизвестно.

2027. Полине Виардо (с. 219 и 287)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в библиотеке Гарвардского университета (США).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 99—100.

[1] Имеются в виду Г. Брюэр и его отец, который был нотариусом в Ружмоне.

[2] Речь идет о посещении Всемирной выставки.

[3] Всемирную выставку в Париже посетили многие правители как европейских государств, так и государств других частей света. Среди них был и Александр II, на которого на выставке было совершено неудачное покушение (см. письмо 2023, примеч. 5). Возможно, Григорович сопровождал кого-то из придворной знати.

[4] Впечатления, полученные Тургеневым от Всемирной выставки, отразились в его сценариях оперетт для П. Виардо: «Слишком много жен», «Последний колдун», «Людоед», «Зеркало», в которых содержалось немало сатирических намеков на Наполеона III (см. наст. изд., Сочинения, т. 12, в статье А. А. Гозенпуда «И. С. Тургенев — музыкальный драматург»). Восточная пышность, которой любил окружать себя император, была продемонстрирована и на этой выставке, где, как отмечалось даже во французской прессе, «преобладал восточный стиль...», а «императорский павильон походил на беседку султана» (Revue des Deux Mondes, 1867, livr. de 1 juin, p. 712).

[5] Об отношении Тургенева к творчеству Э. Мейсонье см.: Заборов П. Р. И. С. Тургенев и западноевропейское изобразительное искусство // Русская литература и зарубежное искусство. Сборник исследований и материалов. Л., 1986, с. 140. Однако, высказанное исследователем предположение, что оценка Тургенева «звучала, конечно, слегка иронически», не вполне убедительно. Тургенев скорее преувеличивал значение Мейсонье, аналогично тому,

как преувеличивал он и значение Пилоти, высказанное в этом же письме.

[6] Зулуф — шутливое прозвище Луи Поме (см. письмо 2025, примеч. 7). Тургенев приводит мнение Л. Поме, который в этом году выставлялся в парижском Салоне.

[7] См. письмо 2025, примеч. 6.

[8] Господин де Пурсоньяк — герой одноименной комедии-балета Мольера (1669) — незадачливый провинциал из Лиможа, приехавший жениться в Париж, которого ловко разыгрывают веселые парижане.

[9] См. примеч. 13 к письму 2025.

[10] См. письмо 2025, примеч. 1.

[11] См. письмо 2030, примеч. 2.

[12] 3 (15) июня 1867 г. Тургенев и его друзья присутствовали в театре «Варьете» на представлении оперетты Ж. Оффенбаха «Герцогиня Герольштейнская». Ее премьера состоялась 12 апреля н. ст. того же года. По справедливому утверждению А. А. Гозенпуда, положительная оценка Тургеневым этой оперетты — при отрицательном отношении к творчеству Оффенбаха — объясняется тем, что «в ней сатирически осмеян дух милитаризма и солдатчины» (см. наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 589).

[13] Тургенев иронически отзывался о выступлениях Г. Шнейдер и позднее (см. письмо к П. Виардо от 6 (18) ноября 1868 г.— наст. изд., Письма, т. 9).

[14] Г. Кудер (или Кудерк) считался одним из выдающихся комиков. В 1867 г. театр «Варьете» подписал с ним контракт на 6 лет, однако в 1868 г. он скоропостижно скончался.

[15] Вероятно, в не дошедшем до нас письме к Тургеневу П. Виардо описывала программу очередного музыкального утренника, которые она устраивала в Баден-Бадене на своей вилле.

[16] Речь идет о великом герцоге Баденском Фридрихе Вильгельме и его супруге Луизе Марии, дочери прусского короля Вильгельма I и королевы Августы, которые были частыми посетителями виллы П. Виардо в Баден-Бадене и поклонниками таланта певицы.

2028. Людвигу Пичу (с. 222 и 289)

Печатается по подлиннику: Институт марксизма-ленинизма *ЦК СЕПГ*, Берлин. На подлиннике помета Пича: «(июль 1867 Париж)».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 271.

Дата, указанная Пичем, неверна. Пич в качестве корреспондента «Vossische Zeitung» прибыл в Париж 27 мая (8 июня) 1867 г. (см. письмо 2021, примеч. 1). Еще находясь в Баден-Бадене, Тургенев договорился с Пичем о встрече в первый день своего приезда в Париж, в субботу 3 (15) июня (см. письмо 2021). В комментируемом письме Тургенев условился с Пичем о новом сроке для посещения Всемирной выставки, а именно: вторник 6 (18) июня. Письмо Тургенев мог написать только в понедельник 5 (17) июня 1867 г., так как в следующий понедельник — 12 (24) июня — он уже опять был в Баден-Бадене (см. письмо 2032).

[1] На тот же самый час и в том же месте Тургенев назначил свидание также и Ханыкову (см. письмо 2029). Совместное посещение с Тургеневым русского раздела выставки 6 (18) июня Пич описал в одной из своих корреспонденций в «Vossische Zeitung». В числе экспонатов они осматривали якобы «настоящую» русскую крестьян-

скую избу. Пич писал: «Тут представлено всё внутреннее устройство русского крестьянского домашнего быта, комната с иконами в углу, с деревянными лавками вдоль стен и широкой низкой печью из пестрого кафеля, растянувшись на теплой лежанке которой блаженный от водки крестьянин, предаваясь мечтам, так приятно умеет уходить от всевозможных нужд, забот и трудов. Снаружи, в передней, висят шубы, рабочая одежда, куртки хозяина дома, одежда и наряды жены, лежат рабочие и домашние инструменты семьи. Это чувственно-осязаемая, реальная иллюстрация главной части, по крайней мере места, тех захватывающих поэтических картин из крестьянской жизни своей родины, как их дала нам современная русская литература. Правда, великий ее представитель и мастер, обладающий глубочайшим умом и утонченными чувствами, вместе с которым я обозревал эти помещения, не очень хотел, чтобы подлинность этой копии слишком восхваляли: „всё сильно приукрашено, и вся эта русская изба надела красивый наряд pour l'exposition ⟨для выставки⟩“» (P i e t s c h L. Pariser Briefe, VI. // Vossische Zeitung, 1867, № 150, 30 Juni). Ср. также письмо 2034.

2029. Н. В. Ханыкову (с. 222)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64, л. 22.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 300.

[1] Речь идет о Всемирной выставке в Париже 1867 г.

2030. Полине Виардо (с. 222 и 289)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета, очевидно, рукой П. Виардо, в виде двух линий крест-накрест, что, по-видимому, означало, что письмо не предназначалось для печати. На полях против текста, касающегося г-жи Карвальо-Миолан, отчеркнуто, по-видимому, П. Виардо.

Дата письма определяется по помете Тургенева. Скорее всего оно написано после полуночи, то есть 7 (19) июня.

Впервые опубликовано (с некоторыми неточностями) во французском оригинале: *T*, *Lettres inéd*, p. 137—138.

[1] Речь идет об опере Ш. Гуно «Ромео и Джульетта», впервые поставленной на сцене Лирического театра 27 апреля н. ст. 1867 г.

[2] Французские музыкальные критики по-разному оценивали новое произведение Ш. Гуно. Если одни признавали его «вершиной драматической карьеры Гуно» (например, Г. Лавуа — цит. по: *T*, *Lettres inéd*, p. 138), то другие признавали оперу явно неудачной. Так, музыкальный критик влиятельного французского журнала «Revue des Deux Mondes» Анри Блаз де Бюри в статье «Шекспир и его музыкальные интерпретаторы» («Shakespeare et ses musiciens») считал, что в опере Гуно нет ничего «ни для сердца, ни для чувства, а лишь временами изящнейшие лакомства для ума», обнаруживал «полное отсутствие драматического действия, правдивости, колорита, оригинальности в обрисовке характеров...» Противопоставляя Гуно Берлиозу, который, по мнению критика, глубже проникся духом шекспировских трагедий, А. Блез де Бюри упрекал композитора в «вагнеризме», то есть в отсутствии мелодии и излишнем

нагромождении деталей и аксессуаров (Revue de Deux Mondes, 1867, livr. du 15 mai, t. LXIX, p. 438—461). Мнение Тургенева о новой опере Гуно перекликалось с высказанными несколько позже впечатлениями о «Ромео и Джульетте» П. И. Чайковского и Г. А. Лароша. Так, Чайковский писал, что все лучшее в этой опере «беспощадно украдено автором у очень близкого ему человека — у автора „Фауста“», т. е. у самого Гуно (*Рус Вед*, 1875, № 233). Г. А. Ларош также указал на «фамильное сходство» «Ромео и Джульетты» с «Фаустом»: «Партитуры этих двух опер — точно две сестры, из которых одна хорошенькая, а вторая нет, но притом обе представляют величайшее фамильное сходство, и один гран того вещества, которое в „Фаусте“ производило сильное действие, разбавлено в бочке воды и обильно приправлено сахаром» (Голос, 1873, № 38).

[3] Тереза — псевдоним Эммы Валадон, известной в свое время исполнительницы популярных песенок, к которым она иногда сама писала и слова и музыку. По сведениям А. Звигильского, Тереза была ученицей П. Виардо. Негативная оценка творчества этой певицы содержится в письме Тургенева к А. А. Трубецкой от 16 (28) марта 1865 г. (см. наст. изд., Письма, т. 6, № 1735).

[4] Очевидно, Тургенев имеет в виду успех г-жи Карвальо в роли Маргариты в опере Ш. Гуно «Фауст» и др. ее роли.

[5] Речь идет об оперетте Ж. Оффенбаха «Герцогиня Герольштейнская» (см. письмо 2027, примеч. 14).

[6] Цитата из Библии (Иезекииль, III, 19—20; XXXIII, 10).

[7] См. письмо 2028, примеч. 1.

[8] В Баден-Баден Тургенев вернулся 11 (23) июня, в воскресенье.

[9] Это письмо неизвестно.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

31. Доверенность Н. А. Кишинскому (с. 224)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 45, л. 21. Приложено к письму 1987.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. VI, с. 356.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА С 1(13) ЯНВАРЯ 1866 ПО 7(19) ИЮНЯ 1867 ГОДА

1866. Баден-Баден — январь — 13 (25) мая.
  Гейдельберг — 24 января (5 февраля).
 Париж — 14 (26) мая — 21 мая (2 июня).
  Ружмон — 16 (28) — 19 (31) мая.
 Баден-Баден — 22 мая (3 июня) — декабрь.

1867. Баден-Баден — январь — 17 февраля (1 марта).
 Берлин — 18 февраля (2 марта) — 23 февраля (7 марта).
 Петербург — 25 февраля (9 марта) — 7 (19) марта.
 Москва — 8 (20) марта — 31 марта (12 апреля).
  Серпухов — 11 (23) — 12 (24) марта.
 Петербург — 1 (13) апреля — 4 (16) апреля.
 Берлин — 6 (18) апреля.
 Баден-Баден — 7 (19) апреля — 2 (14) июня.
 Париж — 3 (15) июня — 7 (19) июня.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА[1]

---

[1] Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ[1]

---

[1] Имена лиц, являющихся адресатами писем Тургенева, напечатанных в настоящем томе, отмечены звездочками; отсылки на указатели других томов писем сокращены до указания лишь номера тома.

Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ[1]

Рус лит архив — Русский литературный архив, под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956.

Алексеев. Т — пропагандист — Алексеев М. П. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. // Труды отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. М.; Л., 1948, т. 1.

Dodillon copies — The Dodillon copies of letters by Turgenev to Pauline and Louis Viardot. Patrick Waddington, Department of Slavonic Studies, The Queen's University, Belfast, July 1970.

Dulong. Pauline Viardot — Dulong Gustave. Pauline Viardot tragédienne lyrique. Paris, 1987.

---

[1] В настоящем списке раскрываются условные сокращения, вводимые впервые. Сводный список условных сокращений, принятых в издании, см.: Письма, т. 18.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1866

1867

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили:
*М. П. Алексеев, А. И. Батюто, К. Ф. Бикбулатова,
Т. И. Бронъ, Н. П. Генералова, Т. П. Голованова, Р. М. Горохова,
Р. Ю. Данилевский, Т. П. Ден, П. Р. Заборов,
А. Звигильский, Е. И. Кийко, К. Леман-Шульце,
А. Н. Михайлов, Л. Н. Назарова, Н. С. Никитина,
М. Партюрье, Х. Раппих, А. С. Розанов,
Н. А. Хмелевская, Г. Цигенгайст, И. С. Чистова*

Редакторы седьмого тома

Н. П. Генералова и *Г. В. Степанова*

Редактор издательства *М. Б. Покровская*
Оформление художника *М. В. Большакова*
Художественный редактор *М. Л. Храмцов*
Технические редакторы *З. Б. Павлюк, Н. Н. Плохова*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, Л. И. Кириллова*

ИБ № 39153

Сдано в набор 10.06.88.
Подписано к печати 12.03.90.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 23,62. Усл. кр. отт. 23,73. Уч.-изд. л. 28,5.
Тираж 39 300 экз. Тип. зак. № 125
Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука», 117864, ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6